

Соммерфильд Сильвия Любовная капитуляция

OCR: tysia; Spellcheck: Федор

Роман в двух книгах. Книга первая /
Пер. с англ. В. Г. Забалуева и К. Т. Забалуевой. — М.:
Редакция международного журнала «Панорама»,
1995. — 208 с.

ISBN 5-7024-0236-7

© Sommerfield Silvie F., 1990

В романе повествуется о двух юных шотландских аристократках — Кэтрин и Энн Мак-Леод. Волею судьбы они лишаются не только своего состояния, но и прав. Этим пользуется фаворит, только что взошедшего на престол, короля: он хочет жениться на Кэтрин против ее воли. Подчиняясь монаршей прихоти, девушка вынуждена дать брачный обет, но не может смириться с ролью нелюбимой жены, так как Донован

Мак-Адам считает любовь сентиментальной выдумкой. Однако...

Роман в двух книгах. Книга вторая /
Пер. с англ. В. Г. Забалуева и К. Т. Забалуевой. —
М.: Редакция международного журнала «Панорама»,
1995. — 176 с.
ISBN 5—7024—0237—5
Sommerfield Siivie F., 1990

Брак молодых супругов Кэтрин и Донована Мак-Адама сначала не складывается — должно пройти время, чтобы они победили в себе гордыню, предрассудки, безосновательную ревность. Иная судьба у другой сестры, Энн, которой в основном посвящена вторая книга романа. Она полюбила высокопоставленного английского агента, пытающегося установить прочный мир между Англией и Шотландией. Эндрю Крейтон тоже любит Энн, но пока он не выполнит свою миссию, брак между ними невозможен. Удастся ли им в буре событий сохранить любовь и обрести счастье?

1

Англия, 1488

Сэр Уильям Френсис Эндрю Крейтон, стройный, отменно сложенный, мерял большими нервными шагами залу, чиркая шпорами по каменным плитам и даже не пытаясь хоть как-то приглушить этот звук.

Одинаково хорошо владея конем и мечом, он плохо переносил ожидание неизвестности. Он не любил ждать; кроме того, полуночный вызов к лорду Джеффри Спэрроу показался ему крайне подозрительным. Обычно за этим стояла неприятная новость или какое-нибудь головоломное поручение.

Сэр Эндрю был человеком с состоянием и занимал видное положение при дворе английского короля: он относился к числу немногих, кому доверял Джеффри Спэрроу, а за Джеффри, как всем было известно, стоял сам король.

До Англии дошли отголоски междоусобицы, сотрясавшей сейчас Шотландию: отец и сын сошлись в единоборстве за право на трон. Для Англии ее исход был исключительно важным, и при одной мысли об этом у Эндрю портилось настроение. Он чувствовал, что предстоящий разговор с Джеффри имеет прямое отношение к событиям в соседнем королевстве.

Всех его друзей поражало, что в свои тридцать три он не проявляет ни малейшей склонности к обзаведению семьей. Сэр Эндрю был образован и красив, но не рафинированной красотой придворных франтов: суровые черты лица, волевой, мужественный подбородок, из-под черных бровей пронизательно смотрели серые глаза. Два рубца на лице скорее придавали ему выразительность, чем портили его. Один шел от линии волос и обрывался на левой скуле, другой проходил по правой щеке. И тот, и другой — напоминание о его отчаянной храбрости, как, впрочем, и те многочисленные шрамы, которые покрывали его могучее тело; везде, где бы он ни появился, он становился центром притяжения для женщин.

К тому моменту, когда дверь сзади скрипнула, терпение его было на исходе, а потому он даже не повернулся. Прошло какое-то время, и густой, сочный смех нарушил тишину.

— Ах, Эндрю, Эндрю! Ты на меня зол, как я посмотрю. Неужели поздний час так плохо на тебя влияет? До сих пор до меня доходили прямо противоположные утверждения.

Эндрю обернулся. Бесконечно уважая Джеффри Спэрроу, он не мог долго на него сердиться.

Фамилия Джеффри¹ как нельзя лучше соответствовала его облику. Худой, с носиком-клювом, нависавшим над тонкой линией рта, он и двигался-то как птица, резко и как бы пугливо. Но острый взгляд его желтоватых глаз свидетельствовал, что в тщедушном теле живет блестящий и острый ум.

— Негодяй, — улыбнулся Эндрю. — Ну, говори, какой очередной подвох ты мне приготовил? Нельзя было дожидаться дня?

— Дорогой друг, днем ты будешь уже далеко отсюда!

— Далеко отсюда? Куда же ты собираешься меня отправить?

— В Шотландию, — последовал негромкий ответ.

Наступило долгое молчание, первым заговорил Эндрю:

— Надеюсь, мне предложат здесь немного вина? Признаюсь, я ожидал сюрпризов, но все же не таких.

Теперь улыбнулся Джеффри. На столе возвышался кувшин с вином и кубки, он наполнил два, один

¹ Sparrow — воробей (англ.).

протянув Эндрю, и с возгласом: «За мир между Англией и Шотландией!» — поднял свой.

— Оптимистический тост, — с сарказмом отозвался Эндрю. — Однако даже после него мне неясно, что же от меня потребуется.

— В Шотландии у меня есть человек... назови его шпионом, если хочешь. Последнее время меня начали одолевать сомнения в его верности, и вообще мне многое непонятно в его поведении.

— Так я должен шпионить за твоим шпионом. — Расхохотавшись, Эндрю допил кубок. — Избавь меня от этого, Джеффри, у меня нет охоты играть в такие игры.

— Это не игра, Эндрю, и я хотел просить тебя вовсе не об этом.

— Тогда ради всего святого, дружище, раскрой мне наконец завесу тайны.

— Тебе известно, каковы отношения между королем Яковом и его сыном?

— Разумеется.

— Кто бы из них ни взял верх, мы должны обеспечить мир между нашими двумя королевствами.

— Ни один из них не пойдет на это.

— Не следует судить скоропалительно.

— Ты всегда знаешь гораздо больше, чем считаешь нужным говорить. Ну, выкладывай, что ты там для меня приготовил.

И вновь Джеффри одарил его улыбкой, слишком ласковой на вкус Эндрю.

— Как насчет того, чтобы на время отказаться от ваших обычных надменных манер и немного поиграть в смирение и почтительную скромность, сэр Эндрю?

— Это кому же я должен демонстрировать свою почтительность, помимо короля и уважаемых мною людей?

— Ну, например, одному шотландскому лорду.

— Ха! Исключено!

— И все же тебе придется приложить все свои усилия для этого, Эндрю, ибо именно этого хочет король. Дело исключительной важности, и к тому же не терпящее отлагательств.

— Расставим все точки над «і», Джеффри. Кто этот господин?

— Лорд Эрик Мак-Леод.

— Почему именно он?

— Потому что с его помощью тебе необходимо пробраться к тому, кто одержит верх и займет трон. Видишь ли, лорд Мак-Леод сражается за Якова III, но проживает рядом с крепостью в Эдинбурге, так что если Яков IV будет одерживать верх, он вынужден будет для своей окончательной победы овладеть этим городом. И в том, и в другом случае ты сможешь приблизиться либо к тому, либо к другому претенденту на престол. Ты выедешь немедленно, одевшись попроще и победнее, так, чтобы никто не заподозрил твоего благородного происхождения. Вскоре ожидается решающее сражение. Ты должен присоединиться к людям лорда Эрика и сражаться рядом с ним. А дальше... дальше я полагаюсь на твою изобретательность. По мне, ты должен держаться как можно ближе к нему, чтобы оказаться в Эдинбурге в нужное время. Мы должны обеспечить мир, Эндрю, и от тебя зависит очень многое.

— А если у меня ничего не получится?

Джеффри мрачно посмотрел на Эндрю.

— Цена неудачи окажется чрезвычайно высокой. Тебе она может стоить жизни. Но ты у нас всегда был везунчиком.

— Ладно, положим. Что дальше?

— Дальше мне остается опять довериться твоему... э-э... богатому воображению и изобретательности.

— Покорнейше благодарен, — сухо сказал Эндрю.
— Твои комплименты начинают выводить меня из себя.

— Не беспокойся, в качестве слуги лорда Мак-Леода ты не будешь избалован похвалой.

— Мне от этого легче не будет. Как я могу стать слугой?

— Прояви толику смирения, Эндрю, — засмеялся Джефффри. — Может статься, это пойдет на пользу твоей бессмертной душе.

— О моей душе предоставьте заботиться мне, — пробормотал Эндрю.

— В тебя, Эндрю, я верю больше, чем в любого другого рыцаря при дворе. — Голос Джефффри стал предельно серьезным, взгляд его не отрывался от лица Эндрю. — Мы хотим избежать столкновения с этой страной, кто бы ей ни правил. Там должен быть человек, на которого мы могли бы положиться. Король спрашивал, есть ли у меня такой на примете, и я еще раз подтвердил свое полное доверие к тебе. Его величество полностью со мной согласился.

— Негодяй, — сказал Эндрю ворчливо. — Умеешь подластиться. Стоит ли удивляться после этого, что ты — правая рука короля.

— Так ты исполнишь наше пожелание?

— Я сделаю все, что смогу. Если же ничего не получится...

— У тебя не может не получиться. Ты слишком умен, чтобы дать обвести себя вокруг пальца какому-то там шотландцу.

Губы Джеффри вновь сложились в улыбку.

— Боже, остановись! Еще один комплимент, и меня разорвет от самодовольства, — рассмеялся Эндрю.

— Король и его подданные будут в неоплатном долгу перед тобой, если ты сумеешь с этим управиться. Будут спасены многие и многие жизни, Эндрю. А там... Там можешь не сомневаться, король продемонстрирует публичное благоволение к тебе более материальным путем.

Лицо Эндрю побагровело.

— Святой Господь, ты что же, думаешь, я пойду на это ради платы?

— Нет, Эндрю, и в голове не держал ничего подобного. Слишком уж хорошо я тебя знаю. Я всего лишь повторяю слова его величества, и — он шагнул к другому длинному столу у самой стены, — я должен предложить тебе это.

Он сдернул со стола покрывало, под которым лежал меч — и какой меч! Лезвие его мерцало в бледном свете. Лежавшие чуть поодаль ножны не были украшены обычными в таких случаях драгоценными камнями, рукоять была сделана все из той же гладкой стали, но у всякого знатока при одном взгляде на оружие захватило бы дух.

— Король крайне сожалел, что не может преподнести тебе меч в той великолепной отделке, какой ты, по его мнению, заслуживаешь. Драгоценные камни украсят ножны и рукоять меча сразу по твоему возвращению. Он велел передать его тебе как знак

милости, восхищения твоим мужеством, с пожеланиями успеха.

Эндрю какое-то время не мог ничего выговорить. Ему не нужны были пояснения, чтобы убедиться: перед ним истинный шедевр оружейного искусства. Он подошел к Джеффри и благоговейно поднял громадный обоюдоострый меч. Тот оказался настолько удобным, что казался продолжением его руки.

— Потрясающе! — выдохнул Эндрю.

— Я знал, что ты сумеешь оценить его.

— Когда я должен выехать?

— Чем скорее, тем лучше. События движутся к кровавой развязке, и каждая минута на счету. У тебя слишком мало времени на прощание, и я боюсь, что многие леди останутся неутешными по случаю твоего отъезда. Сочту за честь выразить им твои глубочайшие сожаления.

Эндрю ответил широкой ухмылкой, мгновенно преобразившей его лицо, добавившей в него тепла, которое, как солнце, осветило изнутри его суровую красоту.

— Я отправлюсь с рассветом. Это тебя устроит мой любезный, хотя и не в меру навязчивый друг?

— Вполне.

— Ну, полагаю, ты предложишь мне еще вина, и мы присядем, чтобы обсудить детали.

— Обсуждать нечего. — Джеффри засунул руку в карман камзола и вытащил небольшую связку бумаг. — Здесь все, что требуется. Внимательно прочитав все эти бумаги, ты, твердо запомнив их содержание, тут же их уничтожишь.

— Это надо понимать так, что существуют люди, которые... не разделяют твоих целей.

— Существуют... по ту и по эту сторону. Достаточно сильные для того, чтобы ты имел основания серьезно опасаться за свою жизнь. Скажу прямо, без оговорок: с некоторыми из наших связных произошли э-э... дорожные происшествия. И там, и здесь хватает посторонних ушей, и меньше всего я желал бы, чтобы сведения о твоём задании перестали быть секретом. Будь предельно осторожен, друг мой, осторожен и бдителен. Следи за каждой тенью и каждым шорохом и никогда не оставляй свою спину неприкрытой.

— Не беспокойся.

Эндрю сунул бумаги под рубаху, поближе к телу, затем взял меч, подержал, любуясь им, и вложил лезвие в ножны.

Джефффри протянул руку, и Эндрю пожал ее; так друзья выразили уважение и привязанность друг к другу, преданность стране и королю.

Погруженный в свои мысли, Эндрю скакал по темным и гулким улицам ночного города. Он не испытывал страха, но ощущение громадной ответственности, возложенной на него, тяготило. Привязав лошадь у дверей дома, он отправился наверх, чтобы подготовиться в дорогу.

Он не стал будить слуг, кроме старого верного Чарлза, состоявшего при нем со времен отрочества.

— Сэр, что значит вся эта спешка? Что-нибудь приготовить? Может быть, я должен вас сопровождать?

— Нет, Чарлз. Ты остаешься. Эту поездку мне придется предпринять в одиночестве. Приготовь лишь немного провизии. Я предполагаю, по возможности, скакать без остановок. Чем меньше людей меня увидят, тем лучше.

— Вы отправляетесь один?!

Чарлз был озадачен и обеспокоен. Он так долго служил сэру Эндрю, что у него в голове не укладывалось, как это хозяин может отправиться куда-то без него.

— Увы, да.

Эндрю сдержал улыбку, не желая обидеть преданного слугу.

— Когда ждать вас обратно?

— Это зависит от... от стольких обстоятельств, что лучше об этом не говорить. Позаботься обо всем здесь, Чарлз. Хозяйство и все мои дела оставляю в твоих надежных руках. — Наклонившись к слуге, он прошептал ему на ухо: — Я еду по поручению короля.

Что бы ни произошло, Эндрю мог быть твердо уверен в одном: о его делах от Чарлза никто и ничего не узнает, верный слуга скорее умрет, чем проговорится.

Чарлз стоял и смотрел, как Эндрю облачается в темно-коричневое поношенное платье, которое он надевал только в тех случаях, когда ему приходило в голову заняться физическим трудом или пофехтовать.

Закрепив меч на перевязи, Эндрю обернулся и чуть не расхохотался: такое недоумение и любопытство было написано на лице Чарлза.

Тот кивнул и застыл, прислушиваясь к удаляющемуся звону хозяйских шпор в прихожей и длинном коридоре, ведущем к двери. Подойдя к окну, Чарлз поглядел

сверху, как Эндрю затягивает подпругу и вскакивает в седло.

Он отправился в дорогу, снаряженный лишь совершенно необходимыми вещами, так что определить его принадлежность к высшему английскому дворянству было абсолютно невозможно, и, если бы с ним произошло что-то плохое, вероятнее всего, никто никогда не узнал бы, что с ним стряслось.

Копыта коня застучали по дороге, и скоро цокот их растворился в ночи. Чарлз стоял и смотрел в темноту, пока она не поглотила хозяина.

Пять недель спустя

Когда утром две армии с грохотом сошлись, солнце горело в голубизне небес как драгоценный камень. Теперь день клонился к вечеру, и верхушки холмов касались нижней части ослепительного диска. Клейкая листва переливалась в лучах заходящего светила, провозглашая приход поздней шотландской весны; изнурительная схватка близилась к завершению.

Немного в стороне, к северу от поля битвы, одинокий всадник, Яков III Шотландский, сухими, воспаленными глазами смотрел, как армия мятежников, возглавляемая его сыном, медленно, но верно идет к полной победе. Прозрачная вода речки окрасилась кровью бойцов, сохранивших верность своему королю. Рыцари и горожане стояли плечом к плечу и жертвовали своими жизнями во имя верности трону.

Яков III и поныне мог бы жить в мире и благоденствии, прояви он большую государственную мудрость или хотя бы способность удерживать в каких-

то рамках свою скупость, но безудержная жадность ввергла его в столкновение с могущественным семейством, живущих в приграничье, Хоумов, а союзниками последних стали не менее могущественные Хепберны и Мак-Адамы. Первым делом мятежники захватили Данбар и Стерлинг.

Король послал на битву самых близких своих друзей, готовых пойти ради него на смерть. Но час назад все стало ясно, и он почувствовал вкус поражения, подобный вкусу пепла. Он велел своим сторонникам покинуть поле боя, а сам в одиночестве взирал на ужас финальных аккордов проигранной битвы.

Конь, на котором он восседал, был крепок и вынослив и вполне мог доставить его в безопасное место, хотя сам всадник был в старых, потускневших от времени доспехах, одетых для маскировки.

Яков III понимал: битва окончена и, узнай его кто-то из врагов, никто и гроша не даст за жизнь венценосной особы. Его несколько утешало то обстоятельство, что он найдет убежище в Англии и, более того, сможет заново собрать там свои силы, чтобы вновь сразиться с противником... Да, именно так, хотя врагом являлся его собственный сын, изменивший отцу и домогавшийся короны... На глазах короля выступили слезы, и вчерашний владыка, скрипнув зубами, пробормотал страшное проклятье в адрес сына.

Спустя мгновение он расправил плечи и, развернув коня, с места пустил его в галоп; сильное животное несло его навстречу надежде, что с новыми силами и армией он сможет нанести сыну поражение и рассчитаться за ужас и унижение этого дня.

Узкая и грязная дорога, по которой скакал всадник, шла вдоль реки. Еще немного — и он добрался до брода. Отыскав переправу, король пустил лошадь прямо в реку, взметнув столб брызг; конь, чувствуя, как неуверенно всадник держит поводья, встревоженно захрапел. На другой стороне реки располагалось несколько домов, и он предполагал миновать их, не останавливаясь, но судьба рассудила иначе. За ближайшим поворотом ему попались две женщины, несущие воду из колодца. Когда перед ними возник всадник на бешено несущемся коне, обе они взвизгнули, испуганная лошадь встала на дыбы, суча передними ногами по воздуху, и седок с тяжелым стуком рухнул на землю. Испуганная лошадь поскакала дальше, а две невольные виновницы происшедшего боязливо приблизились к лежащему на земле человеку.

— Мама! — воскликнула та, что помоложе.

— Тсс! — осекла ее женщина постарше и опустила на колени перед лежащим.

Яков с величайшим трудом открыл веки; он попытался заговорить, но не смог.

— Беги за отцом, — приказала пожилая женщина.

Через минуту-другую девушка вернулась с отцом, и они втроем с величайшим трудом перенесли незнакомца на траву. Когда удалось стащить с его головы шлем, крестьянин остолбенел.

— Король! Нужно помочь ему.

Но сразу же после его слов раздался приближающийся топот. Женщины бросились на дорогу, чтобы задержать всадников. С облегчением они разглядели, что один из них одет в длинные одежды и рясу и, судя по всему, является служителем церкви.

— Отец! — закричала она. — Святой отец!

Тот свесился с седла.

— Что ты хочешь сказать мне, женщина?

— Это прямо-таки благословение Господне, что вы оказались здесь, святой отец. Тут один рыцарь упал с лошади и разбился. Муж опасается, что он при смерти и ему нужен священник.

Незнакомцы обменялись взглядами, в которых сквозил азарт погони. Лжепастырь направился за женщиной к лежащему на земле королю.

— Оставь нас! Если он захочет исповедаться, чтобы получить отпущение, нам необходимо побыть с ним наедине.

Глава семейства поднялся с колен, оставив короля лежать. Прищурившись, он смотрел на того, кто отдал ему приказ, и тут же, с выступившей на лбу испариной, заторопился к жене и дочке и, ухватив их за руки, поволок прочь.

— Живо, — хрипло шептал он. — Нам здесь нечего делать.

«Священник» стал на колени, не удержавшись от торжествующей улыбки. Вот тот, кого они ловили и неожиданно быстро и легко заполучили в свои руки! Голова короля была свободна от шлема, его густые волосы смялись, на лбу мерцали капельки пота, глаза — полуоткрыты. Но преследователь узнал его с первого взгляда, даже в неверном свете угасающего дня.

«Священник» склонил голову и вытащил из-под рясы длинный и тонкий кинжал. Старые доспехи были расстегнуты на груди, и именно туда сильная и жестокая рука нанесла короткий удар. Глаза короля раскрылись, и он узнал убийцу, с его именем на устах он умер.

«Священник» завернул короля в плащ и оставил мертвое тело, приблизившись к маленькому семейству, безмолвно стоявшему в отдалении.

— Он скончался, но успел очистить душу на исповеди. Мои люди позаботятся о нем, так что можете идти по своим делам, дети мои.

Те кивнули, глядя, как закутанные в плащи люди уносят труп.

Когда замолк стук копыт, глаза девушки вопросительно устремились на отца, но тот лишь смог выдохнуть:

— Это был никакой не священник... И нужно как можно скорее сообщить о том, что произошло Доновану Мак-Адаму.

2

Тело короля спрятали в лесу неподалеку от Саучиберна. Его убийца поскакал дальше, а его сообщники под покровом темноты вернулись в лагерь нового короля — Якова IV. Все трое обязались хранить молчание о преступлении, ибо сын покойного монарха надеялся, что отца вот-вот найдут и доставят к нему; он должен, был, как можно дольше оставаться в неведении.

Смежив веки, Яков лежал в палатке, над которой развевался королевский флаг. Он спал прямо в одежде, изможденный и обессиленный, и сон его был сладок. Рядом, свернувшись калачиком, спал как убитый молоденький паж.

Шевельнувшись, Яков открыл глаза. Он уснул каких-нибудь двадцать минут назад, и когда приподнялся, чтобы сесть, тело и сознание запротестовали против такого насилия над плотью. Новый король был

озадачен, не понимая, что могло пробудить его. Оглядевшись, он мельком посмотрел на сладко дремлющего пажа и улыбнулся, пусть поспит еще пару минут. В эти блаженные мгновения он сможет побыть наедине с собой и своими мыслями.

Он встал, и любому непосвященному стало бы сейчас ясно, что перед ним король: он глядел, двигался и вел себя как человек, рожденный царствовать над другими людьми. Теперь, ко всему прочему, ему предоставлялась возможность во всем блеске проявить свою энергию, силу и государственную мудрость. Он обладал бесценным даром завоевывать популярность, а монархия была для него всем — остью, вокруг которой вращается жизнь целого народа.

Яков обладал крепким, сильным телом и живым, пытливым умом, но над всем главенствовала его решимость править и властвовать, добиваться исполнения закона и быть королем не только номинально.

Единственное, что терзало его сознание и мешало уснуть, — мысль о том, где сейчас отец и что с ним. Больше всего на свете его страшила мысль, что отец может погибнуть раньше, чем его отыщут и доставят к нему. Он не хотел брать грех отцеубийства на свою душу, а потому разослал по всем направлениям своих людей с категорическим приказом найти смещенного монарха и доставить его в лагерь целым и невредимым.

И вновь он попытался вспомнить, что разбудило его ото сна. Он заметил, что стопка бумаг на столе разворошена. У кого-то хватило наглости зайти в его шатер, пока он спал. Король невольно ухмыльнулся. Либо это отчаянная храбрость, либо отчаянная глупость;

определить, что именно имело место, не представлялось возможным. Странно, ведь в бумагах не содержалось ровным счетом ничего, о чем незванный гость не мог узнать, прямо спросив об этом их хозяина. Яков держал за правило всячески поощрять преданность и верность, и мало кто не был об этом наслышан. Слабейшие хватались за это его качество как за спасательный круг, сильнейшие могли вкушать его благоволение и любовь, немало гордясь этим. Итак, это был кто-то, кому он всецело доверял, — никто другой не осмелился бы войти в королевскую палатку. Придя к такому выводу, Яков вздохнул и расправил плечи. Под его знаменами служили и люди, оказавшиеся изменниками, и при их представлениях о чести они могли предать и его самого, подвернись для этого благоприятный случай.

Он подошел к столу, взял лежавшие на нем бумаги и, вернувшись к кровати, решил заново перечитать их. Подложив под спину несколько подушек, он стал смотреть бумаги в том порядке, как они лежали. Ему доставило глубокое удовлетворение сопоставление того, что он планировал, с тем, чего уже удалось добиться.

Яков вспомнил о самом верном и самом надежнейшем из своих подданных — Доноване Мак-Адаме. Ему он поручил самую важную задачу, питая к нему особое доверие, которое тот не раз оправдал.

Как на ладони он увидел перед собой долины Шотландии и гористый край, за которым лежала Англия. Подумал он о Данбаре и Хейлсе, двух городах, из которых Данбар, укрепленный порт, являлся ключом ко всей Шотландии. Верное чутье подсказывало ему, что Патрик Хепберн уже взял эти города, и ему самое время идти на столицу — Эдинбург. Овладев в

кровавой войне этими ключевыми пунктами, далее он сможет распространить свою власть и на Глазго. Не сомневался он и в том, что Донован Мак-Адам сумеет в полной мере оценить ущерб, нанесенный стране мятежом, поможет ему восстановить прежнее благополучие и создаст надежный фундамент для его царствования.

Нужны были люди вроде Донована, чтобы удержать под властью короля пограничье. Вне всякого сомнения, в Англию уже во весь опор неслись всадники с вестью, что мятежники под предводительством молодого принца одержали сегодня победу, и теперь Англии, хочет она или нет, придется иметь дело с человеком, занявшим трон прочно и надолго. Вместо пугливого и боязливого союзника Генриху Тюдору придется иметь дело с владыкой, которого нельзя ни купить, ни запугать и которому придется отдавать королевские почести.

Яков был отлично сложен и красив: волосы отливали каштановым цветом, в глазах таились сила и уверенность.

Неожиданно в палатку короля вошли двое.

Один был рослым, мускулистым человеком с густой бородой — лорд Дуглас, второй — Джон Флеминг, человек с глазами, шныряющими по всей комнате: по столу, по постели, где Яков оставил бумаги, пока наконец они не остановились на короле.

Молчание пришедших раздражало Якова. Он послал их на поиски отца сразу же после сражения и теперь с нетерпением ждал новостей.

— Ну, господа? — Его голос звучал обманчиво тихо. — Вы отправились несколько часов назад, что же вы имеете мне сообщить?

Лорд Дуглас покачал головой.

— Пока никаких известий, сир.

Флеминг улыбнулся, чтобы привлечь к себе внимание короля, и негромко добавил:

— Ваш отец бежал, ваша милость. Он, сломя голову, помчался в поисках укрытия, вероятнее всего, в направлении границы с Англией, как какой-нибудь трусливый...

Голос его застыл, а улыбка сошла с губ при виде того, как окаменело и наполнилось яростью лицо Якова. Король не мог перенести, чтобы кто-то позволил себе говорить об его отце в таком тоне. Яков-старший от природы отличался милосердием, но его сын вовсе не собирался быть таким же снисходительным.

— Вы дали указание разыскать вашего отца, сир, и мы приложили все усилия. Его обязательно найдут. Вы приказали, чтобы он был доставлен живым и невредимым, и едва ли среди ваших подданных найдется хоть один, который осмелится нарушить вашу волю. Мы его отыщем.

— Так, — тихо сказал Яков. — Вы перекрыли все дороги, по которым можно ускользнуть?

— Да, ваша милость.

Король ничего не ответил: его обуревали самые противоречивые чувства. Он был до предела уязвлен, вскользь высказанным, упреком отцу в трусости и малодушии, но сейчас его пьянило ощущение победы. Действительно, в ожесточенной борьбе он отвоевал у своего отца престол; теперь перед ним стояла задача не в пример более трудная — любой ценой удержать власть. И он понимал, что люди, изменившие отцу, при случае не погнушаются изменить и сыну! Что ж, он

заставит их плясать под свою дудку, преподнесет урок суровый и решительный. Он будет королем, знающим, как надо править.

— Патрик и Донован в Эдинбурге, чтобы приготовить мне королевский замок. Пора вступать в права владения, господа.

— Мы отправляемся прямо сейчас, сир?

— Да.

— И даже не станем ждать известий о вашем отце?

— Эти известия в любом случае дойдут до меня. Не вы ли заверяли, что найдете его во что бы то ни стало? Готовьтесь к отъезду, через час мы выступаем.

Это был приказ короля, и присутствующие не осмелились выказать колебание или нерешительность; они лишь обменялись короткими взглядами, поклонились и вышли.

Яков вновь остался один. Он так надеялся получить известия об отце, точнее, одно известие — что тот жив и невредим. Он собирался овладеть тронem, но не совершать преступление, которое камнем лежало бы на его душе всю жизнь. Он расправил плечи, шагнул к выходу из шатра и взглянул на лагерь, похожий после команды к сборам на разворошенный муравейник. И вновь он вспомнил о Патрике и Доноване Мак-Адаме, которые должны были захватить Эдинбург и дожидаться там его прибытия. Отчего им овладело внезапное чувство, что, кроме этих двух людей, ему, возможно, не на кого положиться?

Яков скакал во главе войска к Эдинбургу, не подозревая о незначительных, казалось бы, происшествиях, случившихся в различных местах королевства, — происшествиях, которым суждено было

оказать самое серьезное влияние на весь ход его царствования.

Городской центр Эдинбурга казался обезлюдевшим. Лавки и мастерские закрыты и забаррикадированы, жители, способные носить меч, ушли, чтобы сражаться за своего короля, Якова III. Дома наглухо затворены, и свет не пробивался сквозь закрытые ставни. Зловещая тишина, словно глубокой ночью, нависла над городом. Замок был тоже пуст, воины ушли вслед за королем, и многих из них уже не было в живых. Улицы безлюдны, одни духи и приведения бродят по ним.

Большие, нарядные дома в богатом квартале, где жили аристократы, заперты на засовы. Внутри молчаливые женщины ждали весточки от близких: ведь исход битвы был еще не известен.

В одном из домов, в комнате с обшитыми дубовыми панелями стенами оставались две девушки. Вот уже какое-то время они не проронили ни слова, будучи поглощены мыслями о брате и представляя себе, как он с мечом в руках сражается в водовороте свирепой схватки.

Одна из них напоминала нежный цветок: бледная, с кремовой кожей и вьющимися черными волосами, заплетенными вокруг головы в тяжелую косу. При первом же взгляде на нее возникало ощущение хрупкости. Широко раскрытыми фиалковыми глазами она следила за движениями второй девушки — та, не находя себе места, мерила из угла в угол комнату широкими, нервными шагами.

— Метаться по комнате, как тигрица по клетке — толку мало, — сказала брюнетка. — Новости от этого быстрее не придут.

Кэтрин Мак-Леод резко остановилась и обернулась. Если первая девушка казалась воплощением утонченности и нежности, то Кэтрин была само пламя и порыв. Ее темно-каштановые волосы переливались в отсветах слабо горящего камина, а на решительном, украшенном румянцем лице блестели зеленые глаза.

— Боже, как бы мне хотелось быть мужчиной! Тогда бы я поскакала с ними.

— Но ты же не мужчина.

— Проклятье! Хоть бы кто-нибудь принес одно словечко! Вдруг он сейчас лежит раненый на поле?

— Кэтрин, все, что мы можем сделать, — это ждать.

— Прошло уже столько часов с того момента, когда сообщили, что вот-вот начнется схватка. Наверняка она уже закончилась!

— О Боже, Кэтрин! Я так боюсь!

Кэтрин взглянула на младшую сестру, и лицо ее смягчилось:

— Ты нездорова, Энн: так полностью и не оправилась от лихорадки. Почему бы тебе не спуститься вниз и не лечь в постель?

— Я все не могу поверить, Кэтрин. У нас ведь тоже семья, и мы все любим друг друга. Как это возможно — сыну восстать против отца... против своего короля?!

— Для меня это тоже за гранью понимания. Ему, конечно, отчаянно хочется стать королем, но этому не бывать.

— Кэтрин, ну а если...

— Не надо об этом!

— Но вдруг король и вправду будет разбит? Что... что тогда должно произойти?

— Не тревожься, Энн. От плохих мыслей ты только еще больше расхвораешься. В конце концов вряд ли сын короля будет воевать с женщинами.

— Но он здесь так или иначе объявится!

— Разумеется, если он хочет быть королем. Эдинбург слишком важный город, чтобы не побывать в нем. Но он здесь встретит совсем не тот прием, на который рассчитывает.

— Но если Эрик... Что с нами сделает новый король?

— Энн, успокойся, ляг и отдохни. Эрик страшно расстроится, когда, вернувшись, найдет тебя такой.

— Пожалуй, я и в самом деле прилягу, — сказала Энн и с трудом встала.

Кэтрин хотела было проводить ее, но в голове у нее мелькнула мысль: если новости не приходят, нужно отправиться им навстречу и разузнать, чем кончилось сражение и что с братом.

Как только дверь за сестрой закрылась, девушка подбежала к окну, распахнула ставни и глянула вниз па булыжную мостовую. Пусто. Она вихрем выбежала из комнаты, второпях оставив дверь открытой.

Внизу царила угрюмая тишина. Распахивая настежь все попадающиеся на пути двери, Кэтрин домчалась до кухни, где располагались люди, оставленные для их охраны. Когда она внезапно влетела в помещение, те вопросительно подняли головы.

— Оседлайте для меня лошадь. Если новостей нет, будем охотиться за ними сами.

Странная это была армия защитничков: конюхи, домашние слуги, цирюльник, портной и три воина при оружии.

— Госпожа, сейчас опасно куда-либо выезжать, а женщине тем паче. На дороге ничего не стоит наткнуться на воров и разбойников, поэтому лучше бы подождать...

— Я не спрашивала твоего мнения, Энгус. Седлай мне лошадь! Если ты намерен следовать приказу брата и заботиться о моей безопасности, можешь ехать со мной, — бросила она в лицо вскочившему конюху и, развернувшись, собралась было удалиться.

— Госпожа Кэтрин, госпожа Кэтрин! — бросился ей вслед слуга.

— Мой брат, может быть, ранен, а может быть, мертв! А ты хочешь, чтобы мы сидели тут?

— Да. Именно это и приказывал перед отъездом наш брат. Вы остаетесь в доме, а мы охраняем вас и вашу сестру, — обиженно ответил тот.

— Тогда оставайся и охраняй сестру. Мне хватит одного сопровождающего, остальные вольны оставаться здесь. Ну а если никто не хочет со мной ехать, я поскачу одна.

В глазах ее сверкнула решимость.

Энгус знал, насколько опасна эта затея. Но он знал также, что невозможно переубедить Кэтрин, если та что-нибудь решила. Она одна могла переупрямить дюжину. Он невольно улыбнулся, та тоже улыбнулась в ответ; застегнув перевязь меча, он неохотно отправился за ней.

В конюшне лошади стояли под седлами. Энгус помог Кэтрин сесть верхом, затем сам вскочил на лошадь. Они промчались по городу, и Кэтрин почувствовала, как

томление неизвестности отступает. Она скакала, высоко подняв голову, свободно держась в седле; сквозь запертые ставни за ней наблюдали люди. Она им покажет, что такое смелость и достоинство Мак-Леодов! Она докажет, что ничего не боится!

С грохотом всадники проскакали по булыжной мостовой к городским воротам; те были открыты и оставлены без присмотра. Только при виде неохраняемых, распахнутых настежь ворот, Кэтрин осознала, на какой безрассудный поступок она отважилась, но решительно поскакала на юг. Дорога лежала перед ней, прямая, как стрела.

Они отъехали от города на три мили и одолели длинный, крутой подъем, когда зрелище, открывшееся перед ними, заставило их дернуть за поводья так резко, что лошади испуганно захрапели и встали на дыбы: на горизонте показался большой отряд всадников; знамена веяли на ветру, на солнце сверкали начищенные доспехи.

— Тысячи две войска, — угрюмо сказал Энгус. — Даже с учетом того, что нас двое, а вы во главе, соотношение сил не вполне в нашу пользу.

— Тише, Энгус! — огрызнулась Кэтрин. — Чьи это знамена?

— Госпожа, опасное это место для молоденькой девушки. Следовало бы все-таки дождаться сообщений об исходе битвы, прежде чем выезжать в путь, — вместо ответа недовольно пробурчал слуга.

Даже отсюда Кэтрин могла видеть, как быстро и уверенно скачут всадники. Далекий топот, похожий на шум моря, наполнял прозрачный воздух, но, по расчетам Кэтрин, у них была в запасе еще куча времени, так что

они сто раз успеют повернуть и укрыться и безопасном месте.

— Это не войска его величества, — заключил в конце концов Энгус.

— Откуда ты знаешь?

— У него не было такого количества кавалерии. Это люди с пограничья. Я слышал о них: не тот это народ, с которым стоит шутики шутить.

Кэтрин ни разу не доводилось видеть Энгуса до такой степени встревоженным; сама она, однако, не испытывала никакого страха. Ее одолевало лишь беспокойство за брата, и, кроме того, она надеялась, что женщина с ее положением и именем будет чувствовать себя в безопасности, даже оказавшись в руках противника.

— Слишком уж густой лес рядом с нами, — нервно продолжил Энгус, не разделявший хладнокровия своей госпожи.

— Лес? — переспросила Кэтрин.

Действительно, но правую руку от них и вдоль дороги разрослась роща молодых, но густых деревьев.

В какой-нибудь миле от них на вершине холма неожиданно показалась группа всадников. Теперь уже не могла не встревожиться и Кэтрин. Она дернула за поводья, развернула лошадь, и тут слева, из рощи, последовало неожиданное нападение, которого и боялся Энгус. То были пехотинцы разгромленного войска, беспорядочно отступающие к городу.

Решив, что перед ней обыкновенные мародеры, нападающие лишь на тех, кто слабее, она попыталась прибегнуть к кнуту, чтобы отбиться, но безуспешно: не прошло и минуты, как она уже стояла на земле. Кэтрин

продолжала бы сопротивляться до конца, как вдруг узнала среди «грабителей» нескольких друзей своего брата. Эти люди шли на поле боя, и у Кэтрин сжалось сердце: она поняла, что армия короля разбита. Страх за судьбу брата пронзил ее, и ей пришлось прикусить губу, чтобы не закричать.

Но тут она увидела, что небольшой отряд, напавший на нее и Энгуса, окружили вооруженные всадники.

— Как вы смели напасть на нас из засады, как разбойники? — спросила она приятеля брата, оказавшегося рядом.

Краска стыда выступила на его лице.

— Мы проиграли, леди Кэтрин, — сказал тот вполголоса. — Нам нужны были лошади, чтобы прорваться!

Взгляды всех устремились в сторону человека, который, несомненно, был предводителем окружившего их отряда. Сосед Кэтрин, поколебавшись, шагнул вперед и объявил:

— Это леди Кэтрин Мак-Леод, а я — сэр Роберт Кемпбелл.

С этими словами он вытащил свой меч и протянул его победителям ручкой вперед. Всадник наклонился, чтобы забрать меч. Затем он какое-то время хранил молчание, рассматривая Кэтрин и Роберта, потом холодно объявил:

— Вы арестованы, сэр, за участие в мятеже против шотландского престола.

— Я сражался за моего короля, как вы за своего. Едва ли это можно назвать мятежом, — парировал Роберт, но без сопротивления позволил двоим воинам увести себя.

Кэтрин проследила за ним, затем перевела глаза на незнакомца. Она не могла рассмотреть его толком — на нем были блестящие стальные доспехи, а через прорези шлема видны были лишь серые глаза и небольшая часть загорелого лица. Никто не называл его по имени, и, хотя Кэтрин не привыкла прибегать к услугам незнакомых людей, сейчас ей пришлось усмирить свою гордыню.

— Мой брат — лорд Эрик Мак-Леод. Не могли бы вы сообщить мне, сэр, жив ли он и что с ним?

Серые глаза остановились на ней, и словно ток пробежал по ее телу, пугая и возбуждая. Это был не страх, а скорее странное и острое волнение.

— Он ускользнул от нас... пока.

Неторопливо спешившись, незнакомец подошел к ней вплотную. Когда рука его потянулась вверх, чтобы стащить с головы шлем, Кэтрин чуть не задохнулась — от него веяло такой силой и мощью, как от костра веет жаром. И вновь серые глаза застыли на девушке.

Он стоял, высокий и стройный, на целый фут выше ее, с рыжевато-золотистыми волосами, в ореоле солнечных лучей, с широко посаженными глазами и тонко очерченным ртом; от ширины его плеч захватывало дух. Кэтрин не могла не заметить, что он красив суровой мужской красотой... и очень, очень устал. Она разглядела густую щетину на его лице и глубокие складки у рта.

— Вы изменник! — сорвалось с губ Кэтрин.

— Да?! Потому что предпочел служить иному королю, нежели вы?

— Якову-младшему, возможно, и удастся захватить трон, но ему никогда его не удержать.

— Увидим, — сказал тот. — Как ваше имя?

— Леди Кэтрин Мак-Леод, если у вас слабая память.

Девушка надменно подняла подбородок.

— Странное место для встречи с благородной леди.

— Незнакомец насмешливо улыбнулся. — Вы что же, собирались с мечом в руках сражаться в одном ряду с вашими мужчинами?

Его манера разговора привела Кэтрин в бешенство.

— Кто вы? — требовательно спросила она.

— Донован Мак-Адам, — ответил тот, затем коротко и властно скомандовал: — Помогите леди Кэтрин сесть в седло.

— Я не поеду с вами! Я не поведу ваших бандитов в наш город.

— Отныне этот город не ваш, а короля, и вам придется повиноваться.

Кэтрин буквально трясло от гнева; во что бы то ни стало, следовало доказать этим мужланам, с кем они имеют дело. Она взмахнула хлыстом, и, прежде чем Мак-Адам успел что-либо понять и защититься, удар кожаной плетью наискосок лег на его лицо, задев краешек рта и оставив рубец, вероятно, на всю жизнь. Два воина в ту же секунду бросились к ней, вырывая хлыст. Сверкая глазами, Кэтрин взглянула на него, восхитительная в своем неудержимом гневе; на лице Донована отразилась смесь бешенства и восхищения: девушка была не просто красива, она была неотразима в своем порыве. И тут его озарило: он понял, как ему расквитаться за этот удар...

— Что же вы не зовете своих псов-изменников, чтобы они защитили вас от меня? — иронически спросила она.

Глаза Донована угрожающе сверкнули, и он медленно поднял руку, ощупывая набухающий шрам.

— Хватит двоих, чтобы защитить вас от меня. Ну, прошу вас подняться в седло. Мы едем в Эдинбург.

Кэтрин оттолкнула руку, которую он предложил ей, и, ухватившись за верхнюю луку седла, грациозно уселась на лошадь. Донован крепко ухватил поводья, сел сам на коня и поскакал рядом с ней.

— Даже если сегодня мы проиграли, — голос девушки срывался от горя и слез, которые она пыталась сдержать, — все равно мы никогда не прекратим борьбу. Вам не удержать власть. Слишком много людей вас ненавидят.

— Может быть, меньше, чем вы полагаете, — небрежно парировал Донован.

— Сейчас вы завоеватели, но много тех, кто не сдастся никогда и ни при каких обстоятельствах.

— Вы говорите про себя, сударыня?

Лицо его оставалось невозмутимым, только губы искривились в сдержанной улыбке.

— Вам никогда не подчинить меня.

— М-м-м, как я вижу, нам предстоит восхитительное состязание, — рассмеялся он.

Кэтрин повернулась, чтобы еще раз взглянуть на человека, гордо восседающего на коне рядом с ней. В его глазах она уловила странное выражение, смысла которого не поняла.

— Со временем все переменится, — продолжил он.

— И произойдет это независимо от того, захотите вы этого или нет.

— Я под арестом?

— Я пока еще не решил, как поступить с вами. Но при следующей встрече, разумеется, позабочусь, чтобы вы не имели при себе предмет, который мог бы послужить оружием.

— Я не собираюсь когда-либо впредь встречаться с вами.

— И, тем не менее, вам придется это сделать, Кэтрин Мак-Леод, придется, ничего не поделаешь.

В его голосе сквозила убежденность и безапелляционность, как у судьи, выносящего смертный приговор. Он пустил лошадь в галоп, и ей поневоле пришлось скакать рядом, — не усмиренный дух справедливости в воротах усмиренного города в сопровождении завоевателя.

3

Крайне измученный, контуженный, Эндрю, тем не менее, имел все основания быть довольным началом своей миссии — до сих пор все шло как по маслу.

Он отыскал Эрика Мак-Леода и под видом рыцаря удачи бок о бок сражался с ним в двух битвах. После них, к своему удивлению, он проникся уважением к юному лорду, и трудно было сказать, что впечатляло его больше: воинское мастерство или непоколебимое чувство чести шотландца. Тот в каждой схватке сражался, как следует бойцу, и если отступал, то лишь перед лицом явного перевеса сил. Заслужив доверие Эрика, Эндрю вместе с ним прибыл на поле третьей — и решающей — битвы. В горячке схватки он потерял из виду юного Мак-Леода, а через пару минут сам был контужен палашиом шотландского горца.

Отъехав миль на пять в сторону, Эндрю из последних сил укрылся в густой чаще, где в беспамятстве рухнул с коня. Придя в себя, он почувствовал, что лежит, уткнувшись лицом в сырую землю. Он медленно приоткрыл глаза, но прошло еще несколько минут, прежде чем к нему начало возвращаться ощущение реальности: никак не удавалось сообразить, что это за место и давно ли он тут находится. Сосредоточившись, он прикинул, что прошло, по всей видимости, не меньше суток, а, стало быть, сегодня семнадцатое июня, со времени битвы при Саучиберне минул день, и он по-прежнему жив. Покорнейше благодарен Джефффри Спэрроу: по возвращении надо будет расквитаться с ним как следует за это поручение, если вообще оно состоится, возвращение домой.

Ощувив тупую боль в голове, Эндрю поднял руку — пальцы нащупали заскорузлые от засохшей крови волосы; сесть не удалось — при первой же попытке все вокруг закружилось. Тщательно исследовав рваную рану, он понял, что она не смертельна. Постепенно Эндрю удалось сесть и оглядеться. Лошади рядом не оказалось: наверняка ее увели, так что о поисках можно было не заботиться.

Отчетливо слышалось пение птиц, свежий ветерок овеивал кожу. С острой радостью и облегчением Эндрю услышал журчание бегущей неподалеку воды и, с усилием встав на четвереньки, пополз к маленькому чистому ручейку, вода которого оказалась восхитительно прохладной. Зачерпнув еще одну пригоршню, он плеснул в лицо и на голову, затем с величайшей осторожностью попытался обмыть рану. Стиснув зубы и напрягшись, чтобы не закричать от

боли, он на какое-то время отключился от внешнего мира; к реальности его вернул неожиданно раздавшийся сзади голос:

— Не двигайся, если хочешь остаться целым!

Эндрю замер; голос показался ему знакомым, и, подумав секунду, он медленно повернул голову к человеку с обнаженным мечом. Узнав его, тот просиял от радости и спрятал лезвие в ножны.

— Эндрю! Боже, дружище, а я-то уже решил, что ты мертв!

Эндрю не проронил ни слова, говорил Мак-Леод, который был безумно рад, что встретил человека, которому можно доверять.

— Слушай, Эндрю. Это просто подарок судьбы, что мы сможем вместе отправиться домой. Мне нужно оказаться там до того, как меня обнаружат и заставят сдать свой меч.

— Почему, сэр?

— Сестры, в них все дело. Меня обязательно схватят, но ты, как слуга, останешься на свободе и сможешь хоть как-то защитить их. Им нужен сильный и верный защитник, в совершенстве владеющий мечом. Две одинокие женщины, дружище! Мне нужна твоя помощь.

Эндрю кивнул, преодолевая приступ головокружения. Что может быть лучше для английского дворянина, чем находиться в центре событий? Он улыбнулся:

— Насколько понимаю, я взят на службу. Но для того, чтобы приступить к ее исполнению, мы должны сперва отыскать хоть какую-то пищу. Куда мы двинемся, милорд?

Боже, до чего же Эндрю ненавистно было ощущать себя столь слабым и беззащитным!

— Домой. Мои сестры, вероятно, уже в их власти, и я вне себя от тревоги.

— Но вас сразу же арестуют, — заметил Эндрю.

— Понимаю.

Эндрю не мог не восхититься храбростью юноши, которому только-только исполнилось двадцать. Пожав плечами, он указал дрожащей рукой направление:

— Тогда сюда.

Через двадцать минут они вышли из леса на дорогу, с которой Эндрю в полубеспамятстве съехал накануне, и озадаченно застыли на месте.

— Нам повезло, сэр, — сказал Эндрю. — В той стороне — город.

Не имея сил отвечать на вопросы Эрика, он, прихрамывая, направился вперед, а тот двинулся вслед за ним.

Дорога была пыльной и каменистой, и шагать по ней было сущим мучением для людей, привыкших ездить верхом.

У Эндрю имелись причины для раздражения. Во-первых, приходилось внимательно следить за тем, чтобы говорить на английском диалекте пограничья; во-вторых, его выводила из себя мысль, что с ним будут и впредь обращаться как со слугой. Это с ним-то, богатым образованным дворянином, придворным английского короля! Когда он обговаривал задание с Джеффри, ему и в голову не приходило, что изображать угодливость — адская пытка для него.

— Милорд! — сказал он.

— Да?

— Вас труднее будет изобличить, если вы избавитесь от шлема и прочих вещей, свидетельствующих о вашем высоком происхождении.

Гордость Эрика взбунтовалась, но он признал справедливость совета и последовал ему, стащив в себя дорогие доспехи и знаки отличия. Эндрю понимал, что это мало поможет: Мак-Леод двигался, говорил, жестикулировал, как особа королевской крови. Да и сверкающие драгоценные камни, украшавшие меч, лучше всяких слов говорили об общественном положении его владельца. Но Эндрю надеялся, что они успеют пробраться в дом, подкрепить силы и получить медицинскую помощь прежде, чем будут схвачены.

Идти становилось все тяжелее: сказывалось утомление, все острее давала знать о себе рана на голове Эндрю.

— Откуда ты? — любопытствовал Эрик.

— Из Дорсетшира, — солгал Эндрю, а перед глазами у него всплыло видение мягких зеленых холмов отчего края.

— Полагаю, ты сожалеешь, что выбрал проигравшую сторону, — пошутил Эрик.

— Временами — да, — пытаюсь улыбнуться, ответил Эндрю.

— Сейчас я отдал бы все мое состояние, чтобы увидеть дом и родных, — сказал Эрик со вздохом.

В отдалении показались башни Эдинбурга, и это заставило Эрика перейти на просительный тон: Эндрю не был связан никакими обещаниями или обязательствами, и Эрик понимал, что он имеет полное право оставить его и отправиться своей дорогой.

— Эндрю! — сказал Эрик, останавливаясь. Его спутник вопросительно посмотрел на него. Эрик колебался, борясь с гордостью, не позволявшей ему унижаться перед простолудином. Взглянув еще раз на город, он продолжил: — Эндрю, мы оба понимаем, что мой арест — лишь вопрос времени. У тебя сильная рука и острый ум, и мне нужна твоя помощь.

Эндрю по-прежнему не произнес ни слова, и Эрик заподозрил в его молчании затаенную корысть.

— Я буду платить тебе десять золотых в месяц.

— За что? — поинтересовался Эндрю, хотя обо всем уже догадался сам.

Эрик понимал, жизнь его в опасности, а значит, под угрозой судьба его сестер. Вполне возможно, что на карту поставлено нечто большее, чем жизнь. Ему надо, было, во что бы то ни стало найти им надежную опеку.

— В случае моего ареста я бы хотел оставить леди Энн и леди Кэтрин под твоей защитой. Ты бы занял место домоправителя. Я видел, как ты сражаешься, и знаю — тебе можно доверять.

Эндрю невольно улыбнулся его мальчишеской наивности, но ответил серьезно и торжественно:

— Благодарю, милорд. Я сделаю все, что в моих силах. Отныне благополучие ваших сестер для меня превыше всего на свете, — убедительно солгал он.

Эрик облегченно вздохнул.

Они достигли городских ворот, где стража внимательно рассматривала каждого, кто возвращался с битвы. Сразу же за воротами за ними по пятам последовал какой-то невзрачный человек. Через какое-то время Эрик будет схвачен, но Эндрю, с Божьей помощью, доберется до дома Мак-Леодов, и его план

склонить Якова к заключению мира с Англией вступит в следующий этап.

Эндрю беспокоило, что усталость и боль в голове дают знать о себе все ошутимее. Мысли путались, и он, спотыкаясь, брел вслед за Мак-Леодом по улицам незнакомого ему города. Король или один из его приближенных должны вскоре объявиться здесь, а это как раз то, что нужно, подумал он.

Эрик хранил молчание, быть может, потому что Эндрю ни о чем и не спрашивал. Внезапно он остановился, и Эндрю чуть не наткнулся на него.

— Проклятье! — прошептал Мак-Леод.

— В чем дело? — тихо поинтересовался Эндрю.

— Похоже, солдаты уже в доме, а я должен поговорить с сестрами прежде, чем меня обнаружат.

Эндрю пришлось несколько раз сморгнуть, прежде чем мутная действительность вокруг снова обрела четкость.

— Вы совершенно правы, милорд. Но нет ли в доме окна, через которое можно было бы проникнуть внутрь незаметно?

— На заднем дворе есть одно такое. Иди за мной.

Они незаметно по траве пробрались на задний двор; действительно, в темном углу, там, где сходились две стены, имелось небольшое окошко.

Эндрю вытащил меч и по возможности тихо выставил стекла. Предупредив Эрика, чтобы тот не наступил на осколки, он повел его вглубь темной комнаты, как и полагается преданному слуге. Но там им пришлось поменяться: Эндрю почувствовал, что голова у него вот-вот взорвется, и, стиснув зубы, он предоставил хозяину самому находить дорогу в собственном доме.

Эрик поднялся по ступенькам и скрылся за дверью, а на Эндрю нахлынула непреодолимая слабость; он рукой попытался нащупать хоть какую-то опору и нашел ее — стул с высокой спинкой, на который Крейтон опустился в изнеможении, на короткое время впад в беспамятство; когда он очнулся, в камине уже пылал огонь, а на столике стояло вино. Подняв голову, он увидел двух девушек и Эрика, который, стоя рядом, протягивал ему кубок с вином; окружающее его покачивалось, расплывалось, затем снова становилось четким. Приняв кубок, Эндрю обхватил его обеими руками, какое-то время подождал, унимая дрожь, а затем осушил единым духом. Эрик, улыбаясь, налил еще вина — ему и себе.

Затем Эндрю помогли перебраться поближе к огню: видимо, из-за раны его бил озноб; он смотрел на камин и на девушку, склонившуюся над огнем. В какой-то момент она повернула голову и взглянула на него. Эндрю, знавший толк в женской красоте, ощутил, как у него сердце замерло, а затем часто-часто заколотилось в груди. Более очаровательного создания он в жизни не видел. Девушка показалась ему похожей на хрупкую белую розу. Переведя дух, он поспешил развеять страхи, которые могло принести с собой их внезапное вторжение.

— Госпожа, все в порядке, ничего страшного, — сказал он тихо, надеясь вернуть румянец на ее бледные щеки.

— Энн вовсе не испугана, — надменно сказала вторая. — Просто она еще не вполне здорова.

— А-а, — кивнул Эндрю, и глаза его перебежали от старшей сестры вновь к младшей, чтобы еще раз

насладиться ее необычайной красотой. — Примите мое глубокое сочувствие.

Энн, подумал он. Имя у нее такое же нежное и красивое, как она сама. Он вновь и вновь повторял его про себя, словно строку из песни. Девушка встрепелулась, ощутив его пристальное внимание к своей персоне.

— Кто вы? — спросила Энн.

Она пристально смотрела на гостя, и Эндрю почувствовал, что тонет в озерах ее глаз.

— Эрик, — обратилась Кэтрин к брату. — Ради всего святого, что этот человек делает здесь? Ты с ума сошел? Привести постороннего в дом!

— Потихе, Кэтрин. Эндрю не раз спасал мне жизнь вчера, — сказал Эрик, внимательно разглядывая младшую сестру. — Тебе следовало бы оставаться в постели, Энн. У тебя ужасный вид. Стоило мне уехать на пару дней...

— Вспомни, что это были за дни, — перебила его Кэтрин.

— Эрик, пожалуйста, не надо мне ни в какую постель. Я в полном порядке и хочу тоже побыть здесь. Но и этот бедный человек нуждается в помощи. — Она умоляюще поглядела на брата с сестрой. — И вообще, вам сейчас нужна...

Пошатнувшись, она вдруг замолчала; Эндрю видел, как ее бьет озноб. Первым порывом Эндрю было броситься к ней и подхватить ее, однако он не смог: невзирая на болезнь, у нее сейчас было больше сил, чем у него. Кроме того, она принадлежит стану врага. Глаза его остановились на ней. Господи, и как он только мог употребить такое слово к Энн Мак-Леод! И все же

следует быть осторожнее и сдержаннее, сэр Эндрю Крейтон, если ты не хочешь погубить себя и дело, от которого, возможно, зависят судьбы двух королевств.

— Позвольте представиться, — сказал Эндрю. — Меня зовут Эндрю, и лорд Эрик нанял меня для службы в доме на случай, если сам он окажется в темнице. Я буду солдатом, домоправителем, всем, кем вы пожелаете.

— Ты спятил, Эрик! — воскликнула Кэтрин.

— Попридержи язык, сестра! Не обращай на нее внимания, Эндрю, она с детства отличалась своенравием, — попытался отшутиться Эрик, но Эндрю ничего не слышал.

Он смотрел на Энн, на каждую линию ее лица, чтобы удержать этот образ в памяти.

— Кэтрин, — сказал брат, — прояви гостеприимство, принеси поесть и еще вина. Полагаю, нам обоим не грех отдохнуть.

Но прежде, чем та успела ответить, дом затрясся от громовых ударов в парадную дверь и прозвучал приказ: «Открыть именем короля!» Кэтрин немедленно узнала голос Донована Мак-Адама; как разъяренная богиня мести, она бросилась к двери и распахнула ее, оказавшись с ним лицом к лицу, так, что можно было разглядеть свежий рубец, оставленный на лице Донована ее хлыстом.

Эндрю пристально изучал лицо нежданного гостя, подумав, что таких острых пронизывающих глаз ему еще не доводилось видеть. Осознание опасности заставило его подобраться. Перед ним был враг, и враг беспощадный, с которым всегда нужно оставаться начеку, ни на секунду не расслабляясь. Все эти мысли

вихрем пронеслись в его мозгу; кроме того, его поразило, как глядели друг на друга незнакомец и Кэтрин.

— Знакомьтесь, Донован Мак-Адам, — дрогнувшим голосом сказала она.

В комнате воцарилось напряженное ожидание. Словно стряхнув с себя оцепенение, Донован перевел взгляд с Кэтрин на ее брата.

— Лорд Эрик Мак-Леод, вы арестованы.

Эрик медленно поднялся на ноги, вновь наполнил вином чашу и, провозгласив тост за Донована, с холодной надменностью выпил ее. Затем вынул меч из ножен и протянул его Мак-Адаму.

— Но имейте в виду — ваша победа временная. Мы никогда не отступим и не предадим нашего короля, — сказала Кэтрин.

— Хорошо, сударыня, — негромко сказал Донован. — Всегда буду помнить о том, что вы только что сказали. — Заметив Эндрю, он спросил: — Кто это?

— Эндрю, наш домоправитель, — холодно ответила Кэтрин.

Эндрю был изумлен: женщина, еще минуту назад не желавшая видеть его в своем доме, теперь его защищала.

— Прошу вас встать, сэр, — сказал Донован.

Кэтрин рассмеялась, наблюдая, как Эндрю с трудом поднимается со стула.

— Эндрю всего лишь слуга, — пояснила она, забавляясь пикантностью ситуации.

Лицо Донована залилось краской: девушка явно намеревалась выставить его круглым дураком, и Мак-Адам заявил:

— Он англичанин.

— Да, — согласилась та, — англичанин. А также мой домоправитель. Куда вы собираетесь увести брата?

Последние слова прозвучали так, словно вопрос о личности Эндрю был исчерпан.

— Он будет содержаться под стражей, пока король не решит вопрос о его участии, — резко ответил Донован.

Стража окружила Эрика, и тот неторопливо попрощался с сестрами столь непринужденно, будто собирался на небольшую прогулку и не понимал, что она могла оказаться для него последней.

Донован повернулся, собираясь уходить, и тут услышал, что Кэтрин быстро назвала его по имени. Он остановился в дверях, не поворачиваясь.

— Я смогу вечером отнести брату провизию?

— Да, — последовал ответ.

— И вина?

— Да.

Она играла ва-банк, словно стремясь проверить, где кончается граница его терпения. Донован повернулся; лицо его не сулило ничего хорошего. Впрочем, только Эндрю успел заметить в его глазах нечто помимо злобы, — сама Кэтрин была слишком ошеломлена происходящим. Да, ей по силам вывести из себя самого хладнокровного человека, подумал Эндрю. Очень полезное качество. Всякий имеет свои слабости, и, кажется, Эндрю начал догадываться, где можно найти трещину в круговой обороне Донована Мак-Адама.

— Не думайте, что нас легко разбить, — выпалила напоследок Кэтрин.

— Да, это было нелегко, сударыня. Но, хотите вы это признать или нет, вы разбиты. Теперь я буду решать, что с вами делать.

— Негодяй! — выкрикнула Кэтрин.

Ее сестра онемела, и даже Эндрю не мог сейчас поручиться за жизнь девушки: за меньшие оскорбления в адрес этого человека люди попадали в могилу. Но тот лишь зловеще усмехнулся.

— Нет, мисс. Я из семейства, может быть, и не столь знатного, как ваше, но уж, во всяком случае, не менее благородного. А что касается положения при дворе и титулов... В наше время все так быстро меняется. Вспомните мои слова, когда вам придется просить прощения за свою невоспитанность и несдержанность.

— Прощения? Уж не полагаете ли вы, что я когда-либо стану о чем-то просить вашу милость?

— Между прочим, именно это вы сделали минуту назад, или уже забыли? — вкрадчиво заметил тот.

Кэтрин лишь бессильно опустила руки; в глазах ее горела нескрываемая ненависть.

— Так вы мне отказываете?

— Должен ли я понимать это как просьбу? — небрежно бросил тот.

Будь у Кэтрин в руках палаш, Донован уже лежал бы на полу с раскрытым черепом. Эндрю с интересом следил, как девушка старается взять себя в руки. А девица-то с толком, подумал он, и уверена, что впереди новое сражение, а в таких случаях, уступив сегодня, можно выиграть завтра.

— Да, — сказала она, стиснув зубы.

— О, леди не подобает в такой манере просить джентльмена об услуге. Уверен, вы способны быть гораздо вежливее.

Эндрю с трудом удержался от того, чтобы не расхохотаться: леди Кэтрин не осталась в долгу. Она шагнула к Доновану, и, к величайшему изумлению последнего (впрочем, это заметил один только Эндрю), упала на колени перед незванным гостем, умоляюще заломив руки.

— Милорд, умоляю вас о великодушии и прошу вашего соизволения отнести моему брату немного съестного!

Донован не был лордом, и прекрасно знал, что девушке это хорошо известно. Он сдержал бешенство, и рука, которой он попытался поднять ее с колен, дрожала, — редкий, почти невероятный для него случай: Донован ясно прочел издевательский смех в глазах девушки у своих ног.

— Можете принести своему брату все, что сочтете нужным, но не потому, что ваша мольба меня тронула: просто я не питаю к нему никакой личной вражды. Он предстанет перед парламентом, и там уже ответит за все свои преступления.

— Преступления? Сражаться на стороне своего короля теперь называется преступлением?!

— Вы сражались на стороне не того короля, а проигравший, как известно, платит.

Кэтрин вдруг поняла со всей отчетливостью, что угроза в его голосе обращена не к кому-нибудь, а именно к ней. Ей безудержно захотелось вывести его из себя до такой степени, чтобы он проговорился о той участи, которая ей предуготована.

— Мы будем сражаться до конца, пока на престоле вновь не воцарится законный король! — заявила она.

— Сударыня, Яков III убит. Два часа назад его тело нашли у Битонз-Милл.

Лицо Кэтрин посерело, и даже Эндрю невольно привстал; его ум работал вовсю: он послан сюда, чтобы выяснить, есть ли хоть малейшая возможность для заключения мира между Англией и Шотландией, и вот теперь он знает, кому в Шотландии принадлежит реальная власть. Теперь он должен найти людей, через которых можно было бы прощупать почву для переговоров. Тот человек, что стоял в дверях, судя по всему, решительно не подходил для этой роли: игра с ним могла иметь самые печальные последствия.

Кэтрин молчала. Зато Донован, которого она все же сумела вывести из себя, бросал ей в лицо все новые и новые слова:

— Уже обещана награда за поимку убийцы: пять тысяч крон за любые сведения, которые помогли бы его найти. Вы еще не поняли, в чьем королевстве вы теперь проживаете, сударыня? Или вас что-то не устраивает, не таких вестей вы хотели? Соберется парламент, и те, кто был верен королю, получат заслуженные почести. Земли, титулы... жен! Вам все понятно, или мне выразиться более ясно?

Кэтрин побледнела, ибо слишком хорошо понимала, о чем идет речь. Но ошеломление прошло так же быстро, как наступило, и ярость в ее душе сменилась ледяным спокойствием.

— Вы рассчитываете заполучить меня в качестве трофея. Напрасно. Я скорее умру.

Донован широко усмехнулся, довольный тем, что наконец сумел задеть за живое эту не в меру языкастую красавицу.

— Успокойтесь, сударыня. Пока еще ничего не решено и никто не обрекает вас на такую почетную участь. Спокойной ночи.

С этими словами он, поклонившись, удалился; вслед за ним вывели Эрика.

— Будь ты проклят! Будь ты проклят! — в отчаянии проговорила девушка.

Затем, вспомнив, что она не одна в комнате, Кэтрин повернулась к Эндрю и сестре.

Ни у кого из них больше не оставалось сомнений: Джеми-младший, он же Яков IV, отныне король Шотландии, но каждому из присутствующих эта новость сулила совершенно разное.

4

Эндрю начал привыкать к беспокойной тишине, оставшегося без хозяина, дома. Ему выделили комнату, примыкавшую к спальням Энн и Кэтрин; впрочем, смежные двери были предусмотрительно заколочены. И первую ночь, проведенную под кровом Мак-Леодов, он на удивление себе даже поспал — вещь непростая, когда знаешь, что она в двух шагах, за стеной. Энн, красавица Энн! Как хотелось ему утешить и успокоить ее! Он сам себя не понимал; ни одна женщина не производила на него такого впечатления.

Ночь напролет он слышал ее шаги за дверью; впрочем, точно такие же звуки доносились из комнаты Кэтрин.

Все, что он мог сделать в создавшейся ситуации, — позаботиться о их безопасности, и сестры прекрасно осознавали это.

«Король умер, да здравствует король!» — этим возгласом из века в век поминали старого и восславляли нового монарха. Зная обычай, горожане ждали дня, когда на носилках пронесут накрытый черным балдахином гроб Якова III и бывший монарх проделает свой последний путь в Кэмбускеннетское аббатство, место захоронения шотландских королей.

В тон общему настроению небо в этот день разразилось нескончаемым проливным дождем. Капли воды били по стеклам и стенам, стекали с подоконников и крыш, сливались в бурные ручьи и растекались гигантскими лужами на грязных улицах. Над сумрачным городом разносился неумолчный звон колоколов.

Под приглушенную дробь барабанов кортеж с телом мертвого короля проследовал через город. Гроб верхом сопровождал король Шотландии, Яков IV, за которым следовали его приближенные, и среди них — Донован Мак-Адам.

Кэтрин стояла у окна вместе с Энн и Эндрю и смотрела на траурную процессию, проходившую мимо их дома. Донован глянул вверх, словно рассчитывая увидеть ее. Он не мог видеть ни ее саму, ни слез на ее щеках, но знал, что она сейчас плачет.

Страх охватил город, когда одного лорда за другим начали уводить в Эдинбургский замок на суд и расправу. В ожидании приговора они томились в стенах

крепости, где воссел на престол некоронованный король, начавший свое правление с кровопролития.

В этот ранний рассветный час к охраняемому стражей гробу, стоявшему в центре зала аббатства, проследовал человек, чиркая шпорами по каменному полу. Стражники не пошевелились. Не отрывая глаз от гроба, он приблизился к нему и, только оказавшись в трех шагах от пьедестала, заметил, что в зале стража.

— Оставьте нас наедине! — приказал он безжизненно-ровным голосом; люди бесшумно удалились.

Упав на колени перед гробом, он уронил голову на крышку и застыл, такой же неподвижный и безмолвный, как колонны вокруг него.

За одной из них стоял Донован Мак-Адам. Слишком хорошо зная короля, он чувствовал, что эти смутные часы перед рассветом могут оказаться непереносимыми для нового монарха, и тогда тот придет сюда. Он знал также, что гнетет Якова, но не было на земле силы, которая могла помочь отчаявшемуся, ибо мертвым не дано воскреснуть. И все же присутствие друга, способного понять силу тщеславия и жажду власти, подвигшие Якова к действиям, итогом которых стала смерть отца, могло хоть в какой-то мере облегчить его страдания.

Яков не слышал, как Донован подошел и опустился на колени за его спиной, но ему и не надо было слышать, чтобы знать: друг — рядом. В зале царили сумрак и тишина, и в течение долгих, длинных минут никто не проронил ни слова. Потом Яков повернул голову, пытаясь разглядеть в темноте глаза Донована.

— Мне нужно твое слово, — тихо промолвил король.

— Боюсь, оно здесь не поможет, милорд, — последовал такой же тихий ответ, но в голосе не было осуждения.

Яков нахмурился.

— По-твоему, я могу жить со спокойной совестью... — Яков поколебался, — после того, как по моей вине отец лишился жизни?

— В том нет вашей вины. Я свидетель, что вы во всеуслышание отдали приказ доставить к вам отца живым и невредимым.

— Я виновен, потому что я, и никто другой, положил начало этой цепи смертей, последним звеном которой стало это подлое, вероломное, кровавое убийство. Мне еще предстоит научиться жить с отягощенной страшным грехом душой.

— Но вы мучаетесь, томитесь, страждете, а когда человек страждет, он ищет прощения и искупления.

— Прощения! Но кто же может простить меня?

— Наш Господь, — последовал твердый ответ. — Он единственный, кто понимает нас до конца и ведаёт все, что творится в человеческих сердцах.

Яков на несколько мгновений закрыл глаза, затем вновь повернулся к Доновану. В его глазах светилось понимание бренности и греховности человеческой сущности, суетности всех усилий.

— Может быть, ты и прав, Донован. Во всяком случае, сегодня я сделал шаг в направлении того, о чем ты говоришь.

Донован ждал. Ему было известно, что король выехал ни свет, ни заря в сильный ливень, запретив кому-либо

сопровождать его. Должно быть, в этом заключалось своеобразное наслаждение — скакать сквозь непогоду, подставляя лицо дождю и ветру, заглушая голос совести. Сейчас Донован чувствовал, что Яков хочет рассказать ему, куда и с какой целью он ездил.

— Теперь до конца жизни я буду носить напоминание о моем грехе.

Донован продолжал тихо стоять на коленях, пока Яков расстегивал камзол и приподнимал рубашку. Под ней, уже успев натереть кожу до крови, были одеты железные вериги в добрую половину дюйма толщиной.

Донован хмуро свел брови.

— Сир!

— Нет, Донован, это до конца жизни останется со мной как напоминание о преступлении, совершенном по моей вине, и будет во время молитвы напоминать о моем грехе. Я не должен, не должен, не должен забывать об этом ни на минуту...

Мак-Адам ощутил глубокую жалость, но не проронил ни слова. Яков вновь обернулся к гробу и погрузился в раздумья. Донован оставался с королем еще два часа; со звоном колоколов к Якову, казалось, вновь вернулось ощущение реальности. Оба поднялись с колен и покинули аббатство.

Две недели спустя Кэтрин вызвала к себе Эндрю. Войдя, он обнаружил ее стоящей у гигантского камина и читающей записку. При его появлении она смяла бумагу и швырнула в огонь, проследив, чтобы она полностью сгорела.

Эндрю стоял сзади. Он много дал бы, чтобы узнать содержание сожженного послания: он по крупице

собирал сведения, которые могли быть ему полезны, и сгоревшая записка, возможно, много могла бы ему дать. Поднявшись с колен, Кэтрин начала ходить по комнате, о чем-то сосредоточенно думая.

— Что-нибудь стряслось, госпожа? Вести от брата?

— Нет, Эндрю, нет. — Она остановилась и взглянула на него. — Мне нужно получить разрешение от короля или этого... проклятого Мак-Адама на выезд из города.

— Исключено.

— Почему же?

— С какой целью? — спросят вас. Ваше семейство отнюдь не на добром счету у Якова или Донована Мак-Адама.

— Тем не менее, я должна ехать.

— Куда?

— В Дайрлтон.

Эндрю был в курсе того, что происходило после смерти короля. Ему было известно, что небольшие отряды до сих пор ведут в горах вооруженную борьбу, что во многих местах вспыхивали бунты, а потому заподозрил, что Кэтрин узнала об одном из заговоров и, чего доброго, является его участницей. От этой мысли он похолодел. У Кэтрин достанет мужества и сил для борьбы, но как быть с Энн? Если Кэтрин схватят, девушка останется совсем одна. А потом — что сделает с Кэтрин Донован Мак-Адам, если уличит ее в заговоре?

Эндрю был свидетелем нескольких визитов, которые Мак-Адам нанес в дом Мак-Леодов. Всякий раз Кэтрин отказывалась видеться с ним, и роль хозяйки приходилось исполнять Энн; большую часть времени

Донован, вскользь и походя, задавал вопросы о нем, о ее брате, о Кэтрин.

— Но отчего в Дайрлтон? — спросил Кэтрин вполголоса Эндрю.

— Я решила по дороге заехать в Скон и присутствовать на коронации Якова IV.

— Так вы предпринимаете поездку с единственной целью посмотреть на венчание нового короля?

Вопрос прозвучал тихо, еле слышно.

Кэтрин внимательно посмотрела на Эндрю и, кажется, решилась довериться ему. Эндрю ощутил легкое угрызение совести от этого, но ничем не выдал своих чувств.

— Эрик доверяет тебе, почему же не довериться и мне? Дело в том, что в Дарлтоне назревает мятеж.

— И вы — одна из его участниц?

— Нет, я не настолько глупа! Но те, кто все это затевает, похожи на слепцов. Я уверена, что король уже обо всем предупрежден, и хочу их предостеречь, а, может быть, если получится, предотвратить кровопролитие.

— Если дело обстоит так, как вы его описали, то своей встречей с заговорщиками, о которой тоже станет известно королю, вы дадите Мак-Адаму прекрасный шанс покончить с вами. Он волен будет сделать все, что посчитает нужным.

— Я не могу пренебречь хотя бы малейшей надеждой спасти людей.

— Это слишком опасно.

— Эндрю, — голос Кэтрин на этот раз звучал холодно, — сегодня ты отправишься к Доновану Мак-Адаму и скажешь ему, что я покорнейше прошу его

разрешения для поездки на север для участия в коронации. А также его соизволения после церемонии совершить поездку в Дайрлтон, навестить друзей.

— Но он же не настолько глуп...

— Меня не интересуют его умственные способности! Ты должен сделать то, что сказано, Эндрю; прочее меня не интересует.

— Хорошо, госпожа, — неохотно сказал Эндрю и вышел.

Едва Эндрю доскакал до замка, как вновь зарядил дождь. Там его, после изложения просьбы Кэтрин, препроводили в угловую комнату, из окна которой открывался восхитительный вид на город. Он простоял несколько минут, не понимая, что его смущает в этом пейзаже, и наконец догадался: из окна как на ладони виден был дом Мак-Леодов. Комнаты в замке Донован Мак-Адам подбирал для себя сам, и Эндрю стало интересно, насколько случайно жилище его хозяйки оказалось в поле зрения персоны, столь близкой королю.

Из следующей огромной комнаты из-за занавеса до него донесся голос Донована Мак-Адама, предлагавший войти. Эндрю отошел от окна и, отодвинув занавес, оказался лицом к лицу с Донованом, за вежливой улыбкой которого читалась обостренная бдительность и скрытая подозрительность.

— Доброе утро, сэра, — самым смиренным тоном сказал Эндрю.

— Утро доброе. — Приглашения присесть не последовало; подобное предложение в его устах могло бы означать только то, что Эндрю раскрыт. С первого визита Мак-Адама в дом Эрика Эндрю уверился, что тот

заподозрил его, а сейчас, глядя в умные и жестокие глаза Донована, он в этом уже не сомневался.

— Моя госпожа шлет вам свои наилучшие пожелания, сэр.

Мак-Адам промолчал, казалось, слегка озадаченный, но его буравящий взгляд ни на секунду не оставлял собеседника, от чего тот чувствовал себя достаточно неуютно.

— Леди Мак-Леод просила передать вам, что, как и прочие подданные его величества, она узнала от герольдов о предстоящей двадцать четвертого числа сего месяца, то есть через три дня, церемонии помазания в Сcone его величества на престол. Моя госпожа смиренно просит о разрешении посетить это торжество.

Донован неотрывно смотрел на Эндрю, и тот почувствовал себя не в своей тарелке; но, взявшись за гуж, не говори, что не дюж, и он продолжал разыгрывать смирение, насколько это возможно для человека с его манерами.

— Это все, чего она желает? — спросил, уклоняясь от прямого ответа, Донован.

— Да, сэр... э-э, не считая того, что после церемонии она хотела бы с вашего соизволения съездить на север и навестить некоторых своих друзей.

— Где?

— В Дайрлтоне.

Эндрю гипнотизировал металлический блеск глаз Донована, пытавшегося, казалось, проникнуть вглубь его души через все заграждения. Воцарилось тягостное молчание. Донован пытался за невинной голубизной глаз человека напротив, разглядеть его истинные намерения. В том, что они, эти намерения, должны были

существовать, он почти не сомневался. Кэтрин Мак-Леод не из тех, кто опускается до смиренных просьб и безропотно капитулирует, — в такую возможность он не поверил бы даже на минуту... Но можно, по крайней мере, выслушать доводы.

— Полагаю, поездка в Дайрлтон — первая и основная просьба вашей госпожи. Почему же вы приберегли ее напоследок? Для чего ей понадобилась эта поездка на север?

Эндрю пришлось мобилизовать всю свою изворотливость. Он невинно переспросил:

— Для чего моя госпожа хочет на север? Известное дело, сэр, чтобы на коронации присутствовать.

Донован чуть было не вспылал, но тут же осекся и прищурил глаза. Нет, этот человек далеко не так прост. Поднявшись из кресла, он прошелся по комнате. Эндрю стоял неподвижно, прислушиваясь к шагам за спиной, — крайне неприятное положение для воина. Когда Донован заговорил вновь, Эндрю, пользуясь поводом, повернулся к нему лицом. К его удивлению, в комнате уже находился еще один человек. Поскольку он хранил молчание, Эндрю не сразу определил, с кем он имеет дело, но когда Донован в высшей степени почтительно поклонился незнакомцу, Эндрю понял, что он стоит лицом к лицу с королем Яковом IV.

На какой-то момент он смешался: не каждый день оказываешься в обществе монарха, и не просто монарха, а короля, занимающего совершенно особое место в твоих планах!

— Сэр, — заговорил тем временем Донован, — леди Кэтрин Мак-Леод просит разрешения

присутствовать на коронации, а по ее завершении посетить Дайрлтон.

Эндрю закивал.

— Если мисс Энн понравится, она также хотела бы присоединиться к сестре и посмотреть на торжество.

— А в Дайрлтон она, значит, не собирается? — негромко поинтересовался Яков.

Эндрю с притворным смущением опустил глаза долу, успев заметить, как Яков и Донован обменялись многозначительными взглядами. Руки у него вспотели. Неужели оба уже обо всем знают? Уж не ловушка ли это для скрытых противников короля? Ему стало страшно за Кэтрин, которая могла угодить в западню.

— Леди Кэтрин может ехать куда считает нужным, — небрежно ответил Яков.

Эндрю вопросительно взглянул на Донована в поисках подтверждения и услышал слова, которых ждал:

— Разве вы не слышали, что изволил сказать вам его величество?

До этой минуты Эндрю делал вид, что пребывает в неведении относительно того, что имеет честь говорить с самим королем, так что разыгранное им изумление внешне казалось вполне естественным, но Донован смотрел на него так пристально, что англичанину стало ясно: бдительность, по крайней мере, одного из своих собеседников он не сумел усыпить.

— О-о... ваша милость!..

Он поспешно опустился на одно колено.

Яков какое-то время внимательно изучал Эндрю, затем перевел взгляд на помрачневшего Донована.

— Можешь удалиться, — сказал король, и Эндрю со всей поспешностью, на которую был способен, повиновался.

Стоять под прицелом глаз Мак-Адама — занятие не из приятных, но когда к нему прибавляется испытующий взгляд короля, — это выше всяких сил!

Едва дверь за Эндрю затворилась, Донован нарушил тишину:

— Если это игра, то игра плохая.

— Это говор англичан с границы, не так ли?

— Именно так, ваша милость. Этого человека зовут Эндрю Крейтон, и он всем говорит, что родом из Дорсетшира, — даже тем, кто об этом не спрашивает. По его словам, он служил Ричарду III и бежал из Англии после поражения короля. Он воевал под знаменем Мак-Леода в сражении при Саучиберне, а сейчас носит костюм с его гербом. На данный момент он опекает сестер Мак-Леода и ведет их хозяйство. Я не располагаю ни одним свидетельством, хоть в какой-то мере опровергающим его утверждения, но прошу разрешения вашего величества на какое-то время установить за ним непрерывную слежку.

— Выходит, ты ни на дюйм не доверяешь ему, если обращаешься с такой просьбой.

— Именно так, ваше величество, — подтвердил Донован. — Не могу позволить себе такой роскоши.

Яков почувствовал себя бесконечно уставшим. В комнате стояло кресло, он уселся в него и прикрыл глаза. Случайная встреча с беглым чужестранцем вызвала в его сознании образ Англии, — страны, более других заинтересованной в ослаблении власти шотландского короля. Так хотелось хотя бы на время

отрешиться от угрозы с этой стороны... Что ж, Донован предложил установить наблюдение за Крейтоном; это разумно, отчего бы не согласиться...

Яков откинулся в кресле и вздохнул:

— Какого ты мнения о лорде Драммонде?

Неожиданно для Донована король сменил тему разговора.

— Он вам предан, это первое и основное. Кроме того, — добавил он, надеясь разогнать мрачность короля, — у него прелестные дочери.

— И ты, — засмеялся Яков, — как старый противник брака, решил, что мне нужно развлечься?

Улыбка Донована стала натянутой. Изменившись в лице, он подошел к окну и поглядел в него.

— Мне кажется, ваше величество, я созрел для новой попытки.

Яков изумленно взглянул на своего любимца и доверенного друга. Вот это новость, так новость! Донован, который охотнее пошел бы на дыбу, чем под венец, говорит о женщине и о браке! От тяжелых мыслей короля не осталось и следа.

После жестокой неудачи с красавицей Дженни Мак-Адам гнал от себя всякую мысль о браке и поклялся, что вступит в него нескоро, и то лишь для того, чтобы оставить наследника своему имени и владениям. И вот он вновь желает женщину... Не любит, — это, разумеется, исключено, — просто желает ее, хочет ее. Доновану хотелось взглянуть в глаза этой гордячке после того, как сообщит ей о своем решении жениться на ней... Ему хотелось унижить ее, заставить склониться перед своей волей... Ему хотелось... Переведя дух, он обернулся к королю и осторожно заговорил:

— Думаю, теперь... пора подумать и о браке.

Яков прекрасно понимал, что имеет в виду Донован. Оказав королю неоценимые услуги, теперь он мог ожидать от него щедрость и великодушие. Подданные монарха могли рассчитывать на новые земли, титулы... и, разумеется, на выгодный брак, только заслужив все это.

— И на ком же, — тихо спросил Яков, — ты просишь моего разрешения жениться?

— На леди Мак-Леод, — ответил Донован.

Яков молчал, и Донован удивленно приподнял брови.

— На какой из двух? — ответил наконец король вопросом на вопрос и получил ожидаемый ответ:

— На леди Кэтрин.

— Ага... Понятно.

— Я в курсе всего, что с ней связано, — понизил голос Донован.

— Ага, в курсе, — все так же тихо повторил за ним король. — Почему же тогда ты выбрал леди, которая является моим заклятым врагом, чей брат заключен в тюрьму и чье пребывание на свободе едва ли окажется долговременным?

— Она — храбрая и сильная женщина. Если я вновь задумался о будущем, то надо выбирать самое лучшее.

— Можно подумать, речь идет о выборе племенной кобылы для жеребца во имя достойного продолжения потомства.

В голосе короля появилась веселость.

— Где-то и так, — попытался улыбнуться Донован.

Он признавал, что солгал сейчас: но по сути он сам не знал ответа... Не существовало никакого логического объяснения для его стремления, кроме одного: он желал Кэтрин Мак-Леод каждой клеточкой своего тела. Он пытался забыть ее, но, несмотря на все его усилия, Кэтрин все время стояла у него перед глазами — холодная и недоступная. Всякий раз, когда под тем или иным предлогом он приходил к ним в дом, она избегала его... Черт возьми, имея на руках согласие короля, он быстро ее вразумит, покажет ей, что он... Кто? Ее хозяин? Нет, не этого хотел Донован; он сам не мог уловить сути своих желаний. Может быть, лишив ее свободы, подавив в ней бунтарский дух, он лучше сумеет разобраться в самом себе?

Рука его невольно коснулась шрама на щеке, которым она словно заклеила его. О, он видел, каким огнем пылали ее глаза в тот день, когда он пришел арестовать ее брата. Этот огонь обжигал, и Доновану нестерпимо хотелось удержать это пламя рядом с собой. Даже если для этого самому придется сгореть.

— Тебе следует нечто узнать, прежде чем ты официально обратишься ко мне со своей просьбой, Донован.

— Что именно, ваше величество?

— Я тебе говорил про курьеров с высокогорья?

— Да.

— Они принесли известие о новом заговоре.

— Еще один?

— Да. Мятеж должен начаться неподалеку от Скона. Я не желаю, чтобы моя коронация прерывалась бунтами. Это было бы плохое начало для царствования.

Как будто оно и без того недостаточно кровавое, подумал король про себя.

— Это надежные сведения? С подробным изложением плана, именами участников?

— Да.

— Тогда мы раздавим бунт в зародыше. Где все это должно произойти?

Яков поднялся и подошел к занавесям. Приоткрыв их и оглядев соседнюю комнату, он повернул голову и внимательно поглядел на Донована. На его лице вновь появилось утомление — ему не хотелось причинить боль другу.

— В Дайрлтоне, — сказал он еле слышно и ушел, оставив Донована обдумывать его слова.

Неужели Кэтрин замешана в заговоре? Он оглядел помещение, в котором расположился. Через приоткрытую дверь была видна вторая, примерно такая же по размерам, комната, обе — часть занимаемых им апартаментов. Выйти из них можно, было, только пройдя через другие комнаты. Он подошел к окну — высокому и узкому, взрослому человеку в него не пролезть. Звонком Донован вызвал слугу.

— Приготовь эти комнаты, — он указал на оба помещения, — здесь разместится заключенный. Я желаю, чтобы он не испытывал никаких неудобств.

— Да, сэр.

Слуга удалился, немедленно приступив к исполнению приказа.

Донован представил Кэтрин, запертую в этих двух комнатах, как мышь в мышеловке. Он будет держать ее здесь до тех пор, пока девушка не осознает, что выйти на волю сможет только с его позволения. Ему сейчас за

тридцать, и до сих пор в жизни он практически никогда не проигрывал. И менее всего он допускал, что поражение ему способна нанести женщина.

Эндрю вернулся домой потрясенный. Вне всякого сомнения, и Донован, и король знают о назревающем мятеже, и попытка Кэтрин в последнюю минуту остановить его будет воспринята ими как соучастие в заговоре.

Кэтрин предостерегла Эндрю, чтобы после поездки он запутал следы и, потянув время, поднялся к ней по черному ходу. Слишком многие завидовали Мак-Леодам и боялись Якова, а потому частная жизнь сестер должна была оставаться вне поля зрения любопытствующих. Для Эндрю, выполняющего собственную миссию, осторожность была важна вдвойне.

Он взобрался по узкой винтовой лестнице и нашел на верхней площадке дверь. Распахнув ее, он оказался лицом к лицу с молоденькой хорошенькой служанкой, переносившей стопку белья. Памятуя, что никто не знает о жизни хозяев лучше слуг, он улыбнулся и в ответ тоже получил улыбку, в которой сквозило неприкрытое приглашение: девушка давно положила глаз на сурового, волнующе красивого домоправителя.

— Что вы тут делаете? — кокетливо улыбнулась она.

— Разумеется, ищу тебя, — ни секунды не задумываясь, ответил Эндрю и плотно прикрыл за собой дверь. Кто знает, какой кладезь сведений о хозяйках она могла из себя представлять? Положив руки ей на плечи, Эндрю привлек девушку к себе.

— Вы действительно уверены, что хотите этого? — со смехом спросила она.

— А то как же? Тебе достаточно поглядеться в зеркало хозяйки, чтобы понять, отчего всякого мужчину так и тянет к тебе.

— Всякого, да не вас.

— То есть?

— Не знаю. Вы кажетесь другим, чем все остальные. Наверное, дело в том, что вы...

Она пожала плечами, не в силах подобрать нужные слова для описания разницы между Эндрю и остальными слугами.

Он прижал ее к себе и увидел, как глаза у нее разгорелись от удовольствия и нерешительности. Девушку влекло к этому мужчине с момента его появления в доме, и она была не прочь испытать, на что он способен при более близком общении, поэтому приготовилась к небольшому, чисто символическому сопротивлению. Эндрю уже собирался поцеловать служанку, когда дверь напротив распахнулась и в комнату зашла Энн Мак-Леод. Если Эндрю кого-то не желал увидеть в этот момент, то именно Энн — единственную девушку, которая сумела затронуть в нем потаенный уголок души, наглухо закрытый для всех остальных.

Взгляд ее фиалковых глаз замер на представшей перед ней сцене; на щеках Энн вспыхнул румянец, а пальцы сжались в кулачки. Кто знает, может быть, Энн испытывала к Эндрю нечто гораздо больше того, что могла позволить себе выразить в словах? Предположение это взволновало Эндрю. Он выпустил

служанку из своих объятий, и та поспешно удалилась, затем, улыбнувшись, поклонился.

— Леди Энн? — сказал он негромко и с удовольствием увидел, как взгляд ее устремился на него, а щеки заалели еще сильнее.

5

Мгновение молчания, когда они с Энн неотрывно смотрели в глаза друг другу, затягивалось, шли секунда за секундой. Энн была в ярко-синем платье, цвет которого подчеркивал особую глубину ее синих глаз, Эндрю не знал, что сейчас ей придется собирать по крупицам все свое мужество. В первый же вечер, когда он, раненый и еле стоящий на ногах, вместе с ее братом появился в доме, она почувствовала, что теряет покой, и, оказывая ему помощь, Энн молила, чтобы никто не заметил, как дрожат ее руки.

В Эндрю было что-то, что оставалось для девушки загадкой. Он сразу произвел на нее странное действие, и если его энергия и плещущая через край мужественная сила сначала пугали ее, то потом начали возбуждать.

Эндрю ничего не позволял себе, но само его присутствие вызывало румянец на щеках Энн. Он был чуток, великодушен и сдержан, но Энн этого казалось недостаточно, и она едва ли смогла бы объяснить, что ей еще от него надо.

Больше всего на свете она боялась признаться себе самой, что ее (Боже, какой скандал!) тянет к слуге. Для леди Энн Мак-Леод чувства такого сорта категорически исключались. И все же, все же... он такой... такой притягательный!

Эндрю тоже был поглощен переживаниями. Как ему хотелось сейчас, чтобы она увидела его при дворе благородным рыцарем, стоящим на одной с ней ступеньке общественной лестницы. Может быть, тогда бы она смотрела на него другим взглядом? Может быть, она даже?..

— Леди Энн? — повторил он вопрос, сделав шаг к ней.

Это была ошибка — его сразу обволок аромат ее духов, ослабляя волю и путая мысли. Эндрю замер, но Энн уже успела взять себя в руки. Губы ее дрогнули, она попыталась улыбнуться.

— Когда был жив мой отец, флирт со служанками находился под строжайшим запретом. Между прочим, он даже штрафовал тех, кто позволял себе амурничать с девушками.

— Но тут была всего лишь одна девушка! — с усмешкой заметил Эндрю; он с удовольствием увидел, как Энн рассмеялась.

— Боюсь, что это не меняет сути дела.

— Тогда... тогда мне придется заплатить штраф. Сколько он составлял при вашем отце?

— Шесть пенсов.

Эндрю шагнул к ней, и Энн пришлось задрать голову, чтобы видеть его глаза. Пошарив в кармане, он отыскал несколько монеток, затем поймал ее руку и вложил деньги в ладонь, загнув пальцы. Энн судорожно сглотнула — монеты показались ей раскаленными. Подержав секунду ее руку в своей, Эндрю неохотно отпустил ее, ошеломленный и слегка испуганный тем волнением, которое произвело на него прикосновение к

ней. Медленно, не отводя глаз, Энн опустила сжатую руку. Она не знала, о чем говорить дальше.

— У вас так много денег? — нашла она.

— Очень мало. Мне вовсе не нужно много денег, а вот вам потребуется.

— Почему же, Эндрю?

— Сейчас... сейчас не могу объяснить. Просто... в общем, ваш брат доверил мне безопасность вашу...

— ...И моей сестры Кэтрин, — досказала она.

— Да, и это две разные вещи.

— То есть?

— Кэтрин... как бы сказать... временами непредсказуема, а то и вовсе...

— ...Неуправляема, — с улыбкой подобрала Энн нужное слово.

Но его лицо говорило об озабоченности. Эндрю боялся за нее, поскольку сердцем понимал, что Энн неизменно останется на стороне семьи, и ему понадобится вся его изобретательность, чтобы обезопасить ее и при этом сослужить службу своему королю. И он всячески гнал от себя мысли о том, что, возможно, ему придется делать жесткий выбор: либо одно, либо другое.

— Энн... леди Энн, пожалуйста, послушайте меня.

Ему хотелось потянуться к ней, привлечь в свои объятия... Она тоже дрогнула, почувствовав странный жар, исходящий от него, и впала в легкую панику, поняв, что, если он дотронется до нее, она окажется в кольце его сильных рук... Это было бы пренебрежением всеми запретами и представлениями о достойном и недостойном, но она бы поступила именно так, и это было страшно.

Энн попыталась отвести взгляд, но потом вновь подняла глаза и неожиданно для себя взяла его за руку. Он ощутил теплые от ее пальцев монетки у себя в ладони.

— Отчего же вы не берете деньги?

— Во-первых, у вас и без того их очень мало, во-вторых... Вам доверено заботиться обо мне, и я не сомневаюсь, что вы будете и дальше делать это по мере своих сил.

— Тогда знайте, — сказал он тихо, — что, если вам что-либо понадобится, можете всегда мною располагать. Возможно, вам понадобятся деньги, и поэтому, пожалуйста, возьмите их просто так, на всякий случай. Наше благополучие слишком важно для... для стольких людей.

Спич получился слишком галантным для человека из народа. Контраст между тем, что Энн видела, слышала, чувствовала, и тем, что ей полагалось считать за данность, поразил девушку.

— Хорошо, я сделаю, как вы сказали, — прошептала она.

Боги! Как хотелось ему обнять ее и поцеловать со всей страстностью и пылом, на который он был способен! В узком коридоре царила полутьма. Он чувствовал ее взгляд на себе и слышал чуть учащенное дыхание.

— Надеюсь, я не напугал вас, Энн, — сказал Эндрю мягко.

— Нет, — ответила она, совершенно пропустив мимо ушей то обстоятельство, что он пренебрег ее титулом и так нежно позволил себе произнести ее имя.

— Тогда выслушайте меня. Ваше благополучие для меня важно не меньше благополучия ваших сестры и брата. Но на этот раз... Вам, пожалуй, стоило бы поступить им наперекор.

— Никогда! Их судьба — моя судьба. Я их люблю, Эндрю, и мне просто непонятно, как вы можете говорить такое.

«Могу, потому что я люблю вас», — хотелось ответить ему, но это было невозможно. Он вздохнул, понимая, что, при всей своей миловидности и мягкости, Энн была не меньшей упрямицей и гордячкой, чем ее сестра. Эндрю не мог погубить ее, посвятив в планы Кэтрин, попытки отговорить которую от ее самоубийственного намерения не достигли цели.

— Могу, потому что времена сейчас очень и очень опасные.

— И вы желаете защитить меня?

— Насколько это в моих силах, — от всего, что может угрожать вам, вашему будущему.

— Вы говорите загадками, Эндрю.

— Я? Но что же здесь непонятно, Энн? Ваш брат нанял меня именно для этого. Это мой долг, вот и все.

— Долг... — повторила девушка, и легкая улыбка тронула ее губы. — А мне видится здесь нечто выходящее за рамки долга. Может быть, дело в том, что я вам доверяю и чувствую себя такой защищенной... Мне кажется, что вы больше, чем просто слуга.

— Я тот, кем вы хотите меня видеть, только и всего. Я — ваш защитник, вы — моя госпожа. Не сомневайтесь во мне, Энн. Я хотел бы сделать все возможное для вашего семейства. У меня есть свое

представление о чести, и я предпочитаю жить в соответствии с ним.

— Понятно.

Энн была разочарована тем, что Эндрю не сказал о ней как о главной причине его поступков. И вновь у нее побежали мурашки по телу при мысли, что она стоит на грани запретного.

Эндрю почувствовал, что девушка уязвлена, и отступил, утешая себя мыслью, что, когда у него появится возможность предстать перед ней на равных, он убедит Энн в своей искренности и очистит ее душу от угрызений совести и сомнений.

— Вы позволите поговорить с вами обо всем не сейчас, а при более подходящем случае? Может быть, тогда я смогу открыто и ясно объяснить сказанное сегодня.

— Да, конечно...

Он хотел уже повернуться и отправиться к старшей сестре. Менее всего на свете он желал, чтобы Энн стала свидетельницей его объяснений с Кэтрин. Но оказалось, что он недооценил твердость характера такой мягкой, слабой на вид леди Энн.

— Вы что, идете сейчас к Кэтрин?

— А?.. Ну да!.. Я иду к ней. Так, ерунда. Маленький отчет за прошедший день.

Но Энн ни на секунду не поверила ему. Она гордо приподняла голову, глаза ее сверкнули, и она надменно заявила:

— Я иду с вами!

Прежде чем Эндрю успел возразить, девушка уже шагала к двери. Ему оставалось только последовать за ней.

Кэтрин резко обернулась на звук открывающейся двери. На ней был наряд для верховой езды, она явно рассчитывала увидеть Эндрю наедине, и уж, во всяком случае, без сестры, которая гордо вела за собой сконфуженного донельзя домоправителя.

— Что ты здесь делаешь, Энн?

Эндрю прикрыл дверь и с полуулыбкой приготовился выслушать объяснения Энн. Несмотря на некоторые сложности, которые создавало ее присутствие, теперь он находил в нем и положительные стороны.

— Кэтрин, я не меньше тебя имею право знать о том, что происходит. Куда ты собралась ехать?

Кэтрин нахмурилась, и когда ее взгляд обратился к Эндрю, тот почувствовал себя не в своей тарелке.

— Кэтрин, — требовательно объявила Энн, — я не меньше тебя озабочена всем происходящим.

— Знаю, Энн. Но зачем, скажи, тебе знать все, когда, узнав хотя бы часть, ты смертельно рискуешь? Зачем тебе ввязываться в мое дело?

— Я не ввязываюсь. Но я имею право знать, что происходит. Мы обе заинтересованы в благополучии семьи.

— Все правильно. Но ты не собираешься ни во что вмешиваться?

— Нет. Я просто хочу знать правду.

— Хорошо. Эндрю, а почему бы тебе не присесть?

— Кэтрин пододвинула к камину кресло и повернулась к нему. — Ну, теперь выкладывай все.

Эндрю перевел глаза с Энн на старшую сестру.

— Я получил аудиенцию у Донована Мак-Адама... а еще у короля, — начал он.

— Великий Господь! — Голос Кэтрин зазвенел от негодования. — Я видела этого негодяя множество раз. И что же, это весь твой отчет?

— Нет... Еще там чудный вид из окна...

Эндрю ссутулился, он, с его сильным телом, чувствовал себя крайне неудобно на маленьком, хрупком стульчике.

Прежде чем он успел продолжить, рассказ его перебила Энн:

— Вы купили новые сапоги?

Эндрю поднял глаза на ее тихий голос, и на какое-то мгновение они словно остались в комнате одни. Потом он улыбнулся, поняв, что Энн задала этот вроде бы неуместный вопрос для того, чтобы снять напряжение и притушить гнев сестры.

— Да, новые. Старые уже никуда не годились. Пришлось раскошелиться и остаться с шестью пенсами в кармане.

Юмор его замечания остался непонятен Кэтрин, раздраженной ощущением, что между этой парочкой существует нечто, о чем она ведать не ведает. Эндрю с трудом удержался от смеха и решил, что теперь можно продолжать.

— Да, продолжим с отчетом.

Он снова согнулся на своем стульчике.

— Госпожа Кэтрин Мак-Леод получила разрешение Донована Мак-Адама... а заодно и короля... на посещение церемонии коронации. Похоже, Якову выгодно собрать всех вас в одном месте. А потому вам разрешают посетить Дайрлтон. Но мне бы очень не хотелось, чтобы вы оказались там, — добавил он еле слышно.

— Я не нуждаюсь в советах, — отрезала Кэтрин. — Чему быть, того не миновать. Нет никого, кто мог бы предостеречь их от страшной ошибки, которую они готовы совершить. По-вашему, надо сидеть и ждать, пока их вздернут на виселице?

— Яков обо всем знает, — негромко сказал Эндрю. — А потому они будут повешены независимо от вашей жертвы. Мне, однако, не хотелось бы, чтобы и их числе оказались и вы.

— Нет, я не верю. Тебе просто показалось. Кроме того, ты не учиываешь настроения по всей стране. Все, как один, станут против него.

— Может быть; ну а вдруг все будет не так? Что, если вы пребываете в заблуждении? Люди пограничья следуют туда, куда ведут их Патрик Хепберн и его друг Мак-Адам. Драммонды и Дугласы твердо стоят за короля. Другие очень скоро присоединятся к их лагерю. Всякая попытка сопротивления в этих условиях смертельно опасна и... опрометчива. Почему вы не желаете верить, что заговор в Дайрлтоне раскрыт? Не ездите, не ставьте себя под удар!

— Эндрю... — начала было Кэтрин, но он прочитал в ее глазах то, что она собиралась сказать.

— Нет, я не поеду, — быстро сказал он. — Вы ставите под угрозу жизнь Энн, а заодно лишаете своего брата надежды обрести свободу. Заговорщики слишком недальновидны, и королевский гнев с неотвратимостью молнии обрушится на их голову. Ваше предупреждение уже опоздало.

— Я подумаю над этим, — сказала Кэтрин, но Эндрю не сомневался, что девушка не воспользуется его советом.

Однако больше всего он боялся за Энн.

Кэтрин постояла, затем улыбнулась Крейтону. Улыбка была мягкой и приветливой, но тем более удручающе она подействовала на него.

— Спокойной ночи, Эндрю, — сказала она и, повернувшись, вышла.

Энн некоторое время хранила молчание, а когда подняла глаза, они были полны мольбы. Девушку можно было назвать тихой, мягкой, но глупой — никогда. За поступками мужчины, сидевшего напротив нее, скрывалось нечто гораздо большее, чем она ранее полагала, и это пугало ее. Эндрю почувствовал этот страх, и, когда он посмотрел на Энн, взгляд его был невозмутим и спокоен.

— Кто вы, Эндрю? — прошептала она, сама испугавшись своего вопроса.

Но Эндрю не собирался откровенничать. Он был раздражен и озадачен ее проницательностью, однако солгать Энн у него не было сил. Он выпрямился, вставая с неудобного сиденья.

— Спокойной ночи, леди Энн.

И, повернувшись, Крейтон вышел из комнаты, спиной ощущая пристальный взгляд девушки.

По приказу Донована, с ним осталось двадцать человек. Остальные узкими, труднопроходимыми стежками двинулись на север, в направлении Скона и Дайрлтона. Он специально дал им время, чтобы, успев расположиться неподалеку от Дайрлтона, они готовы были выполнить его приказ.

Мак-Адам подумал о Кэтрин. Она, вероятно, тоже уже выехала. Если он прав, девушка села на лошадь чуть

свет. Она была исключительной наездницей и, насколько Доновану было известно, не хуже него могла вынести тяготы дальней поездки. Эта женщина могла свести с ума любого!

Отбросив мысли о ней, Донован махнул рукой в латной рукавице стражникам, охранявшим ворота. Сейчас судьба государства зависела от него, на его плечах лежала задача обеспечить безопасность в королевстве.

Донован не сомневался, что на коронации будут присутствовать немногие. Страна все еще находилась под гнетом страха. Предстояло упорядочить жизнь в ней, утвердив Якова на троне.

Кэтрин была одной из немногих аристократок, присутствующих на празднестве. Во время долгой и утомительной поездки верхом Донован позволил себе мысленно вернуться к ее персоне. Поразительно красивая девушка! Она затронула в его душе струну, как ему казалось, навсегда умолкнувшую, и это злило, но в то же время будоражило. Что будет дальше? Слово «капитуляция» не из его словаря... Впрочем, в ее словаре оно тоже отсутствует!..

Ему вспомнилась другая поездка — тогда он покинул дом в поисках службы, которая позволила бы достичь тех вершин власти, на которых он ныне пребывал. Он взял свое старанием, тяжким трудом и верностью королю, лишенному на тот момент возможности править.

В ту первую поездку он отправился в сапогах, которые сам стачал, и верхом на краденой лошади. Теперь его наряд мог ослепить самый искушенный глаз, и ехал он на великолепной черной кобыле с отменной

родословной. Ныне он — пара Кэтрин Мак-Леод, и он желал в этом удостовериться, потому что всю жизнь неустанно рвался к границам возможного. Но для чего ему необходимо это испытание, он даже себе не желал признаться.

Донован добрался до Скона к десяти утра. Перед часовней он спешился, и слуги увели лошадь. Оставалось ждать, когда прибудет Яков, но раньше — Кэтрин.

Он увидел девушку издалека, но сразу ее узнал. Сверкание бело-золотого знамени на фоне деревьев странно смутило его. Она скакала навстречу опасности, и в этом он почувствовал вызов себе.

На ней было платье, отороченное белым горностаем, и народ оживился при ее появлении. Для Донована было очевидно, что люди любят и уважают ее семейство, и сейчас он ухватился за это обстоятельство как за главное оправдание своему намерению жениться на ней. Кэтрин — девушка с характером, но после того, как она угодит в дайрлтонскую ловушку, ее мнение перестанет что-либо значить.

За пазухой у него лежала бумага за подписью короля, где все было оговорено. После коронации леди Кэтрин Мак-Леод должна была стать его женой. Ее мнения на сей счет никто не собирался спрашивать; Донован желал показать, кто победитель, а кто — проигравший.

Он не спускал с девушки глаз. Солнце играло в ее пышных волосах, и лицо, казалось, пылало от возбуждения. Несмотря на то, что она старалась не глядеть в его сторону, Донован был убежден, что она думает о нем; он ощутил, как на него накатывается горячая волна желания, но, подавив в себе это чувство,

зашагал в ее сторону. Кэтрин невольно залюбовалась этим красивым мужчиной. На лице Донована Мак-Адама, в каждом движении его рослого, мускулистого тела читалась решимость не считаться в своих поступках ни с кем и ни с чем.

Кэтрин хотела, чтобы слуги помогли ей спешиться и тем самым избавили от необходимости встречаться лицом к лицу с Донованом, но ни у кого не нашлось храбрости встать на пути этого могущественного человека с прищуренными недобрыми глазами.

Остановившись перед ней, он, к ее удивлению, вместо приветствия взял из ее рук хлыст.

— Я не привык недооценивать противостоящие мне силы, — с улыбкой сказал он и, потянувшись, обхватил ее за талию, собираясь снять с седла.

— А не переоцениваете ли вы свои способности? — хладнокровно спросила Кэтрин.

— Не думаю, — сказал Донован негромко.

— Тогда не тянитесь за тем, что вам не принадлежит, иначе моя рука заменит мне хлыст, который вы предусмотрительно забрали.

Донован почувствовал, что его терпение на пределе, но, вспомнив, где он, сдержался и молча предложил девушке руку.

Он стоял так близко и был так привлекателен, что Кэтрин растерялась, но только на секунду.

— Я, пожалуй, подожду. С лошади будет лучше видно прибытие короля.

Но Донован продолжал держать руку на весу, и она подчинилась. Кэтрин встала на пару ступенек позади него, и запах ее духов обволакивал Мак-Адама, мешая ему дышать. Солнце продолжало играть в волосах

девушки, и он на расстоянии чувствовал, как бьется в ней жизнь. И ему так хотелось прикоснуться к Кэтрин!

Неужели она настолько глупа, чтобы и вправду поскакать в Дайрлтон? По-своему он уважал ее стремление предостеречь мятежных лордов, но в то же время благословлял день, когда узнал о ее планах, поскольку твердо знал — только при таком стечении обстоятельств он сможет сломить ее волю.

Стоя в толпе, с виду оба дожидались приезда короля, на деле же думали только друг о друге.

А потом начался старинный пышный обряд. Вдали показался король; по традиции, ему полагалось быть одним из лучших наездников в Шотландии. С Яковом-старшим в свое время получилась незадача, зато его сын сидел на коне как влитой. Подъехав, он величаво спешился, и под перезвон колоколов приближенные последовали за ним в часовню.

Внутри столпилось виднейшее дворянство страны, но в глаза бросалось отсутствие горцев. Лишь трое из присутствующих знали о причинах, помешавших им приехать на церемонию, и ими были Яков, Донован и Кэтрин.

Перед тем как пройти в часовню, Кэтрин украдкой глянула на Донована. При всем неприятии этого человека, которое она всеми силами в себе разжигала, его внешность и манера держаться не могли не восхищать. Одет он был лучше, чем любой из лордов, казалось, Донован — хозяин всего, на что падает его взор. Всего, но только не ее! Кэтрин с трудом заставила себя отвести от него взгляд.

Яков, разряженный в соболя и бархат, опустился на колени перед алтарем, низким голосом, размеренно и

неспешно произнося слова клятвы. Он казался спокойным.

Высоко под сводами гулко отдавались звуки торжественной церемонии, и Кэтрин видела, как золотая корона, сверкающая рубинами, изумрудами, жемчугом и алмазами, была водружена на голову нового монарха.

С этого момента Яков стал законным королем. Церемония закончена. Донован предложил руку Кэтрин, и они вместе со всеми вышли из часовни. Король вновь шагал впереди один.

Кэтрин взглянула на Донована: на какой-то момент ее взгляд потеплел... и вновь стал враждебным.

— Итак, — сказала она тихо, — вы и ваш король получили все, чего желали.

— Да, — согласился тот, также следя, чтобы голос его звучал негромко. — Включая право казнить и миловать, одаривать друзей и сокрушать врагов.

В его словах слышалась гордость своей властью и какой-то намек. На что?

— Казнить и миловать? А если бы я вас попросила о такой милости, могли бы вы от лица короля помиловать?

— Мог бы, — сказал Донован негромко, но твердо. — Кого вам угодно помиловать?

— Никого, — улыбнулась она в ответ. Сам того не заметив, он раскрылся и попал в подстроенную ею ловушку. — Мне ничего от вас не надо, Донован Мак-Адам. Ничего.

— Не торопитесь ли вы? Второпях, как известно, можно сделать опрометчивый шаг. — Он был раздражен тем, что Кэтрин так возбуждающе на него действует. — Вы торопитесь уехать, леди Мак-Леод. К

чему такая поспешность? Почему бы вам не остаться и не поприсутствовать на празднествах?

— Нет, я должна ехать. У меня друзья, и они меня ждут.

— Но ведь нет никакой необходимости так торопиться!

— Боюсь, что это не так. Вы мне поможете сесть на лошадь? — Выражение лица ее казалось холодным и насмешливым. Доновану захотелось арестовать ее тут же, но слуги Кэтрин были вооружены и заступились бы за хозяйку. Вдобавок, не имея на руках улики, он не смог бы долго держать ее под арестом; сдерживая гнев, Мак-Адам помог девушке сесть в седло и с минуту постоял с поводьями в руке.

— Для вас, леди Мак-Леод, было бы правильнее вернуться в Эдинбург.

В последний раз Донован пытался ее предостеречь.

— Может быть, и так, — ответила Кэтрин, на мгновение сама усомнившись в правильности своих поступков, но тут же вспомнила о долге перед своим кланом: она должна успеть прибыть в Дайрлтон до того, как мятеж начнется. Пришпорив лошадь, она помчалась по ведущей на север дороге, а Донован долго смотрел, как девушка с немногочисленной свитой исчезает за поворотом.

Кэтрин гнала лошадь, не сомневаясь, что воины короля придут не раньше, чем завтра. Гости и воины будут праздновать допоздна, напьются и едва ли окажутся в состоянии отправиться в путь раньше полудня. За это время можно будет уговорить мятежных горцев воздержаться от бунта и тем самым спасти их.

Но все оказалось гораздо сложнее. В Дайрлтоне она наткнулась на стену непонимания. Расположившись в замке, Кэтрин долго и безуспешно пыталась уговорить Джона Флеминга дать приказ не начинать мятеж.

— Неужели вы не понимаете, что они раздавят нас! Это непростительное легкомыслие! Я была на коронации. Сейчас самое подходящее время сложить оружие и заключить мир.

— Нет, — раздраженно отвечал Флеминг. — Просто мы единственные, у кого хватает смелости начать; но стоит нам выступить, как остальные последуют нашему примеру.

— Но это безнадежная затея, как вы не понимаете!

Он собирался ответить, когда в покои ворвался воин с криком:

— Король! Король с войском здесь!

— Проклятье! — вскричал Флеминг с ожесточением. — Уж не вы ли предали нас, леди Мак-Леод?

— Как вам не стыдно! — гневно воскликнула она. — Неужели вы не понимаете, что я вместе с вами буду схвачена как бунтовщица?

В ушах у Кэтрин звучали прощальные слова Донована. Он предостерегал ее от подстроенной им же самим ловушки!

Донован не сомневался, что Кэтрин уже предупредила мятежников об их скором приходе. Он настолько был захвачен мыслями о ней, что даже забыл, что речь идет о рядовом бунте. Однако, поскольку его подавление становилось первым государственным актом официально возведенного на трон Якова, надлежало преподать урок, который запомнился бы надолго.

Схватка была скорой, решительной и кровопролитной. Уступающие числом и застигнутые врасплох мятежники сражались храбро, но гибли один за другим. Через час белый флаг взвился над последним очагом сопротивления, и горсточка уцелевших горцев сдалась на милость победителям.

Лорд Кемпбелл, прискакавший вместе с Донованом, приблизился к королю с лордом Флемингом, который, насколько знал Донован, не ведал даже, что его брат — один из главных бунтовщиков. Пока руководители восставших допрашивались королем, Донован проскакал во внутренний двор замка и там спешил. Он не раз бывал здесь и знал, где можно отыскать Кэтрин Мак-Леод. Вокруг башни вилась узкая лестница, и он поднялся по ней, отмеряя ярус за ярусом.

Девушка недвижно стояла на ветру, закутанная в плащ, и молча ждала его. Открыв дверь, Донован вошел в башню и остановился. Воцарилась глубокая и тягостная тишина.

Кэтрин, стоя в этой небольшой клетушке, ждала решения своей участи. Голова ее по-прежнему была гордо поднята: она не желала просить милости. Донован несколько мгновений смотрел на нее, затем быстрыми шагами пересек комнату и схватил девушку за руку.

— Игра окончена, леди Кэтрин, и вы проиграли. Вспомните, я вас предостерегал, что придет время платить. Вы готовы к этому?

— Да, — сказала она, даже в положении пленницы сохраняя гордое выражение лица.

Девушка не выказывала никакого страха, и Донован был невольно восхищен. Но она и представления не имела о цене, которую ей придется заплатить, и

Донована страшно занимало, что произойдет, когда Кэтрин обо всем узнает.

Он вывел ее на, вьющуюся вокруг башни на головокружительной высоте, узкую лестницу. С высоты верхнего яруса Кэтрин увидела Якова, в окружении воинов восседающего на лошади. Она на секунду замерла, и Донован решил, что ее колебание вызвано страхом высоты.

— Боитесь?

Он протянул руку, чтобы помочь ей.

— Нет, — сказала она, словно не замечая его руки.

Даже если бы всю ее переворачивало от страха, она ни за что не показала бы это человеку, которого считала изменником. Кэтрин спустилась за ним во двор замка. Яков возвышался в седле, мрачно и недовольно разглядывая ее. И это девушка, на которой его ближайший подданный хочет жениться? Интересно, подумал он, есть ли на свете человек, который смог бы ее обуздать, — если, конечно, не прибегнуть к смертному бою. Ладно, вскоре все выяснится и встанет на свои места.

Кэтрин остановилась перед королем, медленно склонила голову и присела в низком реверансе. Она знала, что стоит сейчас перед престолом правосудия, потому считала возможным продемонстрировать уважение, не собираясь, однако, умолять о прощении.

— Если вам хотелось оказаться с братом в тюремной камере, вовсе не стоило скакать так далеко, — сказал король.

— Да, ваша милость, — просто ответила Кэтрин, не имея сил на споры и объяснения.

Король насмешливо улыбнулся, развернул лошадь и ускакал. Девушка взглянула на Мак-Адама, ожидая от него указаний; Донован же не сводил глаз с лорда Флеминга, которому рассказали про брата. Флеминг резко повернулся и холодно, зловеще взглянул на него; не зря Донован никогда не питал веры к Флемингам!

Кэтрин отвлекла его:

— Король хотел сказать, что меня заточат в замок, как и других?

— Да, — последовал холодный ответ.

Повернувшись к ней, Донован взял ее под локоть и повел к лошади, где помог — а, точнее, заставил, — сесть на нее.

6

Обратная дорога до Эдинбурга заняла шесть часов, — шесть длинных, напряженных часов, на протяжении которых и Кэтрин пришлось скакать на своей лошади.

Когда, стуча копытами, усталые кони ступили на мощный булыжником двор замка, Кэтрин испытала невольное облегчение, хотя для нее окончание пути означало начало заключения. В конце концов, теперь она сможет избавиться от взгляда этих серебристо-серых глаз и вида недвижимого, как камень, лица своего тюремщика; ведь если у него и были какие-то матримониальные намерения в отношении леди Мак-Леод, то теперь о них смешно говорить.

Веки у девушки смежались от усталости, тело невыносимо ныло. Она проскакала весь этот отрезок пути, твердо решив не жаловаться и не сетовать, и лошадь простояла несколько минут, прежде чем до Кэтрин дошло, что они приехали.

Донован, спешившись, подошел к ней и взял поводья ее лошади. Кинув на девушку взгляд снизу вверх, он вдруг на какое-то мгновение захотел встряхнуть ее, и хорошенько, чтобы уже в следующий миг обнять, утешить, успокоить, помочь стереть следы утомления, отчетливо проступившие на прекрасном лице.

Кэтрин попыталась сойти на землю, но тело ее словно одеревенело, так что Доновану пришлось снять ее с лошади, и девушка едва ли даже осознала, что он по-прежнему держит ее на руках, хотя лошадь давно уже увели. Встав наконец на ноги, она поглядела в том направлении, куда ее должны были отвести, на зарешеченные окна тюремных камер, за которыми — темнота и промозглая сырость. Повернувшись к Доновану, она подняла на него глаза и указала рукой:

— Мне туда идти? Смогу ли я в тюрьме увидеть Эрика? — спросила Кэтрин со вздохом смирения.

— Нет, — сказал тот, одним словом отвечая на оба ее вопроса.

Она вновь подняла глаза, на этот раз озадаченная.

— Нет? — повторила она.

— Вы пойдете со мной.

Лицо Донована вновь показалось ей высеченным из камня.

Слабея духом, она попыталась прибегнуть к испытанному средству защиты — холодной надменности, но этого уже оказалось недостаточно, и девушке захотелось, чтобы сейчас их разделяло что-то осязаемое, материальное. Она чувствовала свою уязвимость, но боялась себе в этом признаться. Страх был для нее редким гостем, но сейчас она почувствовала холодок в груди.

С минуту Донован разглядывал трещины в каменной стене напротив. Самое время воспользоваться преимуществом своего положения, на деле продемонстрировать, что он, и только он, здесь победитель. А что зазорного в торжестве победителя? И вновь его глаза обратились к Кэтрин. Давно разошлись воины, лошадей куда-то увели. Они стояли одни в каменном колодце двора, слабо освещенном несколькими факелами на стенах. Чуть живая, девушка попыталась отодвинуться, но Донован удержал ее, и она почувствовала себя бессильной перед ним.

— Я бы предпочла темницу, хотя не знаю, что в ней вы приготовили для меня.

— Ваше мнение больше ничего не значит, и право выбирать для вас осталось в прошлом.

— Почему я должна тут стоять и слушать вас?

Это был уже крик отчаяния, хотя больше всего на свете сейчас Кэтрин не хотела демонстрировать перед ним свою слабость.

— Потому что я так хочу, — холодно парировал Мак-Адам; если бы она могла знать, каких трудов ему стоило сохранять эту холодность!

Она повернулась к нему лицом и только тут осознала, что они стоят, тесно прижавшись; не находя слов для защиты, Кэтрин отчаянно сжала кулачки и толкнула Донована в грудь.

Ее мучитель не ожидал нападения и успел получить еще один ощутимый толчок в грудь, прежде чем перехватил ее руки. Он был зол на себя. Что можно требовать от усталой, измученной, напуганной женщины, и стоит ли осуждать ее за отчаянный отпор? Несмотря на внешнюю суровость Донована, его

переполняло желание нежно и ласково обнять девушку. Если бы ему удалось найти пару слов утешения, если бы он мог надеяться, что эти слова встретят понимание! Впрочем, Донован тут же решил, что нельзя проявлять слабость в отношениях со своей будущей женой: схватив ее за руку, он повлек за собой, в свои покои, расположенные на втором этаже. Они поднялись по лестнице, прошли прихожую, еще одну комнату. Донован подтолкнул девушку к дверному проему и вошел вслед за ней. Пинком захлопнув дверь, он привалился к ней спиной и просунул руки за пояс, наблюдая за своей жертвой. Кэтрин огляделась: в комнате стояла массивная мебель и громадная, заполняющая собой едва ли не полкомнаты кровать. Затем она вновь оглянулась на Донована и глубоко вздохнула.

— Я вас не боюсь.

Девушка справилась со своей интонацией лучше, чем ожидала.

— Я не собираюсь вас пугать, леди Мак-Леод, — ответил тот.

Кэтрин отвернулась от него и подошла к большому камину; встав на колени, она растопила его. Вскоре в лицо повеяло жаром. Затем, поднявшись, она налила вино в кубок и повернулась к Доновану.

Медленно, словно дразня, Кэтрин поднесла кубок к губам и осушила его, не сводя глаз с Донована. Тот чуть не рассмеялся: даже в этой тупиковой ситуации она считала должным держаться вызывающе и стоять до конца. Но она не знала, что у него в кармане лежал указ короля, объявляющий их женихом и невестой. Донован не спешил ознакомить ее с документом: сперва

предстояло подчинить ее своей воле, ибо ему не улыбалось заполучить в жены девушку, с которой придется вести пожизненную войну. Он заставит ее примириться со своим жребием, докажет ей всю бессмысленность борьбы против короля и него. А уже приручив ее, он сможет в полной мере наслаждаться жизнью, которая станет вдвойне прекрасной от того, что он будет обладать ею, леди Кэтрин Мак-Леод.

— Леди Кэтрин, налейте-ка вина и мне.

Она не двинулась.

— Позовите пажа, пусть он прислуживает.

— Нет, — сказал Донован тихо, — это сделаете вы. Если же вам не угодно остаться здесь, вас охотно проводят в грязную, сырую и, честно говоря, очень неудобную тюремную камеру: их у нас достаточно.

Говоря это, он подошел к столу и со вздохом удовлетворения опустил на стул. Поставив локти на стол, Мак-Адам улыбнулся девушке.

— Там, рядом с кувшином вина, поднос со всякой всячиной. Я бы не прочь ее отведать. Между прочим, я проголодался не меньше вас.

— Будь ты проклят! — закричала, не выдержав глумления, Кэтрин.

Донован с угрозой на лице приподнялся со стула.

— На этот случай у нас есть подвал. Жаль, очень неразумный выбор, госпожа Мак-Леод.

— Пойдите!

Она сверкнула глазами и, повернувшись, нарочито медленно ножом нарезала мясо. Закончив, она взяла тарелку в одну руку, оставив нож в другой.

— Стоять! — Голос его оставался холодным и спокойным. — Не надо глупостей, Кэтрин. Вы слишком

утомлены, чтобы покончить со мной этим ножичком. Отложите его в сторону и принесите мне лучше что-нибудь выпить.

И вновь она подчинилась, отложив месть до более удобного случая. Кэтрин подала ему кубок и тарелку, спрашивая себя: неужели он находит извращенное удовольствие в том, чтобы начать есть, прежде чем предложить ей? Господи, как она его ненавидела!

Донован следил за ней, читая ее мысли, и на какое-то мгновение ощутил прилив нежности. Но он не мог себе позволить, чтобы Кэтрин заметила его истинные чувства. Девушка слишком сообразительна, слишком умна, и впоследствии ему пришлось бы дорого заплатить за такой промах.

— Положите что-нибудь себе и садитесь рядом.

Голос Донована звучал ровно и чуть глухо.

— Я не желаю есть с вами за одним столом, — резко ответила она, глотая слюну.

Донован пожал плечами и улыбнулся:

— Да будет так. Я предпочитаю стройных женщин.

Мак-Адам зашел слишком далеко. Опершись руками о стол, она глубоким голосом сказала:

— Я отказываюсь играть в эти ваши игры. Что вы со мной намерены делать дальше?

— Держать вас здесь, — сказал он хладнокровно.

— Вы не пленница короля, а моя узница.

Лицо Кэтрин сделалось мертвенно-бледным, ей потребовалось все ее самообладание, чтобы удержать себя в руках.

— Тогда, как узница, я имею, по крайней мере, право, чтобы меня оставили в покое. Почему я должна сверх прочего терпеть еще и ваше присутствие?

Донован улыбнулся.

— У вас слишком острый язычок, леди Мак-Леод. Я вас излечу от этого. И от многого другого. — Он встал, и у Кэтрин перехватило дыхание, когда он, такой огромный, наклонился к ней. Он взял ее за плечо и привлек упрямо сопротивляющуюся девушку к себе. — Я ваш тюремщик, — сказал он голосом, не терпящим возражений. — Вы моя узница до тех пор, пока я это считаю нужным. Величайшая милость, на которую вы можете рассчитывать у короля — это холодная камера до конца жизни. Я единственный, кто может помочь вашему семейству спастись от полного истребления. Слушайте меня внимательно, Кэтрин. Единственное, что вам остается, — умиловать меня, иначе я буду вынужден вам посочувствовать...

— Умиловать вас? — чуть не простонала девушка. — Это и будет наказанием за верность моему королю? Никогда!

Донован усмехнулся.

— Нет, тюремная камера не для вас. Пожалуй, я определю вам другую участь.

Он привлек ее к себе, и ее губы приоткрылись в почти беззвучном возгласе протеста, но все, что она хотела сказать, было заглушено его поцелуем. Одной рукой он прижал к себе ее сопротивляющееся тело, а другой удерживал сзади голову девушки с рассыпавшимися по плечам волосами. Она слышала глухое биение его сердца, и, как ни странно, ее сердце стучало в одном ритме с ним.

Вначале поцелуй был грубым, испытующим, требовательным, затем стал мягче, и нежность губ мужчины окутала ее сознание дурманящим туманом...

Но в этот самый миг, почувствовав первые признаки капитуляции, Донован отпустил ее.

Неопытность и неискушенность Кэтрин стала ясна для Донована с первого же прикосновения к ее губам, и в глубине души он был рад этому. Глянув в разгоряченное лицо девушки, он сказал:

— Я буду держать вас здесь, рядом с моими комнатами.

— Нет! — Ее охватила паника. — Вы втопчете в грязь мое имя. Вы не сможете это сделать!

— Эх, леди Кэтрин, леди Кэтрин. Смогу. И сделаю.

Он выпустил ее из рук и двинулся к двери. На какое-то мгновение ей захотелось броситься ему в ноги, просить, умолять, обещать все на свете, лишь бы он отпустил ее. Но уже в следующий миг в ней снова заговорила гордость.

У двери он остановился и оглянулся.

— Предупреждаю вас, Кэтрин, сегодня вечером вы можете наслаждаться вашим ужином в мире и одиночестве. Но вот завтра... — он пожал плечами, и в глазах у него вспыхнул злой огонек, — завтра... А впрочем, кто знает...

Дверь за ним захлопнулась, и Кэтрин услышала, как поворачивается ключ в замке.

Дикость происходящего лишь сейчас дошла до нее. Он — человек без собственности и земли, она — отпрыск богатого и славного рода. Донован хотел заполучить и ее богатство, и имя. Принудив ее к связи, он тем самым лишал Кэтрин Мак-Леод всяких надежд на достойный брак в будущем. Мак-Леоды — родня Стюартов. Никто не смеет принуждать ее к браку, да

еще с таким безродным человеком, как Донован Мак-Адам.

Она подошла к столу, взяла мясо и хлеб и, усевшись на кровати, приступила к ужину. Она добьется того, чтобы сперва предстать перед королем вместе с братом. А там... там останется полагаться на милость Якова...

За дверью ее комнаты Донован шагами мерил комнату, пытаясь убедить себя, что поступил правильно. Она — в его власти, в конце концов! Но почему он не сказал ей, что уже назначен день их свадьбы? Через шесть недель она станет его женой, хочет того или нет. Пока он видел в ее глазах гнев, упрямство, протест, надменность... Что же он хочет увидеть в них?

Он кинул взгляд на дверь и еле удержался, чтобы не броситься туда. Он может войти и взять ее прямо сейчас. В конце концов, что может помешать этому? Донован пересек комнату, и рука его, задрожав, потянулась к дверной ручке.

Нет, это слишком опрометчиво! Кроме того, ему не приходилось до сих пор насиловать женщин, и он не собирался приобретать этот опыт сейчас и здесь. Нет, подумал Донован, лучше сломить ее волю и заставить добровольно подчиняться ему... Добровольно — эта мысль захватила Донована. Перед тем как он скажет ей о предстоящей свадьбе, Кэтрин должна признаться ему, что хочет его не меньше, чем он ее. Она девушка чувственная, он определил это с первого же поцелуя. И при этом — неискушенная. Донован соблазнил при дворе не одну красавицу леди, и опыт его не исчерпывался двором. Решено: он ее приручит, заставит саму прийти к нему, а затем уже, получив от нее то, что хочет, сделает своей женой. Впереди его ждут

знатность, богатство, и леди Кэтрин Мак-Леод — идеальная женщина для того, чтобы стоять рядом с ним.

Эндрю, в сапогах и при шпорах, нетерпеливо стоял за закрытой дверью. Там, внутри — Энн, милая и такая непредсказуемая в своих поступках Энн. Когда пришла весть об аресте и Кэтрин, Энн проявила выдержку и мужество, которые едва ли кто мог ожидать от хрупкой девушки.

Эндрю знал, что она потихоньку продает свои драгоценности, чтобы как-то свести концы с концами, и ненавидел себя за бессилие ей помочь.

Он ждал. Прошло десять дней с тех пор, как он увидел ее в коридоре и отказался ответить на вопрос, кто он такой. Десять дней. Эндрю понимал: Энн сознательно избегает его. Он встал и заходил по комнате, похлестывая кнутовищем по сапогам. Он был раздражен, и Энн знала, что ее домоправитель нервничает и ждет. Раздражение Эндрю выросло еще больше, когда дверь открылась и слуга объявил:

— Мисс Энн готова поговорить с вами.

Эндрю быстро шагнул к двери и на секунду обернулся, окинув слугу таким хмурым взглядом, что у любого пробежали бы мурашки по телу: мощное сложение Эндрю и его недюжинная сила в сочетании с внешностью человека, успешно прошедшего через горнило рукопашных сражений, произвели впечатление. Тот, втянув голову в плечи, поспешно ретировался. Эндрю показалось, что он слышит нежный смех Энн, но когда он повернул голову, лицо девушки было невозмутимым.

Все его дурное расположение духа испарилось, стоило ему увидеть ее. Энн была в голубом — цвет, который все эти дни неизменно напоминал Эндрю о девушке. Она сидела сейчас в кресле с высокой спинкой, опустив ноги на маленькую табуретку.

— Доброе утро, госпожа Мак-Леод.

Ему хотелось сказать совсем другие слова, но это было все, что он мог себе позволить.

— Эндрю, у вас такой вид, будто вы собираетесь одним своим появлением навести порядок на пограничье. Это правда, что вы собираетесь уехать? В чем дело?

Эндрю не мог сказать Энн правду о причине своего отбытия: ему удалось установить контакты с теми, кого он искал: людьми, готовыми за вознаграждение изменить королю, и сегодня ему назначена встреча. Разумеется, в это он ее посвятить не мог, а потому замялся, не находя нужных слов. (Для Эндрю — ситуация необычная: у себя на родине он слыл отменным краснобаем. Еще он начал в последнее время гордиться внезапно открывшейся способностью лгать, не смущаясь, — и вот сейчас он не в состоянии был это сделать.)

— Я уеду на весь день, и к утру снова буду дома, — сказал он, понимая, что не такого ответа она ждала. Когда Энн, сохраняя молчание, вновь глянула на него, Эндрю понял, что она ждет разъяснений. — Я хочу взглянуть, что происходит в пограничье, — сказал он.

Получилось довольно правдоподобное объяснение тому обстоятельству, что он скачет в сторону Англии. Учитывая завтрашнее заседание парламента, крайне важно получить представление, насколько позиции

короля там прочны. Люди пограничья — главная опора Эндрю.

Бледное лицо и почти умоляющие глаза Энн сбили его с мысли. О, ему хотелось сказать больше, гораздо больше!..

Она встала и подошла к окну, повернувшись к нему спиной.

— Эндрю... Что с Эриком и Кэтрин?..

— Донован Мак-Адам удерживает Кэтрин, и, как мне сообщили, она в безопасности и не испытывает неудобств. Что касается вашего брата, то...

Она резко обернулась; на лице у нее были явственно написаны страх и тревога.

— Господи Святой, Энн, не надо так! Даже Якову не по силам перевешать всех лордов в Шотландии! — Эндрю прикусил язык, но было поздно. Энн снова отвернулась, и он успел заметить слезы в фиалковых глазах. — Вы боитесь, Энн? — спросил он мягко.

— Нет, не боюсь, но скажите, Эндрю, как можно судить моего брата за измену, когда он сражался за правящего короля? Он поклялся ему на верность и не мог изменить слову, не запятнав при этом свою честь! А Кэтрин? Вся ее «вина» в том, что она пыталась предотвратить кровопролитие. Что же творится?

— Строго следуя закону, Яков не может их судить. Но, — добавил Эндрю, — теперь он уже помазанный на царство король. Среди тех, кто окружает его, много людей, изменивших прежнему монарху, а что для них совесть и закон? Сами знаете: закон что дышло, как повернул, так и вышло... Однако, — сказал он тихо, приблизившись к ней сзади, — вы знаете далеко не все.

Она обернулась так стремительно, что Эндрю оказался в опасной близости от девушки, и сил, чтобы отступить на шаг-два назад, у него не было.

Глаза Энн синели, как два северных озера; ее губы приоткрылись в беззвучном вопросе, вопросе, на который он ей не мог ответить. Ему так хотелось привлечь девушку к себе и сказать, что он сделает все возможное, чтобы ей было хорошо.

Смотрела ли бы она на него с тем же доверием и надеждой, если бы знала, кто он на самом деле? Его целью являлось заключение мира, но чтобы достичь этой цели, приходилось иметь дело с изменниками...

— Мне нужно ехать, леди Энн...

— Эндрю, знайте, что я ничего не боюсь, когда вы рядом. Я верю вам, хотя далеко не все знаю и понимаю, и буду очень и очень ждать вашего возвращения. Может быть... когда-нибудь вы сможете рассказать мне о тех вещах, в которые я не посвящена.

Эндрю почувствовал в душе боль, прежде ему неведомую. Он собрал всю силу воли, чтобы отступить назад и сделать дистанцию между собой и Энн более безопасной.

— Будьте бдительны в дороге, и да сохранит вас Бог, Эндрю!

— Неужели вы отпустите вашего рыцаря, не подарив ему чего-нибудь на память?

Ему немалых сил стоила эта игривая улыбка и шутливый тон.

— На память? — переспросила Энн полусшепотом.

Он потянулся, чтобы снять с ее шеи тонкий, синий платок. Зажав его в своей громадной руке и прижав к губам, Эндрю вдохнул в себя его аромат. Кто знает,

может быть, ему никогда не удастся увидеть девушку вновь, но он не мог уехать, не захватив с собой вещицу, напоминающую о ней.

Энн еще долго стояла, глядя на закрывшуюся за Эндрю дверь. Никогда в своей жизни она не испытывала такого борения чувств. Весь ее прошлый опыт говорил, что она поступает плохо. Эндрю — слуга, а она... Энн смешалась. Теперь уже и она не знала точно, какое место в обществе будет занимать ее семейство. Но так или иначе существует фамильная гордость, и она останется, даже если все остальное будет утрачено. И все это было так невероятно, так ошеломляюще, когда он оказывался рядом...

Приложив руку к груди, Энн ощутила глухие удары сердца и глубоко, и порывисто вздохнула.

Эндрю направился к югу, погоняя коня, и еще до наступления полуночи пересек границу с Англией. В условленном месте его уже ждали двое.

— Сэр Эндрю, — сказал первый, — какая честь для нас! По правде сказать, я не был уверен, что вы придете.

— Как видите, я прибыл, но у меня очень немного времени. Мне нужно во что бы то ни стало вернуться до рассвета.

Эндрю торопливо сбросил платье и оделся в тонкую рубашку, бриджи и бархатный камзол. Одежда слуги с гербом Мак-Леодов могла погубить его в этом месте и в это время. В одно мгновение он вновь превратился в сэра Эндрю Крейтона.

— Мы тут на днях переполошили все пограничье, Якову на потеху, — с ухмылкой сообщил первый.

— Вы что, сделали набег? — поинтересовался Эндрю.

— Ага, точно. Сегодня вечером и ночью следует ждать карательной экспедиции. Тем более что нынче полнолуние.

— Чудесно, — саркастически сказал Эндрю, — чего мне только не хватало, так это наткнуться на разъезд шотландцев.

— Особенно если во главе его сам Мак-Адам, не так ли? Он, кажется, отвечает за порядок на пограничье.

— Он самый, и помяните мое слово: не стоит с ним связываться, если только положение не станет совсем безвыходным.

— Он что, очень опасный, а?

— Нет, — ухмыльнулся Эндрю. — Он еще опаснее.

Эндрю передал первому человеку пакет.

— Здесь мой отчет королю. Гляди, чтобы завтра вечером он уже был в Лондоне. Эта весть важнее всех остальных вместе взятых, так что в случае чего отвечаешь головой.

— Будьте спокойны, сэр Эндрю, на меня можно положиться. — Он передал Крейтону кольцо со сверкающим на нем рубином. — Король желает быть уверенным, что все будет в порядке и с вами ничего не случится.

Эндрю нетерпеливо принял подарок короля.

— У меня сейчас куча дел, нужно торопиться. Дело в том, что я...

— Понятно. Вы обещали кому-то вернуться до рассвета. Скажите, она как, хороша собой?

Эндрю улыбнулся, вынул тонкий, синий платок, вдохнул его аромат, и вновь бережно спрятал за пазухой.

— Она из тех, кто является лишь во сне, друг мой, и это все, что вам следует знать. Ну, в дорогу!

Эндрю пересел на свежую лошадь, и вновь началась бешеная скачка. Ночь казалась идеальной для поездки. Обратно с сэром Крейтоном отправился спутник — человек, который отныне должен был исполнять для него обязанности посыльного. На сон этой ночью не приходилось рассчитывать, главное — вернуться вовремя.

Энн осталась без защиты, она в любой момент могла стать мишенью для властвующих мародеров. Эндрю знал о ее мужестве, но девушка нуждалась в мужской защите.

Его спутник не разговаривал. Он чувствовал, что сэр Эндрю не в духе, и обоим следовало проявлять предельную осторожность. После набегов англичан через пограничье в любой момент можно было ждать появления Донована Мак-Адама.

Они пробрались через густой лес, и чаща начала редеть. Перед тем как покинуть ее, они перевели лошадей на шаг. Луна высоко стояла в небе, они не заметили какой-либо опасности на поляне, которую предстояло пересечь. Осталась какая-нибудь пара деревьев, и Эндрю уже почти выехал из тени деревьев, когда кпереди, откуда ни возмись, появились три всадника. Эндрю тихим возгласом приказал своему спутнику остановиться и не покидать леса. Он понял, что замечен, и сумел узнать в одном из приближавшихся всадников Донована Мак-Адама.

— Стой, — сипло прошептал он. — Живо спешься и веди коня в чащу. Они тебя, кажется, не заметили. Натяни арбалет и держи под прицелом их начальника. Судя по всему, мне придется с ним сразиться. Я знаю его как человека слова, но если я проиграю, будь готов в любой момент убить его стрелой из арбалета.

— Да, сэр.

Эндрю остановил свою лошадь. Теперь уже не оставалось сомнений, что эта троица движется на него. Быстро выхватив из-за пазухи платок Энн, он обвязал его вокруг нижней части лица. Теперь он вполне мог сойти за бандита. Донована Мак-Адама, скорее всего, не так трудно было втравить в поединок один на один. Ну а дальше, по местному обычаю, победитель получал возможность скакать или идти прочь. Эндрю ждал.

— Ни шагу дальше, — крикнул он через минуту.

— Я хочу подъехать достаточно близко, чтобы увидеть, кто вы, — откликнулся Донован. Эндрю улыбнулся.

Ну, разумеется, подозрительный шотландец хочет опознать его.

— Нам не о чем говорить. Разойдемся по-хорошему, или вы предпочитаете скрестить оружие?

— Зачем вы здесь?

— Обойдемся без вопросов.

— Много ли у вас с собой денег?

Донован придвинулся чуть ближе. Уж не знает ли он этого англичанина? Если бы не его изысканный наряд, его память сразу подсказала бы ему верный ответ.

— Я не собираюсь платить выкупа, — откликнулся Эндрю. Пора было остановить настырного шотландца, не дав узнать себя. Наличие свидетелей

давало шанс, что Донован едва ли рискнет нарушить слово чести, а значит, если Эндрю победит, то благополучно двинется своим путем. — Не лучше ли будет сразиться один на один, чтобы снять имеющиеся у вас еще вопросы?

Произнеся эти слова шутливым тоном, Эндрю подумал, что единственная его гарантия против опознания — лучник, целящийся сейчас в сердце Донована, но это — крайний случай, а Эндрю надеялся, что все обойдется без крайностей.

Донован колебался не более секунды. Он должен был сорвать маску с этого незнакомца и убедиться, насколько справедливы его подозрения.

— Идет, — сказал он.

Эндрю приходилось сейчас сражаться за себя и за гораздо большее — чтобы защитить Энн от губительного для ее семейства разоблачения в том, что они укрывали в своем доме английского шпиона. Опасность оказаться раскрытым существовала всегда, но только не сейчас, не здесь и не этим человеком!

Оба они спешили, обнажили мечи и пошли навстречу друг другу. Через несколько секунд они сошлись на расстояние, достаточное для схватки.

7

Эндрю был убежден, что Донован его не узнал, но, увидев напротив прищуренные глаза противника, понял, что тот полон подозрений. Что-то вроде дрожи пробежало по телу Эндрю: он должен был одержать сегодня победу. В известном смысле это была возможность отыгаться за долгие недели и месяцы подчиненного положения и деланной покорности.

На пограничье принято держаться сказанного. Мало кто решался нарушить данную клятву и покрыть себя несмываемым позором. Теперь перед Эндрю стояла задача одержать верх на Донованом и при этом остаться неузнанным. Он заметил, что спутники Донована также спешиваются.

— Если мне удастся себя защитить, милорд, — иронически спросил он, — могу ли я быть уверенным, что мне не придется обороняться еще от двух клинков?

— Англичанин! — Смех Донована отдался эхом. — Ты хочешь заранее обвинить меня в бесчестии?

Эндрю пожал плечами, и улыбка сошла с лица Донована. Раздраженно шотландец прокричал через плечо:

— Этот джентльмен, кажется, усомнился в нашей порядочности, друзья мои. — Со стороны его спутников послышались возмущенные выкрики. — Объясните ему, — улыбка вновь появилась на лице Донована, — что если он окажется сильнее меня, то сможет идти, куда ему вздумается.

Всем своим видом и тоном Донован показывал, что шансы противника получить такую возможность ничтожны.

Эндрю — высокий, гибкий и стройный в своем черном бархатном камзоле резко контрастировал с Донованом, облаченным в одеяние из дубленой кожи. Одежда англичанина стала как раз одной из причин повышенного внимания Донована к личности сэра Крейтона. Если это переодевание, то для чего и с какой целью? На свои вопросы Донован рассчитывал получить ответ в самое ближайшее время. Противники сбросили плащи и куртки. Донован закатал рукава по локоть, и

они встали в боевую позицию. Клинки с лязгом сошлись, и удары стали о сталь наполнили ночной воздух.

Первый удар Донована Эндрю отбил, затем стал имитировать неуклюжесть и даже некоторую оробелость. У Донована была репутация сильного бойца, и Эндрю пытался показать шотландцу, что напуган. Двое шотландцев смеялись, ими овладело веселое настроение; Эндрю продолжал отступать от Мак-Адама, настойчиво преследовавшего его.

Глаза Донована сверкнули весельем. Он двигался грациозно и в то же время целеустремленно. Несмотря на свою массивность, он легко маневрировал. Эндрю нарочито неуклюже оступился, уходя от ложного выпада, и в это мгновение, решив, что соперник потерял равновесие, Донован обрушил на него страшный удар. Он хотел, прежде чем убить противника, сорвать маску с его лица и убедиться в своей проницательности.

Но к Эндрю внезапно вернулось его, казалось бы, утраченное мастерство: резким круговым движением меча он отвел удар и выбил клинок у Донована из рук.

Все были настолько ошеломлены, что на несколько секунд воцарилась полная тишина. Донован стоял, обезоруженный, перед Эндрю. Он не казался испуганным, хотя знал, что находится на волоске от смерти, совершенно открытый для решающего удара противника. Но почему англичанин не рубит его своим мечом?

Однако Эндрю хотел продемонстрировать, что знает толк в обычаях пограничья, согласно которым убийство безоружного рассматривается как бесчестный поступок. Главной целью всех его действий были переговоры о

мире, венцом и итогом которых должен был стать брак между Яковом и английской принцессой Маргарет. Убив шотландца, он разрушил бы всякую надежду на заключение мира, ибо перед ним была правая рука короля.

Во взгляде Донована читался вопрос, и, хотя сейчас он находился во власти соперника, Эндрю также ощущал себя не в своей тарелке.

Эндрю улыбнулся под платком, и Донован, уловив улыбку, озлобился еще больше. Вот и хорошо, подумал Эндрю: озлобленный человек теряет осторожность.

— Английский шпион! — выдохнул Донован.

— Это я-то, милорд? Я всего лишь скромный налетчик, искатель удачи.

Донован явственно ощутил веселье в голосе Эндрю.

— И я должен поверить в это? Сними маску!

— Вы, кажется, забыли, что ваша жизнь висит на волосок от смерти, милорд? — отозвался Эндрю, после чего преподнес шотландцу сюрприз. Кончиком меча поддев рукоятку лежащего на земле меча Донована, он изящно подбросил его в воздух, так что Донован машинально поймал его. Даже стоявшие рядом шотландцы с одобрением отметили отвагу и благородство бойца, хоть бы он даже был проклятым англичанином. Однажды взяв верх над Донованом Мак-Адамом, было верхом безрассудства предоставлять ему дополнительный шанс; даже побежденный не мог не ощутить прилива уважения к противнику.

— Может быть, милорд, — негромко заметил Эндрю, — существуют вещи более важные, чем наш с вами поединок? Например, способ навести мосты дружбы между Англией и Шотландией?

— Сними маску, и мы обо всем поговорим.

— Нет.

— Тогда я не могу принять на веру ни одного твоего слова. Ты — шпион, а значит, должен умереть.

Донован чувствовал легкую растерянность и злобу на себя. Ведь ему ничего не было нужно, только снять маску с противника. Но тут же другая мысль пронзила его: если это Эндрю Крейтон и он действительно английский шпион, насколько посвящены в тайну его появления Мак-Леоды? Неужели благородное шотландское семейство вовлечено в общий с англичанами заговор с целью смещения Якова? Это следовало узнать, действуя куда осторожнее. Эндрю оказался вовсе не новичком в деле фехтования, каковым он притворялся до сих пор, а мастером этого дела, и потому схватка становилась не на шутку серьезной. Старая ненависть переполнила Донована Мак-Адама. Англичанин против шотландца... Англия против Шотландии...

— К оружию, — сказал Донован.

Он пытался убедить себя, что намеревается убить всего лишь английского шпиона. Но для него было важнее вызнать, какое отношение этот шпион имеет к Мак-Леодам... и в особенности к Кэтрин. Поединок продолжился, превращаясь в изнурительное и жестокое состязание.

Ни слова не вылетело из уст воинов, наблюдавших за действиями своего господина. Оба противника были в поту, ткань рубашек прилипала к телам. Лязг стали разносился над поляной.

Эндрю, целые сутки не слезавший с коня, устал быстрее Донована. Надо было заканчивать дело раньше,

чем силы окончательно оставят его. Но Донован обладал прекрасной реакцией и теперь сражался в полную силу.

Они бились уже полчаса, и Эндрю почувствовал, что он на пределе. Он слышал глухой и частый стук сердца в груди, стараясь экономить силы, восстановить дыхание и прежнюю точность удара, отбивал удары внешне легко и изящно, постоянно уходя из области досягаемости Донована.

Примерявшись к атаке, Эндрю скользнул мечом под клинком Донована, намереваясь его потеснить и далее продолжить схватку. Но действовал он уже из последних сил, и Донован почувствовал это. Он обращался с оружием играючи, пряди мокрых волос прилипли к его лбу: шотландец тоже берег силы. И вот меч Донована поразил плечо Эндрю, так, что меч англичанина выскользнул из его рук. Теперь Эндрю оказался в положении, в которое чуть раньше поставил Мак-Адама. Эндрю вернул ему выбитое из рук оружие, поступив по-рыцарски и по законам чести Донован также не мог прикончить противника, оставшегося без оружия. Его единственным желанием было сорвать маску с побежденного и доставить шпиона к Якову. Но... сделай он это, расплата будет совершена как со шпионом, так и с Кэтрин, со всей семьей Мак-Леодов... Доновану захотелось найти способ обезвредить врага не сейчас и иным способом.

— Сними с пальца кольцо и брось на землю.

Эндрю подчинился, проклиная себя за то, что не послушался совета и не отослал его обратно в Англию.

— А теперь, — сказал Донован негромко, подойдя на шаг ближе, — самое время посмотреть, кто ты такой.

— Я бы не стал приближаться дальше, милорд, — еще тише ответил Эндрю, — за деревьями прячется мой человек с арбалетом на изготовку, его стрела нацелена вам в сердце. Убьете меня, умрете сами. Думаю, нам следует отложить нашу битву до другого случая.

От этих еле слышных слов Донован вздрогнул. Глаза его метнулись в сторону чащи: что-то говорило ему, что англичанин не лжет.

Боль в плече Эндрю была ощутимой, но рана была неопасной. Ему приходилось проходить и через худшее. Тем не менее, рубашка его окрасилась кровью. Эндрю взглянул в мрачное лицо Донована.

— Воспользуйтесь мечом, и вы умрете там, где стоите.

Донован понимал, что он, с его ростом, — идеальная мишень для стрелка. Не отводя взгляда с Эндрю, он отступил на шаг.

— Ты похож на поросенка, надетого на вертел, — бросил он, — и весь нашпигован хитростью и обманом. Прощельга и притворщик, как, впрочем, и все англичане!

— Вот слова, достойные истинного бандита и невежи, — парировал Эндрю.

— Ты весь состоишь из лжи и обмана!

— А может быть, и нет никакого обмана, зато есть кое-какие соображения, которые не мешало бы кое-кому выслушать?

— Соображения англичанина!

— И все же обдумай их, пока будешь возвращаться домой. Если бы Яков умер, это привело бы на престол его брата-младенца, за которого станут править корыстные и продажные лорды.

У Донована перехватило дух. До сих пор он беспокоился лишь о безопасности Якова, начисто забыв про его маленького брата. Яков отдал его под надзор и опеку Донована. Если бы англичанам удалось похитить его, они заполучили бы в свои руки возможного короля, а это привело бы к смуте в Шотландии. Сказанное следовало понимать так, что есть изменники в ближайшем окружении Донована. Теперь он хотел знать имена.

— И кто же те лорды, что выиграли бы от этого?

Эндрю усмехнулся.

— Всеу свое время, — ответил он.

Ему следовало иметь большую уверенность в своей безопасности и располагать козырем, разыграв который можно было бы заставить Якова всерьез прислушаться к предложению о браке.

— Мы еще встретимся, — пообещал Донован.

— Питаю надежду, что это будет встреча не с лихим рубакой, а с умным человеком.

Донован сжал зубы, но обуздал свой гнев.

— У меня чувство, что это произойдет гораздо быстрее, чем ты полагаешь.

Он отсалютовал Эндрю мечом, и спустя минуту троица шотландцев ускакала, а Эндрю двинулся к лошади.

Его спутник вынырнул из-за дерева и встал рядом.

— Тяжелая рана, сэр?

— Нет, ерунда. Если бы не ты, он бы меня прикончил на месте, — успокоил его Эндрю.

— Да, это было зрелище, так зрелище, сэр. — В голосе стрелка проскользнуло восхищение. — Насколько я знаю, никому еще не удавалось взять верх

над Донованом Мак-Адамом. Увидеть его обезоруженным — за это многие дорого бы заплатили.

Только сейчас Эндрю до конца понял, кем был Мак-Адам в пограничье: он стал легендой и непоколебимым авторитетом.

— Вам так нравится этот грабитель и налетчик?

— Не то чтобы так, сэр... Он просто шотландец, но перед ним не грех снять шапку и англичанину.

— Ладно. У меня за плечами длинный и тяжелый путь, а на месте встречи я теперь окажусь не раньше утра. Ты отвезешь за меня это послание, а я немедленно возвращаюсь в Эдинбург.

Он вручил связку писем молодому человеку и приказал поскорее садиться на лошадь. В бумагах были имена людей — лорд Дуглас, лорд Флеминг и прочие — тех, кто давал ему в руки средство привлечь внимание шотландского короля к предложениям Англии. Насколько Эндрю уважал людей, готовых сражаться с противником лицом к лицу, пусть даже ради не вполне праведной цели, настолько он презирал тех, кто предавал под покровом ночи. Ни симпатии, ни сострадания он к ним не испытывал.

Он начал искать контакты с такими людьми, и его усилия на редкость быстро увенчались успехом. Два лорда должны были стать опекунами мальчика-короля в случае, если бы в отношении Якова заговор увенчался успехом. Но у Эндрю имелись свои планы.

Встреча произошла в слабо освещенной из-за опущенных штор комнате. Эндрю предложили вина и сообщили ценную новость.

— Сэр Эндрю, пока вы наслаждаетесь вином, — сказал Флеминг, — позвольте вас попотчевать свежими сплетнями. Клубничка, но может иметь немалое значение. Кажется, наш король ударился в любовные похождения.

Эндрю с трудом скрыл свое потрясение. Для них, возможно, это была и приятная новость, но для него определенно нет. Короли склонны к экстравагантным выходкам, если их, не дай Бог, осеняет любовь. А самое главное, едва ли в такой ситуации Яков захочет думать о политическом браке. Однако Эндрю прекрасно владел собой и даже улыбнулся.

— И кто же эта счастливица?

— Мэгги Драммонд, сестра моей миленькой жены, — ответил Флеминг.

— Мэгги Драммонд?

— Мэгги хороша, она способна увлечь даже короля. По крайней мере, сестра ее способна вытворять такое, что даже не снилось убогому мужскому воображению. — Флеминг хихикнул в бороду. — Между прочим, Драммонды уже подарили Шотландии королеву. Кто знает, может быть, история и повторится.

— И речь уже идет о браке?

— Нет... пока. Но все возможно. Впрочем, все же гораздо предпочтительнее видеть на престоле младшего брата Якова. Женщины — сосуд зла, они лукавы и непостоянны, а вот ребенком можно руководить по своему усмотрению.

Эндрю ушел с той встречи преисполненный презрения, и до сих пор это ощущение не оставляло его.

Но сейчас, сообщив о своих планах Джеффри, он должен был ждать. Ждать и хранить себя от железной

хватки Донована Мак-Адама. Последняя задача казалась теперь самой сложной.

Эндрю всю гнал коня. Донован не может вломиться в двери дома Мак-Леодов в поисках слуги посреди ночи. Яков не потерпел бы таких действий со стороны членов двора. Все было еще слишком зыбко, и грубое обращение с такой леди, как Энн, могло вызвать вспышку нежелательных настроений. Но утром Донован уже будет у дверей дома, и Эндрю надлежало оказаться там раньше, чем это произойдет.

Давно он не испытывал такого изнеможения, и прощальные слова Флеминга не выходили у него из головы: «Сэр Эндрю, я понимаю, что Англия обессилена только что закончившейся войной Алой и Белой розы¹. А поэтому Генрих Тюдор, очевидно, предпочитает пользоваться старым методом: засылать шпионов и использовать изменников, вроде нас с вами».

Эндрю злое нахмурился при мысли, что его имя может фигурировать в одном ряду с именами таких подонков, как Флеминг. Но это — в последний раз, пообещал он себе; больше он не позволит ставить себя в такое положение.

Эндрю вспомнилась еще одна поразившая его вещь.

Когда они беседовали, вошел человек Флеминга с подносом в руках, верзила, за поясом у него висел нож с длинной ручкой. Эндрю поразило, какими понимающими взглядами обменялись господин и слуга, когда он случайно упомянул, что Яков III мертв.

Вздрогнув от внезапной догадки, Эндрю сказал:

— Мы, англичане, не укрываем убийц, лорд Флеминг.

¹ Война Алой и Белой розы (1455—1485)—борьба за власть в Англии двух групп феодалов — Ланкастеров (в гербе алая роза) и Йорков (в гербе белая роза).— *Прим. ред.*

— Вы шутите, — рассмеялся Флеминг.

— Отнюдь, — ответил Эндрю и обратился прямо к слуге: — Как твое имя?

— Стивен, сэр.

— Можешь идти, Стивен, — быстро и жестко приказал Флеминг, как показалось Эндрю, с нервозностью в голосе.

Стивен предостерегающе злобно взглянул на хозяина, но повиновался. Теперь Эндрю догадался о многом, а именно, что Флеминг организовал убийство Якова III. Все концы сходились, и когда-нибудь эти сведения могли сыграть Эндрю на руку. Еще он понял, что Донован Мак-Адам стоит на пути не только у него, но и у Флеминга. Но Донован являлся соперником, заслуживающим уважения, и убивать его вовсе не входило в планы сэра Эндрю Крейтона — он вообще не хотел брать грех убийства на свою душу.

Его конь отмерял милю за милей, и мысли Эндрю сосредоточились на Энн. Если явится Мак-Адам, расскажет ли Энн ему о том, что ее домоправитель провел ночь вне дома?

Имея в качестве заключенных сестру и брата, Энн едва ли питала симпатию к Мак-Адаму, но ославиться на всю страну укрывательницей английского шпиона? Это означало бы обесславить весь ее древний род. Вместе с тем, выдав его Доновану, она могла рассчитывать на милосердие короля по отношению к брату и сестре.

Добравшись до дома, он тихо провел лошадь к конюшням. Казалось, весь Божий свет спал, но он не мог позволить себе риска. Дав лошади остыть и вымыв

ее, чтобы не осталось следов ночного путешествия, уже в предрассветных сумерках он проскользнул к задней части дома.

Пробравшись к окну, которое он в подобных случаях оставлял не запертым, Эндрю распахнул его и залез внутрь. Напряжение бессонной ночи, скачки и схватки навалились на него; кроме того, вновь начала кровоточить рана, и от потери крови кружилась голова.

Постояв внутри с минуту, он отшвырнул в сторону плащ и зажег свечу. Повернувшись от стола и сделав шаг к двери, Эндрю оказался лицом к лицу с Энн Мак-Леод, сидевшей в глубоком кресле прямо напротив него.

Как ни быстро скакал Мак-Адам, впереди его ждала задержка: он должен был появиться в замке. Как бы там ни было, Мак-Леоды относились к числу самых знатных фамилий и могли собрать под своими знаменами многих. Со времени коронации Якова буквально замучили заговоры и бунты, и ему совершенно ни к чему был еще один мятеж. Кроме того, сам Донован не горел желанием дискредитировать семейство, к которому относилась его будущая жена. Вспомнив про Кэтрин, он улыбнулся. Появилась лишняя возможность заставить упрямыцу прислушаться к голосу разума. Разумеется, предстояло выяснить, насколько причастна к происходящему Энн Мак-Леод. Донован получит разрешение от Якова на визит к леди, известной своими мягкосердечием и хрупкостью и наверняка считающей его тираном: тем легче будет получить от нее нужные сведения.

Из головы у него не выходили смеющиеся ему в лицо голубые глаза поверх повязанного синего платка. В том,

что это был Эндрю Крейтон, он не сомневался. Но уверенность еще не доказательство. Энн Мак-Леод должна выдать ему этого человека, — едва ли она станет заступаться за него. Но как не пытался он опорочить в своих глазах англичанина, не мог не восхищаться им. Восхищаться и уважать его, невзирая ни на что, ибо немного приходилось Доновану встречать людей столь благородных и с таким чувством собственного достоинства.

За Эндрю Крейтоном стояло нечто большее, чем могло показаться. Кольцо в кармане Донована было единственным в своем роде; по этому колечку он рассчитывает выйти на след владельца.

У Мак-Адама были кое-какие подозрения. Эндрю производил впечатление человека слишком образованного и изысканного в манерах, слишком искусного в обращении с мечом для простого английского наемника. Как бы там ни было, Эндрю оказался одним из лучших фехтовальщиков, с которыми Доновану приходилось сталкиваться. В голове у него даже мелькнула мысль, что таких именно людей он хотел бы иметь в качестве друзей и союзников.

В замке хранилась книга с перечнем всех пэров Англии. При некотором усердии Донован мог выйти на нужное имя и вынуть этот сучок из своего глаза. Мак-Адам с воинами с грохотом въехал в замковый двор. На шум немедленно выбежали сонные слуги, чтобы принять лошадей и вынести по чаше вина хозяевам.

Спешившись, Донован зашагал вверх по каменной лестнице. Перед тем как идти к королю поднимать его с постели, следовало, во-первых, заняться исследованием биографии Эндрю Крейтона, во-вторых, переодеться и

умыться и, в-третьих, подготовиться к объяснению с королем.

Мак-Леоды, кем бы они ни были, принадлежали к высшей аристократии, и Яков меньше всего хотел бы возбуждать недовольство среди дворян. Кроме того, едва ли ему захотелось бы приобретать репутацию притеснителя беззащитных женщин, хотя Донован сильно сомневался, что такое определение применимо к Кэтрин Мак-Леод.

Шагая по длинному коридору, он думал о ней, но оказался совершенно не подготовленным к зрелищу распахнутой настежь двери в свои покои. Быстро метнувшись в тень соседнего дверного проема, он встал там, выжидая. Он должен узнать, кто в его отсутствие осмеливается заходить в его жилые комнаты. Ночь — излюбленное время убийц, а он знал, что немало людей дорого бы заплатили за его смерть.

Но кого он меньше всего ожидал увидеть выходящим из комнат в коридор, так это Кэтрин Мак-Леод, к которой он только что приставил одного из самых надежных своих рыцарей.

Он стоял, притаившись в дверном проеме, и, когда та проходила мимо, поймал ее за руку. Она испустила сдавленный крик.

— Куда вы направляетесь, леди Кэтрин?

Но прежде, чем она смогла что-либо ответить, дверь вновь распахнулась, и молодой человек, ее охранник, стремглав вылетел в коридор. Сделав несколько шагов, он увидел Донована и Кэтрин, и краска стыда залила его лицо.

Кэтрин взглянула на Донована, но ни капли смущения не было видно на ее лице. Более того, она улыбнулась ему.

— Сэр, — с трудом смог выговорить юноша.

Он страшно не хотел глядеть в глаза начальнику, но гордость не позволила ему отвести взгляд.

— Вы что, заснули? — сдержанно спросил Донован.

— Не стоит ругать вашего охранника, — сказала Кэтрин. — Он безупречно бдителен. И очень мил. Мы даже перекинулись с ним в кости.

— Сэр... Я...

— Все отлично, Роберт. Завтра снова станешь на стражу.

— Благодарю, сэр. — Бедный юноша чуть не задохнулся от радости и поспешил уйти, благодаря Бога за то, что сегодня его начальник в редкостно хорошем расположении духа.

Между тем, ничего не говоря, Донован привел Кэтрин обратно в свою комнату. Там он отпустил ее, чтобы сбросить плащ, и устало опустился в кресло. Девушка стояла, следя за каждым его движением.

— Вы действительно не пытались бежать?

— Не пыталась.

— И я так же подумал. Отсюда убежать некуда. Вы ведь тоже это понимали, не так ли?

— Да.

— Тогда чего ради вы все это затеяли?

Он некоторое время изучал ее лицо, затем встал и подошел к ней. Кэтрин взглянула на него, но в глазах у нее не было страха.

— Куда вы шли?

— Я подумала, что, пока вас нет, я, может быть, сумею как-то найти брата. Мне хотелось всего лишь увидеть его, переговорить с ним, узнать, как он.

— Почему же вы не попросили об этом меня?

Его голос прозвучал мягче, чем она ожидала.

— А разве я могу вам доверять? — спросила она тихо.

— Да. Моя репутация — моя гордость. Я ни разу в жизни не нарушил данного слова. Честь иногда остается единственной и самой дорогой вещью, которая у тебя есть.

— А как насчет женской чести?

— О, она тоже драгоценна. Кэтрин, — обратился он, и они сами не заметили, как неофициально прозвучало это обращение, — существуют случаи, от которых никуда не деться, когда от тебя уже ничего не зависит и ты ничем не управляешь. Пора уже принять это. Сегодня можете больше не возвращаться к себе; будете находиться здесь, пока я не найду охранника, менее чувствительного к вашим чарам.

И он шагнул к ней, стягивая с себя камзол.

8

Стащив камзол и отшвырнув его в сторону кресла, Донован сел, чтобы стянуть сапоги. Кэтрин настороженно следила за ним. Если он полагал, что затащить ее в постель дело пустячное, то она продемонстрирует, как он ошибается. Конечно, он мог ее изнасиловать, но ее уступчивостью ему похвастаться не придется.

Донован со вздохом откинулся в кресле; он был очень и очень утомлен. Кэтрин стиснула руки за спиной, чтобы не было видно, как они дрожат.

— Если вы намерены надругаться надо мной, то имейте в виду: я найду способ расквитаться с вами.

— Что ж, придется остерегаться вас каждое мгновение. Следовательно, мне придется постоянно держать вас как можно ближе к себе, — ухмыльнулся Донован.

— Вы же победитель, — с сарказмом заметила Кэтрин, — и с позволения вашего короля вольны делать все, что считаете нужным.

— Ах, Кэтрин, — тихо засмеялся Донован и поднялся, чтобы снять рубашку. Теперь он уже видел неподдельный страх в ее глазах. — Все гораздо проще, чем вы думаете.

Сняв рубашку, он отшвырнул ее. Всякий раз, когда он оказывался рядом, он вносил смятение и путаницу в душу девушки.

— Куда проще взять силой то, что само не желает идти вам в руки, — с отчаянием сказала она.

— Вы уверены, что не желает?

Она чуть не задохнулась от гнева, но ее слишком занимали другие вещи. Его близость производила действие... совершенно нежелательное действие. Потянувшись, Донован легко коснулся ее волос, ощутив их шелковистость.

— Не надо, — сказала она и отбросила его руку.

Он тихо засмеялся и обхватил ее, привлекая к себе.

— Послушайте, Кэтрин. Таков закон жизни, что сильнейший, «победитель», как вы его назвали — властвует над всем. И только сильный способен

распоряжаться этой властью справедливо и разумно. Яков не желает заговоров и мятежей, а потому прибегает к единственному разумному выходу — собирает вокруг себя сильнейших.

— Так вы полагаете подавить мятежи, принудив меня к сожителству? — спросила она.

— Если бы дело касалось сожителства с вами, то вы давно были бы моей. Боюсь, однако, что речь идет о вещи более постоянной и прочной. — Она не отрывала от него глаз, и Донован помолчал несколько секунд, чтобы до нее дошел смысл сказанного.

— Брак! — задохнулась она.

— Именно так, брак!

— Нет, никогда! Без любви? Нет и нет! Это то же самое, что взять меня без брака. Я вас не желаю!

— Никому не интересно, что вы там не желаете. Подписан указ короля. А что до любви, — он засмеялся снова, привлекая ближе ее непослушное тело, — жалок был бы тот, кто влюбился бы в вас, Кэтрин. Вы бы разбили ему сердце и погубили душу. Нет, я возьму вас такой, какая вы есть, и любви здесь нечего будет делать. Надеюсь, и без этого брак будет, по меньшей мере, волнующе прекрасным.

— Я никогда не стану вашей женой.

— Не спешите делать заявления, особенно в тех вопросах, где слово вам не принадлежит. Через несколько недель мы будем обвенчаны, а я не из тех мужчин, которые заставляют жену скучать в одиночестве в пустой постели. У нас будут дети, и тем самым сойдет на нет сама мысль собрать бунтовщиков под знаменами Мак-Леодов.

— И теперь я в ваших руках?..

Глаза ее были наполнены яростью.

— Я бы сказал — в моих объятиях.

— Что ж, тогда не ослабляйте хватку и бдите даже во сне, — сказала она сквозь зубы, — а, вернее всего, приготовьтесь к бессонным ночам. Если вы меня к этому принудите, я либо убью себя, либо... либо буду на каждом шагу изменять вам, и все дети, которых я вам рожу, будут безродными, нагуленными от отцов, о которых вы до конца жизни ничего не узнаете.

Злоба сверкнула в серых глазах Донована.

— Нет, — прошептал он сипло, — вы дадите клятву перед лицом Господа, стоя рядом со мной пред алтарем. С этой минуты вы будете по закону моей, и заверяю вас, что не найдется мужчины, который рискнул бы наставить мне рога. Это уж поверьте. — Он уверенно улыбнулся. — Разумеется, я не стану стеречь вас, как заключенную, но если застану с вами другого мужчину, то ему это будет стоить жизни. И я без колебаний накажу вас в случае измены. Чтобы вы знали, что мое незапятнанное имя и моя честь для меня превыше всего.

Ему хотелось добавить, что слишком хорошо ее знает, чтобы поверить в ее способность отдаться другому мужчине после свадьбы. Донован слишком доверял ее представлениям о чести.

— Пустите меня.

— Может быть... попозже, — сказал он негромко и прижал к себе так крепко, что она слышала каждый удар его сердца и ощущала жар его тела. — А теперь посмотрим, что же меня ждет в браке.

— Нет... нет, пустите меня. Я вам не какая-нибудь шлюха!

— Горячитесь, горячитесь, — сказал Донован, — ведь вам предстоит согреть мою постель. Ну, а сейчас...

С силой он прижал ее к своему телу, все крепче и крепче смыкая кольцо своих безжалостных рук. Она уже не могла дышать, не могла думать, затем его губы прижались к ее, и страстный, опаляющий поцелуй пронзил Кэтрин, вытеснив из ее сознания все мысли и чувства.

Все внутренние барьеры были сломлены, его прикосновения, вкус его губ, его запах — все волновало и будоражило Кэтрин; казалось, никого, кроме них двоих, не осталось во всей Вселенной.

Губы девушки невольно приоткрылись навстречу его поцелую, а руки сами собой обвили его шею. Все мысли о том, что перед ней враг, испарились, и она, незаметно для себя, уступала чужой, неизмеримо более сильной воле.

Донован отпустил ее столь же резко, как и привлек, и Кэтрин ощутила мучительный стыд за свою слабость, в основе которой лежало влечение. Раздавленная пережитым, она метнулась в сторону, но Донован стиснул ее запястье, мешая ударить себя.

— Я никогда не буду твоей!

— Я уже сказал, что не нуждаюсь в уступках: чтобы ты там ни говорила, в твоих жилах течет горячая кровь, и я сумею довести ее до кипения. Хочешь, попробуем сейчас?

Донован двинулся к кровати, заметив в ее глазах страх, который Кэтрин пыталась скрыть. Теперь она боялась самой себя, своей страсти, не подчиняющихся сознанию и воле чувств.

— Я буду ненавидеть тебя до конца жизни.

— Ничего, Кэтрин, это я как-нибудь переживу. Мало-помалу я сумею пробудить более нежные чувства.

— Любовь, например, — с сарказмом сказала девушка.

— Если и не любовь, то уж страсть-то точно. Этого будет достаточно.

— Так тебе неважна любовь, ты готов обойтись и без нее?

— Любовь? Это глупый сон, игрушка для поэтов и мечтателей. Зачем она мне, когда я получу все, что желаю? Прекрасный замок, красивую жену, которая подарит мне здоровых сыновей, состояние. О любви кричат те, у кого ничего нет, ну а меня избавьте, пожалуйста. Я всего добился сам, своими руками, головой, а когда нужно — мечом. И можешь мне поверить, Кэтрин, я никогда не выпускаю из рук то, что сумел схватить.

— Не заставляй меня разыгрывать этот фарс с женитьбой!

— Фарс? Обещаю тебе, это будет настоящий брак, и он совершится как на небесах, так и на земле.

— Ты еще пожалеешь об этом!

— Опять угроза, Кэтрин. Не надо. Не пытайся остановить восход солнца — это выше твоих сил. Вскоре король публично объявит о нашем предстоящем венчании, и мы станем мужем и женой. Ну, ладно, Кэтрин, — заявил Донован, уверенный в глубине души, что сделан первый шаг к тому, чтобы стать хозяином ее воли. — У меня неотложное дело, иначе бы я более убедительно тебе доказал, что твое будущее далеко не так мрачно, как кажется.

— Иди и поскорей дай мне отдохнуть от тебя... А куда ты собрался?

— Уже начинаешь ревновать, любовь моя? — подсмеиваясь, сказал Донован.

— Нет. Просто я надеялась, что ты едешь на какую-нибудь стычку, с которой не вернешься.

Он снова рассмеялся и поцеловал ее еще раз, затем неохотно, со вздохом отпустил и шагнул в сторону, чтобы взять чистую одежду. Глазами Кэтрин, не отрываясь, следила, как он одевается.

Она смотрела, как он натягивает на себя чистую рубашку, белизна которой казалась особенно ослепительной на его бронзовом теле. Да, Донован, без сомнения, красив, и тело его, без преувеличения, прекрасно, но, подумала она с болью, сердце у него из камня.

Кэтрин лихорадочно искала путь к бегству. Но что она могла сделать? Приближенный короля, ее тюремщик обладал почти неограниченной властью...

Переодевшись, Донован сел, чтобы натянуть сапоги, затем встал и поднял плащ.

— Вы здесь в полной безопасности, — с издевательской улыбкой сказал он. — Кстати, можете, не смущаясь, пользоваться моей постелью. Только не вздумайте покидать эти комнаты до моего возвращения, иначе познакомитесь с холодной и сырой камерой. Мои люди получили приказ глядеть за вами в оба.

И он вышел, закрыв за собой дверь.

Кэтрин медленно уселась на кровать и начала размышлять. Было очевидно, что кто-то отбил у Мак-Адама всякое доверие к понятию «любовь». Кто это мог сделать?

И тут ее осенило, как решительно и по полному счету она сможет ему отомстить. А что, если вся его неприступность — лишь доспехи, скрывающие его уязвимость? Что, если это он боится ее, а не наоборот? Она поднялась, разделась и, нырнув под одеяло чужой постели, уснула сном удовлетворенного, прожитым днем, человека.

Улыбка сошла с лица Донована, едва только он вышел за дверь. Ему уже давно следовало заняться другим делом, но в своих расчетах он не принял во внимание то воздействие, которое способна на него произвести исключительная красота Кэтрин.

Он еще раз предостерег себя от легкомысленности в отношениях с этой девушкой. Ошибка в молодости обошлась ему слишком дорого, и он, Донован Мак-Адам, не собирался дважды попадаться в одну и ту же ловушку.

Он не должен подчиняться гипнозу ее прекрасного тела, сказал он себе. Просто он желает ее. Что ж, когда она станет его женой, никаких проблем не будет. Он будет владеть этим редкостным созданием, и жизнь их потечет в русле, где будет много страсти, но никакая любовь не спутает ему карты.

Донован, шагая, рассеянно прикоснулся к шраму на щеке. Она его заклеимила, что ж, теперь его черед. Он овладеет ее телом и душой и, рано или поздно, сделает ее такой женщиной, какая ему нужна.

Сейчас ему предстояло покончить с делом, не терпящим отлагательства. Уверенность в том, что Эндрю Крейтон — английский шпион, заставляла его спешить. Эндрю, если это был он, ранен, и едва ли так

скоро успел вернуться домой. А если он и вернулся, — кто рискнет укрывать английского шпиона и оказывать ему помощь? Энн Мак-Леод не настолько глупа, чтобы рисковать репутацией и будущностью своей семьи. Она слишком любит сестру и брата. А дальше... Эндрю Крейтон заговорит в его руках как миленький, и у Донована Мак-Адама будет дополнительный козырь в его партии с Кэтрин.

Довольный собой, в сопровождении трех воинов, он поскакал к дому Мак-Леодов.

Эндрю, без малейшей боязни представавший перед лицом монархов, хладнокровно встречавшийся с глазу на глаз со смертельной опасностью, остолбенело взирал на пару бездонных темно-голубых, фиалковых глаз.

— Леди Энн... — начал он, запинаясь. Наконец ему пришел в голову естественный в этой ситуации вопрос: — Что вы здесь делаете?

— Дожидаюсь вас. И уже не первый час.

— Но почему?

— Потому, Эндрю Крейтон... или кто бы вы ни были, что у меня к вам есть несколько более чем серьезных вопросов, которые требуют немедленного ответа.

— Боюсь, однако... — Он собрался все отрицать, но Энн уже разглядывала его окровавленную рубашку, и глаза ее расширились от ужаса.

— Вы ранены!

— Так, ерунда, царапина. Я сам обо всем позабочусь, если вы...

— Пожалуйста, хватит! — Ее глаза загорелись гневом, щеки порозовели. Такой Энн ему еще видеть не

приходилось. — Сядьте и, пожалуйста, Бога ради, не кормите меня байками для малолетних детей. Мне приходилось ухаживать за ранами брата, и я разбираюсь, что ерунда, а что — нет. Сидите, я сейчас принесу воды.

— Только не разбудите кого-нибудь, — попросил Эндрю.

— Я не собираюсь никого будить, — надменно подняв подбородок, заявила Энн и вышла.

Эндрю бессильно опустил в кресло. Так... Сейчас ему придется отвечать на миллион женских вопросов!

Энн вернулась через минуту с водой и чистой тряпкой. Поставив тазик на стол, она разорвала тряпку на несколько частей.

— Снимите эту окровавленную рубашку, я найду, куда ее деть. Вы ведь не хотели бы, чтобы ее увидел кто-нибудь посторонний, не так ли? — сказала она голосом, не терпящим возражений.

Может быть, она видит в нем всего лишь слугу, попавшего по собственной неосторожности в переплет, и в силу хозяйского великодушия опекает его, как свою собственность? Если так, то он по мере сил постарается удержать ее в этом заблуждении.

Эндрю осторожно снял рубашку с засохшей кровью и бросил ее на пол. Воцарилось тяжелое молчание, и он беспокойно поднял глаза.

Энн стояла с разорванными тряпками в руке и смотрела на него как зачарованная. Ничего лишнего не было в его мускулистом теле. Множество шрамов покрывало кожу, а играющие мышцы выдавали в нем физически сильного человека, привыкшего к седлу и мечу. Тонкая талия, мощная грудная клетка, широкие

плечи. От него так веяло мужественностью, что у Энн перехватило дыхание. Глаза их встретились, и что-то неуловимое изменилось в их взаимоотношениях.

Мучительным усилием Энн отвела взгляд и сосредоточила внимание на тряпке, которую от волнения скомкала в руке.

— Сядьте... пожалуйста.

Голос у нее прозвучал слабее обычного.

Эндрю сел, глубоко вздохнув всей грудью, пытаясь остановить волну того, что он назвал бы вожделением, но что, по сути — и он это знал, — являлось чем-то большим.

Она подошла вплотную, и Эндрю пришлось стиснуть зубы, чтобы не издать ни звука, пока влажной тряпкой она смывала кровь с плеча и груди и промывала рану. Движения ее рук были легки, но если пальцы случайно прикасались к обнаженной коже, оба вздрагивали.

— Леди Энн, я мог бы и сам все сделать, не стоило бы вам беспокоиться.

— Тсс, Эндрю! — тихо сказала Энн. — Я с радостью окажу вам эту небольшую услугу. Кроме того, находясь в положении больного, вы не сможете увильнуть от моих вопросов.

— Вопросов? — спросил он недоумевающим голосом. — Это насчет царапины, которую я получил, случайно столкнувшись со старым своим врагом?

— А за этим не стоит еще что-то... или кто-то?

Эндрю поднял глаза и пожалел о своей неосторожности. Легкая улыбка тронула его губы.

— Нет, госпожа, это не была схватка из-за женщины.

— Об этом я и не думала.

Он повернулся всем телом, чтобы лучше видеть ее, но она заставила его вновь сесть прямо.

— Сидите тихо, я уже кончаю. Я не стану пока докучать вам вопросами. — Она закрепила последнюю повязку. — Теперь все.

Эндрю тут же встал и поспешил уйти от ее ласковых рук и нежного аромата ее духов... а заодно от этих невинно вопросительных глаз, проникающих в глубины его души. Первым делом он нашел чистую рубашку и, надевая ее, натужно ровным голосом сказал:

— Я чрезвычайно признателен вам за вашу милосердную помощь, леди Энн, но, если вас обнаружат среди ночи в комнате слуги, это не пойдет на пользу вашей репутации.

— В комнате слуги! — повторила она. Отойдя на несколько шагов, она резко повернула голову. — Хотела бы я знать, достойно ли вас это помещение.

— Не понимаю, мисс Энн. Я...

— Не надо, Эндрю!.. Достаточно! Хватит мне лгать!

Голос у нее стал серьезным. Неужели он вел себя настолько неуклюже, что позволил зародиться сомнениям в ее душе?

— Лгать? О чем?

— Эндрю... При каких обстоятельствах вы получили сегодня ночью это ранение?

— Я уже говорил...

— Да, я помню все, что вы мне говорили, но ведь это была неправда, разве не так? А, Эндрю?

— Есть некоторые вещи... о которых вам было бы лучше не знать...

— Чтобы не получить с этим знанием неприятностей? — спросила она. — Кого-то это может очень заинтересовать?

— Да, — сказал Эндрю неохотно.

— Кого?

Вопрос был задан тихо, но твердо.

— Донована Мак-Адама.

Он поймал ее взгляд, пытаясь прочесть мысли девушки.

— Но если мне, может статься, придется лгать ради вас, Эндрю, не думаете ли вы, что я вправе знать, для чего я это буду делать?

— Не говорить ничего, не означает лгать.

— Только не с Донованом Мак-Адамом. Вы не хуже меня знаете, что он не удовлетворится отговоркой.

— Он ваш враг, Энн.

— Полагаю, что нет, Эндрю. Ему нужны мир и покой, как и всем нам. Он хочет, чтобы его король прочно сидел на троне. Он заправляет большими делами, и вряд ли война с женщинами входит в его намерения. Эндрю, он ваш враг!

Последние слова были произнесены с такой убежденностью, что стало ясно: Энн уже поняла расстановку сил и роль в ней своего «домоправителя».

— Нет, он мне не враг. Просто на сегодняшний день он стоит на моем пути и на пути того, что мне предстоит сделать.

Энн медленно упала в кресло, словно ей изменили силы. Глаза ее наполнились ужасом.

— Так... вы... шпион? Английский шпион? Господи! А как же Кэтрин... Эрик?..

Энн слишком ясно осознавала, какие последствия сделанное ею открытие может иметь для будущности ее семейства. В случае разоблачения Эндрю нечего было надеяться на милость Якова или Мак-Адама. Это означало смерть для Эрика и Бог весть что для Кэтрин, и самой Энн.

Эндрю непереносимо было видеть ужас, написанный на лице бедной девушки. Упав на колени, он сжал ее маленькую ручку в своих огромных ладонях.

— Энн, все не так, как вы можете подумать. Поглядите на меня.

Их взоры встретились, и в глазах у нее он увидел страх и боль.

— Я ни за что бы не причинил вреда вам или вашему семейству, клянусь вам, Энн. Я здесь не для того, чтобы создавать проблемы, наоборот, мне поручено их устранить. Клянусь всем святым, Энн, я пришел не для того, чтобы обманывать и изменять. Мне нужно совсем не это.

Энн молчала. Наконец она заговорила:

— Кажется, я без конца задаю вам один и тот же вопрос, и не получаю на него ответа. Кто вы, Эндрю?

— Я — сэр Уильям Френсис Эндрю Крейтон. При дворе Генри Тюдора я играю примерно ту же роль, что и Донован при дворе Якова. И цель моя — принести двум народам надежду, а не войну.

Ей отчаянно захотелось поверить ему, но в любом случае — лгал он или говорил правду — на карту была поставлена судьба всей ее семьи.

— Что вы понимаете под словом «надежда»?

— Брак.

— Брак?

— Якову нужна жена. Королям нужны хорошие партии, выигрышные в политическом смысле. Так почему бы Якову не взять в жены Маргарет, сестру Генриха? Это означало бы союз между двумя государствами, Энн, ведь это могло бы положить конец старым распрям между нашими народами!

— Но это невозможно, Эндрю. Как вы сможете это сделать?

Он глубоко вздохнул. Если он сейчас все расскажет, а Донован узнает об этом, все его усилия будут тщетны.

— Вы просите меня доверять вам, Эндрю, — тихо сказала Энн, — вы просите меня поставить на карту жизнь моего брата и жизнь моей сестры. Вы просите меня о бесконечно многом, так будьте со мной хоть немного откровеннее.

— Моя откровенность может дорого вам обойтись, Энн.

— А ее отсутствие может обойтись еще дороже. Кэтрин и Эрик слишком много значат для меня, чтобы играть их судьбою.

Эндрю вздохнул. Он признавал справедливость каждого ее слова. Если требуешь доверия, будь готов сам проявить его. Он встал и походил несколько минут. До рассвета было рукой подать, с минуты на минуту можно было ожидать прибытия Мак-Адама. И Эндрю решился.

Энн хранила молчание, но на сердце у нее лежал камень, нервы были напряжены, и в любую минуту она могла сорваться.

— Существуют изменники, готовые открыть ворота всех приграничных крепостей в случае внезапного выступления Генриха. Когда ситуация

созреет, я выдам изменников в обмен на переговоры с Яковом о женитьбе.

— Но почему не открыться сейчас? Если Донован объявится здесь, выложите ему всю правду!

— Но какие доказательства я приведу? Он возьмет меня как шпиона, едва я заикнусь о своей миссии.

Энн обхватила плечи руками, словно от внезапного озноба. Внутренним чутьем девушка давно понимала, что Эндрю гораздо больше, чем просто слуга, но она никак не предполагала, что в результате его признания окажется перед таким чудовищно ответственным выбором.

Эндрю подошел к окну, через которое сочился серый утренний свет. Он не мог просить девушку ни о чем. Она имела полное право в первую очередь позаботиться о безопасности брата и сестры. Он сам вручил свою жизнь в ее руки потому, что... потому, что важнее всего на свете для него было сейчас ее доверие.

Свет занимающегося дня становился все ярче, но оба молчали. Эндрю знал, какая схватка кипит в душе девушки, не меньшая схватка происходила и в его собственном сердце. Стук копыт под окнами означал, что их время истекло. Энн молча встала из кресла, подобрала рубашку Эндрю, подхватила таз с водой и, не говоря ни слова, вышла.

— Энн! — негромко сказал он ей вслед.

Ее личико с большими голубыми глазами обернулось к нему.

— Ждите здесь.

Это было все, что она сказала; дверь мягко закрылась за ней.

Эндрю никогда прежде не сомневался в собственной смелости, но сейчас он дрогнул.

Его жизнь, будущее двух государств лежали в нежных миниатюрных ручках Энн. Ему не составляло труда сбежать даже сейчас, в эти минуты: пока Донован допрашивает Энн, он успеет выехать из ворот и направиться к границе. Но это означало оставить ее в одиночестве расхлебывать кашу, которую он сам заварил. Это означало дать ей повод посчитать его обманщиком и лжецом, а этого он допустить не мог. Время, до этого летевшее со скоростью птицы, теперь ползло как черепаха. Он ждал несколько длинных, непереносимых минут. Затем он услышал приближающиеся шаги... но это была не Энн.

9

Абсолютно уверенный в себе и в том, что он найдет искомое в доме Мак-Леодов, Донован рассчитывал отвести раненого Эндрю в замок, где сможет допросить его — на этот раз, как узника. На стук в дверь вышла молоденькая девушка, на лице которой изобразилось нечто среднее между благоговением и ужасом.

— Слушаю вас, сэр.

— Передайте леди Энн Мак-Леод, что я должен переговорить с ней по делу, порученному мне королем.

Служанка перепугалась еще больше. Упоминание о короле могло означать только то, что на семейство Мак-Леодов обрушиваются новые удары судьбы. Учитывая, что сегодня Яков должен был решить судьбу политических узников, а брат и сестра хозяйки уже томились в заключении, речь могла идти об одном — об аресте леди Энн.

Но прежде чем потрясенная девушка смогла что-либо ответить, спокойный голос Энн донесся с лестницы:

— Все в порядке, Мэри. Можешь идти и заняться своим делом.

Энн с достоинством спустилась по лестнице, и по лицу ее не было видно, что она смущена приходом Донована.

Тот смотрел, как она приближается, подсознательно сравнивая ее с Кэтрин. С этой проблем не будет, подумал он. Не ей, с ее хрупким сложением и робкими манерами, тягаться с правой рукой короля.

— Польщена вашим визитом, сэр, — улыбнулась она Доновану, который ответил ей холодной усмешкой: — Надеюсь, вы с вестью о том, что мои брат и сестра в самом скором времени обретут свободу?

— Боюсь, что не оправдаю ваших надежд, леди Энн. Я намерен арестовать вашего домоправителя Эндрю Крейтона.

— Но за что, в чем его вина?

— Эндрю Крейтон здесь?

Донован словно не заметил вопроса. Он не сомневался, что его противник сейчас в постели и едва ли в состоянии встать на ноги.

— Да, здесь. В доме, однако, еще все спят, и он, полагаю, тоже.

— Придется потревожить его сон.

— Но вы должны дать хотя бы какие-то объяснения, сэр. Поймите меня правильно: до сих пор всеми делами в доме и хозяйстве заведовала Кэтрин. С тех пор как ее нет здесь, я целиком переложила обязанности на Эндрю. Не далее как сегодня нам

пришлось сидеть до трех часов ночи, решая наши финансовые и хозяйственные вопросы.

— Вы хотите сказать, леди Энн, — со смехом сказал Донован, — что Эндрю Крейтон до трех ночи не покидал этого дома?

— Я хочу сказать, что он оставался в доме всю ночь; просто до трех утра мы работали в кабинете.

Донован хмуро поглядел в безмятежное лицо девушки, но Энн лишь медленно улыбнулась, словно бы ничего не понимая.

— Вы вполне осознаете положение, в котором находитесь, леди Энн?

— Мое положение? — переспросила она беспечно. — Что вы имеете в виду, сэр? Я не сражалась с оружием в руках против короля и лояльно встретила его восхождение на престол. Я надеюсь также, что завтрашний... нет, уже сегодняшней суд дарует брату и сестре свободу. — Энн заморгала, словно отгоняя подступающую слезу. — Так что же вас заставило вломиться с оружием в руках ни свет ни заря в дом к одинокой девушке? Единственным моим защитником оставался Эндрю, так теперь...

— Мне нужно поговорить с Эндрю Крейтоном, — перебил ее Донован. — Вы, конечно, могли бы... э-э... разбудить его ненадолго.

Энн повернулась и вошла в коридор.

— Присядьте, джентльмены, а я тем временем пошлю за домоправителем. — Энн отвернулась и позвала прислугу. — Иди и разбуди Эндрю. Извинись и попроси участвовать в нашей беседе.

— Слушаюсь, миледи.

Девушка сделала глубокий реверанс и удалилась.

Повернувшись, Энн взглянула на Донована:

— Вы ничего не желаете, пока мы ждем?

— Нет, благодарю.

— Скажите, сэр, — спросила Энн, — неужели преследование моей семьи доставляет такую радость Якову? Почему из множества женщин и их слуг обязательно надо было выбрать именно нас, хотя мы в жизни не держали в руках меча... или тут есть какой-то другой расчет?

Донован покраснел, злясь, что вот так, запросто, на него может быть навешен ярлык преследователя сирот.

— Ни о каком преследовании, леди Энн, и речи не идет, и ни один безвинный не будет наказан.

— Но в чем же виновны я и мой домоправитель?

— Я ни в чем вас не обвиняю, леди Энн.

— А Эндрю?

Вопрос был задан тихо, и только сейчас Донован осознал, что девушка гораздо умнее, чем он первоначально предполагал, и, тонко поддевая его, хочет выяснить, в чем суть обвинений против домоправителя и каковы улики.

— Ваш Эндрю Крейтон — шпион, леди Энн, — с прорвавшимся раздражением сказал Донован. — Скажите, догадывался ли кто-либо из вас об этом, когда вы брали его на службу?

Их глаза на секунду скрестились.

— Эндрю сражался рядом с братом за нашего короля. Скажите: если вы, например, проиграли, должны ли отвечать за проигрыш ваши сестры, братья или слуги?

— Нет, — сказал Донован. — Не должны.

— Тогда для чего вы здесь?

— Леди Энн, возможно, Эндрю Крейтон предавал и вас тоже.

— Меня?

— Вас, вашу семью, если на то пошло. Как посмотрит на все дело король, если в вашем доме обнаружат шпиона? Вы попали бы в положение, мягко говоря, неловкое.

— Эндрю, — твердо заявила Энн, — не способен причинить вред ни нам, ни вашему королю.

— Вы так уверены?

Энн собиралась ответить, когда из двери донесся голос Эндрю:

— У леди Энн есть все основания для такой уверенности. Она знает, что я не способен нанести бесчестье ее дому... как и всему семейству Мак-Леодов. Я слишком уважаю их для этого.

Донован повернулся к Эндрю, пытаясь представить, как выглядело бы его лицо, обвязанное голубым платком. Если Эндрю ранен, то этого так просто не скроешь. Но пока что в этом безупречно одетом и твердо стоящем на ногах человеке трудно было заподозрить ночного бандита-англичанина.

— У вас, кажется, была тяжелая ночь, Эндрю, — небрежно поинтересовался Донован.

— Сэр?

— Со слов леди Энн я узнал, что вы вдвоем работали над счетами до самого утра.

— Да, сэр, — улыбнулся Эндрю и благодарно взглянул на Энн, чутко следившую за их разговором. — Но труд на пользу леди Энн ничуть не жертва, сэр, а скорее великая честь.

Глаза Донована потеплели.

— Отлично сказано, Эндрю, это поистине слова джентльмена. Вам в прошлом, кажется, удалось получить отменное воспитание и образование. Такое впечатление, что вы привычны к лучшей доле, чем должность домоправителя.

— Я знавал хорошие и плохие времена. Но сейчас я счастлив тем, что имею. Мой долг — защищать леди Энн... и леди Кэтрин, хотя сейчас это вряд ли возможно.

— Да, это так, — подтвердил Донован, приближаясь к Эндрю и оценивающе оглядывая его. — И мечом вы владеете отменно.

— Сэр?

— Мечом, Эндрю; известно вам, что такое меч?

— Я сражался под знаменами двух королей и не имел бы чести разговаривать с вами, если бы не владел в совершенстве своей профессией. Думаю, в противном случае лорд Эрик не доверил бы мне защиту своего семейства.

— Так-то оно так, но мне хотелось бы знать...

Эндрю, не меняя выражения лица, приготовился к испытанию, которое ждало его в следующий момент.

— ...Да, хотелось бы знать, — продолжил и не закончил Донован, опуская руку на раненое плечо Эндрю.

Хватка у него действительно была железной. Он нащупывал перевязь, но Эндрю предусмотрительно снял ее. На нем были две рубашки, бархатный камзол и тяжелая плоская цепь на шее, чтобы сквозь ткань не просочилась кровь.

Рука сжималась все сильнее, и Донован пристально следил за выражением лица Эндрю. Боль была

нечеловеческая, но лицо англичанина не дрогнуло. Краем глаза Эндрю заметил, как побледнела Энн.

Донован был обескуражен; пытка продолжалась несколько минут, но для Эндрю они показались вечностью.

Помощь пришла со стороны Энн.

— Я же вам сказала, что Эндрю был здесь всю ночь. Если вы после этого считаете нужным арестовать его, то вам придется арестовать и меня — за лжесвидетельство. Или все-таки у вас и вашего короля есть более важные дела, чем изводить невинных, не имея на руках доказательств и улик? Вы слышали от меня, что Эндрю оставался здесь, что еще вы от меня хотите? Вы уже поставили наше семейство на колени. Теперь вам надо крови? Пожалуйста, либо арестуйте нас, либо покиньте дом.

Донован нервно вздохнул, оказавшись в тупике. У Якова действительно хватало проблем, а это внешне беспомощное и нежное создание и в самом деле могло собрать горячих шотландцев себе на выручку. Ничего хуже нельзя было бы придумать.

— Запомни, англичанин! — хрипло сказал Донован Эндрю. — Я с тебя глаз не спущу и найду способ вывести на чистую воду. Недолго тебе разгуливать, очень недолго.

— У вас есть более важные заботы, ведь вы служите самому королю! Но почему я навлек на себя ваше неудовольствие, мне совершенно непонятно, сэр. Ведь сказала же леди Энн, что я был здесь.

— Смотри же!

Донован жестом приказал своим людям следовать за ним и вышел. Едва наружная дверь захлопнулась,

Эндрю обессиленно опустился в кресло. Энн метнулась к нему.

— Эндрю! — почти всхлипнула она и упала на колени перед ним. Он приподнял голову и взглянул ей в глаза, читая в них гораздо больше, чем он мог мечтать.

— Все в порядке. Боюсь только, потребуется еще одна перевязка. У этого человека железная хватка. Я... и очень признателен вам, Энн, за помощь и... и за доверие!..

Энн вскинула глаза и поняла, что он не в состоянии сказать ничего сверх этого, потому что слишком многое все еще разделяет их. Но, может быть, однажды... Она медленно поднялась.

— Я пойду, приготовлю свежие повязки. Тихо отправляйтесь к себе.

Эндрю кивнул и встал, мучаясь от невозможности утешить ее в своих объятиях. Не обронив ни слова, он незаметно вернулся в свою комнату.

Донован был вне себя. Какая-то девчонка свела на нет его опасные для жизни труды. Если бы не это смутное время, если бы не шаткое положение Якова, если бы не ежеминутная угроза мятежа, они оба уже были бы у него в замке. Если бы Энн была похожа на сестру, — такой же неукротимой и порывистой, — он без труда бы с ней справился. Но эта девушка прятала свой огонь за шелковой оболочкой хрупкости, и сражаться с ней — все равно, что рубить мечом туман.

Но он еще найдет способ поймать за воротник этого скользкого англичанина. Теперь на очереди стояло выяснение личности Эндрю Крейтона, бандита и наемного солдата.

Немедленно по приезде в замок Донован вызвал королевского прокурора и сразу же его спросил:

— У вас есть книга с полным списком английских пэров?

— Да, сэр.

— Возьмите ее. Я хочу знать настоящий титул и положение английского шпиона, именующего себя Эндрю Крейтоном. — Донован буквально швырнул кольцо испуганному человечку. — И выясните, откуда это кольцо и какова его ценность.

— Слушаюсь, сэр, я постараюсь сделать все как можно быстрее.

— Торопитесь. Я хочу все знать, прежде чем этот человек успеет натворить бед.

— Да, сэр.

Прокурор, радуясь возможности исчезнуть с глаз взбешенного вельможи, выбежал прочь, и Донован остался наедине со своим гневом.

Через несколько часов соберется парламент, и Яков вынесет приговор людям, поднявшим мечи против него. Донован надеялся, что суровейшим приговором будет изгнание. После этого он получит Кэтрин, но ее младшая сестра останется в полном одиночестве. Он размышлял несколько минут, меряя шагами комнату, затем резко остановился, потом улыбнулся. Как он не подумал об этом раньше: если брат будет осужден, Энн останется без защиты. А кто в этой стране сумеет лучше защитить одинокую женщину, чем король и он, Донован Мак-Адам? Итак, решено, Энн Мак-Леод окажется под его и короля опекой, а вместе с ней и ее домоправитель... Эндрю Крейтон.

Довольный собственной изобретательностью, Донован снял камзол и бросил его на стул. Он знал, что в соседней комнате Кэтрин, его узница, спит в его постели. Эта мысль, нежданно пришедшая в голову, лишила его покоя. Он признавал физическое влечение, был не прочь поволочиться за каждой встречной милашкой, но такой накал чувств ему испытывать не доводилось, это было уже нечто большее, чем просто желание, а он не был намерен позволить, какой бы то ни было, женщине еще раз поломать ему жизнь, привязать к себе, разрушить его планы на будущее.

Впервые за два года он подумал о Дженни, выпустил мысль о ней из подсознания. Дженни, научившей его сперва заниматься любовью, затем любить... затем ненавидеть. Долгое время она мучила его своей способностью вытеснять из головы все остальные мысли, будоражила все его существо, так что не было сил терпеть разлуку с ней. Но она на всю жизнь пометила его сердце своей изменой, как Кэтрин пометила кнутом его лицо.

Донован сел и закрыл лицо ладонями, борясь с одолевавшей его усталостью. Он вновь попытался вызвать в памяти образ Дженни, и, к его изумлению, из самых потаенных уголков сознания выплыла другая женщина, другие глаза, похожие на изумруды, другое гибкое, золотистое тело... Кэтрин!

Он стянул сапоги, через прихожую прошел в спальню, бесшумно закрыв дверь, и в тусклом свете рассвета увидел ее, лежащую в постели... его постели.

Медленно пройдя через комнату, он остановился перед кроватью.

Кэтрин лежала в глубоком сне, чуть приоткрыв губы, и ровно дышала. Распущенные волосы свободно разметались по подушке. Господи, она была поистине прекрасна! Красивая ловушка для глупцов! — отозвалась его память. Женись на ней, спи с ней, имей ее, когда захочешь... но не смей ее любить, ибо любовь эта, как обоюдоострый меч, обрушится на твою же голову.

Донован устало вздохнул. Если бы он дал волю своим приглушенным чувствам, то следовало бы ее разбудить и заняться с ней любовью немедленно, но он подумал о ночи, которая наступит через несколько недель, когда она должна будет сама, как законная жена, прийти к нему. Нет, он не будет прибегать к силе...

Донован сбросил с себя остатки одежды и осторожно забрался на постель рядом с ней. Кэтрин зашевелилась, но не проснулась. Вместо этого она уютно устроилась рядом с его горячим телом. Донован обнял ее и осторожно прижал свою щеку к ее волосам. Затем он тоже заснул.

Прошло два часа, два безбожно коротких часа, и Мак-Адама пробудил ото сна увесистый удар подушкой по лицу.

Он спал, положив меч на пол, поближе, поэтому мгновенно выпрыгнул из постели, схватил оружие и. почти совершенно обнаженный, встал в боевую позицию; только услышав издевательский смех Кэтрин, он пришел в себя.

— Нельзя сказать, чтобы ты был застигнут совершенно врасплох, но когда в следующий раз

полезешь в мою постель, вновь позаботься, чтобы оружие было у тебя под рукой!

— Не стоит беспокоиться, Кэт, — ухмыльнулся Донован и выпрямился, бросив меч на постель. С лица ее медленно сошла улыбка, когда он подошел к ней, не отрывая от нее свой многозначительный взгляд. — Не стоит беспокоиться, — повторил он холодно, вновь забираясь под одеяло. — Когда для нас придет время разделить это ложе, я буду в полной готовности. Можешь поверить в это.

В тот самый миг, когда он накрывался одеялом, Кэтрин слетела с постели; Донован подложил руки под затылок и безмятежно смотрел, как она торопливо подхватывает халат и надевает его.

— Зачем ты здесь, в моей постели? — фыркнула она.

— В моей постели, — вежливо поправил Донован. — Между прочим, ты разговариваешь во сне, — ухмыльнулся он.

— Надеюсь, это были проклятья в твой адрес.

— Нет, ты говорила всякую милую ерунду о том, какой я теплый и как со мной удобно...

— Лжец! — оборвала она его; он уже вломился в ее сны, лишив ее даже этой возможности побыть наедине.

— Какая ложь, Кэтрин? Боже, насколько ты ласковее и приветливее, когда спишь.

Она ненавидела сейчас его вкрадчивый голос, скрытность, с которой он проник в комнату и, вероятно, ласкал ее. Ее страшно пугали эти ужасные, путанные чувства внутри нее. Думать надо было совсем о другом: ведь сегодня ее брат должен предстать перед

правосудием в лице короля... и Мак-Адама. До Кэтрин вдруг дошло, что Донован не просто следит за ней, но и читает все ее мысли, ибо взгляд его стал на редкость серьезным. Она отвернула голову и встала у окна, потерянная и раздавленная. Никогда в своей жизни Кэтрин Мак-Леод не чувствовала себя такой беспомощной.

Донован встал с кровати и подошел к ней.

— В своем заключении виновата лишь ты сама, — сказал он. — Разве не предупреждал я тебя? Ты бы сейчас спала в своем доме, была бы свободна. Но я не изверг и понимаю, что мы пока не обвенчаны.

— Так ты все еще продолжаешь настаивать на свадьбе, хотя...

— ...Ты меня на дух не переносишь? — закончил он.

— Я мечтала, — начала она, обхватив себя руками, — много раз мечтала о том, каким должен быть мой брак. В основе его — не принуждение, нет, но уважение друг к другу и нежная привязанность...

— Опять ты о любви, — с иронией сказал Донован.

— Тебя, конечно, не волнует, что я думаю об этом браке. — Она обернулась к нему лицом. — Тебе нужно имя, титул и богатство, больше ничего. Что ж, не стану тебе препятствовать. Но я тебя предупреждала и предупреждаю снова: ты пожалеешь!

Донован ухватил ее за плечи и притянул к себе.

— Ты недооцениваешь и себя, и меня. Это будет брак, о котором ты не мечтала в самых прекрасных снах, и милое словечко «любовь» будет излишним. Ты девушка на редкость страстная, я понял это, стоило мне

прикоснуться к тебе. Вот увидишь: твоя страсть проснется и возьмет верх.

— А не слишком ли ты самоуверен?

— Это ты самоуверенна. Не выводи меня из себя, Кэтрин, или мне придется доказать тебе, что я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. — Он твердо выдержал ее взгляд. — Не надо претензий на любовь ни с твоей, ни с моей стороны. Бери от жизни все лучшее, и мы сумеем со временем наладить дружеские отношения. Как с моей женой с тобой будут обращаться с величайшим почтением и уважением, и при дворе, и дома. Если же тебе заблагорассудится продолжать делать глупости, — что ж, и обращение с тобой будет соответственное.

— А какого еще обращения я могу ожидать от такого жестокого, бесчувственного человека!

Донован улыбнулся.

— Осторожней, Кэтрин, когда придет время, я окажусь достаточно ласковым и жарким, чтобы удовлетворить всем твоим требованиям.

Прежде чем Кэтрин успела что-либо ответить, с улицы донесся звук колоколов, и Мак-Адам отпустил девушку.

— Мне нужно одеваться. Король созывает парламент.

— Ты сегодня выносишь приговор, — прошептала Кэтрин, обращаясь, казалось, к самой себе.

Донован почувствовал прилив жалости, но ничем не выдал своих чувств.

— Не я, король.

— Но ты имеешь влияние на короля...

— Ты хочешь поторговаться, Кэтрин? — спросил Донован с видимым интересом.

Кэтрин провела языком по пересохшим губам и подняла глаза:

— Да.

— И что это за сделка?

На этот раз в вопросе сквозило любопытство; казалось, Донован что-то обдумывал.

— Я... не перенесу смерти брата, — полушепотом отозвалась она.

Донован пожал плечами.

— Ты пока что ничего не сказала об условиях.

Кэтрин хотелось выложить Мак-Адаму все, что она о нем думала, но речь шла о жизни брата, и собственная участь отступала на второй план.

— Я... я не стану больше противиться тебе. Я сделаю все, что ты... вы прикажете. Я отдам... все за его жизнь.

Донован, казалось, взвешивал все «за» и «против». Затем он улыбнулся, и сердце девушки отчаянно застучало.

— «Все» — это сильно звучит; но как хотя бы одним глазком увидеть то, что мне предлагается? Согласись, я имею право убедиться в качестве товара! К примеру, я бы мог увидеть, что получу в порядке вознаграждения. Что скажешь, Кэтрин? Маленький намек... сахар вприглядку?

Стиснув зубы, дрожащими руками, девушка расстегнула халат, единственный предмет одежды, который был на ней. Донован в гробовом молчании глядел на нее. Халат, соскользнув с плеч, упал возле ее ног. Только собранные воедино остатки воли не давали пробиться слезам, свидетелям мук утраты женской гордости.

Донован почувствовал, как сердце в груди бешено заколотилось. Боже, да она само совершенство! Возбуждение волной окатило его. Кэтрин, дрогнув под его обжигающим взглядом, казалось, утратила способность думать. Он шагнул ближе и теперь чувствовал дыхание девушки. Слегка дотронулся до линии ее подбородка, провел пальцами по изгибу шеи к плечу. Рука его опустилась вдоль ее тела, на секунду замерла на ее нежной груди, затем соскользнула к впадине бедер и там задержалась.

— Ну, и как, устраивает тебя такая сделка? — спросила девушка, пылая от стыда.

— Да, — сказал он тихо и легко коснулся ртом ее губ. — И я счастлив, что ты не предложила это другому. Теперь я буду с еще большим нетерпением ждать нашей свадьбы.

Он повернулся, чтобы уйти, и глаза Кэтрин наполнились ужасом:

— Но мой брат?!

— Мне нечего предложить тебе, Кэтрин. Жизнь твоего брата целиком в руках короля. Он не потерпит ничьего вмешательства в свои права, даже с моей стороны. Пусть эта короткая сцена станет прелюдией к нашей совместной жизни. Ты будешь женой, о которой другим останется только мечтать.

— Ты подлый обманщик! — вскричала девушка, лихорадочно натягивая свой халатик.

— Я? Но в чем же я тебя обманул? Мне просто хотелось поглядеть на то, что уже является моим. Нет, Кэтрин, я больше не играю в такие игры. Я знаю, что такое женщины. Не пытайся использовать свою красоту, как предмет торга. Я, конечно, возьму тебя, но в

удобное мне время и без всяких предварительных условий.

— Ненавижу!

— Даже сердясь, ты способна соблазнить святого! А я не святой.

— Тонкое наблюдение, — подтвердила Кэтрин, крепче запахивая халат: Донован смотрел, не отводя глаз.

— Ты загораживаешься своей честью, как щитом. Но тебе достаточно пообещать, что никогда не будешь вмешиваться в мои дела, и в нашем браке установится подобие мира.

— Какое великодушие!

— Ты этого не хочешь?

— Хочу, — неохотно сказала Кэтрин.

— И ты ручаешься своим словом?

— Да.

— «Да», — этого недостаточно, Кэтрин. Мое доверие не настолько беспредельно. Произнеси вслух, как ты обязуешься себя вести.

— Я не стану вмешиваться ни во что. Я не буду пытаться бежать.

— Вот и славно.

Донован повернулся и начал одеваться. Кэтрин хранила молчание до тех пор, пока он не двинулся к двери.

— Могу я попросить об одном-единственном одолжении? — напряженно спросила она. Донован повернулся и выжидающе посмотрел на нее. — Я бы... мне хотелось бы узнать о приговоре брату как можно быстрее... если можно.

Мак-Адам изучал взглядом ее внешне покорную и беспомощную фигуру. Тень страдания в ее глазах подействовала на него, и он не удержался:

— Хорошо, я пришлю весть.

— Благодарю.

Она отвернулась от него.

Чего проще, казалось, было бы подойти к ней, заключить девушку в объятия, наобещать с три короба, например, что в его силах спасти ее брата от смерти. Но он не мог. Даже лучше, что между ними сохраняется определенная дистанция. Кэтрин будет его, и со временем он возьмет ее в руки, сделает из нее то, что хочет. Настанет момент, и их стычкам и пререканиям придет конец.

Донован вышел, и через секунду Кэтрин услышала, как хлопнулась наружная дверь. Только после этого она дала волю слезам.

10

Яков Стюарт созвал первый в свое правление парламент двенадцатого июля. Он сам восседал в резном кресле, подобии трона, на помосте, к которому вели три ступеньки, великолепно одетый, в бархате и соболях. Но под изящной шитой рубашкой прятался тяжелый железный пояс, терзавший тело и не дававший уснуть совести. Он по-прежнему носил его день и ночь.

Сегодня, когда Яков IV выступал в роли верховного судьи, совесть как никогда давила на него, а потому лицо короля казалось мрачнее обычного. Все происходящее было ему хорошо знакомо по прошлому, только тогда он не был королем и отец его был жив.

Ниже его, по правую руку, восседал граф Арджильский, канцлер королевства, по левую — Патрик Хепберн, а за ним — Донован Мак-Адам. В этом высоком совете вообще преобладали имена людей из пограничья. Хоум — управляющий двором, епископ Линлитгоутский — председатель судейского архива и всего совета, а секретарем был Уайтлоу, на столе которого уже были разложены бумаги, а руки испачканы чернилами.

Торжественно внесли Меч правосудия, и Яков взял в руки скипетр и державу. Он взглянул на своих подданных, и в наступившей тишине канцлер объявил начало заседания.

— Милорды, — разнеслись его слова, — милорды, бароны, депутаты от городов! Сегодня парламент собирается на заседание, чтобы решить судьбу тех, кто вместе с Яковом III поднял меч против его величества, каковых насчитывается двадцать восемь лордов и тридцать семь баронов.

Обвиняемые стояли перед королем, одни — приведенные под стражей, другие — прибывшие по вызову. Они подчинились приказу нового короля, и Яков не сомневался, что причина тому — его действия по подавлению Дайрлтонского мятежа. Ослушаться теперь уже не осмеливались.

О намерениях короля никто не знал ничего определенного; пока канцлер произносил свою речь, Мак-Адам наблюдал за бесстрастным лицом Якова.

Первым в списке стоял Дэвид Линдсей; выступив вперед, он дошел до первой ступеньки и опустился на колени. Глаза его поднялись к королю с достоинством,

которое не сломило заключение. Седовласый, но все еще крепкий телом и духом, он ждал.

— Лорд Дэвид, вы получили вызов прийти сюда на суд за свое выступление против короля. Что вы можете ответить на предъявленное обвинение?

Лорд Дэвид взглянул на бесстрастное лицо Якова; не сумев прочитать на нем решения своей участи, он оглядел других лордов, восседавших вместе с королем. В нем зашевелился гнев. Он поклялся на верность своему королю, стоял за него до конца и имел право презирать тех, кто изменил своему сюзерену, как только его положение пошатнулось. Это были люди корысти, которых он ненавидел. Дэвид взглянул на Флеминга и Дугласа, но те отвели глаза.

— Я готов с мечом в руках выйти против всякого, кто посмеет назвать меня изменником, особенно если он, презрев все клятвы, смотрит в ту сторону, откуда ветер дует. Их нынешним клятвам такая же цена, как и прошлой.

Это был вызов творимой несправедливости. Отчаянно, почти не надеясь на успех, он пытался явить на свет Божий истину, заклеить клятвопреступников, ныне подавшихся в судьи. Он сражался за Якова III, потому что тот являлся его королем. Разве мог человек, присягнувший на верность, поступить иначе?

— Вы, — указал он на Флеминга и Дугласа, — вы подговорили короля подняться против собственного отца! Вы организовали подлое убийство бывшего монарха! И если король не поймет этой простой истины, если он не покарает вас, в один прекрасный день вы убьете и его.

Он вновь повернулся к Якову.

— Сир, люди, с такой легкостью раздающие клятвы, никогда не будут по-настоящему верны вам. Я и то буду более предан вашей милости, чем они.

Донован взглянул на Якова. Если бы он имел возможность, то ходатайствовал бы сейчас за Линдсея, потому что знал цену чести. Сейчас он пытался понять, о чем думает Яков. Король мрачно взирал на Линдсея, но тот замолчал, ибо просить о милости ему не позволяла гордость. В молчаливом уважении смотрели на него из зала.

Донован собрался было заговорить, когда из ряда вышел еще один обвиняемый и встал рядом с Линдсеем. Это был Эрик Мак-Леод. Донован пристально вгляделся в него. Какое сходство с сестрой! Тот же цвет волос, та же осанка, та же негибкая гордость...

— Сир, к сожалению, никто из служителей закона не пожелал высказаться от нас. — Эрик помедлил, затем заговорил вновь, спокойно и сдержанно. — В случае моей смерти некому будет продолжить имя Мак-Леодов, оно будет вычеркнуто из списков живущих, и мысль об этом потрясает меня и все мое семейство. Но уж лучше это, чем измена данному слову. Я могу говорить только за себя, но я бы просил разрешения вашей милости ходатайствовать за моего троюродного брата лорда Линдсея.

— Продолжайте, милорд, — сказал Яков; лицо его оставалось бесстрастным.

В зале пробежал ропот. Донован пристально вглядывался в юношу, представляя себе на его месте Кэтрин. Глаза, форма лица, все так похоже. Словно почувствовав его взгляд, Эрик озадаченно и хмуро

посмотрел на Донована. Никто не заметил, что то же самое сделал Яков.

Но в эти мгновения Эрик думал не о сестре. Он вспоминал о таинственной записке, непонятно как подброшенной к нему. Кто бы ни был ее автором, он до тончайших деталей разбирался в праве и вручал в руки Эрика сильнейшее оружие. Однако, не зная автора, Эрик колебался, опасаясь, что речь может идти о ловушке, подстроенной для него и его друзей. Словно уловив его нерешительность, король нахмурился и со значением сказал:

— Милорд, вы что-то желали сказать в вашу защиту?

Эрик облизнул губы. За спиной стояли друзья, с которыми он испил горькую чашу поражения, они молчали, словно доверяя ему высказаться от их имени, и он решился.

— Ваша милость, у меня вопрос к вам.

Яков вопрошающе приподнял брови, и губы его искривились в усмешке. Помедлив немного, он кивнул.

— На коронации, принося присягу, вы лишили себя права присутствовать на сегодняшнем заседании.

Ропот удивления и возмущения пронесся по залу, но Яков не остановил Эрика.

— Вы поклялись, сир, что никогда не станете присутствовать на заседании, если на нем рассматривается дело, к которому вы имели касательство.

Это прозвучало как удар в лицо.

Железный пояс безжалостно впился в тело Якова, терзая его плоть при каждом движении, пока он вставал с места, поднимая лицо ко всем присутствовавшим

лордам; но король словно упивался этой болью, как напоминанием о жестокой истине и непроходящей вине.

— Да, — сказал он тихо. — Вы говорите совершенную правду. Я давал такую клятву. Так знайте же, Эрик Мак-Леод, и вы, милорды, что я никогда не нарушу клятву верности моей стране.

Он положил руку на сверкающую драгоценными камнями ручку кинжала и оглядел лица присутствующих.

— Я покидаю заседание парламента, дабы он мог вершить правосудие, не испытывая моего давления. Я приказываю строго держаться закона. А пока я ухожу и буду ждать решения.

Он хотел уйти, ибо Линдсей, заявив, что Флеминг и Дуглас втянули его в мятеж, не был вполне прав. Он сам принял решение, а теперь лишал себя права судить тех, кто остался верен присяге, и удалялся, чтобы ожидать приговора.

Через узкий проход король вышел в смежную залу. Эрик чувствовал себя потрясенным. Первый шаг оказался абсолютно верным. Его уважение к новому королю росло на его глазах.

Донован наблюдал за происходящим, пораженный не меньше Мак-Леода. Он не мог отделаться от впечатления, что за всем этим что-то стоит, но что именно, он не понимал, а потому злился. Нахмурившись, он перевел глаза на Эрика, слушая его предельно внимательно.

Лоб юноши покрылся испариной. Ему оставалось сделать одно-единственное заявление, и он молил Бога, чтобы и на этот раз его ссылка на один из полузабытых шотландских законов сработала.

— Повестки с нашим вызовом в суд недействительны. Согласно закону, мы должны были предстать перед высоким собранием в течение одиннадцати дней по их получении. Если в течение этих одиннадцати дней обвинение не предъявлено, то повестка утрачивает силу. Сегодня, милорды, минуло одиннадцать и один день со времени объявления. Срок истек. Мы не обязаны присутствовать в зале.

Донован не мог не оценить гротесковости ситуации, но внешне оставался невозмутимым. Ох, уж эти маленькие параграфы больших шотландских законов, на которые мало кто склонен был обращать внимание! Они обыкновенно спят, но вот сейчас к ним воззвали, и, кажется, небезуспешно. Он взглянул на растерянное лицо канцлера, слывшего знатоком закона. Шум и ропот наполнили залу. Секретарь Якова вскочил со своего места и торопливо выбежал. Линдсей и другие лорды, прибывшие на суд, окружили Эрика, похлопывая его по плечам и улыбаясь.

Шум еще больше усилился, когда дверь открылась и Яков в сопровождении секретаря вернулся на свое место. Судейские глашатаи призвали к тишине. Донован, не отрываясь, с восхищением следил за королем, поняв, что все это представление от начала и до конца поставлено самим Яковым, нашедшим безупречно красивый ход, дабы сохранить для страны этих своенравных, но верных короне лордов. Он вовсе не горел желанием чинить расправу над людьми, испившими со своим королем до конца горечь поражения. Они были нужны ему, и он рассчитывал завоевать их расположение, продемонстрировав свою справедливость.

Канцлер придвинулся к королю, напряженно ловя каждое его слово, затем улыбнулся и повернулся лицом к обвиняемым.

— Вы все продемонстрировали свою преданность его величеству королю Якову IV, явившись по вызову на судебное заседание. Его милость не будет судить вас, поскольку закон оказался на вашей стороне; новых вызовов не последует...

Радостные крики и торжествующие возгласы разнеслись по залу. Но не успело воцариться молчание, как следующее объявление подействовало на собравшихся как ушат ледяной воды

— ...Однако, согласно эдикту короля, вы лишаетесь имений, наследственных прав и титулов на следующие три года.

На этот раз Донован не сумел-таки сдержать улыбки. Наказание пусть и не жестокое, но впечатляющее. Не мученичество, но для многих бедность на грани нищеты. Канцлер продолжил:

— Его величество отпускает вас всех; решение о ссылке вступает в силу через три дня. Вы получите официальные сообщения о месте ссылки, причем каждому будет определено свое место, чтобы вы не могли собраться и строить заговоры против короля.

Доновану стало ясно: с сегодняшнего дня парламент у Якова в кармане. После такого приговора его члены не могли отказать ему в любой его просьбе, а тот уже задумал грандиозные планы.

Донован всегда ценил безоглядную смелость Якова в сражении, но сейчас он впервые оценил его качества политика. Король проявил себя истинным кудесником в

деле управления государством. Ох уж эта шотландская скрытность!

Яков вновь занял свое место в кресле. Прежде чем повернуться к собравшимся, он поймал взгляд Донована... и подмигнул ему.

Уайтлоу поднялся с новыми бумагами в руке. Он и Яков все рассчитали по секундам. Это казалось невероятным: он явно собирался перечислить все требования Якова с уверенностью, что парламент одобрит их. Уайтлоу начал с законопроектов об образовании: все сыновья в благородных семействах от восьми лет и старше обязаны изучать математику, языки, включая латынь, искусства и право. Учреждение университета в Абердине. Учреждение хирургического колледжа в Эдинбурге. Реформа законодательства, упразднение ряда налогов — и так далее, в том же духе.

Серые глаза Донована встретились с глазами короля: никогда он не видел монарха таким гордым. Пока парламент занимался формальностями, мысли Донована крутились вокруг Кэтрин и Энн. Изгнание брата лишало их средств к существованию и на три года отдавало их под опеку Донована. К тому времени, когда Эрик вернется, Кэтрин станет его женой, хороший муж найден будет для Энн, ну, и Эндрю Крейтон... с этим тоже все будет так, как и должно быть.

Сказать, что Донован был сейчас доволен, значило ничего не сказать — у него буквально выросли крылья.

Заседание парламента было прервано. Завтра он соберется уже без лордов, подвергнувшихся наказанию.

Яков задержал присутствующих еще на минуту, чтобы объявить о праздничном пиршестве нынешним

вечером. Едва освободившись, Донован направился в свои покои, понимая, что Кэтрин сейчас изводится, ничего не зная о судьбе брата. Почему его радует то, что Эрик избежал смертного приговора, он сам себе не отдавал отчета; хватало других проблем.

Когда Донован открыл дверь, Кэтрин словно одеревенела в кресле, где дожидалась его. Глаза у нее были подозрительно красными, но лицо казалось спокойно-вопрошающим.

— Смертный приговор не состоялся, — объявил Донован и увидел, как румянец заиграл на ее лице. — Но он будет на три года сослан.

— Сослан? Куда?!

— Пока я не знаю.

— Бедный Эрик, — пробормотала Кэтрин и, повернувшись, отошла к окну.

Донован с минуту наблюдал за ней. Большинство женщин, оказавшись в таком незавидном положении, были бы озабочены исключительно собственным будущим. В самое ближайшее время она должна была остаться без средств — до возвращения брата... или до своей свадьбы. Доновану стало интересно: верит ли она в возможность бракосочетания с ним теперь, когда она осталась без пенни в кармане. Разумеется, у нее остаются ее земли, ее титул. Одно ее имя — это целое состояние. Донован много бы дал сейчас за возможность узнать о том, что ее занимало.

Кэтрин отвернулась от окна и спросила:

— Моя сестра Энн, что будет с ней?

— Насколько я представляю, то же самое, что и с тобой. Брак. Для нее подберут выгодную партию. Ну а пока я возвращаю тебя в твой дом. — Мысль эта

осенила его, и он увидел, какой радостью загорелись ее глаза. — Разумеется, с ограничениями. Ты и твоя сестра получаете известную степень свободы. Но я и часть моих людей разделим ваш дом с вами. Вы нуждаетесь в покровительстве, и отныне всеми вашими делами буду заведовать лично я.

— Но для чего... для чего ты... вы хотите на мне жениться? Теперь я неимущая и не представляю для вас никакого меркантильного интереса. Как человек расчетливый, вы вполне могли бы просить короля о другом, более выгодном для вас браке.

— Опять ты недооцениваешь себя, любовь моя. Одно только имя Мак-Леодов позволит мне собрать многих и многих лордов под свои знамена. У тебя остаются земли и, — улыбнулся он, — целая куча прочих достоинств, хозяином которых мне просто не терпится стать.

— Но мне... — Она казалась обескураженной. — Я бы хотела попросить тебя об одном одолжении.

Это был сюрприз: Кэтрин, поклявшаяся, что никогда и ни о чем его не попросит, теперь что-то желала от него. Он почувствовал себя польщенным, но оставался начеку.

— Что ты хочешь?

— Энн.

— Что Энн?

— Она такая чувствительная и нежная... Было бы жестоко заставлять такую девушку, как Энн, выходить замуж за человека недостаточно чуткого, неспособного понять и оценить ее. Это ее сломает. Она этого не перенесет.

— Но ей так или иначе придется выйти замуж.

— Но пусть за ней останется право выбора. Чтобы это не оказался жестокий грубиян или невежа.

— Не могу обещать.

— А если я буду умолять тебя об этом? — спросила она.

Донован видел, с каким трудом ей даются эти покаянные слова.

— Мне больше было бы по душе, если бы ты молила за себя.

Кэтрин печально улыбнулась.

— Ты меня так часто уверял, что будущность моя определена, что я невольно смирилась. Я уже поступилась гордостью, преодолев свой девичий стыд, и больше не попадусь в ловушку. Нет, я не стану просить, а тем более молить за себя. Легче добиться сочувствия у короля, чем у тебя. Я знаю, что по его повелению мы будем обвенчаны, и не в силах этому помешать. И все же — позаботься лучше о себе, Донован Мак-Адам. Ты получишь мое тело, но душа останется моей, и только моей, и тебе никогда в нее не проникнуть.

— Ни о чем большем я и не просил, — ответил Донован, подошел к столу и, налив вина, сел в кресло. — Если ты дашь мне слово, я отпущу тебя на три дня домой.

Кэтрин ошеломленно взглянула на него, но ничего не сказала. Возможно, это одна из его ловушек?

— Сегодня вечером состоится праздничное пиршество. Ты оденешься в свое лучшее платье и явишься туда со мной: на празднестве Яков торжественно объявит о нашей помолвке. Мои люди отвезут тебя домой, как только ты соберешься.

Вновь он молча изучал ее, затем выпил стакан вина и поставил кубок на стол. Впервые за все время их «войны» Кэтрин пристально вгляделась в лицо своего тюремщика. Морщины усталости пересекли его лоб, и у него был вид чрезвычайно утомленного человека. Она вспомнила, что последние дни Донован почти не спал.

— Тебе нужно хорошенько отоспаться, иначе празднество и избыток эля добьют тебя.

Он усмехнулся.

— С чего это вдруг такой супружеский тон? Ты права, я устал, а твой острый язычок мешает мне обрести покой. Ступай, твои провожатые внизу.

Кэтрин пребывала в нерешительности. Еще недавно ей хотелось ударить его, причинить боль. Почему же сейчас она ощущала необъяснимую потребность подойти к Доновану, обнять, утешить, согреть его? Наверняка снова какая-то ловушка, и нужно быть начеку, чтобы не угодить в нее, думала Кэтрин, спускаясь.

Донован поднялся со своего сиденья и постоял, внезапно ощутив, как опустела без Кэтрин комната.

Как он и обещал, два воина терпеливо ждали ее. Оба были горды тем, что сам Донован Мак-Адам доверил им сопровождать девушку.

— Леди Кэтрин, — обратился один, как только та спустилась, — ваша лошадь стоит под седлом, все готово к выезду. Для нас огромная радость, миледи, сопровождать вас до дома.

— Где вам придется стеречь меня, чтобы я, не дай Бог, не сбежала, — дерзко парировала она.

Юноша сконфузился.

— Да, миледи, стеречь и... защищать.

— Простите, я вовсе не желала портить вам настроение. Вперед, я горю нетерпением снова сесть в седло и увидеть брата.

Прошло больше десяти дней пребывания Кэтрин в неволе, и теперь она наслаждалась вкусом свободы. Девушка поскакала очертя голову, и оба сопровождающих с величайшим трудом поспевали за ней, про себя подумав, что их начальник не промах, коли выбрал такую невесту.

Во дворе дома Кэтрин спрыгнула на землю прежде, чем стражники догнали ее. Когда они отпустили поводья своих лошадей, девушка уже исчезала за дверями дома. Только сейчас они озабоченно подумали, что поручение, данное им, далеко не так просто, как могло показаться с первого взгляда.

Кэтрин ворвалась в дом, когда Энн спускалась по лестнице. Она только что перевязала рану Эндрю и вырвала у него обещание, что он попытается немного соснуть. Увидев Кэтрин, Энн безумно обрадовалась и, сбегав по ступенькам, порывисто обняла сестру.

— О, Кэтрин, я так боялась. Я не знала, увижу ли тебя снова. Ты что-нибудь знаешь об Эрике?

— Да.

— Кэтрин! Ну же?!

— Ссылка.

— Ох! — вздохнула Энн. — Мы сможем отправиться с ним? Кэтрин, нам нельзя разлучаться!

— Нет, Энн, ни тебе, ни мне это не удастся.

— Но что же с нами будет? Что мы будем делать в отсутствие брата?

— Сперва давай поднимемся наверх. Я намерена вымыться, а потом ты поможешь выбрать мне самое

лучшее и самое соблазнительное платье. Потом, то же самое мы сделаем в отношении тебя. Вечером торжество, и мы будем гостями короля.

Кэтрин в обнимку с Энн поднялись по лестнице. Энн не знала, что о главном сестра еще не сказала, но чувствовала недоговоренность и нервничала. Посреди дороги она внезапно остановилась. Кэтрин удивленно повернулась к ней.

— Энн?

— Пожалуйста, не надо ничего от меня утаивать, Кэтрин. Ты же отлично знаешь о намерениях короля в отношении нас. Меня все это страшно волнует, а ты не говоришь об этом ни слова.

— Все в порядке, Энн. Я не думала... я просто хотела...

— Ну так что же, Кэтрин? — настойчиво спросила Энн.

В этот миг на верхней площадке появился Эндрю и замер, увидев их. Он пришел как раз вовремя, чтобы услышать ответ Кэтрин.

— Меня выдают замуж за Донована Мак-Адама, а тебя...

— Меня?..

— Как я могла понять, для тебя тоже подберут приличную партию. Здесь расположится Донован Мак-Адам, а после свадьбы он станет господином этого дома.

Эндрю окаменел, и глаза Энн, наполненные ужасом, обратились к нему. Здесь он был бессилен, и сознание собственной бесполезности разрывало его на части. От его выдержки и молчания зависели взаимоотношения между двумя государствами. Но как он может

отступить, как может отдать девушку в руки мужчины, которого она даже не знает?

Энн слишком хорошо осознавала, что всякая попытка Эндрю вступить за нее равноценна для него самоубийству. Ее охватила слабость и безразличие. Однако... пока ничего не произошло. Может быть, Эндрю удастся что-либо сделать?

— Мне нужно идти на сегодняшнее празднество, Кэтрин?

— Да, Энн. Выхода нет. Король приказал, и мы должны явиться. Мак-Леоды не в той ситуации, чтобы проявлять неповиновение. Вспомни, что Эрик еще не отбыл в ссылку, и, значит, приговор в любую минуту может быть изменен в сторону ужесточения.

Лицо Энн побледнело. Ничего не попишешь: она поймана в ловушку, и выбраться из нее нет никакой возможности.

Кэтрин подняла глаза на Эндрю, стоявшего на лестничной площадке. Поймав ее взгляд, он начал спускаться.

— Рад снова видеть вас дома, мисс Кэтрин. Нечаянно услышал о приговоре вашему брату. Соболезную, что вам придется расстаться, но, в конце концов, это всего три года...

— ...Которые покажутся долгими, как целая жизнь, Эндрю. Вернувшись, он вынужден будет жить в своем собственном доме на милость Донована Мак-Адама.

— Участь далеко не радостная, госпожа, но это лучше, чем смерть. Сэр Эрик так энергичен и находчив. А потом... все так быстро меняется, и воля короля не исключение.

— Что ты хочешь сказать?

Кэтрин готова была ухватиться за любую соломинку, надеясь получить свободу всем троим.

— Ничего конкретного. Пока. Я просто пытаюсь дать вам надежду и... заставить задуматься над ситуацией, которая складывается.

— Я подумаю, — ответила Кэтрин, но Эндрю не сомневался, что ее живой ум уже последовал его совету.

Прищурившись, она оглядела его, затем быстро перевела глаза на сестру, потом снова на Эндрю. Вихрь мыслей закружил девушку.

— Вы очень выручили сестру, пока я оставалась узницей, Эндрю. Я вам благодарна за это.

— Это был мой долг, — уклончиво ответил тот.

Энн тем временем овладела собой. Слова Эндрю ей тоже вернули надежду, что можно найти выход. Глубоко вздохнув, она сказала:

— Пойдем, Кэтрин, нам лучше заняться подготовкой к празднеству.

Она поднялась по лестнице, слегка сбитая с толку, Кэтрин — за ней. Эндрю смотрел, как они уходят, ни в силах справиться с яростью, яростью бессилия. Никогда до сих пор в его жизни не находилось места женщине. Он ощущал себя вечным воякой, вольным выбирать любые пути, не задумываясь о последствиях.

Но сейчас появилось нечто, осуществления чего он желал... а точнее, не представлял без этого себе своего будущего.

И именно это он имел ввиду, обнадеживая сестер.

11

Эндрю сидел перед догорающим очагом хмурый, как туча. Никогда в жизни он не ощущал себя таким

беспомощным. Вверху над ним Энн и Кэтрин готовились к выезду на празднество по случаю коронации. Энн... она сейчас тщательно выбирала, во что ей одеться. В Эндрю все восставало при одной мысли об этом. Выбирать платье, чтобы предстать в полном блеске перед собранием лордов, служащих Якову, чтобы, как на аукционе, быть проданной самому преданному и близкому королю вельможе! Оказаться во власти мужчины, которого она не любит! Если только Яков не придет к окончательному и твердому решению в течение этих недель, Эндрю был готов на все, что в его силах, чтобы получить доступ к Доновану и королю. Тогда... тогда он сможет вслух заявить о собственных притязаниях на Энн.

Его сватовство в таком случае отлично работало бы на весь план: английская невеста для шотландского короля и шотландская невеста для английского лорда... Если бы только хватило времени и Донован не схватил его... Если бы... Бороздка на хмуром лбу Эндрю стала еще глубже. Он до сих пор ни о чем не спросил Энн, ни разу ее не обнял, не поцеловал. Как вообще можно строить какие-то планы, если точно неизвестно, что у нее на сердце?

Кэтрин в это время стояла перед громадным зеркалом, но глаза ее неотрывно следили за отражением сестры. Энн сидела перед собственным зеркалом, механически расчесывая гребнем свои длинные черные волосы. Кэтрин было видно, что мысли ее чем-то заняты и, пожалуй, девушка могла предположить чем или кем.

Энн не хотелось ехать на этот вечер-фарс. Она понимала, для чего все это затеяно. Формально — по случаю коронации Якова и объявления о помолвке

одного из ближайших придворных с девушкой из благородного семейства. Все выглядело благопристойно, если бы не сознание, что Кэтрин появится на празднестве в роли жертвенного ягненка, как вознаграждение одному из приспешников короля за его верность. От этой мысли ей стало так дурно, что она невольно отложила в сторону гребень. Энн поймала на себе внимательный взгляд сестры и попыталась улыбнуться ей, но безуспешно. Кэтрин подошла к ней.

— Боже, Кэтрин, как ты можешь! Идти замуж за мужчину, которого ты не любишь!

— У меня нет выбора. Эрика сошлют, наше состояние перейдет в чужие руки... А потом, это веление короля.

— Я не могу. — Лицо Энн посерело. — Не могу, Кэтрин. Может быть, тебе сказать, что я почувствовала себя плохо?

Кэтрин опустилась перед Энн на колени, поймав ее руки.

— Энн, послушай. Пока венчание не состоялось, у нас остается надежда. Мы Мак-Леоды. Мы не можем позволить, чтобы эти мужланы вытащили нас из дома силой и затащили в церковь как последних трусих. У нас своя гордость, и у нас еще жива надежда. Улыбайся, смейся, танцуй... Играй свою игру, пока позволяет время. И помни: пока мы не обвенчаны, надежда остается. Кто знает, может быть, найдется способ уклониться от этих браков. Тут потребуется смелость, а ее у тебя в избытке, уж я-то знаю. А теперь продолжим. Дадим им сражение, прежде чем сдаваться.

Энн пристально посмотрела на Кэтрин.

— Кэтрин... а если... ты пойдешь замуж за Донована?

— Он, кажется, в этом уверен, — холодно сказала Кэтрин. — Но я уже предупредила его: если меня заставят сделать это, что ж!.. Всю жизнь ему придется раскаиваться.

— А как ты полагаешь, кто...

— ...Будет избран для тебя? Не знаю. — Кэтрин встала и сделала несколько шагов по комнате. Стоя к Энн спиной, она тихо заговорила: — Энн... у тебя есть, кто мог бы стать твоим избранником?

Энн подумала об Эндрю. Да, сказала она себе, есть. Но между ними — целый мир, и сама ее жизнь окажется под угрозой, доверься она о нем хоть кому-то... даже Кэтрин.

— Почему ты об этом спрашиваешь? — уклонилась она от ответа.

— Это могло бы создать для тебя новые сложности... Энн... будь осторожна.

Кэтрин повернулась, и с минуту они смотрели друг другу в глаза.

Затем Энн улыбнулась:

— Буду, Кэтрин. Буду.

Кэтрин вернулась к зеркалу и не без гордости посмотрелась в него. На ней было не просто самое дорогое, но и самое вызывающее платье, которое когда-либо видел шотландский двор. Она усмехнулась, представив, какое выражение появится на лице Донована, когда он увидит, в каком платье пришла на бал его невеста. Это тебе еще одна пощечина, милый Донован, подумала Кэтрин. И это не последнее, что

хранится у меня про запас. Во всяком случае, на твою жизнь хватит.

Платье было закончено только сегодня, и во время поездки за ним Кэтрин доверительно сказала Эндрю, что наверняка за ней неотступно следят, на что Эндрю сдержанно ответил:

— Не сомневаюсь, что за вами наблюдают, леди Кэтрин... Как и за всеми нами.

Платье стоило затраченных усилий: из шуршащего черного шелка, с прямым корсажем и глубоким декольте. Юбка вздымалась волнами, но в то же время до самой талии шел разрез. Нижняя юбка была пурпурного цвета. Кэтрин не стала надевать драгоценности, ограничившись веточкой алмазов, пришпиленной к шелку на груди. Она не сомневалась, что сумеет привлечь к себе всеобщее внимание.

Двор Якова Стюарта слыл веселым, слегка распущенным и экстравагантным в истинно стюартовском стиле. Вот и сейчас ярко разряженные женщины, сверкая драгоценностями, томно поглядывали на кавалеров. Со скрытым нетерпением Донован ждал прибытия Кэтрин. После того, как объявят об их помолвке, он с частью своих людей сможет вселиться в дом Мак-Леодов, сделав его своей резиденцией.

Эндрю вскочил на ноги, услышав, как Энн и Кэтрин спускаются по лестнице. Кэтрин была просто великолепна, блеск и пламя, но Эндрю не мог отвести глаз от Энн. Девушка была в темно-красном платье, глаза ее блестели, волосы отливали, как атлас. Она старалась не встречаться глазами с Эндрю, а щеки ее

горели. Она сейчас боялась его подозрений. А Крейтон в этот момент был близок к тому, чтобы изменить родине и проклясть Джеффри Спэрроу.

— За нами кто-то послан? — спросила Кэтрин.

— Да, леди Кэтрин, — ответил Эндрю. — Вы желаете, чтобы я скакал рядом с вами?

— Нет. — Голос Энн ворвался в разговор раньше, чем Кэтрин успела ответить. — Я... я не желаю, чтобы вы присутствовали там. Будет спокойнее, если вы останетесь присматривать за домом.

Крейтон понял, что она имела в виду. Она была не уверена в его реакции и не хотела, чтобы он оказался в рискованной ситуации, беспокоясь о его безопасности. Эндрю же готов был похитить ее и умчаться с ней, куда глаза глядят.

— Хорошо, — хрипло сказал он, словно безжалостная петля перехватила его горло. — Я буду ждать вас здесь, пока не уверюсь, что вы дома и в безопасности.

— Отличная идея, — живо сказала Кэтрин. — Пойдем, Энн, не следует заставлять короля ждать.

Девушки ушли, и стук захлопнувшейся двери прозвучал для Эндрю, как приговор.

Он упал в кресло перед огнем, и голова его была наполнена мыслями об убийстве... или самоубийстве. Он скрипнул зубами, представив Энн в объятиях другого мужчины; Эндрю чувствовал себя не в силах перенести бесконечные часы ожидания...

Четырьмя днями раньше начали прибывать послы едва ли не всех государств Европы. Сегодня на вечере датчане и французы соперничали друг с другом.

Испанские женщины бросали томные взгляды из-за пышных вееров, и сами голоса их звучали как музыка, смешиваясь с игрой музыкантов, расположившихся на балконе. Но даже среди этой толпы разноплеменных роскошных красавиц и блестящих кавалеров появление Кэтрин и Энн не осталось незамеченным. Мужчины сразу оценили очарование и красоту сестер и тут же смекнули, что обе они привезены на смотрины. Разумеется, никто не мог знать, что Кэтрин уже обещана Доновану, и ему не терпелось довести эту новость до всеобщего сведения; нетерпение свое он считал проявлением чувства собственника, едва ли понимая, что с правами на женщину получает малоприятное приданое — ревность.

Ближайшие гости немедленно обернулись, чтобы взглянуть на сестер, и вскоре Кэтрин и Энн обнаружили, что окружены целой толпой мужчин; женщины в большинстве остались в стороне, бросая ледяные взгляды на все это «безобразие».

Донован тоже стоял в стороне, в обществе нескольких друзей. Он словно шестым чувством понял, что прибыла Кэтрин. Проложив плечом дорогу через толпу, он увидел ее и резко остановился, словно наткнулся на невидимое препятствие.

Кэтрин улыбнулась и протянула ему руку. Он увидел знакомый изгиб ее губ, смех и вызов в глазах. Тем не менее, он принял руку. Мужчины вокруг подались в стороны, никто не рисковал оказаться на пути между Донованом и тем, кого он желает.

— Ваша слуга, милорд!

Кэтрин присела в преувеличенно глубоком реверансе. Да, ей без труда удалось шокировать Донована, но

сейчас, взглянув на его лицо, она испугалась, что ее будущий муж запросто может выставить ее из зала. Донован не успел ничего сказать, так как герольды возвестили о приходе короля.

Яков неторопливо прошествовал в зал, наслаждаясь церемонией. Поговорив по пути с несколькими придворными, он остановился перед сестрами и Донованом. Глаза его скользнули по всем трим и вдруг засверкали весельем.

— Вы необыкновенно милые создания. — Яков глянул на Донована, затем на Кэтрин. — Я бы сказал, моя дорогая леди Кэтрин, что ваши прелести видны исключительно хорошо.

— Это новейший покрой платья, принятый сейчас в Венеции, ваша милость, — сказала Кэтрин.

— Как бы там ни было, но это ваш покрой, миледи.

— Благодарю, сир.

— Леди Энн! — Яков обратил свое лицо к младшей сестре. — Вы бесценное приобретение для нашего двора. Наслаждайтесь этим вечером в полной мере. Наше желание, чтобы вы как можно больше времени проводили при нас.

— Слушаюсь, ваше величество, — тихо сказала Энн.

Яков попытался сострить, но на редкость неудачно:

— Постарайтесь, ведь вы же не собственность его светлости.

Король кивнул в сторону Донована.

— О, конечно, ваше величество, нет, — немедленно отозвалась Кэтрин, вызываяще взглянув на Донована, у которого руки чесались задушить своего сюзерена.

Яков, не оценив ситуации, со смехом перешел к французскому послу. Донован остался рядом с Кэтрин, намереваясь высказать ей все, что думает насчет ее наряда, но в это время к Энн подошел один из лордов — любимец Якова — и пригласил ее на танец. Энн понимала, что отказ не понравится королю, а, кроме того, она держала в голове совет Кэтрин: пока ты не замужем, надежда живет. Когда она улыбнулась и подала руку кавалеру, перед ее глазами возник образ Эндрю. Теперь Кэтрин и Донован смогли на какое-то время остаться наедине. Мак-Адам тонко улыбнулся, и Кэтрин ощутила, как от осознания его близости у нее забились жилка на виске.

— Время располагаться за столом, Кэтрин. Ты сядешь со мной.

Это был скорее приказ, чем просьба; она могла бы поспорить, чтобы лишний раз помучить его, но когда Донован остановил на ней свой тяжелый взгляд, испугалась, — наверное, в первый раз в жизни.

— Ну, конечно, — тихо отозвалась она.

Он взял ее руку в тиски своих пальцев, и они двинулись к столу, где сели плечом к плечу. Так, не размыкая губ, они смотрели, как перед ними выставляют огромные блюда с мясом и дичью.

— Как я заметила, ты разговаривал с восхитительной блондинкой, когда я вошла, — небрежно обронила Кэтрин.

Донован искренне поразился, польщенный, что во всей этой суматохе она удосужилась разглядеть его.

— Леди Дункан? Да, согласен, она красива.

Кэтрин залпом осушила кубок с вином, затем снова подняла глаза к нему.

— Леди Дункан — это твоя последняя шлюха?

Донован раздраженно, но с чувством неловкости и вины пробормотал:

— Сегодня на вечере я впервые встретился с леди Дункан.

— Ну, ну, — холодно ответила Кэтрин. — Ты часто в разъездах, и, помимо жены, что ждет тебя дома, сможешь, конечно же, иметь кучу женщин. Так что, полагаю, мне и Энн имеет смысл оставить Эндрю для нашей безопасности на случай твоих отъездов и гулянок. Как ты считаешь?

Глаза их встретились, и Донован усмехнулся. Она, похоже, следит за каждым его шагом. Непонятно почему, но это ему польстило.

— Ревнуете, сударыня? Не стоит.

— Не стоит лгать, — сказала Кэтрин, держа кубок с вином.

Кубки оказались куда вместительнее, чем она ожидала, а слуги тут же наполнили их снова. Она почувствовала, как по телу начинает разливаться приятное тепло.

Донован искоса следил за Кэтрин, соседи по столу следили за парой, и от уст к устам перетекал слух, что эта женщина отдана Доновану Мак-Адаму в награду за его усердие. Неужели это правда? — спрашивали все себя, и лишь немногие чувствовали по глазам Донована, что для него речь идет не просто о выгодной женитьбе, а о чем-то ином, занимающем его до глубины души.

Похоже, Дэвид Мюррей был в высшей степени очарован Энн. Когда танец кончился, он отпустил ее с неохотой.

— Пойдемте, сядете рядом за столом и разделите со мной трапезу, — настойчиво обратился он к Энн.

Та быстро глянула в направлении Кэтрин и увидела, что сестра хохочет в ответ на какую-то реплику Донована. Кивнув в знак согласия донельзя довольному Дэвиду, девушка села рядом с ним. Тот не спускал с нее глаз: она казалась ему белым голубем, который в любой момент может упорхнуть, и он тут же начал строить планы: он доблестно сражался на стороне нового короля, его глубокая преданность Якову и Доновану была хорошо известна и он был в курсе житейской ситуации Мак-Леодов. Пожалуй, мог бы получиться славный брак, достойная плата за верность монарху и лишний способ укрепить положение нового короля. Почему бы ему не иметь Энн Мак-Леод? В силу обычая ему в голову не пришло спросить, как отнеслась бы сама Энн к такому выбору. В конце концов, она — подданная короля и обязана выполнять все, что тот прикажет.

Дэвид прикинул все выгоды брака: укрепление его позиций при дворе, родство с аристократической фамилией, богатство, влияние... Все это он «примерял» на себя, и Энн не играла в его расчетах никакой роли, — хотя, конечно, лучше иметь хорошенькую жену.

Девушка разговаривала с ним робко, преимущественно отвечая на его вопросы. Впрочем, Дэвид вовсе не собирался сразу же поставить ее в известность о своих намерениях. Энн, однако, не могла отделаться от ощущения, что он смотрит на нее как на награду, и это выводило ее из себя из-за осознания собственной беспомощности. Глядя на Дэвида, она невольно сравнивала его с Эндрю, и сравнение было

далеко не в пользу новоиспеченного шотландского лорда. Ее мучила потребность в чем-то, чему она едва ли могла дать имя. Эндрю так ни разу и не сказал о своем чувстве, он лишь проявил исключительное доверие к ней... Но этого девушке казалось мало... Впрочем, не хуже ли было бы, признайся Эндрю ей в любви? В его положении он ровным счетом ничего не мог поделать. Ей оставалось бы держать в тайне его секрет и надеяться на удачу. Но, учитывая настойчивые слухи об увлечении короля Мэгги Драммонд, рассчитывать на успех особо не приходилось.

Она подумала, какой пустой была бы ее жизнь, не появившись в ней Эндрю. Поглощенная своими мыслями, она вздрогнула, когда Дэвид положил руку на ее ладонь; Энн подняла глаза и увидела, что все взоры направлены в конец зала. Яков поднялся с кубком в руке; наступила тишина. Взгляд Энн метнулся к сестре: лицо Кэтрин побледнело. Она сидела прямо и надменно, но ее глаза были устремлены на короля.

— Обращаемся к каждому отдельно и ко всем вместе, — сказал Яков. — Предлагаю всем поднять кубки по случаю еще одного повода для нашего празднества. Сегодня мы, ваш король, с удовлетворением объявляем о помолвке нашего верного слуги Донована Мак-Адама и леди Кэтрин Мак-Леод.

Под одобрительные возгласы Донован и Кэтрин поднялись и выпили за тост, предложенный королем, хотя Кэтрин, пожалуй, выпила уже достаточно, пытаясь заглушить ярость поражения в борьбе с Мак-Адамом. Сказать, что она была чуть навеселе, означало бы сильно сгладить ситуацию. Только твердая рука

Донована удержала ее на ногах, когда, покачнувшись, она, не переводя дыхания, выпила еще один кубок.

Донован, понимая, что через минуту-другую Кэтрин окажется в таком состоянии, в котором будет способна совершить непоправимые глупости, чувствовал некоторую растерянность. Ее необычайная красота привлекала к себе внимание всего зала. С момента оглашения помолвки на Доноване лежала ответственность за обоих, а Кэтрин во хмелю способна была сказать в лицо самому королю горькую правду, а Якову такая прямота едва ли пришлась бы сейчас по душе. Задетый за живое, король, в свою очередь, был способен на поступки, о которых стал бы впоследствии жалеть. Все эти соображения подвигли Мак-Адама немедленно что-то предпринять, и он тихо, но твердо сказал невесте:

— Полагаю, миледи, что поступлю благоразумно, доставив вас домой раньше, чем вы успеете выкинуть какую-нибудь глупость.

Удерживая раздражение, Донован твердо взял ее под локоть.

— А я желаю остаться, — слегка заплетающимся языком, заявила Кэтрин.

— Мне бы крайне не хотелось устраивать здесь представление, — сказал жених зловеще, — но дома ты об этом горько пожалеешь!

И он почти силой вытащил ее из-за стола. Кэтрин пришлось подчиниться, и то только потому, что, поднявшись на ноги, она почувствовала, что все вокруг плывет. Изо всех сил стараясь не упасть, почти вися на руках Донована, она с немалым трудом пересекла зал; в конце концов они оказались за его большими дверями.

Кэтрин подняла к вискам руки. В голове шумело, перед глазами мелькали радужные шары. Опершись на стену, она с удовлетворением взглянула на Донована.

— П-похоже, что я несколько уронила в глазах двора себя и, надеюсь, очень сильно — тебя.

Лицо ее выражало нескрываемое удовлетворение.

— У тебя вид пьянчужки с улицы, — сказал Донован с прорвавшейся в голосе злостью, — с которой едва ли захочет иметь дело уважающий себя мужчина.

Ухватив руку Кэтрин, он потащил ее вперед.

— О, лорд Мак-Адам! — засмеялась она. — Где же ваша хваленая выдержка? Или вы осознали, что совершили ошибку, выбрав меня в жены?

Кэтрин начала приводить в жизнь свое обещание превратить жизнь Донована в пытку, если он не откажется от намерения жениться на ней.

Он остановился так внезапно, что она, продолжая двигаться вперед, но удерживаемая рукой Донована, крутанулась на 180 градусов и оказалась лицом к лицу с ним. Руки его сжались вокруг девушки, и она взглянула прямо в его хмурое, потемневшее от гнева лицо.

— Вы еще не так пожалеете, что выбрали меня, милорд, — глумливо пообещала Кэт.

— Я провожу тебя домой. — Донован говорил тихо, но более чем серьезно. — Наша свадьба состоится меньше чем через две недели. До этого дня ты будешь заперта в доме, тебе запрещается выходить или выезжать за его ворота без меня. Там ты и увидишь, дорогая, кто кем командует.

Он взял девушку за плечи и хотел привлечь к себе, но Кэтрин уперлась руками в грудь этого человека без души и сердца, который ни разу не сказал ей о любви и

явно не собиравшись когда-либо это сделать. Представив свое будущее, девушка почувствовала отчаяние.

— Пусти меня!

Но вместо этого Донован прижал ее к себе, ощутив прилив желания. Кэтрин неудержимо влекла его к себе, как ни одна женщина после Дженни, но он дал клятву, что не капитулирует ни перед одной из них. Кэтрин ощущала переполнявшее Донована желание, ощущала жар его серых глаз, и все ее существо наполнилось нежданным теплом к этому человеку.

Он склонил голову и припал губами к ее рту, намереваясь силой сорвать поцелуй, но в растерянности почувствовал, что ее нежные губы приоткрылись навстречу ему. Кэтрин застонала, когда его язык проник ей в рот. Страсть, внезапно вспыхнувшая, разгоралась, выходя из-под контроля.

С Донованом тоже происходило нечто неожиданное. Ему стало ясно, что он лгал себе, чтобы скрыть свою уязвимость и не бередить, еще не зажившую, сердечную рану. Нет, он должен держать себя в руках, пока она официально не стала его женой; не менее смутные переживания испытывала и Кэтрин.

— Так вы находите, что я все же смогу украсить вашу жизнь в качестве трофея, милорд? Я польщена, — попыталась она шутить.

Он усмехнулся, остывая.

— Да, ты украсишь мою жизнь, Кэтрин. В конечном итоге это будет сладостный брак, наполненный взаимным и непреходящим интересом.

— Взаимным интересом! Ах ты, безродный мужлан! — вспыхнула Кэтрин. — У тебя что, в груди не сердце, а камень?

— И снова ты про любовь, — засмеялся Донован. — Но я уже говорил, что это бесполезное и опасное чувство. Я никогда не дам тебе в руки такое оружие, Кэтрин. Пойдем, уже поздно, а я еще должен доставить тебя домой.

Он стиснул ей локоть и повлек за собой. Через несколько минут они уже ехали к дому.

Эндрю устало откинулся назад в высоком кресле. Пламя свечи и тлеющие угли освещали комнату. Ему казалось, что время остановилось. Окна были зашторены, и в комнате царила гнетущая тишина.

Поднявшись, он подошел к окну и выглянул. Ни души. Задернув шторы, Эндрю вернулся на свое место.

Он думал о встрече, которая должна была состояться менее чем через неделю, встрече, после которой он получит на руки бумаги, подписанные изменниками. Бумаги, которые должны были открыть ему дорогу к шотландскому королю. Бумаги, которые могли принести с собой долгожданный мир, но что самое главное — принести ему руку и сердце Энн. Менее чем через неделю. Но что, если Энн будет обещана кому-то другому до того, как он успеет завершить свой замысел! Мак-Адам питает к нему крайнее подозрение, видит в нем английского шпиона. Без этих бумаг он будет как без рук, а одного его слова может оказаться недостаточным, чтобы расположить этих могущественных людей к себе...

Неожиданно до него долетел звук раскрывшейся наружной двери и голоса. Его голубые глаза засветились тревожным светом, и он повернулся в нетерпеливом ожидании. Сейчас его раздражала сама мысль, что он

должен в роли слуги открывать дверь женщине, которую любит и которой не может помочь.

Пока он колебался, дверь распахнулась сама, и, к своему удивлению, он увидел перед собой Кэтрин и Донована Мак-Адама.

— Леди Кэтрин, — сказал Эндрю, пытаюсь не замечать прищуренных глаз Донована, — а где... где леди Энн?

— Леди Энн доставят домой позже, в целости и сохранности, — грубо объявил Донован. — Вполне возможно, ее привезет один из ее многочисленных поклонников.

Он не спускал глаз с Эндрю, надеясь, что тот себя хоть чем-то выдаст. Но Эндрю сумел сохранить невозмутимость.

— Можете отправляться спать, — приказал Донован.

Эндрю, было, двинулся, но умоляющие глаза Кэтрин остановили его.

— Покорнейше извините, милорд, но сэр Эрик вверил мне безопасность и порядок в этом доме. Мой долг дожидаться, пока все его обитатели не окажутся в нем и двери не будут вновь заперты. Мало ли кто может вломиться! Грабители, еще кто-нибудь...

Доновану захотелось заломить Эндрю руки и оттащить его в подвал главной башни замка, где на дыбе и после пытки огнем англичанин живо развязал бы свой язык. Но как сейчас объяснить королю грубое обращение с домоправителем благородной леди?

— Отныне тебе будет легче исполнять свои обязанности. Я с двумя людьми вселяюсь в дом. А уж после того, как леди Кэтрин станет моей женой, а леди

Энн благополучно выйдет замуж, потребность в твоих услугах вообще отпадет.

Донован произнес эти оскорбительные слова в расчете на эффект и был вознагражден: глаза Эндрю против воли вспыхнули гневом.

— Я уже дома и в безопасности, — заявила Кэтрин, раздраженная головной болью и бесцеремонным поведением Донована. Она тоже заметила, как недобро сверкнули глаза Эндрю, и не желала никаких столкновений. — Этого более чем достаточно, чтобы оставить меня здесь с Эндрю. Мы подождем прибытия нашей сестры.

— Тогда желаю вам спокойной ночи, леди Кэтрин, — высокомерно прозвучал голос Донована. — Вам не разрешается выходить из этого дома. С завтрашнего дня я и мои люди будем здесь, так что я уверен в вашем повиновении.

Развернувшись, он вышел, и Кэтрин теперь только позволила себе схватиться за голову, проклиная страшную боль.

— Можешь идти, Эндрю. Я дождусь Энн.

— Миледи, если мне позволено будет сказать, вы выглядите немножко... э-э... нездоровой. Мне кажется, было бы разумнее, если бы я подождал возвращения леди Энн, а вы пошли спать.

— М-м-м... может быть, ты и прав, — ответила Кэтрин. Подойдя к камину, она, греясь, протянула над ним руки. — Эндрю!

— Да, леди Кэтрин?

— Как ты думаешь, кого бы могла выбрать себе в мужа моя сестра?

Она повернула голову, успев поймать перемену в его лице.

— Не знаю, миледи, — сказал он.

— Я бы хотела видеть Энн счастливой в браке, — сказала Кэтрин, не отрывая от Эндрю взгляда.

— Да, миледи. Счастливой, — повторил он.

— Энн... Она так непохожа на меня! Такая нежная.

— Может быть, но... но, может быть, и не настолько беспомощная, как думает большинство.

— Пожалуй, и все же... Мне больно видеть, как ломают ее жизнь...

— Да, леди Кэтрин, — ровным голосом сказал он.

— Я тоже не могу. И постараюсь ее защитить, насколько это в моих силах.

Кэтрин улыбнулась:

— Спокойной ночи, Эндрю, — сказала она мягко.

Эндрю посмотрел ей вслед, озадаченно спрашивая себя: неужели он настолько безрассудно ведет себя, что и вторая сестра начинает о чем-то догадываться?

Он вздохнул. Несколько минут мерил шагами комнату, отгоняя от себя всякую мысль о том, как проводит это время Энн и кто из придворных проводит ее до дома.

Прошли еще два часа. Часы мучительного ожидания. Нервы Эндрю были напряжены, как тетива натянутого лука. В очередной раз он подошел к окну и выглянул. Лунного света хватило, чтобы он разглядел в темноте Энн; рядом с ней стоял красивый мужчина. Они говорили пару минут, затем мужчина взял руку Энн и поцеловал ее. В глазах у Эндрю потемнело, и он проклинал судьбу, отдающую его любимую другому человеку.

Но когда Энн вошла, он, как ни в чем не бывало, сидел у камина.

— Эндрю! — с радостью в голосе спросила она. — Что вы тут делаете?

— Дожидаюсь вас, леди Энн, — отвечал он, поднимаясь. Ее глаза пытливо изучали его лицо, и Эндрю почувствовал, как почва начинает уходить из-под его ног. — Это мой долг...

Совсем не то он хотел бы сказать сейчас.

— А-а!.. Понятно.

Девушка хотела выйти из комнаты.

— Леди Энн, подождите.

Она вновь повернулась к нему.

— Джентльмен, доставивший вас домой, это охранник, приставленный королем?

— Нет, — тихо сказала она, и щеки ее запылали под его взглядом. — Это был лорд Дэвид Мюррей.

— Ага, — сказал Эндрю с ожесточением, — еще один свежееиспеченный лорд.

Энн подошла ближе. Ей так много хотелось сказать ему, но положение не позволяло. Она могла стать причиной его гибели, а этого ей было не перенести. Запах ее духов мягко овеял Эндрю, и ему невыносимо захотелось обнять девушку.

Несколько долгих секунд они стояли рядом. Наконец он не выдержал:

— Вы такая красавица! Не сомневаюсь, на празднестве все мужчины были у ваших ног.

— Это не так, Эндрю, — улыбнулась она. — Всеобщее внимание привлекла моя сестра, вот это правда.

— Тогда они все до одного слепцы, — сказал он, утопая в бездонных озерах ее глаз. Руки Эндрю были большими и мозолистыми, но ладонь его так мягко коснулась щеки девушки, что можно было подумать, что это — дуновение ветерка. — Энн, — прошептал он.

Время, казалось, остановилось, и они стояли, касаясь друг друга, зная, однако, что на большее им едва ли стоит рассчитывать. Но жар желания, переполнявший их, оказался слишком сильным. Неизвестно, с чьей стороны последовало первое движение, но неожиданно Энн оказалась в его объятиях. Тихо, как стон, шепча ее имя, Эндрю привлек ее к себе; он поцеловал ее с растущей страстью, и она ответила ему взаимностью, от которой закружилась голова.

Энн с пронзительным наслаждением ощутила возбуждение его тела и жар желания. Пусть этот украденный у судьбы момент останется единственным, она намерена насладиться им в полной мере и черпать из него силы для того, чтобы предстать лицом к лицу с будущим. Эндрю лихорадочно целовал Энн, опьяненный хмельным запахом и податливостью ее гибкого тела.

Они задыхались, и в поднятых глазах Энн Эндрю прочел ответ на свой невысказанный вопрос.

Но этот миг счастья был грубо оборван стуком кулаков в дверь.

Какое-то время они могли лишь смотреть друг на друга, потрясенные и ничего не соображающие. До Эндрю внезапно дошло, что он только что едва не причинил Энн величайший вред. Энн тоже осознала всю серьезность происходящего, но ее переполняла радость:

теперь-то она знала, что Эндрю нуждается в ней, стремится к ней с не меньшей силой, чем она к нему.

— Подождите, — сказал он. — Я взгляну, кто это. Затем нам надо будет поговорить.

Она молча кивнула, зная, что он собирается ей сказать. Эндрю отвергнет ее ради ее же блага, назвав все заблуждением страсти. Но она-то уже знала, что это не так.

Эндрю зашагал к дверям, уверенный, что быстро управится с поздним гостем. Только что он едва не погубил Энн, едва не сломал ее будущее, и ему хотелось немедленно искупить свою вину перед ней.

Он открыл дверь и оказался лицом к лицу с Донованом Мак-Адамом, за спиной которого стояли двое из его людей.

12

Донован успел прочесть потрясение на лице Эндрю, прежде чем тот пришел в себя, и решил, что домоправитель его будущей жены испуган тем, что Донован узнал что-то о нем и явился с целью немедленного ареста.

— Милорд? — нерешительно спросил Эндрю.

— Вернулась леди, Эндрю? — спросил Донован, делая шаг вперед; Эндрю ничего не оставалось, как отступить и освободить ему дорогу.

— Леди Энн пока еще наверху, милорд, но леди Кэтрин уже удалилась.

— Догадываюсь, что удалилась. — Донован улыбнулся одними глазами. — На большее она сейчас едва ли способна. Помогите моим людям занести вещи.

В этот момент в прихожей возникла Энн.

— Эндрю, скажите... О, лорд Мак-Адам! — Она тоже была потрясена, и волна страха исказила ее лицо. Неужели Эндрю раскрыт? Неужели он в опасности? — Не слишком ли позднее время для визитов, сэр?

— Я не визитер, леди Энн. Мы располагаемся здесь. Я был уверен, что леди Кэтрин посвятила вас в мои планы.

— Я не говорила с сестрой с того момента, как мы приехали на празднество к королю. — К Энн вновь вернулось ее самообладание. — Я только что рассказывала Эндрю, что король объявил о вашей помолвке с Кэтрин.

Эндрю ничего не сказал: они с Донованом по-прежнему стояли друг против друга. Казалось, что между этими двумя сильными, умными и бесстрашными людьми возникнет грозовой разряд...

— Эндрю!

— Да, леди Энн?

— Час поздний, поэтому нет необходимости в вашем дальнейшем присутствии. На сегодня вы свободны.

— Слушаюсь, леди Энн, — сказал он. — Спокойной ночи.

Чуть поклонившись Доновану, он двинулся к лестнице.

— погоди! — От голоса Донована он замер. — Где твои комнаты?

Эндрю с трудом разомкнул стиснутые зубы:

— Моя комната расположена между спальнями леди Энн и леди Кэтрин... Так они будут в большей безопасности.

— Найди другую комнату. — Донован словно провоцировал его на сопротивление, выводя из себя. — Эта будет моей.

Эндрю заметил, как порозовели щеки Энн, а ее глаза потемнели.

— Хорошо, сэр, — сказал он быстро, выводя ее из-под удара, как она только что вывела его. — Наискосок по коридору есть пустая комната. Она тоже достаточно близко, чтобы слышать, если меня позовут в случае нужды. — Эндрю холодно улыбнулся. — Я немедленно перенесу все свои вещи.

— Не нужно.

— Сэр?

— Успеете завтра, — не менее холодно улыбнулся Донован.

Конечно же, речь шла о тщательном обыске его комнаты и его вещей, но Эндрю был слишком осторожен, чтобы оставлять улики.

— Как вам будет угодно, сэр.

Эндрю вновь двинулся к лестнице. Ему очень не хотелось оставлять Энн одну с Донованом, но выхода не было. Донован проследил, как Эндрю поднимается по лестнице, а затем повернулся лицом к оставшимся.

— Пойдемте, леди Энн. Я провожу вас в вашу комнату, — протянул ей руку Донован.

Энн пошла с ним по лестнице. Никогда в жизни она так не боялась. Этот человек одним движением пальца мог погубить Эндрю. Он был слишком могуществен и слишком опасен, чтобы перечить ему.

— Этим вечером вы произвели исключительное впечатление на лорда Мюррея, леди Энн. — Голос

Донована звучал небрежно. — Когда я отъезжал, он делился своими впечатлениями с королем.

Если он ожидал вспышки негодования со стороны Энн, то напрасно: внешне она оставалась спокойной.

— Я в высшей степени польщена, что его величество находит время поговорить обо мне, — ответила Энн.

— Лорд Дэвид показался вам привлекательным?

— Он весьма... забавен.

— Понятно. — Они остановились перед дверью комнаты, которая должна была отойти к Доновану. — А ваша комната, которая?

Энн показала рукой на дверь, и Донован кивнул, мельком глянув в сторону соседней двери.

— А это комната Кэтрин?

— Да.

— Все они смежные?

— Вы хотите сказать?..

Раздражение Энн начало расти.

— Я абсолютно ни на что не намекаю, леди Энн, просто интересуюсь.

— Да, — сказала она. — Сейчас внутренние двери заперты.

Донован бросил на нее веселый взгляд.

— Но если вам потребуется помощь, как же Эндрю, ваш... э-э... покровитель, может к вам попасть?

— Я...

Энн онемела.

— Или же двери отпираются... на ночь?

Разгневанная открытым намеком, Энн с пунцовыми щеками повернулась спиной к Доновану и удалилась, оглушительно хлопнув дверью. Сразу вслед за этим

послышался звук задвигаемого засова. Донован довольно хмыкнул: леди Энн, оказывается, вовсе не такая уж робкая, как полагает большинство знающих ее.

Улыбка сбежала с его лица, стоило ему повернуться к двум оставшимся дверям. Одна в его комнату, а другая... в комнату Кэтрин. Существовал вопрос, на который он должен был немедленно получить ответ. Он прошел в комнату, еще несколько минут назад принадлежавшую Эндрю, и через нее — к смежной двери в спальню Кэтрин. Донован колебался, но, в конце концов, он просто должен был знать. Мак-Адам взялся за дверную ручку и повернул ее. Дверь тихо открылась...

Кэтрин вернулась в спальню измученная и потерянная. Не в ее бойцовском характере, было, плакать, но слезы против воли подступили к глазам и одна за другой сбегали по щекам. Лишь ощутив соленый вкус на губах, она поняла, в чем дело.

Девушка резко смахнула слезы. Это он довел ее до этого! Плакать из-за того, что он не читает ей любовные сонеты! Мысль эта молнией пронзила ее.

Даже если ей придется склониться перед волей короля и выйти замуж за Донована Мак-Адама, она не сдастся и никогда не откроет свою душу этому наглому победителю.

Ее собственные родители прожили вместе счастливую жизнь, и Кэтрин была свидетельницей нежной связи, которая скрепляла их союз. Неужели же ей и Энн отказано в праве на счастье?

Вспомнив про Энн, она с беспокойством подумала, что сестра может сломаться и зачахнуть под тяжелой рукой бесчувственного мужа, которого вполне может

выбрать ей король. Если б ей удалось выручить хотя бы Энн! Впрочем, мысли в голове у Кэтрин мешались и голова отчаянно болела. Схватив со столика графин, она налила себе еще кубок вина, уже явно лишней; затем отшвырнула кубок, распустила волосы и расчесала их так, чтобы они свободно спадали на плечи. Сняв с себя платье, Кэтрин бросила его на ближайший стул. В комнате было натоплено, вино разогрело кровь, и она не стала надевать ночную рубашку. Отодвинув полог, девушка бросилась на прохладные простыни, и ее охватил глубокий сон; она не услышала, как отворилась дверь и в комнату осторожно зашел Донован.

Открывшееся зрелище поразило его. Отсвет медленно догорающего в камине огня и сияние полной луны, смешиваясь, превращали тело Кэтрин в подобие прекрасной скульптуры. Волосы ее переливались в призрачном свете, пряди их падали на грудь, на руки, плечи. Ноги были длинными и стройными, гармонично сходящимися к стопам, а на изящном бедре безвольно лежала рука. Другая рука была закинута под голову. Губы, чувственные и припухлые, чуть шевелились от дыхания; ресницы изящно чернели на лице. Не в силах оторваться от этой сцены, Донован прошел через комнату и остановился у кровати.

Огонь желания пробежал по жилам. Чего он ждет? Что его может остановить? Она принадлежит ему, такова воля короля. Почему же он не разбудит ее и не возьмет? Нет, он был на это неспособен, а в оправдание искал логические доводы. Он хотел получить в ее лице жену, а не просто женщину. Когда они обвенчаются, она сама придет к нему. Доновану не приходило в голову, что это тоже своего рода изнасилование, потому что она

хотела не этого, желая любви... Однако сейчас, при взгляде на нее, его наполняло неизъяснимое тепло и сердце отчаянно стучало, млея от одной мысли, что через какую-то пару недель он разделит с ней это ложе. Он собирался уже выйти, но напоследок не мог не коснуться Кэтрин.

Донован осторожно присел на край кровати, не желая будить ее. Он понимал, что только выпитое вино — причина того, что она до сих пор не почувствовала присутствия постороннего и не проснулась. Мягким, как дуновение ветерка, касанием он скользнул по обнаженному бедру Кэтрин, пальцами охватил ее груди. Наклонившись, Донован коснулся ртом ее губ и ощутил вкус вина и мягкий аромат женщины.

Подразнив себя ощущением близости, он, когда желание стало непереносимым, бесшумной тенью выскользнул из комнаты, ни разу не оглянувшись. Закрыв смежную дверь, он припал к ней, и только тут заметил, что руки у него трясутся, как у начинающего воришки, а лоб покрылся испариной. Надо быть бдительным, подумал Мак-Адам. Одного вздоха любви красоти, вроде нее, некогда оказалось достаточно, чтобы лишиться его воли и сломать жизнь. Вновь повториться этой истории он не позволит.

И только тут, вспомнив о незапертой двери, он сообразил, что стоит в комнате, принадлежавшей Эндрю Крейтону. Донована словно громом оглушило. Неужели между Кэтрин и этим английским шпионом что-то существует? От такой мысли у него потемнело в глазах. Нет, было немыслимо, чтобы Кэтрин начала претворять в жизнь, высказанную ему угрозу. Рано или поздно он узнает все об Эндрю Крейтоне, и если хоть на дюйм

окажется правдой, что он посмел положить глаз на Кэтрин, Донован уничтожит его.

В глубинах своего сна Кэтрин блуждала по миру, сотканному из зыбкого тумана. Она шла через его клубы, словно потерялась и ждала, что кто-то ее отыщет. Затем появился он. Стройный, широкоплечий, лица его она не могла видеть, и, тем не менее, на нее нахлынула теплая волна умиротворения, потому что не могло быть сомнений: она его знает.

На нем был темный плащ, достававший до пят, и они стояли в каком-нибудь дюйме друг от друга. Она слышала, как он шепчет ее имя; шагнув вперед, Кэтрин почувствовала, как ее обволакивает тепло, а его пальцы легко скользят по ее коже, и в то же время она ощущала силу его объятий. Губы ее приоткрылись для поцелуя, и она ощутила его губы, обветренные и в то же время нежные. И все же она по-прежнему не могла видеть его, только понимала, что это именно он, и что сейчас она получила залог любви, то, к чему всегда стремилась, о чем мечтала. Вновь Кэтрин ощутила обжигающий поцелуй, а затем услышала ласковый шепот: «Кэтрин, я люблю... люблю тебя». И тогда Кэтрин горестно простонала, потому что сон уходил, ускользала его тень, оставляя ее одну.

Эндрю всю ночь не смежил век, чувствуя себя в ловушке. Он не мог, не мог покинуть Энн. Теперь, однако, он оказывался перед новой задачей: покидать дом и возвращаться в него, оставаясь незамеченным для людей Донована, которые наверняка будут с этого дня следить за каждым его шагом.

Кроме того, слишком близкое и доверительное общение с Кэтрин и Энн теперь могло вызвать подозрение незваного постояльца. Эндрю яростно мерил шагами комнату. В хорошенькую, однако, ситуацию загнал его Джеффри. Для того чтобы обрести свободу действий, нужны были доказательства — бумаги с подписями предателей, но для того, чтобы эти бумаги заполучить, необходимо было иметь возможность свободно выходить из дома. Замкнутый круг.

По сути он работал в интересах Донована и Якова не меньше, чем в интересах своего собственного короля, ибо мир нужен был обеим сторонам. Но до тех пор, пока он не сможет убедить короля и его соратника в бескорыстии своих намерений, он оставался для них ненавистным английским шпионом.

Эндрю разделся и потушил свечку, оставшись почти в полной темноте. Он лежал на кровати, подложив руки под голову, и отгонял все мысли, кроме мыслей об Энн. В уединении своей комнаты он мог позволить себе такую роскошь. Но только на эти короткие часы. Тот мимолетный миг внизу, на лестнице, навсегда принадлежал ему, и он мог согревать им душу в минуты отчаяния и одиночества.

Такой же тяжелой и длинной оказалась эта ночь для Энн. С трудом уснув на какую-то пару часов, она поднялась, оделась и вышла из комнаты. Работа всегда успокаивает.

Внизу она дала повару указания насчет завтрака: сегодня их уже не трое, а шестеро... и все вовлечены в одну и ту же опасную игру.

Кэтрин проснулась в самом дурном настроении, с прескверным ощущением во рту и тут же распорядилась

насчет купания: ей не хотелось начинать день в таком расположении духа. Она не рассчитывала встретиться с Энн в такую рань, но, выйдя из комнаты и спускаясь по ступенькам, услышала внизу ее голос.

К нему примешивался мужской смех: вещь небывалая в доме с тех пор, как лорд Эрик был арестован. Кэтрин застыла на секунду: эти звуки пробудили в ней мучительные воспоминания о славном, спокойном житье-бытье при старом короле. Ей очень не доставало Эрика.

Она стояла наверху, не двигаясь, когда снизу долетел голос Эндрю:

— Доброе утро, леди Кэтрин.

Кэтрин ответила с улыбкой:

— Доброе утро, Эндрю. Похоже, у нас сегодня ранние гости.

— Скорее поздние, — ответил Эндрю Крейтон. — Леди Энн тоже проснулась.

Он пытался сохранить спокойствие в голосе.

— Не надо удивляться, Эндрю. Ты, как и все, недооцениваешь Энн.

— Нет, — ухмыльнулся он. — С этим уже покончено. Мы присоединяемся к ним?

— Да, зайдем в логово льва, в надежде, что сытый он не так опасен.

Энн уже спешила расположить к себе воинов Донована, купив их своим очарованием и душевностью. Они обнаружили, что им очень легко болтать с этой красивой девушкой, сестрой леди, помолвленной с их начальником, и что, пожалуй, Донован, давая им наставления об опасности и коварстве их хозяек, малость переборщил.

При появлении Кэтрин и Эндрю стражники вскочили на ноги.

— Сидите, джентльмены, — сказала Кэтрин, пока Эндрю выдвигал для нее из-за стола кресло.

Он собирался было уйти, но Энн окликнула его:

— Присоединяйтесь к нам, Эндрю. Я уже объяснила этим джентльменам, что вы скорее часть нашего семейства, чем просто домоправитель.

Благодарный за то, что девушка позволила ему остаться и быть в курсе происходящего, Эндрю сел за стол напротив Энн, чтобы доставить себе удовольствие постоянно видеть ее.

— А где наш третий... «гость»? — спросил Эндрю у Энн.

— Он сказал, что должен кое-что сделать, а потом уже спустится вниз.

Нервы у Эндрю напряглись. Неужели Донован нашел что-то в его комнате? Вряд ли, он всегда проявлял предельную осторожность. Впрочем, все может быть...

Он включился в разговор, но завтрак омрачало подозрительное отсутствие Мак-Адама. Но вот и он вошел в комнату. Эндрю всем телом напрягся, но, поскольку ничего не произошло, позволил себе расслабиться.

Донован поприветствовал каждого, затем сел на свободное место, слева от Кэтрин; улыбка на ее лице сразу померкла.

— Как ваша голова сегодня утром, леди Кэтрин?
— не без ехидства поинтересовался Мак-Адам.

— Чудесно, благодарю вас!

— Прекрасно, значит, ничто не мешает вам быстренько переодеться в платье для верховой езды.

— Я вовсе не расположена к поездке!

— Тогда я советую вам сменить расположение духа, потому что мы поедem независимо от того, хотите вы или нет. Мне бы крайне не хотелось видеть вас верхом в этом платье. Может быть, оно и красиво, но, честно говоря, не приспособлено для езды и на редкость вызывающе.

Все сказано было с улыбкой, но ни у кого не осталось сомнения, что это приказ. Кэтрин обрадовалась возможности ввязаться в бой... но увидела лицо Энн. Тут же она посмотрела на Эндрю и подумала: а может быть, лучше ей поехать?

— Вы успешно воюете с беззащитными женщинами, сэр. Что это, природный талант или следствие практики?

Донован рассмеялся.

— Беззащитными, леди Кэтрин? Да я брошу перчатку любому, кто назовет вас беззащитной. Что касается опыта общения с беззащитными женщинами... Не знаю, до сих пор мне такие не попадались.

Кэтрин поднялась на ноги; ее взгляда на Донована было бы достаточно, чтобы менее невозмутимый человек растерялся. Не спеша, она покинула комнату.

За столом установилась тишина. Затем вновь заговорил Донован:

— Леди Энн, я хотел известить вас сразу, но, к моему величайшему сожалению, отвлекся. Завтра его величество устраивает ужин для... э-э... друга. Ваше присутствие там необходимо.

Эндрю опустил глаза. Обоим было понятно, о чем может идти речь. — А Кэтрин?

— Она будет присутствовать в качестве моей невесты.

— Сочту за честь, — тихо сказала Энн и поднялась. — Прошу извинить меня.

Она оставила комнату, и внимание Донована переключилось на Эндрю.

— Я бы тебе рекомендовал... очень настоятельно... чтобы ты не покидал дома до моего возвращения.

Эндрю бросил взгляд на людей Донована, все еще сидевших за общим столом, и улыбнулся.

— Мой долг оставаться здесь, милорд, так что нет смысла остерегаться от противоположного.

— Это просто так, на случай, если тебе вдруг взбредет в голову такая идея.

— Как я уже сказал, сэр, мой долг — следить за домом.

— Удивительное рвение со стороны англичанина, — сказал Донован.

— Отчего же, сэр? Разве мало вольных солдат удачи добывают себе средства к существованию при помощи меча? Я сражался бок о бок с Эриком Мак-Леодом и, по его же просьбе, стал домоправителем, чтобы защищать его сестер.

— Кстати, о мечах. Тот, что я обнаружил в вашей комнате, один из лучших клинков, которые мне когда-либо приходилось видеть. Такое оружие не стыдно иметь и королю.

Эндрю сохранил наружное спокойствие, но внутренне похолодел от своего промаха.

— Я его подобрал на поле сражения. Когда мечом зарабатываешь на жизнь, поневоле становишься привередливым в его выборе. Разве не так?

— Может быть, нам представится случай пофехтовать? Мне кажется, это была бы хорошая проба оружия.

Губы Эндрю сжались; все это время он не сводил взгляда с колючих глаз Донована.

— Да, может получиться славная штука. Даже не сомневаюсь в этом. С нетерпением буду ждать такой возможности.

Оба уже неприкрыто угрожали друг другу, и два юноши из команды Донована затихли, опасаясь, чтобы гнев начальника, не дай Бог, не обратился на них.

В этот момент Кэтрин, одетая для верховой езды, вошла в комнату и замерла пораженная. Не говоря ни слова, она переводила взгляд с Эндрю на Мак-Адама, понимая, что пришла как нельзя вовремя.

— Я готова, милорд, — сказала она и похлопала кнутовищем по ладошке.

Донован усмехнулся и встал. Приблизившись, он забрал у нее кнут и швырнул его своим воинам.

— Думаю, сегодня он тебе не понадобится. — Взяв Кэтрин под руку, он направился к двери, но в дверном проеме обернулся и вновь обратился к Эндрю: — Итак, у нас впереди милая встреча.

Кэтрин ничего не успела спросить: во дворе уже ждали оседланные лошади. Кэтрин язвительно спросила Донована:

— Ты был так уверен в моем согласии?

— Почему бы и нет? — любезно ответил он. — Я получаю все, что желаю иметь.

— Все, да не все, и, может быть, скоро ты это поймешь.

Ей хотелось сбить со своего нареченного спесь, но Донован, уловив ее тон, только рассмеялся:

— Нет, отчего же, я все понимаю. Именно поэтому я отобрал у тебя кнут.

— Какой же ты молодец! — не смогла сдержаться Кэтрин.

Он с довольной улыбкой помог ей взобраться на лошадь, и они через ворота проскакали в город.

Донован не мог не восхититься ее мастерству езды. Только гордо откинута голова свидетельствовала, каким негодованием охвачена Кэтрин.

— Куда мы собираемся? — требовательно спросила она.

— На одну условленную встречу. Она займет у нас всего несколько минут. Затем, если тебе угодно, мы просто покатаемся.

— Что это за встреча?

— Увидишь.

Одним словом он дал понять, что не склонен посвящать ее в свои дела. Ее любопытство от этого лишь сильнее разгорелось.

В полном молчании они проехали по улицам, и перед маленькой лавчонкой Донован остановил лошадей и помог Кэтрин сойти. Они оказались перед ювелирной мастерской.

Любопытство девушки возросло еще больше, но она не собиралась задавать новые вопросы. Они вместе вошли в мастерскую, где их приветствовал седовласый, раскосый старичок.

— О, милорд, какая честь снова видеть вас в моей мастерской!

— Я приехал с леди, как мы и договаривались, — сказал Донован. — Как видишь, руки и пальцы у нее действительно тонкие. Сможешь ты сделать то, о чем я просил?

— Разумеется, сэр.

— Кэтрин, подойди сюда.

Кэтрин подошла к ним. Старик протянул к ней руку.

— Вы позволите? — спросил он, лебезя.

Она подала ему на несколько секунд руку; он пристально изучал ее, после чего поднял глаза на Донована.

— Вы совершенно правы, сэр. Очень нежные и тонкие пальчики, а кольцо очень большое. Ничего, мы все устроим.

— Но ты успеешь к сроку? Осталось менее десяти дней.

Только теперь до Кэтрин дошел смысл их поездки: он собирался приобрести в этой лавке кольца для церемонии венчания. Выдернув руку, она холодно посмотрела в глаза Донована. Тот потянулся и грубо стиснул ее запястье, заставив вновь протянуть ладонь старику.

Тот из маленькой сумочки достал кольцо: большое, несомненно рассчитанное на крупного мужчину. Кольцо было украшено литым выступом, вокруг которого сверкали несколько изумрудов. Донован проследил, как старик примеряет кольцо на палец девушки, и холодно заметил:

— Кольцо — наша фамильная реликвия, но я предпочитаю, чтобы вы его переплавили и подогнали под палец моей невесты. После венчания она будет носить его, не снимая, и с этого дня не останется в

Шотландии человека, который при одном взгляде на нее не понял бы, чья это жена.

— Так ты хочешь заклеить меня? — шепотом спросила Кэтрин.

Донован как бы непроизвольно коснулся шрама на лице и улыбнулся.

— Долг платежом красен, разве не так, миледи?

Она не сказала ни слова больше, но на протяжении примерки держала руку недвижно. Получив уверения, что кольцо будет готово вовремя, Донован бросил старику монету.

— Гляди!

Затем он взял Кэтрин за руку, и они вышли из лавки.

На улице она вырвала свою руку из его пальцев и пошла к лошади, с трудом сдерживая подступающие слезы.

Они скакали домой в гробовом молчании. Все ее надежды таяли как дым. Не оставалось более никаких шансов на брак по любви.

Донован понимал, что мучает ее. Все, что он делал, делалось осознанно, и он неспособен был видеть в своих поступках что-либо достойное осуждения, ощущать вину.

Он не сказал ей, что кольцо — отцовское, передано ему матерью, и он носил его, не снимая, со времени ее смерти. Он собирался вручить его женщине, которую выберет себе в жены... или... он отогнал память об испытанном унижении, когда Дженни вернула ему кольцо.

Теперь Донован желал обойтись без клятв в любви, просто он намеревался пометить эту женщину, как метят домашний скот, и кольцо для этой цели вполне

годились. Все было просчитано и продумано. Почему же на душе так горько? Почему его мучило ее упорное молчание и память о ночи, когда он всего лишь прикоснулся к ней — не более?

Но так было безопаснее. Не должно оставаться невыясненных вопросов о том, на чем будет строиться их брак. Для обоих было спокойнее отказаться от претензий на глупую романтическую любовь: с избытком хватит страсти — ее Донован предполагал и получить, и подарить.

Эндрю мучился: ему нестерпимо хотелось пойти к Энн, поговорить с ней, вдохнуть в нее силу и решимость. Но ускользнуть из поля зрения двух людей Донована никак не удавалось.

Тогда пришлось использовать военную хитрость: не успели шотландцы оглянуться, как они втроем подружески болтали о всякой всячине, разгоряченные выставленными им в бутылках вином. Эндрю выудил кучу сведений о Доноване Мак-Адаме, но ни одно из них не представляло большого интереса. Еще он понял, что люди Донована с огромным уважением относятся к нему, что подкрепило надежды Эндрю на то, что с уликами на руках он сумеет склонить Донована Мак-Адама к спокойному и деловому разговору с ним, а Донован обладал достаточно гибким умом и смелостью, чтобы принимать незаурядные решения.

Время шло к полудню, а Донован и Кэтрин по-прежнему не возвращались. Зато сошла вниз Энн, и, улучив момент, когда она вышла в сад, Эндрю сумел завязать с ней доверительный разговор на глазах у стражников, но за пределами слышимости.

— Вы расстроены, Энн. Что он вам наговорил?

— Завтра вечером меня и Кэтрин приглашают на ужин в королевский замок.

— Вас это пугает?

— Вы не догадываетесь, в честь кого дается ужин?

— Нет. И в честь кого же?

— В честь любовницы короля Мэгги Драммонд.

— Короли и раньше имели любовниц.

— Боюсь, Эндрю, Мэгги Драммонд станет больше, чем любовницей.

— Он не может на ней жениться.

— Почему же?

— Она не королевских кровей.

— Эндрю, — Энн повернулась к нему, — вы все еще верите, что влюбленный смотрит на титулы или королевскую кровь? Если он вздумает жениться на ней, кто сможет его остановить?

— Надеюсь, найдутся люди или обстоятельства, которые заставят его одуматься.

— Боюсь, что нет.

Он глядел в глаза Энн и умирал от желания обнять ее. Но за ними следили, и каждое неосторожное движение могло дорого стоить. Он хотел приободрить девушку, но как? Чем он мог ее утешить?

— Энн!

— Не надо никаких слов, Эндрю. Не пытайтесь утешить меня.

— Что, если за ужином вам назовут вашего будущего мужа?

— Не знаю. Что тут можно сделать? Воля короля — закон. Тогда нам придется расстаться и стремиться к тому, чтобы забыть друг друга.

— И вы сможете?.. — спросил Эндрю; надежда сверкнула в его глазах, как внезапно разгоревшийся костер.

— Нет, — прошептала она, — но попытаюсь привыкнуть, и то же придется сделать вам.

— Будем надеяться до самого конца, Энн.

Она протянула руку и положила на его ладонь — всего лишь на одно мгновение. Глаза Энн договорили то, что она не осмелилась сказать...

Эндрю вернулся в дом в тот момент, когда наружная дверь раскрылась и на пороге возникли Донован и Кэтрин. Одного взгляда на их лица хватило, чтобы убедиться: оба под удручающим впечатлением от своей поездки.

Кэтрин, не говоря ни слова, даже не попрощавшись с Донованом, поднялась по лестнице и с чувством захлопнула за собой дверь.

Что ж, Эндрю улыбнулся своей мысли. Как бы там ни было, Донован до последней капли изопьет ту чашу, которую пригубил. Единственное, что беспокоило Эндрю, — выражение глаз Кэтрин.

Любовь и ненависть, как он усвоил, подчас две стороны одной и той же монеты. Если ему повезет в его миссии, он станет с интересом следить, как будет развиваться этот в высшей степени необычный брак.

13

Задолго до того, как отблеск рассвета коснулся горизонта, Яков был уже на ногах. Подойдя к окну, он раздвинул занавеси и выглянул наружу.

Это были мгновения одиночества, которое, как известно, не является одной из привилегий короля. Нет,

вокруг него постоянно толпилось множество людей, но среди них по пальцам можно было пересчитать тех, с кем можно поговорить по душам, рассчитывая на их безусловную честность.

Сегодня приезжала Мэгги. Прекрасная, пышноволосая Мэгги. До сих пор он не подозревал, что так сильно способен любить. В его постели перебивало много женщин, и все искали милостей короля для себя или своих родственников. Но Мэгги не просила ничего. Более того, она сопротивлялась чувству до последней возможности. Нет, Мэгги ничего не надо было, ничего, кроме его счастья, хотя он готов был подарить ей все. Как наяву он видел их первую встречу.

Он скакал к замку Драммонд, получив от его владельца клятвенные заверения, что там его величество ждет поистине королевская встреча. Лорд отстал, а король мчался вперед. Мог ли он предполагать, с каким жаром его там встретят?

Никто не учел осторожность Мэгги, оставленной в одиночестве в замке. Она прекрасно знала о военном значении крепости и назубок помнила наставления отца о действиях на случай внезапного нападения. Когда огромное воинство, как ей показалось, появилось на горизонте, сверкая оружием и доспехами, она немедленно отдала приказ подготовиться к обороне. Меньше всего на свете она могла предположить, что в отсутствие ее отца король может их посетить.

Старинный замок в плане был прямоугольным. Глядя на его грозные башни, Яков без труда мог представить себе внутренний двор, мощенный плитами, и арки на столбах.

Но дальше стали происходить странные вещи. Король с изумлением увидел, что ворота захлопнулись. Он нахмурился, но не стал сбавлять шаг лошади, хотя, по этикету, ожидал увидеть сквозь открытые ворота приветствующих его людей и услышать ликующее пение рога. В довершение всего со стен замка посыпались стрелы!

Но тут в замке опознали штандарты Якова. Мэгги перепугалась, как никогда в жизни. Она подняла руку на короля! Что теперь ждет все ее семейство!

Яков прищпорил лошадь так резко, что животное испугалось. На какое-то время он потерял от ярости рассудок. Если бы лорд Драммонд, не дай Бог, оказался сейчас рядом, он был бы вздернут на первом же дереве. Но Драммонд ехал далеко позади.

Члены свиты глядели на замок с нескрываемым изумлением, и войско короля стало готовиться к организованной атаке, заботясь в первую очередь о том, чтобы прикрыть короля.

Но в этот момент последовала новая неожиданность. Ворота замка вновь с грохотом отворились. Отталкивая протестующих придворных, король с грохотом промчался по подъемному мосту. Он был слишком взбешен, чтобы думать о чем-то, кроме того, чтобы примерно наказать виновника происшедшего. Маленький двор был пуст. Яков, не спешиваясь, на полном скаку пересек его, и копыта коня зазвенели по плитам коридора. Там он придержал коня — и увидел ее. Мэгги шла к нему навстречу быстрым, легким шагом, чуть подобрав юбку. Подойдя ближе, девушка увидела загорелое лицо под золоченым шлемом с плюмажем. Подобрав юбки, она подошла к королю

вплотную и присела в глубоком поклоне. В этот момент в коридоре появились подоспевшие воины Якова.

— Я Маргарет Драммонд, если вам будет угодно, ваша милость. Добро пожаловать в наш замок.

Последовало молчание: король боролся с гневом и вместе с тем наслаждался ее красотой. Желтая юбка напоминала лепестки цветка, глаза сверкали зеленью и золотом, а роскошные светлые волосы словно струились по ее плечам.

— Станный, однако, способ приветствовать своего короля, сударыня!

Мэгги набрала побольше воздуха и, сложив руки в жесте, тронувшем Якова до глубины души, сказала:

— Да простит меня ваша милость. Я здесь совсем одна...

— Вы приказали стрелять в вашего короля, сударыня?!

Глаза девушки расширились от страха, но она мужественно призналась:

— Да, милорд.

Яков усмехнулся и, сняв шлем, передал его одному из своих людей.

— Вы так воинственны?

— Я здесь совсем одна, — храбро повторила Мэгги, — и была на кухне, когда было замечено сопровождающее вас войско; решение приходилось принимать безотлагательно. Я не приучена к военному делу, замок всегда оборонял мой отец, но он сказал мне, что нужно делать, если на горизонте внезапно появятся неопознанные войска. Я слишком уважаю моего отца, чтобы не подчиниться ему.

— Вы не видели наших знамен?!

— Их трудно было сразу определить, и я, — девушка склонилась в поклоне, сгорая от стыда, — я испугалась...

Король в равной степени был пленен и ее красотой, и смущением. Ему трудно было поверить, что Мэгги и в самом деле испугалась. Якову показалось, что она вообще ничего в мире не боялась.

— А что вы делали на кухне? Это же место для прислуги.

— Я... Делала духи из роз.

Король улыбнулся и невольно потянул ноздрями, пытаясь уловить запах роз. Девушка протянула ему ладонь, и он своей защищенной латными рукавицами рукой поднес ее к губам. Именно эту картину увидел запоздавший лорд Драммонд, когда с грохотом вбежал в коридор.

Запах роз овеял Якова, а красота Мэгги покорила его сердце. Через несколько часов, на пиру, он отвел лорда Драммонда в дальний уголок.

— Милорд, — начал король; поодаль, у потухшего камина, стояла Мэгги, и все время он не спускал с нее глаз. — Ваша дочь, леди Маргарет, снискала мое расположение.

Лорд Драммонд взглянул на дочь. Потирая руки, он переспросил:

— Мэгги?

— Мэгги, — ответил Яков, немного улыбнувшись на это имя.

Драммонд вовсе не был равнодушен к чести, оказанной его семейству, тем более что она могла обернуться немалыми благами. Но существовало одно обстоятельство...

— Ваша милость, — колеблясь, сказал Драммонд,
— Мэгги помолвлена.

Яков помрачнел и голосом, резким, как удар кнута, спросил:

— С кем?

— Мэгги — невеста Джеймса Криффа. Он отличный малый, воевал под Саучиберном и проявил себя отменно. Да ваша милость знает его. Вон он, рядом с Мэгги.

Королю хорошо были видны широкие плечи Криффа, его густые светлые волосы. Явное внимание его к невесте раздражало Якова. Крифф, почувствовав взгляд, повернулся; король встал и резко сказал:

— Мы найдем для него не менее достойную невесту.

Король отошел от ошеломленного Драммонда, который пробормотал ему вслед:

— Для нас это такая честь, сир!

Этим вечером Мэгги пришлось ощутить, что жизнь ее делает резкий поворот, что было совсем ей не по сердцу.

Она понимала, что скоро ей суждено предстать перед лицом короля, и знала, что от нее потребуются. Теперь она уже не сможет выйти замуж за Джеймса Криффа. Она глядела на своего нареченного с отчаянием, понимая, что он не в силах помочь ей; такая попытка могла стоить ему жизни. Единственным человеком, который мог бы помочь ей, был сам Яков. Он должен отпустить ее. Вдруг он проявит великодушие? Мэгги никогда никого не любила. Джеймс тоже не был исключением, но она хотела жить так, как жила, безо всяких королей.

Через час после ужина за ней прислали. С бешено стучащим сердцем она отправилась на свидание с королем, рассчитывая вымолить для себя свободу, попытаться разъяснить Якову, что исполнение его желания сломает ей жизнь. Пресытившись ею, он все забудет, она же никогда уже не сможет вернуться к прежней жизни. Девушка вошла в небольшое помещение на первом этаже и увидела короля, с которым ее тут же оставили наедине.

Яков стоял. Интимное приглашение подразумевало отсутствие обычных формальностей, и Мэгги, пользуясь всеми преимуществами ситуации, лишь слегка присела — как перед любым другим знатным мужчиной.

— Милорд! — сказала она.

Он поцеловал ей руку, но Мэгги быстро выдернула ее и, не переводя дух, перешла в наступление.

— Милорд, осознавая оказанную мне честь и невзирая на мою любовь и преданность вашему величеству, я бы просила разрешения говорить с вами в открытую.

Меньше всего Яков ожидал такого поворота.

— Вы получили такое разрешение, — это было все, что он смог вымолвить.

— Это не займет много времени. Просто я вынуждена отклонить оказанную мне честь.

У Якова потемнело в глазах как от удара в лицо, но, как всегда, он решил бороться за исполнение своего желания. Если бы девушка знала эту бойцовскую сторону его натуры, она, возможно, избрала бы другую тактику. Если Яков чего-то хотел, он готов был снести с пути все преграды, и уж меньше всего склонен был

считаться с «женскими капризами». Он вспомнил о ее женихе и решил, что тот вызывает ее упрямство.

— Вы любите другого?

— Мы знакомы с Джеймсом Криффом всю жизнь и мечтали пожениться.

Король положил ладони на ее хрупкие плечи.

— И вы полагаете, что это — любовь? Вы же ничего не знаете о любви. — Мэгги побледнела, безмолвно, но храбро глядя ему в глаза; чтобы перечить королю, требовалась незаурядная смелость. — В нашей воле не выдавать вас за Криффа. Так что, сударыня, не желаю впредь слышать о вашей любви к нему. Мне это не по нраву.

Мэгги упорно молчала.

— Вам не нравится мое внимание? — спросил Яков в растерянности: до сих пор женщины сами падали в его объятия, предлагая себя раньше, чем он успевал объявить о своем желании.

Но эта застенчивая красотка, похоже, и впрямь не желает его!

Мэгги собрала все свое мужество:

— Да, ваше величество, не нравится...

Король бесцеремонно рванул девушку к себе и прижал. Она попыталась выскользнуть, но Яков лишь крепче сжал руки и поцеловал ее.

Нельзя сказать, что Мэгги Драммонд не приходилось целоваться и раньше, но этот поцелуй не походил на прежние; это было ни на что не похоже. Губы Якова мягко, но решительно соприкоснулись с ее губами, пробуждая чувство за чувством, каждое — новое и захватывающее. Когда она отпрянула от него, ее губы были приоткрыты, а глаза подернуты поволокой.

Они долго смотрели друг на друга; Яков — гордый и самодовольный, Мэгги — донельзя перепуганная. Он придвинулся ближе.

— Вы все еще отвергаете меня? — спросил он мягко.

— Да, — прошептала она. — Для вас это игра, очередная победа. Для меня же — вся моя жизнь.

Он уловил логическую причину ее женского упрямства.

— Так вы девственница?

Ресницы ее опустились, а щеки порозовели.

— Да, милорд.

— Так вот в чем причина, — улыбнулся он. — Юный Крифф оказался не в пример терпеливее меня.

— Он не настаивал, ваша милость. Он просто был нежным и славным. — Яков нахмурился. — Я вовсе не хочу обидеть вас, милорд. Вы совсем другой. Вы — король.

— К несчастью, да, — прошептал Яков. — Но при этом я еще и мужчина, сударыня. Не забывайте, я...

Он оборвал себя на полуслове и отвернулся.

— Милорд, разве могу я забывать, что вы — мужчина...

Яков обернулся к ней, стремясь увериться, действительно ли он услышал в ее голосе смех. Увидев ее улыбку, он по-мальчишечьи засмеялся: девушка показалась ему сладкой, как мед, и теплой, как летнее солнышко.

— Мне приятно, что вы до сих пор не знали других мужчин.

— Вы мне льстите. К несчастью, я недостаточно смела, чтобы спросить то, о чем наверняка спрашивали вас другие женщины...

Яков Стюарт искренне рассмеялся.

— Вам двадцать шесть, и наверняка у вас уже были...

— Сударыня!

— Я просто немножечко пошутила.

— А я немножечко смягчился. Сколько вам лет?

— Девятнадцать.

— Вы посидите со мной, Мэгги?

Яков уселся в большое кресло и бросил на пол перед собой подушку. Мэгги уселась у его колен. Он легко нагнулся и, ухватив ее за плечи, повернул лицом к себе. Ни звука протеста не последовало с ее стороны, когда он погрузил пальцы в ее золотистые волосы.

Умиротворение окутало Мэгги, спокойное и дремотное, как озеро в знойный летний день, и то же чувство охватило Якова. Он так нуждался в этом покое, так нуждался в той, что присутствовала бы в его жизни, ничего не требуя, ничего не желая от него! Такой, с которой он мог бы свободно говорить, зная, что его слова не будут тут же переданы кому-то, кто воспользуется ими в своих корыстных целях. Свет свечей был уже бледнее, чем лунные лучи, падающие на пол из длинного узкого окна.

Воздух ночи был сладким и чистым, а из сада проникало жужжание насекомых и пение птиц. Мэгги кусала губы, пытаясь удержать жгучие слезы, чувствуя, как ночь вбирает ее в себя, растворяя ее волю. Девушка понимала, что пробудила в этом сильном человеке

страсть. Она пыталась понять и простить его, но это не означало, что она сдалась.

Положение ее в любом случае было незавидным. Она отлично понимала, что ее брак с Яковом весьма маловероятен. Что она могла ему принести? Толику богатства, никаких новых земель, никаких реальных политических связей. Нет, такой брак не для Якова, и эту муку — состоять в его любовницах, любить его, чтобы однажды потерять для другой, — она бы не перенесла.

— Завтра я уезжаю, — сказал король тихо, словно рассчитывал услышать слова протеста и просьбы остаться.

— Знаю, — прошептала она.

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Он подождал, чувствуя, как замерло у него дыхание, надеясь, что ответ Мэгги станет концом затянувшегося недоразумения и началом его новой и блестящей связи. Но девушка не пошевелилась; более того, от своей дерзости она не посмела на него, взглянуть.

— Не могу, милорд.

Яков не поверил собственным ушам и по инерции продолжил:

— Мое желание, чтобы вы постоянно присутствовали при моем дворе.

Мэгги встала.

— Мне очень жаль, что я вынуждена отказаться.

Она стояла прямо, словно приготовившись отразить удар.

Яков поглядел на нее, не сразу поняв, что получил отказ.

— Господи Иисусе, мисс, я не ослышался?

Мэгги сдавленным голосом сказала:

— Мне позволено будет уйти, ваша милость?

— Нет! — Его темные глаза сверкали как две молнии. — Вы пришли сюда...

— Потому что вы приказали! — быстро закончила за него девушка; глаза ее горели возмущением.

— Да, сударыня. Я привык к повиновению и точно так же не терплю, когда кто-то за меня принимает решения. Вы, наверное, решили, будто перед вами бандит с большой дороги, а не ваш король, и заявляете мне, что не желаете иметь со мной ничего общего! — Яков обиженно насупился. — Я готов дать вам времени сколько угодно, чтобы вы собрались с духом.

— Мне нужны не неделя или месяц, а годы. Позволено мне будет вернуться к себе, ваша милость?

Яков шагнул к ней.

— Я устала, милорд, — сказала она тихо, решившись стоять на своем до конца.

Ее прямой взгляд остановил короля.

— Вы свободны!

Девушка облегченно вздохнула.

— Позволено мне будет взять мой чепчик?

— Нет.

Он смял его в своих руках.

— Спокойной ночи, милорд.

Мэгги ушла, и Яков, которому никогда никто не смел перечить, которому ни разу в жизни не приходилось просить или умолять о чем бы то ни было, уставился пустыми глазами на закрывшуюся дверь.

Потом легкая улыбка коснулась его губ. Яков считал себя — и не без основания — мастером стратегии. Теперь он составлял план очередной боевой кампании, в

положительном исходе которой был весьма заинтересован.

Яков со вздохом отошел от окна и вернулся к кровати, улыбаясь при мысли о борьбе, которую он вел за Мэгги Драммонд, вспомнил день окончательной и решительной победы. Криффа отослали в дальний гарнизон и пообещали в скором будущем богатую невесту. Тот, понимая бессмысленность и опасность соперничества с королем, не сопротивлялся. Однако сама Мэгги твердо стояла на своем, и чем дальше, тем больше король влюблялся в эту девушку. Кончилось все тем, что он вломился в ее комнату без всякого объявления, и приказал помертвевшим от ужаса служанкам удалиться. Затем он сгреб девушку в объятия и поцеловал, несмотря на бурное сопротивление; и Мэгги вернула ему этот поцелуй. Замкнутая в объятиях Якова, девушка, казалось, потеряла ощущение самой себя, растворившись в нем; Мэгги обвила шею короля и прижалась к нему. Рука его скользнула к ее крючкам и застежкам, и она услышала его тихий шепот: «Я люблю тебя, Мэгги... люблю».

И он действительно ее полюбил, подумал король, полюбил настоящей любовью. И пусть даже весь двор будет против этого их брака. Сегодня она приедет, пропела его душа, и кончатся эти мучительные, бессонные предрассветные часы...

Яков вновь заснул и проснулся, когда в замке уже зашумела утренняя жизнь. Скоро он будет окружен

придворными и челядью, и его уединение и покой будут разрушены.

Одной из первых стояла на очереди беседа с сиром де Монкрессо, представителем герцога Бургундского. Аудиенция продолжалась около часа, и беседа носила сугубо частный характер. Сразу после ее окончания в замок был вызван Донован, и тот без промедления прибыл, застав Якова в одиночестве, расхаживающим по кабинету. Сняв со стены меч короля Брюса, он приказал Доновану стать на одно колено.

— Ты был и остаешься моим преданным слугой; таковым ты был в битве, таковым остаешься в мире. — Яков коснулся лезвием плеча Донована, производя его в рыцари. — Встаньте, милорд!

Донован, тронутый высокой честью, принял от Якова кубок вина.

— Выпьем! За Шотландию!

— За Шотландию! — эхом отозвался Донован.

Отставив кубок, Яков указал рукой на вскрытое письмо, лежавшее на письменном столе. Донован взял его в руки и медленно, стараясь не упустить ни слова, прочел, сопоставляя то, что он знал об английских делах, со сведениями, содержащимися в послании.

Это было письмо от герцогини Бургундской, ярой сторонницы английской династии Йорков, женщины, люто ненавидевшей Тюдоров, нынешних правителей Англии. Она жила с уверенностью, что Генрих, представитель династии Ланкастеров, занимает ее престол.

— Сила притязаний Генриха на престол состоит в том, что все остальные претенденты были казнены,

отравлены, пали в битвах, — заметил король, когда Донован закончил чтение.

— Но до сих пор никто не мог ему возразить по существу, — озадаченно ответил Донован.

— Вот именно: до сих пор.

— То есть?

— Когда Эдуард, — я имею в виду Эдуарда IV, представителя Йорков, — занимал трон, у него было два сына, девяти и двенадцати лет. Еще у Эдуарда был брат, Ричард, лицемерный и беспощадный. Поговаривают, что Ричард убил своих племянников и тем самым проложил себе дорогу к трону, став Ричардом III.

— А в битве при Босворте Генрих убил Ричарда. Прямо скажем, очень зловещая история, — задумчиво сказал Донован.

— Генрих получил трон благодаря браку с принцессой Елизаветой. Редкий везунчик, — ухмыльнулся Яков, и Донован понял, что король чем-то чрезвычайно доволен. — Никакого расследования по поводу убийства Ричардом его племянников не проводилось и никаких материальных доказательств не существует. Принцы просто сгинули, и все.

— Я внимательно выслушал этот урок истории, ваша милость, но так и не понял, что вызвало такой необычный интерес вашего величества.

— Подумай, Донован. Встревожился бы ты на месте Генриха, если бы узнал, что герцогине Бургундской удалось отыскать человека, который именует себя, чудом уцелевшим от смерти, принцем Йоркским?

— Да, милорд, — ухмыльнулся Донован. — Я бы лишился сна от такого известия.

— Да, это была бы щепка в глазу. Не смертельно, но неприятностей — сверх головы.

— Может это оказаться правдой?

— До тех пор, пока останки двух принцев не будут найдены. В конце концов, именно они были законными наследниками английского престола. И мы... да кто угодно, можем предположить что кто-то из них по какой-либо причине уцелел.

— И ваша милость собирается оказать спасшемуся поддержку?

— Да.

— Независимо от того, принц он или нет?

— Да, милорд, — со смешком отозвался Яков. — Отчего бы не насыпать перцу под хвост Генриху?

— Вы собираетесь воевать с ним?

— Да, — ответил Яков.

— Есть ли иные пути, менее кровопролитные и более надежные?

— Нет.

Яков сощурил свои темные глаза.

— Вы позволите мне сказать, ваше величество?

— Все, что желаешь. Я буду внимателен.

— Завтра высокое собрание и парламент будут обсуждать ваш возможный брак. Речь пойдет о двух английских принцессах. Ваш с принцессой наследник мог бы заполучить оба королевства.

— Выбрось это из головы, Донован. Я не женюсь на английской принцессе.

Никогда прежде не слышал Донован этой ноты в голосе Якова. Она прорвалась из глубин его сознания как проклятье и угроза тем, кто принуждал его к браку

по расчету именно тогда, когда вот-вот должна приехать его любимая.

— Боже мой! — тихо сказал Яков. — Донован, неужели я не могу хотя бы чуть-чуть принадлежать самому себе? Могу я хотя бы жениться по своему выбору?

— Я имел опыт любви, ваше величество. Брак по расчету — лучшее, что может быть. В таком союзе каждый соблюдает взаимные интересы и не остается места недоразумениям.

Яков пристально посмотрел на Донована: он знал, в чем причина сухости его друга в отношении к женщинам. Но на этот раз он не стал напоминать ему имя Дженни.

— Да, я стремлюсь к тому, чего нельзя купить: преданность, душевное тепло и немного нежности от женщины, которая делит с тобой твое ложе.

— И вдруг окажется, что как раз этими качествами ваша избранница не обладает, — упрямо сказал Донован.

Яков улыбнулся, и его легкомыслие озаботило Донована: упорство короля могло стать причиной осложнений в парламенте.

— Ну, ладно, мой друг. Не об этом у нас сейчас должна болеть голова. Необходимо переправить принца Йоркского в Шотландию, откуда ему рукой подать до Англии.

— Хорошо, ваша милость. Но мало ли что может произойти с принцем Йоркским, прежде чем он появится в Шотландии.

Яков кивнул. Королевское звание, по крайней мере, давало ему право пусть на время, но заставить замолчать несогласных.

Они обсудили ряд других, не столь важных вещей, и Донован покинул кабинет короля. Он уже прошел половину коридора, когда вдруг его словно молнией ударило: да ведь он теперь лорд! Фортуна к нему явно благоволила. Он добился немалых высот, скоро приобретет жену всем на зависть. Богатство и сила — все это он имел, так почему же на душе такая пустота? Что еще можно желать? Тряхнув головой, Донован отогнал неприятные мысли.

Мэгги Драммонд, чуть робея, оглядела комнату, в которой находилась. Слуги подносили коробки с ее вещами, а сестры, Юфимия и Сибилла, хлопотали, указывая, куда что ставить.

Комната была небольшой, неправильной формы, примерно пятнадцать на тринадцать футов. По периметру потолка бежал гипсовый фриз; небольшой камин был украшен резной полкой. Большую часть комнатухи занимала кровать.

Юфимия и Сибилла расположились в соседних комнатах, и обе были вне себя от радости из-за того, что они в замке и их семья в милости у короля.

Мэгги понравилась ее комната; она ограждала ее от замковой суеты, принадлежала ей — ей и Якову.

Когда вещи были расставлены, Мэгги отправила сестер устраиваться самим, Обследовать замок и познакомиться с его обитателями, в общем — делать все что угодно, только освободить ее от их присутствия:

ей так хотелось встретить короля наедине! Мэгги вымылась с дороги и причесала волосы так, как это нравилось Якову. Теперь на ней было тонкое белое платье из шелка с длинными, ниспадающими рукавами и квадратным вырезом.

Мэгги постояла перед зеркалом. Она ждала ни много, ни мало самого короля! Девушка побрызгала на себя розовой эссенцией — Яков так любил запах роз.

В глазах Мэгги была печаль. Она так любит Якова, а он — ее; было ли тут основание для грусти? — спросила она сама себя, но не нашла ответа. Потом ее внезапно наполнил страх, и ей захотелось плакать. Но вскоре девушка услышала гулкие шаги в коридоре: на пороге внезапно вырос он. Постоял, вошел внутрь. Закрыв за собой дверь.

Он казался выше, сильнее и смуглее, чем она запомнила его в последний раз. От его пристального, скользящего по ней взгляда у Мэгги захватило дыхание.

— Мэгги, Мэгги, — выдохнул он.

Она сделала к нему шаг, второй и почувствовала, что ноги вот-вот откажут. Но он уже был рядом, сжимая ее в своих объятиях.

— Я слишком давно тебя не видел, Мэгги, — снова прошептал Яков и жадно поцеловал ее, — слишком давно.

Он прижал ее к себе, к телу, которое она теперь знала так хорошо, пробуждая в ней самую душу, и Мэгги ответила не менее страстным порывом. Но почему даже в эти мгновения в душе ее гнезился страх? Она прижалась к Якову еще теснее, надеясь, что он и их любовь рано или поздно помогут ей освободиться от непонятной тяжести на душе.

Замок ослепительно сиял; при первом взгляде из комнаты Кэтрин можно было подумать, что он охвачен пламенем. Сестры одевались, готовясь к выезду на ужин, где им предстояло впервые увидеть Мэгги Драммонд.

Кэтрин была незнакома с Мэгги, но много слышала о ней. Эту девушку едва ли можно было назвать корыстной интриганкой, ищущей почета и богатства. Мэгги завоевывала сердца скромностью и искренностью, и в ее любви к Якову не сомневался, кажется, никто.

Кэтрин ощущала внутреннее родство с этой женщиной, которой не нужно было ничего, кроме любви короля. Каково будет для Мэгги узнать, что все, как один, против ее брака с Яковом! В конце концов, ожесточенно подумала Кэтрин, пусть Мэгги суждено остаться любовницей Якова, он все же любит ее. В этом все сплетни отличались редким единодушием: он ее любит. Кэтрин на это уже не могла надеяться.

Ее интересовало о Мэгги все, и не раз она себя спрашивала, смогли бы они стать подругами? Ей так понадобится чья-то дружба после того, как брак разлучит ее с Энн. А подруга в окружении короля могла бы помочь ей в те минуты, когда ее жизнь с нелюбимым мужем станет совсем невыносимой.

В соседней комнате Донован также думал о Мэгги. При всех оговорках в отношении Якова и Мэгги у него не повернулся бы язык осудить его или ее. Он лишь боялся, что намерение короля может в недалеком будущем причинить ему немало хлопот; к Мэгги он также относился с долей восхищения, хотя вновь и

вновь повторял про себя, что любовь для мужчины — лишь источник душевной смуты и бед и лучше всего держаться как можно дальше от нее.

Взял бы он Кэтрин в жены, если бы за ней не стоял ее титул и родовое богатство? Тогда бы он почти наверняка сделал ее своей любовницей. Донован улыбнулся про себя. Если таких трудов стоило склонить ее к браку, то страшно подумать, какую войну пришлось бы выдержать, чтобы склонить ее к сожителству.

Донован сошел вниз первым и стал ждать появления Кэтрин и Энн, потягивая вино из кубка; мысли его были заняты Эндрю. Этот человек все эти дни всячески демонстрировал услужливость и смирение, но Донован неотступно следил за каждым его словом, каждым шагом, ожидая промашки. Достаточно Эндрю раз оступиться, Донован будет тут как тут.

«Домоправитель» раздражал его, особенно после того, как он открыл, что Энн и Кэтрин испытывают к англичанину непозволительное доверие. Он пришел к этому заключению по молчанию, которое воцарялось в их разговорах, стоило Доновану появиться. Если англичанин домогался Кэтрин, Донован, не колеблясь, готов был преподнести Эндрю жестокий урок.

Услышав шаги на лестнице, он встал. По ступенькам медленно спускалась Кэтрин, и Донован невольно подумал, что женщины красивей ему не приходилось в жизни видеть.

— Ты очень красива, Кэтрин.

— Благодарю... милорд.

Кэтрин произнесла эти слова подчеркнуто любезно; зная о его новом титуле, она как бы не могла поверить, что Донован — действительно лорд. Это кольнуло его

самолюбие, но он сумел удержаться. Мак-Адаму пришлось утешить себя мыслью, что на глазах тает срок, когда она окажется в его власти.

Дождавшись Энн, они неторопливо поскакали к замку, и всю дорогу Энн ощущала, какая тягостная напряженность существует между сестрой и ее будущим мужем. Пытаясь хоть как-то разрядить атмосферу, она с улыбкой спросила Донована:

— Вы встречались раньше с Мэгги Драммонд, лорд Мак-Адам? Что она из себя представляет?

Покосившись на Кэтрин, тот сказал:

— Она очаровательное создание — милая, душевная, отзывчивая. Яков отдыхает в ее обществе, как всякий мужчина в обществе женщины, которая не напоминает фурию.

Кэтрин вздрогнула, но тут же взяла себя в руки:

— Но с Яковом все обстоит иначе. Мэгги проще быть нежной и ласковой: она его любовница, а это все лучше, чем быть невестой против воли. У нее был выбор.

— Если бы вам предоставили выбор: быть моей женой или стать моей любовницей, что бы вы, интересно, выбрали?

— Ни то, ни другое, — холодно отрезала Кэтрин. — Не сомневаюсь, вы имели много любовниц в прошлом и, без сомнения, будете иметь их еще больше после свадьбы. В конце концов, клятвы нужны лишь для того, чтобы заполучить чужие земли и высокий титул, не так ли?

Но спор их прекратился: перед ними возникли ворота замка, где им объявили, что ужин состоится в небольшом зале, располагающем к уюту и

доверительности. Их повели по коридору; Донован предложил руку, и Кэтрин, поколебавшись, оперлась на нее. Он же ступал, широко улыбаясь, гордый своим новым титулом и еще больше — красавицей невестой.

Но когда они вошли, улыбка на лице Донована погасла, а рука словно одеревенела. Кэтрин удивленно взглянула на него и поразилась: лицо у ее жениха побледнело, челюсти сжались.

Яков и Донован встретились глазами, и Кэтрин почувствовала что-то необычное. Какой-то не высказанный вслух разговор состоялся между монархом и его доверенным приближенным. Кэтрин перевела взгляд на людей, окружавших короля, пытаясь понять наконец, что происходит. Она заметила, что король в момент их прихода беседовал с двумя женщинами. Одна из них явно была пышноволосая Мэгги, о которой Кэтрин слышала так много, что узнать ее труда не представляло. Вторая стояла к вошедшим спиной.

Переглянувшись с Донованом, Яков сказал пару слов Мэгги; та обернулась в сторону гостей, а вместе с ней повернулась вторая женщина.

Она оказалась поразительно красивой: кожа цвета слоновой кости, огненные волосы, зеленые глаза и безупречная фигура.

Кэтрин вновь глянула на Донована и поняла, что эти двое уже знакомы, и их нынешняя встреча выбила Донована из седла, как он ни пытался скрыть это.

14

Яков следил за лицом Донована, пока троица вновь прибывших приближалась. Он сожалел, что не смог предупредить Донована о присутствии на ужине

Дженни, но он узнал об этом перед самым ужином. Как она очутилась в свите Мэгги, вот вопрос, который необходимо было выяснить.

— Ваша милость! — сказал Донован, вместе с сестрами приблизившись к монарху; его голос чуть дрожал.

До этого не отводящий от Дженни глаз, он теперь старательно избегал смотреть в ее сторону.

— Донован, друг мой, я как раз говорил Мэгги, что ты сегодня должен привести с собой свою будущую жену.

Донован понимал, что это как бы заочное представление его невесты Дженни, но та, казалось, никак не прореагировала на слова короля: ее изумрудные глаза изучали Донована.

— Мэгги, это леди Кэтрин Мак-Леод и ее сестра Энн.

И Кэтрин, и Энн, несмотря на некоторую робость, попытались быть приветливыми с Мэгги, и та не замедлила ответить им тем же. Яков почувствовал признательность к сестрам; он остро переживал из-за щекотливого положения, в которое поставил девушку.

— А это леди Дженни Грэй из свиты Мэгги.

— Мы не видались с вами прежде в Эдинбурге, леди Грэй? — спросила Кэтрин.

— Вряд ли: прошло уже немало времени с тех пор, когда я в последний раз была здесь.

— А ваш супруг, леди Грэй? — Голос Донована был острым, как лезвие наточенного меча. — Он благополучно поживает?

— Мой супруг умер, лорд Мак-Адам, — бархатным голоском отозвалась она. — Скоро уж год как я вдова.

Мэгги по своей доброте прониклась сочувствием ко мне и предположила развлечься суетой и блеском двора.

При сообщении о смерти мужа Дженни Кэтрин ощутила, как дрогнула рука Донована. Хотя ничего больше не было сказано, она не сомневалась, что Дженни Грэй и Донован встречались раньше, да и Яков явно чувствовал себя неловко.

А какая ей разница, отругала она себя. Что из того, что он знал ее раньше? Его прошлое, настоящее и даже будущее ничего не должны для нее значить. Заговаривать первой об этой женщине она не решалась, боясь его насмешек и обвинений в ревности... Хотя надо было признать: своей красотой леди Грэй способна была затмить любую женщину. Постепенно к ним присоединились другие гости, разбив их интимный круг и навязывая свои темы разговоров, а Кэтрин оказалась стоящей рядом с лордом Флемингом.

Тот не упускал ничего из того, что происходило в зале. Поняв, что Кэтрин не посвящена в историю романа Дженни Грэй с Донованом, он не замедлил как бы вскользь просветить ее.

— Как вы находите Мэгги Драммонд?

— Она просто красавица, — улыбнулась Кэтрин.

— И, по-моему, Яков будет очень счастлив с ней.

— Да, наверное. Ведь она окружает себя на редкость красивыми confidentками.

— И что тут такого?

— Когда хочешь удержать на себе взгляд короля, не стоит окружать себя слишком уж милыми дамами. Такими, как леди Дженни. Она исключительно хороша собой. Вы полагаете, Яков не обратит на нее более серьезного внимания?

— Обратит внимание?

— Да, и я даже не сомневаюсь, что так и будет. Хотя ему, конечно, придется изощряться, чтобы не задеть тонких чувств Мак-Адама.

— При чем тут Донован?

Флеминг подмигнул:

— Неудобно наступать другу на старую мозоль.

— Вы полагаете, лорд Флеминг, что Донован знаком с этой женщиной? — невинно спросила Кэтрин.

— С чего вы это взяли? — засмеялся Флеминг.

— Но это так?

— Вы живете как в монастыре, леди Кэтрин. Эта... э-э... интрижка между Дженни и Донованом продолжалась пару лет. Он был влюблен в нее без памяти, и, если верить слухам, они собирались даже пожениться. Но Дженни неожиданно вышла замуж за лорда Грэя. Донован был вне себя от горя. Нынче она вновь здесь — вдова, обольстительная и богатая. Как же не обратить на нее внимание?

Лорд Флеминг поглядел в другой конец зала и усмехнулся. Кэтрин последовала его примеру и увидела, как Донован под руку с Дженни направляются к двери.

— Похоже, — поддразнил Кэтрин Флеминг, — что молодые люди решили возобновить старое знакомство.

К глазам Кэтрин подступили внезапные слезы, но первое потрясение и обида сменились гневом. Флеминг со злорадством заметил реакцию Кэтрин на свое сообщение. Ненавидя Мак-Адама, он не упускал случая даже в мелочах навредить ему.

Всех пригласили к столу, и Кэтрин была вне себя: Дженни и Донован не появились. За столом царила атмосфера веселья и оживленного общения, шел час,

другой, а Дженни и Донован все не появлялись. Кэтрин старалась улыбаться, — ей вовсе не хотелось дать повод позлорадствовать кому бы то ни было. Всеми силами она пыталась удержать разыгравшееся воображение. Донован и Дженни... Неужели он до сих пор любит эту женщину? Если так, то зачем же он настаивает на браке с Кэтрин? Неужели он полагает, что Кэтрин все стерпит и пойдет под венец, заранее зная, что он будет спать с другими женщинами? Господь всемилостивый, неужели Донован решил покрасоваться перед ней со своей любовницей? Пока она не получит ответа на этот вопрос, пусть он не рассчитывает на ее снисходительность.

Вечер уже подходил к концу, когда Донован и Дженни вернулись. Выражение его лица было натянутым и холодным, но внимание Кэтрин привлекла Дженни. Она казалась сейчас похожей на сытую, довольную кошку, потихоньку налакавшуюся хозяйских сливок.

При первом же взгляде на Дженни воспоминания волной нахлынули на Донована. Ему потребовалась вся сила воли, чтобы ничем не проявить своих чувств. Он заметил, что Кэтрин вопросительно поглядывает на него, но не знал, что ей сказать, чтобы она не восприняла его слова превратно. Но почему Дженни здесь? Этот вопрос не давал Мак-Адаму покоя.

Эта женщина ничуть не изменилась, ее совершенная красота оставалась неотразимой, и, несмотря на все усилия, ему не так-то просто было загнать обратно в подсознание воспоминания о тех днях, когда их соединяла страсть. Но он вспомнил и еще кое-что: ночи,

полные одиночества, ярости, отчаяния. Как бы то ни было, он должен был раз и навсегда распутать этот клубок чувств и влечений!

Меньше всего Донован собирался расстраивать свою свадьбу с Кэтрин. Его планы были и останутся неизменными. Однако его смущали глаза Кэтрин, не отпускающие его ни на минуту.

Но, как и раньше, инициативу проявила Дженни: в суете, когда гостей созвали к столу, она оказалась рядом с ним.

— Мне нужно поговорить с тобой наедине, Донован. Пожалуйста, это очень важно. — Ее тихий голос звучал почти умоляюще. Но тот был уже знаком с ее штучками — по крайней мере, он так полагал и решил остаться с Дженни наедине. И вот они стояли в маленьком зале, встретившись впервые за несколько лет. — Ты отлично выглядишь, Донован.

Голос ее звучал хрипловато и чувственно. В сочетании с красотой женщины и опьяняющим ароматом ее духов это могло тронуть даже камень, но не Донована: все это он уже проходил.

— И вы, как всегда, прекрасны, леди Грэй.

— Неужели у тебя вместо сердца бесчувственная ледышка, Донован?

Глаза ее затуманились.

— Чего же вы ждали?

— По крайней мере, хотя бы капельку былой нежности и малую толику понимания. — Слеза, как маленький алмаз, сверкнула на ее щеке. — Донован, все было не так, как ты думаешь. Я никогда не забывала, что мы значим друг для друга.

— Тебе не кажется, что все это чуточку поздновато?

— Донован... умоляю!..

— Черт возьми, не ты ли вышла замуж за человека, в два раза старше тебя? Ты клюнула на его богатство, а я тогда был всего лишь...

— Нет! Я любила тебя, Донован.

— Ты нашла странный способ продемонстрировать это. Но все это уже не имеет значения. Нет такой силы, которая могла бы склеить нашу разбитую любовь. Ты, став вдовой, получила все те богатства, ради которых продала себя. Надеюсь, ты довольна.

— Почему ты хочешь причинить мне боль? Неужели мы не можем поговорить так, как делали это прежде? Ты должен дать мне возможность объясниться. Может быть, ты, узнав, как было дело, простишь меня и вновь вступишь в свою жизнь...

— Нет, Дженни. Через десяток дней у меня свадьба.

Дженни издала мучительный стон и отвернулась от него. Донован был тронут; правда, он не видел ее прищуренных глаз и сжатых губ, не видел, как на ее лице отразилась холодная решимость.

— Кто... кто эта леди? Король говорил что-то, но я не поняла.

— Ее имя Кэтрин Мак-Леод.

Дженни кривила душой: она располагала всеми сведениями о Кэтрин, в том числе о том, что семья ее держала сторону убитого короля; но она не ожидала, что свадьба произойдет так скоро.

— Ты порицаешь меня за корысть, — сказала она тихо. — Разве ты поступаешь не точно так же?

— Благодаря тебе я усвоил, что лучший брак — брак по расчету:

У Дженни упало сердце. Значит, у Донована не осталось ни капли любви к ней? Но она сумеет снова разжечь пламя чувства в его душе!

— Но если ты не любишь Кэтрин, то почему бы тебе не сделать ее любовницей? Ты же можешь все, — я слышала, король тебе безгранично доверяет. А потом... потом ты сможешь жениться по любви. Трудно рассчитывать на верность жены, которую ты силой привел под венец.

— Ты сомневаешься в моей способности уследить за женой?

— Я сомневаюсь в тебе, Донован, — горячо прошептала Дженни, вновь оборачиваясь к нему. — Ты — будешь ли ты верен ей? Не захочется ли тебе близости с пылкой женщиной, если тебе придется делить постель с холодной и бесчувственной особой?

Старое, знакомое чувство шевельнулось в душе Донована, и тело отозвалось знакомой истомой — оно тоже ничего не забыло. Он ненавидел Дженни и в то же время был охвачен ураганом чувств. Ему хотелось ранить ее как можно сильнее, унижить грубым обладанием. Донован подумал о Кэтрин; он знал, что эта девушка будет сопротивляться до конца. Так, может быть, вид его бывшей любовницы вразумит ее хотя бы немного? Игра опасная, но, может быть, Кэтрин поймет, что от нее зависит отношение к ней будущего мужа. В конце концов, фамильная гордость — единственное ее достоинство.

— Дженни, того юного глупца, который умолял тебя выйти за него замуж, больше не существует. Нет на

свете женщины, которой бы я доверил свое сердце. Теперь я просто беру то, что мне нравится.

Донован взял ее за плечи и поцеловал грубо и бесцеремонно, так, что Дженни осознала: мальчик, которым она вертела, как хотела, стал неотразимым мужчиной, способным ошеломить любую женщину.

Доновану же вспомнилась другая женщина и другой поцелуй, где вместо необузданной страсти была уступчивость губ, робкая отзывчивость языка и сладостный вкус после поцелуя. Кэтрин прочно вошла в мир его чувств. С облегчением Донован подумал, что наконец-то вынул из сердца занозу, мучившую его эти годы, и эта мысль переполнила Мак-Адама ликованием: былой власти Дженни над ним пришел конец.

— Донован, это была воля моего отца — отдать меня замуж за старого богача-лорда. Ты же знаешь о его честолюбии. Он добился своего, но теперь я вновь свободна. Это было ужасно: отдаваться ему, не любя. Ведь все это время я продолжала любить одного тебя.

Донован принял решение: Дженни может оказаться чрезвычайно полезным оружием в деле укрощения его будущей жены. Совесть не будет его мучить: он всего лишь оплатит Дженни за все.

— У вас были дети? — спросил он с наигранным интересом.

— Нет, я была достаточно осмотрительной.

— Так ты его даже этой малости лишила?

— Меня отдали ему силой, я его не любила.

— А теперь тебе пришло в голову пожить при дворе.

— Мы с Мэгги недавно стали подругами.

— Случайность? Или твой расчет?

— Почему ты переворачиваешь каждое мое слово?

— Дженни взглянула Доновану в лицо, но он уже сменил проницательную улыбку выражением сочувственного внимания. Она хитро улыбнулась: — Ну, может быть, это не вполне случайность... Но Мэгги такая милая...

— И полезная тебе. Заруби себе на носу, Дженни: не вздумай вредить ей. Король впервые в жизни полюбил по-настоящему.

— Мне нет дела до Якова, а Мэгги — моя подруга. Но я пришла сюда, чтобы увидаться с тобой. Не отворачивайся от меня, Донован.

Мак-Адам отдал должное актерским способностям своей бывшей любовницы и удивился, как же раньше он не замечал этой фальши. Она намеревалась вновь использовать его, пока ей не подвернется что-либо более привлекательное. Например — возможность стать любовницей короля. Широко раскрытые глаза Дженни выражали мольбу, а ее рука тянулась к нему в жесте просящей подаяния: великолепная, поистине неотразимая поза.

— Я вовсе не собираюсь от тебя отворачиваться, — не без коварства усмехнулся Донован. — Полагаю, что двор — самое место для тебя. Здесь хорошо и весело. Тебе понравится.

Дженни шагнула к нему и легонько коснулась его лица.

— А ты, Донован? Ты рад моему возвращению?

Только слепой мог не заметить зазывной истомы в ее глазах и голосе. Еще пару недель назад Донован не замедлил бы воспользоваться моментом. Но сегодня... сегодня что-то мешало ему. Что? Неужели

разгорающееся чувство к невесте так изменило его? Донован отказывался признать это. Он и Кэтрин, и Дженни воспринимает такими, как они есть, ни больше, ни меньше. Кэтрин — как невесту, за которой титул и состояние, а Дженни — как возможность того, что он может иметь. Но пусть они не рассчитывают на его любовь, ибо, при всех внешних различиях, Дженни и Кэтрин по сути одно и то же: они корыстны и испорчены.

— Конечно, Дженни. Разумеется, ничто не помешает нам быть... друзьями.

— Друзьями? И только?

Донован пожал плечами и неопределенно улыбнулся. Поняв его улыбку по-своему, Дженни, уверенная в своей неотразимости и способности восстановить былую власть, решила, что близка к победе. Она буквально таяла, но ее кавалер почему-то не торопился воспользоваться моментом. Взяв ее за плечи, Донован мягко, но решительно отстранил женщину.

— Не стоит забывать, где мы. Король не придет в восторг, если зайдет сюда и обнаружит нас за этим... компрометирующим занятием.

— Не говоря уже о твоей невесте, — сказала с иронией Дженни.

— Да, — усмехнулся он. — Зная характер Кэтрин, я бы не хотел подвергать себя такому испытанию: я вовсе не желаю возобновлять войну с будущей женой.

— Возобновлять? — удивленно переспросила Дженни.

Донован прикусил язык: тщеславная, безнравственная и неразборчивая в средствах фрейлина Мэгги могла использовать услышанное в своих интересах.

— Ты разве забыла, Дженни, что Мак-Леоды остались верными прежнему королю? Нам с трудом удалось завоевать их расположение, и ни я, ни король не желаем испытывать их терпение.

Дженни, не сморгнув, проглотила его объяснение, про себя уже начав строить далеко идущие планы. До тех пор, пока она разберется в хитросплетении жизни дворца и найдет себе надежных союзников, ей придется играть в кошки-мышки со всеми, включая Донована. От рождения наделенная терпеливостью хищницы, подстерегающей жертву, Дженни готова была ждать. Но если между Донованом и его невестой существует какая-то трещина, то она приложит все усилия для того, чтобы превратить ее в пропасть.

— Ты высоко взлетел, Донован. — Глаза ее сверкнули восхищением. — Ты заслужил то, что приобрел. Говорят, ты и Патрик Хепберн — две руки короля.

— Я ценю его доверие ко мне. Предательство, измена за пределами моего понимания, — ответил Мак-Адам, намекая, что не потерпит нового предательства со стороны Дженни.

— Я была молодой и глупой, Донован, и никогда не держала в сердце даже мысли об измене. Если бы мой отец не заставил меня выйти за другого, мы бы давно были мужем и женой. Я совершила страшную ошибку, и теперь плачу за нее. Но я бы хотела, чтобы ты знал: я никогда не переставала любить и желать тебя. — Голос ее стал томным, и она приблизилась к Доновану. — Если я тебе когда-либо понадобится... совершенно неважно для чего, — стоит тебе дать знать, и я буду

рядом. Разве можно когда-нибудь забыть то, что было между нами?

Донован улыбнулся.

— Как приятно знать, что у тебя есть друг, на которого в любую минуту можно рассчитывать. Но не кажется ли тебе, что нам следует держаться поодаль? Ни тебе, ни мне не нужны слухи и превратные толкования.

Дженни мило улыбнулась, и они покинули выбранный ими уголок; помышления бывших любовников были совершенно противоположны: Дженни уже составила план действия, решив не упускать ни единого слова, которое будет обронено в ее присутствии; Донован же все больше приходил к мысли, что Дженни объявилась при дворе с гораздо более дальним прицелом, чем при случае вновь завязать с ним роман.

Донован разглядел в переполненной комнате Кэтрин и, невзирая на ее улыбку и смех, почувствовал, что она в ярости. Ее самолюбие было уязвлено тем, что ее жених неизвестно куда и неизвестно для чего удалился с заезжей леди. Донован ощутил легкое удовлетворение от того, что сумел лишний раз поставить упрямыцу на место и показать, кто из них хозяин положения.

Кэтрин не желала терпеть такого обращения. Донован женится на ней ради выгоды, и выбора у нее нет. Правда, она пригрозила Мак-Адаму, что опозорит его изменой, но в глубине души девушка понимала, что она не способна на такую низость. Если о любви и доверии не может быть и речи, ей придется искать какую-то иную основу для своей семейной жизни.

Кэтрин проследила за Дженни, пересекающей зал, и с ненавистью подумала, что той не составит труда снова обольстить ее жениха. Вне всякого сомнения, Дженни Грэй превосходна в постели; так пусть Донован и отправляется с ней на все четыре стороны, а ее оставит в покое. Кэтрин была бы только счастлива. В конце концов, ей противно даже его прикосновение, объявила она себе, упорно не желая слушать внутренний голос: ее мечты разбиваются вдребезги, и все из-за мужчины, который не питает к ней никаких чувств!

Энн, Кэтрин и Донован доехали до дома в тягостном молчании. Энн ощущала враждебность будущих супругов друг к другу и прекрасно понимала, в чем дело. Но что она могла сделать? Утомленная вечером и собственными мыслями, она торопливо удалилась в свою комнату, оставив Кэтрин и Донована самих разбираться между собой.

Кэтрин сорвала с плеч плащ и швырнула его на спинку кресла, чувствуя, что Донован следит за ней. Появились слуги; он резко приказал принести вина и отправляться спать. Сжавшись от страха, слуга принес требуемое и ретировался из комнаты. Кэтрин покачала головой:

— Мы, наверное, будем самой несчастной семейной парой во всей Шотландии. — Она улыбнулась себе. — Я пошла.

Донован, уже наливший два кубка, протянул один Кэтрин, но та отрицательно качнула головой и направилась к лестнице.

— Вам придется погодить, сударыня. Я не желаю пить один, и мне нужно сказать вам кое-что.

— Если речь идет о вашей связи с леди Грэй, не стоит беспокоиться. Я уже знаю все, что хотела знать.

— Дворцовые сплетни далеко не всегда верный источник сведений, — усмехнулся Донован, присев на корточки у пылающего камина и потягивая вино. — И кто же, позвольте спросить, позаботился просветить вас?

— Это не имеет значения.

— Совершенно верно, не имеет. Я собирался говорить совсем не о леди Грэй.

— Еще бы! Думаю, не вполне удобно обсуждать с невестой свои похождения с любовницей.

— Что за бес в вас вселился, миледи? Не язык, а колючка. Уж не ревность ли это?

— Надменный глупец! Чтобы ревновать, надо любить. Зачем тебе свадьба со мной, когда на глазах у всего двора ты амурничаешь с этой проходимкой. Почему бы тебе не отправиться к ней в постель и не оставить меня в покое?

— «Проходимка»! — расхохотался Донован. — С твоей красотой ты могла бы быть и более великодушной.

— Красота тут ни при чем. Я придаю достаточно большое значение своему положению и незапятнанности своего имени, чтобы позволять валять его в грязи потому, что какому-то мужлану взбрело в голову порезвиться с этой... этой...

Кэтрин задохнулась, не в силах подобрать нужное слово.

— Однако, — хладнокровно парировал Мак-Адам, — именно ты объявила, что будешь изменять мне при каждой возможности. Не твои ли это слова, что все дети

от нашего брака будут ублюдками? Уж не думаешь ли ты, что я позволю все, чего достиг в своей жизни, пустить на ветер и мое имя извлекать в грязи?

— Итак, я должна стать верной и послушной женой, спокойно взирающей на то, как мой муж распускает перья перед любовницей.

— Дженни мне не любовница... пока что.

— Если это угроза, то берегитесь, милорд.

Донован шагнул к столу и поставил на него кубок, затем медленно подошел к невесте, которая неподвижно стояла, с вызовом встречая его взгляд: если он рассчитывает запугать ее, то тут он ошибся. Кэтрин была не из тех женщин, чью смелость так легко сломить.

— Твоя семья, твое имя, твое достоинство — вот три вещи, Кэтрин, которые тебе дороже всего.

— Да, поскольку всего остального ты и король нас лишили, оставив вещи, которые ты так небрежно назвал.

— Не заключить ли нам сделку, Кэтрин?

— Сделку! Я однажды уже надеялась заключить с тобой сделку, но в ответ получила лишь одни унижения. Почему я должна поверить тебе?

— Потому что в доме должен царить мир. И ты, и я можем быть недовольны чем-то друг в друге, но слишком многое поставлено на карту, чтобы позволить этой войне продолжаться и дальше.

Кэтрин прикусила губу. Итак, они оба могут быть недовольны друг другом, сказала она себе. Следовательно, и для него этот брак может оказаться тягостным. Конечно, теперь появилась Дженни Грэй! Девушка почувствовала, что попала в ловушку: ведь в железных руках стоящего рядом с ней человека

сосредоточена громадная власть. Донован осознавал свою силу и не сомневался, что сумеет обуздать Кэтрин; он сжал ее плечи и почувствовал, как она окаменела. Это его разъярило и возбудило в одно и то же время.

— Яков хочет обвенчать нас в замковой часовне. Она маленькая и красивая, тебе понравится. Завтра ты отправишься туда и займешься приготовлениями. Мэгги тебе поможет. Все будет так, как ты захочешь.

Кэтрин пыталась сохранить холодность, но его возбуждение передалось ей. Однако нельзя было сдаваться на милость победителю и превращать себя в орудие чужой беспощадной воли. Девушка ощутила дыхание грядущих в скорости дней, когда она уже будет принадлежать Доновану, который, возможно, захочет делить постель одновременно с другой женщиной.

— Очень великодушно с твоей стороны и твоего короля позволить мне самой распоряжаться нашим... торжеством. Я сделаю все, чтобы это соответствовало твоему положению и вкусам.

Кэтрин почувствовала, как его руки сжимаются на ее плечах и он поворачивает ее лицом к себе. Взгляды их встретились.

Донован наклонился, чтобы поймать ее губы, и Кэтрин издала приглушенный вскрик протеста. Но это был не карающий и не грубый поцелуй захватчика, скорее он был нежным и чувственным. Мак-Адам вновь и вновь смаковал вкус ее рта, возбуждая в девушке все большее желание, с которым она пыталась бороться; Донован тоже не мог оторваться от нее — он попал в ловушку ее чувственности и теперь с блаженством наслаждался каждой секундой близости к ней. Словно жаркая волна окатила его тело. Он уже жаждал обладать

ею полностью и до конца, и его рука скользнула к бедрам Кэтрин, прижимая ее еще теснее к своему телу.

Кэтрин вся пылала, и воздвигнутые ею стены и заграждения рушились одно за другим; губы ее разомкнулись, все тело дрожало. Освободиться любой ценой!.. Она рванулась, и Донован отпустил ее: тяжело дыша, они смотрели друг на друга, внезапно ощутив свою взаимозависимость. Но больше всего на свете Донован сейчас боялся совершить непоправимое; удерживая невесту в своих объятиях, он рисковал чрезмерно поддаться чувствам. И все же он не выдержал и вновь привлек Кэтрин к себе.

— Пусти, — прошептала она.

— Нет.

— Ты не любишь меня.

— Зато хочу.

— Я никогда не полюблю тебя.

— А я и не прошу. Но через несколько дней ты будешь принадлежать мне. Я не потерплю измены, Кэтрин, позволь мне тебя предостеречь.

— А ты позволь мне еще раз тебя предупредить, что ты делаешь очень и очень серьезную ошибку.

— Тогда мне всего лишь придется заплатить за это какую-то цену. Но уж если я за что-то плачу... я это получаю.

— Будь ты проклят!

— Спокойной ночи, Кэтрин.

Он легонько поцеловал ее, развернул и мягко подтолкнул в сторону лестницы. От ярости у нее словно выросли крылья, и через несколько секунд Донован услышал, как захлопнулась дверь. Только тогда улыбка сошла с его лица. Он налил вина и медленно опустился в

кресло. Сердце у него часто колотилось, а вкус поцелуя не сходил с губ, отгоняя всякую мысль о сне.

Но сон не приходил и к Кэтрин: она ходила взад-вперед по комнате, тело ее била дрожь. Впервые в жизни девушка испугалась собственного чувства, не желающего подчиняться ее разуму, и злилась на человека, который способен был пробудить его в ней одним только прикосновением.

15

Эндрю понял, что он — арестант, через час после отъезда Донована, Кэтрин и Энн, обнаружив, что за ним присматривают так, словно он один из заключенных в подвалах замкового донжона. Это произвело на него тягостное впечатление. Оставалось одно — размышлять, а размышлять он мог только об Энн и о собственной унижительной беспомощности.

Ему во что бы то ни стало следовало заполучить в руки текст письменной договоренности между лордами-изменниками и Англией. Документ, в руках с которым он смог бы иметь дело с Донованом Мак-Адамом и королем, документ, который мог даровать ему Энн... Но, даже если бы для этого потребовалось создать предлог к войне между двумя государствами, он не позволит королю и его приближенным превратить Энн в жертвенного ягненка!

Эндрю оставил дверь комнаты приоткрытой, чтобы слышать, как хозяева вернутся. Но шел час за часом, а их все не было. Наконец он услышал знакомые голоса, потом раздались шаги Энн и стук двери ее комнаты. Немного погодя до него долетело оглушительное хлопанье дверью и скрежет замка: это Кэтрин вернулась

к себе. Эндрю улыбнулся: Доновану предстояло испытать свою чашу до дна.

Он ждал тяжелой поступи по ступенькам и звука еще одной закрывающейся двери, но минуты шли, а ничего не происходило. Казалось, Донован вообще не собирался возвращаться в свою комнату.

Эндрю снова не смог удержать улыбки. Без сомнения, Донован расспрашивал сейчас своих людей, не пытался ли англичанин сбежать. К счастью, Эндрю, искушенный в такого рода вопросах, сам несколько раз продемонстрировал стражникам факт своего присутствия в доме, так что Доновану придется испытать разочарование. Разумеется, Эндрю понимал, что ничем уже не сможет развеять его подозрения, и предчувствовал, что однажды они снова сойдутся на узкой тропе.

Эндрю хотелось сказать Энн хотя бы слово перед тем, как девушка заснет, увидеть ее, попытаться успокоить. Но Донован медлил, Энн, вероятно, уже уснула, и Крейтон через некоторое время тоже заснул.

На следующее утро за завтраком Эндрю был сперва обрадован, а затем огорчен: Донован объявил, что Кэтрин переезжает в замок по крайней мере на две недели. Для Эндрю это означало, что, исключая слуг, он и Энн останутся наедине. Но его надежде не суждено было сбыться.

— Разумеется, — небрежно обронил Донован, не сводя взгляда с Эндрю, — леди Энн составит компанию сестре, поскольку тоже примет участие в церемонии венчания.

На лице Мак-Адама читалось такое самодовольство, что Эндрю захотелось его чем-нибудь треснуть.

— Означает ли это, что я должен следовать за леди в замок, милорд?

— Не вижу в этом никакой необходимости.

— Это мой долг, сэр. И приказ лорда Мак-Леода. Мне бы очень не хотелось давать ему повод для упреков.

— Вы хотите сказать, что в замке ваши хозяйки не будут чувствовать себя в безопасности?

Донован вопросительно приподнял бровь,

— Я всего лишь хотел сказать, сэр, что на меня возложены обязанности, которые я намерен выполнить со всей ответственностью.

— Это понятно, — сказал Донован. — И все же мне показалось...

— Милорд! — прервала его Энн.

— Да, леди Энн?

— Я восприняла бы как знак особого расположения, если бы вы позволили Эндрю сопровождать нас. Конечно, я всеми силами помогу Кэтрин, но в силу ее занятости я по сути останусь одна. Эндрю наш друг, один из немногих, которые у нас остались.

— Друг, — повторил Донован. Он был уверен, что Эндрю много больше, чем просто друг Энн, но не собирался селить вероятного врага в своих апартаментах, тем более на время своего отсутствия. И без того ему приходилось сдерживаться от искушения немедленно арестовать англичанина и хорошенько допросить его. — Боюсь, леди Энн, мне придется

лишить вас общества вашего слуги на некоторое время. Он поедет со мной.

Эндрю насторожился. Спорить было бессмысленно: Донован и не спрашивал его мнения, но ему стало интересно, что тот задумал.

— И куда же вы направляетесь? — пришла к нему на помощь Энн.

— Завтра вечером ожидается сражение, — почти презрительно сказал Донован, — и я решил, что ваш домоправитель, с его искусством владения мечом, сможет так же умело защищать дело короля, как он до сих пор защищал ваше семейство. Но поскольку дом вскоре станет моим, ему придется надеть форму с моим гербом.

— Слушаюсь, милорд, — сказал Эндрю, поднимаясь.

— Милорд!.. — Энн тоже встала из-за стола; голос ее звучал почти умоляюще.

Эндрю бросил на нее тревожный взгляд и поспешно перебил:

— Я сейчас же приготавлиюсь, сэр. Всего хорошего, леди Энн. Будьте уверены, я вернусь в полном порядке и смогу снова приступить к своим обязанностям.

Донован молча вышел из комнаты, за ним следовал Эндрю. На минуту в комнате воцарилась тишина, а затем Энн прошептала:

— Счастливого пути, Эндрю.

Через пару часов после отъезда Донована и Эндрю сестры отправились в замок. Им выделили удобные комнаты, они часто проводили время с Мэгги, и ее

доброжелательность и сочувствие помогали Энн и Кэтрин бороться со своими грустными мыслями.

Мэгги была бы ошеломлена, если бы знала, на ком сосредоточены мысли Энн. Ошеломлена, но едва ли испугана или встревожена. Она не хуже сестер Мак-Леод знала силу любви.

Приготовления к свадьбе шли полным ходом. Кэтрин оставалось надеяться лишь на чудо, которое избавило бы ее от супружества с Донованом; ненамного лучшим казалось положение Энн. Она догадывалась, что гнев и подозрительность Мак-Адама по отношению к Эндрю с каждым днем усиливались, и его жизнь висит на волоске. Крейтону могли убить, по приказанию Донована, где-нибудь в лесу или арестовать и пытаться по возвращении в замок.

Расчет Донована оказался дьявольски простым: он приставил Эндрю к себе в качестве слуги и держал его под своим неусыпным оком каждую минуту дня и ночи.

Неожиданный карательный набег на мятежные части Леннокса и Лайла увенчался полным успехом.

Дорога, по которой они сейчас скакали, была ровной и сухой, и для такого опытного всадника, как Эндрю, не составляло труда вздремнуть в седле. Ему предоставилась возможность увидеть короля и Донована в деле, и он убедился, что имеет дело с грозными соседями Англии, — умными, решительными, храбрыми. От них зависело даровать мир Шотландии или обрушиться войной на Англию. Крейтон в полусне старался проанализировать увиденное, пока лошади трусцой приближались к эдинбургскому замку. Да, если

он снова увидит Англию, ему будет за что благодарить судьбу.

Эндрю знал, что с него не спускают глаз. Малейшая ошибка — и дальше следовали бы тюрьма, допросы, мучительная казнь. Его брали на измор, не давали покоя ни днем, ни ночью, и он почти не спал все это время. Крейтон не сомневался: если бы не его способность спать в самом неудобном положении, улущая каждую минуту, он бы давно уже сломался.

Но этого не произошло. Он связно отвечал на внезапные вопросы и покорно исполнял самые унижительные приказания; он успевал гладко выбриться, проследить за чистотой одежды; как бы он ни устал, он никогда не позволял себе заснуть, не приведя в порядок лошадь, и Доновану так и не удалось поймать его ни в один из своих многочисленных капканов.

Но в эти последние несколько часов перед возвращением в королевский замок Эндрю начало одолевать смутное беспокойство: ему казалось, что где-то он все-таки недоглядел. Казалось, Донован принял какое-то решение относительно его судьбы, и Эндрю чувствовал себя беспокойно.

— А вон и башни замка, — ворвался в дрему Эндрю чей-то голос.

Он поднял голову: его спутник улыбался ему. Солдаты никак не могли взять в толк, за что Донован так невзлюбил англичанина: им он очень нравился — уверенный в себе, простой в общении, обязательный и острый на язык.

Отряд остановился, и Эндрю услышал, как капитан Скотт, ехавший рядом с Мак-Адамом, окликает его по имени.

— Да, сэр? — отозвался он.

— Сойди с коня.

Эндрю спешился, передал уздечку соседу и ждал, скрывая раздражение и тревогу.

— Затяни подпругу лошади его светлости!

Эндрю подошел к Доновану.

— Где именно, милорд? — спросил он, поднимая голову.

— Слева, — ответил тот.

Эндрю нашел развязавшийся ремень и затянул его под пристальным взглядом Донована. Проверив, все ли в порядке, он поднял глаза.

— Это все, что вам угодно, милорд? — спросил он тихо, но голубые глаза его сверкнули.

Мак-Адам зловеще усмехнулся:

— Пока что да.

— Хорошо, милорд.

Эндрю шлепнул скакуна по крупу и направился к своей лошади, — медленно, но не настолько, чтобы его поведение можно было расценить как вызов. Он вскочил в седло и лишь улыбнулся на свирепый взгляд Скотта. Вновь он мог вздремнуть и открыл глаза уже у самого замка.

Теперь от его сонливости не осталось и следа. Жадно вглядываясь вперед, Эндрю даже приподнялся в седле от нетерпения, чувствуя в себе, неведь откуда взявшуюся, энергию.

Миновав северные ворота, они очутились во дворе замка. Теперь уже Эндрю пристально наблюдал за своим соперником. Как он решил с ним поступить? Сейчас у него была последняя возможность бежать!.. И тут он увидел Энн. У Эндрю перехватило дыхание.

Девушка стояла, закутавшись в плащ, и легкий шарф развевался по ветру. Лицо ее разгладилось на холоде, и она стояла всего в каких-нибудь пятнадцати шагах от него. Неожиданно Крейтон почувствовал, что девушка дожидается именно его, ее глаза ищут его в толпе всадников. Он вдруг понял, что ей движет любовь, и от этой мысли на сердце у него стало тепло.

Энн шагнула к нему, и он, несмотря на грозящую опасность, ободряюще улыбнулся ей. Девушка вдруг побледнела, словно испугавшись за него... Гордость не давала ей сказать об этом страхе даже сестре. Эндрю понял, сколько бессонных ночей ей пришлось провести, как напряжены должны быть ее нервы, но сказать ей то, что ему хотелось бы, он не мог: слишком велика была опасность. Где это видано, чтобы слуга бросался к своей хозяйке и обнимал ее... Вечером или завтра утром он попытается увидеться с ней. А пока Эндрю тронул поводья и двинулся так, чтобы проехать рядом с ней. Он услышал тихий голос Энн:

— Как дела, Эндрю? Надеюсь, вы довольны вашей службой на новом месте. Вы отлично выглядите.

— Да, все хорошо, ваша светлость. — Он почувствовал, как забилось в его груди сердце, и взглянул в лицо девушки, которую не видел столько времени. — Вы тоже замечательно выглядите. Я счастлив, что снова могу служить вам.

Больше они сказать друг другу ничего не успели: сзади подъехал Донован. Энн с улыбкой обратилась к нему:

— Моя комната в южной башне оказалась на редкость удобной, а комната леди Кэтрин устроит даже принцессу. Мы благодарны вам за такую заботу.

Эндрю, низко поклонившись, слез с коня и повел его на конюшню, чувствуя на себе пристальный, неприязненный взгляд Донована и нежный — Энн. Времени для бегства оставалось все меньше, но Эндрю решился продолжить игру до конца: будущее отношений между Англией и Шотландией по-прежнему зависело от успеха его дела. Но еще крепче, чем политические интересы, в Эдинбурге его удерживало чувство к Энн.

Кэтрин переборола свое стремление спуститься во двор, чтобы встретить прибывшее войско, наголову разгромившее мятежников. Ведь вполне могло оказаться, что Донован ранен... или даже убит. Для нее это означало бы свободу, но почему-то эта мысль мучила девушку, надолго лишая сна. Теперь же она не желала смиренно приветствовать приезд своего будущего господина, по воле которого через несколько дней должна была состояться ненавистная ей свадьба. Она знала, что во все концы страны уже разосланы приглашения, так что огромный замок, вероятно, будет тесен для гостей, замковых конюшен скорей всего не хватит, а приглашенные из числа менее знатных вынуждены будут делить комнаты друг с другом. Кэтрин видела, что за ней пристально наблюдают и обсуждают каждый ее шаг, поэтому ее выход на встречу Донована Мак-Адама будет расценен придворными сплетниками как победа последнего, а следовательно — как ее капитуляция. Зато ее невыход, по меньшей мере, должен был продемонстрировать силу ее духа и вывести из себя самовлюбленного жениха. Пусть побесится, подумала девушка. Может быть, он наконец поймет, что не все можно купить или взять силой.

Она подошла к окну и стала так, чтобы ее не было видно снизу. Взгляд ее перебегал от одного человека к другому, пока не выхватил из толпы знакомую широкоплечую фигуру. Донован стоял, разговаривая с каким-то человеком, одной рукой удерживал за поводья великолепного черного жеребца, а другой, держа украшенный перьями, шлем. От него так и веяло уверенностью и силой; казалось, он нисколько не устал после изнурительного похода.

С невольным интересом девушка вгляделась в собеседника Донована, думая про себя, что любой другой на его месте первым делом отправился бы к своей невесте. Любой, но не он, мелькнула у нее болезненная мысль. Для него она — лишь часть своего приданого...

Кэтрин, расстроенная, отошла от окна, и в это самое мгновение Донован взглянул вверх. В окне его невесты никого не было видно, и его, в свою очередь, больно задело равнодушие Кэтрин. Он прошел по коридору в ее покои и в восхищении замер на пороге: перемены обстановки, произведенные усилиями Кэтрин, были замечательны. В часовне также были сделаны приготовления к свадьбе: расставлены свечи, приобретены роскошные парчовые ризы. Кэтрин постаралась на славу, и с тем большим нетерпением Доновану захотелось увидеть ее саму.

Он решительно прошел по коридору и громко постучал в дверь. К его изумлению, ее открыла сама Кэтрин.

Мак-Адам вновь поразился ее красоте — во время похода у него не было времени думать о невесте, и ее

образ немного потускнел в его памяти. От одного ее вида у Донована перехватило дыхание.

Темно-зеленое платье бросало блики на золотистые волосы Кэтрин, а в глазах ее плясали золотистые искры. В душе Донована проснулось чувство нежности к невесте, столь несвойственное ему, он жаждал, чтобы та приветствовала его поцелуем, жаждал обнять ее и целовать так, чтобы ее страсть соревновалась с его неистовством. Но Мак-Адам решил, во что бы то ни стало, скрыть свои истинные чувства.

— Разве у вас нет служанок, миледи? — резко спросил он, проходя вслед за ней в комнату.

— Дел так много, милорд, а времени так мало.

— Да, скоро наша свадьба. Ты прекрасно выглядишь, Кэтрин.

— Что ж, у меня все хорошо, — сказала она, стремясь голосом выразить холодность. Вспомнив о сестре, девушка первым делом спросила: — Могу я поинтересоваться о делах Эндрю? С ним все в порядке?

Если бы Донована полоснули палашом, удар едва ли получился бы более разящим: на какой-то момент ему показалось, что ревность и ярость задушат его. Он уже был готов отдать приказ об аресте Эндрю, и теперь еще больше утвердился в своем намерении. Англичанин мог оказаться кем угодно, но одно Донован знал точно: он не из тех, кто повинуется приказам, а из тех, кто их отдает.

— Тебя он больше не должен интересоваться. Он у меня на службе, и тебе нечего беспокоиться. Я прослежу, чтобы с ним обращались так, как он того заслуживает.

— Благодарю, милорд.

Донован понял, что Кэтрин собирается держаться ним как можно церемоннее, избегая называть его по имени. Его невесте приятно было услышать о здравии Эндрю, но благополучие жениха ее, очевидно, нимало не интересовало.

— Не стоит благодарностей. К вам на службу англичанин не вернется и останется при мне.

— Но почему? — подняла брови Кэтрин.

Бедняжка Энн после ее замужества оставалась совсем одна, а теперь ее лишали еще и защиты Эндрю.

— Почему он тебя так интересуется, Кэтрин?

В голосе Донована зазвучало подозрение; еще одно неловкое слово, и на голову Эндрю мог обрушиться его гнев. Мысль о том, что причина раздражения Мак-Адама — ревность, доставила Кэтрин немалое удовольствие, но нельзя было навредить Эндрю, а тем самым и Энн.

— Эрик всецело полагался на него, и мы ему многим обязаны. Поэтому я рада, что с ним все в порядке.

— И только этим объясняется твой интерес к нему?

— Разумеется. А что тебя удивляет?

Мак-Адам прекратил пикировку:

— К сожалению, меня зовет долг. Вновь мы встретимся только в день свадьбы. Да, совсем забыл сказать тебе комплимент: часовня и большой зал изумительно подготовлены.

— Благодарю, милорд. Он хотел сказать еще что-то, сломить ледяную стену отчуждения между ними, но промолчал. Скоро поле боя окажется за ним. Не сказав ни слова, он развернулся и вышел.

Кэтрин посмотрела ему вслед. Ни слова приветствия при встрече с ней, ни проблеска нежности. Ничего.

— Варвар, — пробормотала она, стараясь удержать подкатывающиеся к глазам слезы.

Никогда она не заплачет из-за этого мужлана с каменным сердцем.

В день свадьбы Кэтрин проснулась в несусветную рань. Она лежала в кровати, слушала тишину и смотрела, как темнота за окнами сменяется первыми проблесками рассвета. Через несколько часов она и Донован будут обвенчаны. Девушке невыносимо захотелось остановить время. Она мысленно перебрала, не забыла ли чего для праздничного пира, и не могла не улыбнуться при мысли, как вытянется лицо Донована, когда он увидит счет на тысячи фунтов. Она намеревалась продемонстрировать королю и Мак-Адаму, что Мак-Леоды умеют гулять по-королевски: триста четвертей пшеницы для выпечки самого лучшего белого хлеба, триста бочонков эля из замковой пивоварни, сто бочонков вина, сто быков, шесть вебрей, тысяча овец, три сотни молочных поросят и телят, четыреста жареных лебедей, две тысячи гусей, тысяча каплунов. В добавок к этому зажаренные целиком олени, полторы тысячи пирогов с олениной, рыбой и устрицами; полторы тысячи тарелок студня, пироги со сладкой начинкой, горячие и холодные кремы, лакомства из сахара и вафли. Другие затраты были тоже немалые: Кэтрин вспомнила про свечи из чистого воска в часовне, фонтаны во дворе, брызжущие вином. Кое-что должно было перепасть горожанам и окрестным крестьянам. Когда счет из Эдинбурга придет, Донован

будет вне себя: один ее костюм обошелся в две тысячи фунтов. Но ее мысли перебила пришедшая будить ее служанка.

— Я уже проснулась. Который час?

— Около восьми, сударыня. Ванна для купания готова.

Кэтрин выбралась из постели и опустилась в теплую, благоуханную воду, потом вылезла из лохани и дала себя вытереть. На нее надели атласную нижнюю юбку и блузку, обе — белого цвета. Служанки расчесали ей волосы, блестящие и переливавшиеся не хуже атласа; они свободно ниспадали на плечи. Затем служанки обрызгали Кэтрин духами, она встала, и на нее через голову надели платье. Оно было из белого бархата и оторочено белым горностаем; длинное, идеально сидящее на невесте, оно ниспадало на пол мягкими складками. Рукава тоже были длинными, слегка прикрывающими ладонь, вырез — квадратным, и в глубоком проеме груди изящно поблескивал золотой кулон, украшенный жемчужинами. Кэтрин только в этот момент осознала, что с прошлым окончательно и бесповоротно покончено, начинается новая жизнь; словно во сне, она медленно сошла по лестнице в сопровождении служанок, несущих за нею длинный шлейф.

В старинной часовне царила тишина. Свет солнца, просочившийся через витражи, смешивался с блеском свечей. У алтаря ее уже ждал Донован. Он, поклявшийся всю жизнь оставаться холостяком, в освещенной дрожащим светом часовне дожидался прихода женщины, которая не желала видеть его своим мужем. Повернув голову, он увидел приближающуюся Кэтрин,

и вдруг ему показалось, что кто-то навалил камень ему на сердце, которое забилося часто и напряженно. Кэтрин была настолько красива, что Донован с трудом мог поверить, что это его невеста.

Он взял ее руку в свою, ощутив прохладу девичьей кожи, и, взглянув ей в глаза, понял — она его не боится. Ему было приятно это открытие: в конце концов, он желал видеть перед собой невесту, а не запуганную до полусмерти наложницу.

Венчание заняло немного времени: священник благословил их, Кэтрин медленно повернулась к мужу, и он, обняв ее, нежно поцеловал. Затем Донован чуть отстранил девушку, и Кэтрин подняла на него глаза; его надменность куда-то пропала, глаза смотрели внимательно и серьезно. Улыбнувшись, Донован взял жену за руку и повел из часовни — на пир.

В центре зала на возвышении стоял огромный стол, накрытый белой, ниспадающей до пола скатертью. Кэтрин и Донован заняли свои места, и гости подняли бокалы за здоровье и счастье новобрачных. Торжество, приготовленное Кэтрин, приятно изумило короля и Мэгги, а Донован ощутил гордость за жену. Для короля и Мэгги был предусмотрен отдельный стол, и хотя первые кубки полагались Доновану и Кэтрин, она, наполнив их вином, передала чаши Якову и его пассии, которые осушили их за здоровье молодых; ощущение всеобщего празднества наполнило зал.

Донован взглянул на стол, где нежная белая ручка новобрачной легла на скатерть рядом с его, загорелой и огрубевшей, и накрыл ее ладонь своею; Кэтрин вздрогнула и повернула к нему свое лицо. Глаза ее расширились, она улыбнулась Доновану, и он ответил

улыбкой. С неожиданной ясностью он осознал, что его ждет еще множество сюрпризов — приятных и, может быть, далеко не приятных. Кэтрин вовсе не капитулировала; просто она оставила те оборонительные рубежи, защищать которые не оставалось никакой возможности. Итак, она начала с ним сражение и проиграла. Сегодня она становится его собственностью, а вечером... Девушка на минуту прикрыла глаза и судорожно сглотнула, затем незаметно взглянула на Мак-Адама. Тот сидел, откинувшись в кресле, и она поняла, что он за ней следит и читает каждую ее мысль. Кэтрин залилась краской...

Начались танцы, и празднество приобрело еще более неистовый характер. Вино текло рекой, и Кэтрин тоже потянулась к своей чаше, но рука Донована легла на ее ладонь.

— Не сейчас, миледи, — сказал Мак-Адам мягко. Он отбросил прядь волос со щеки жены, коснувшись своими сильными пальцами ее нежной кожи. — Или вам не терпится напиться, как неопытной девочке?

Кэтрин окаменела. Времени не оставалось. Игра окончена. Выхода не было, бежать было некуда. Руки у нее вспотели, голова начала кружиться.

Донован безжалостно сказал:

— Нам пора.

— Пожалуйста... Еще немного посидим...

— Нет. Даю тебе на приготовления час. Этого будет вполне достаточно.

— Хорошо, милорд, — сказала Кэтрин еле слышно.

Они встали со своих мест, и король в последний раз поднял чашу за счастье новобрачных. Затем Кэтрин под

приветственные крики гостей покинула пиршественный зал.

Донован смотрел, как молодая жена уходит через арочный проход. Расслабляясь, он откинулся в кресле, удерживая свое воображение от искушения представить ее приготовления. Ему стало почти смешно, когда он обнаружил, что руки у него трясутся, и он потянулся за кубком вина. Ни в коем случае нельзя было давать Кэтрин понять, что она производит на него такое впечатление.

Кэтрин тем временем стояла в спальне, Энн и служанки снимали с нее свадебное платье. Затем на нее надели тонкую ночную рубашку из черного шелка — наряд для первой брачной ночи. В огонь подбросили свежих дров, хотя Кэтрин и без того вся пылала.

Энн, отпустив служанок, поцеловала Кэтрин в щеку.

— Кэтрин...

— Энн, дело сделано, и мне следует быть на высоте.

— Может быть, это потребует мужества больше, чем ты думаешь. Донован...

— Он думает обо мне как о вещи, — закончила за нее Кэтрин. — Не беспокойся, Энн. Я не боюсь. Может быть, мой брак заставит короля на время оставить тебя в покое.

— Сомневаюсь... Кэтрин, так это все из-за меня?! Я не перенесу такой жертвы!

— Нет, ты тут ни при чем. Это воля Мак-Адама. Тебе пора идти, Энн.

— Ты боишься?

— Нет.

Энн не была уверена в искренности Кэтрин, но делать было нечего. Поцеловав сестру, она вышла. Девушка осталась наедине со своим страхом, в котором она не могла признаться никому, кроме себя самой. Вскоре она услышала в коридоре шаги...

16

Донован полагал, что должен сегодня доказать жене: любовь не имеет никакого значения для брачного союза. Страсть дремала в ней, и он собирался ее пробудить.

Размышления Донована прервала не в меру развеселившаяся мужская компания — ее нетерпение, похоже, превосходило его собственное. Все началось с соленых шуточек и обильно потребляемого вина, а через час кончилось тем, что король и его захмелевшие друзья решили раздеть Донована прямо на месте и затолкать в спальню к молодой жене уже обнаженным.

Плохо соображающие гости, хохочущие и пытающиеся стянуть одежду с жениха, потащили героя вечера в его спальню. Дверь с грохотом распахнулась, и Донована впихнули внутрь усилием доброго десятка рук, смеющегося, с разорванным камзолом и рубашкой, раскрывавшейся до пояса. Однако, увидев Кэтрин в свете огня от камина, все вдруг замолчали, и в наступившей тишине Донован почувствовал досаду на них и на самого себя. Он вовсе не собирался делиться женой с посторонними. Мак-Адам вытолкал непрошенных зрителей за дверь и запер ее на засов. Он еще раз проверил щеколду, а в ответ на удивленную улыбку девушки пояснил:

— Никому из них не стоит доверять. — Донован шагнул к ней, но остановился: он разглядел, как

окаменела Кэтрин, и подумал, что слишком много было с таким трудом достигнуто в их взаимоотношениях, чтобы разом все разрушить, — Поскольку в этот вечер я почти не прикасался к кубку, сударыня, неплохо было бы немного выпить вина.

У Кэтрин пересохло в горле; негнувшимися пальцами она разлила вино и поднесла ему чашу. Их пальцы соприкоснулись, и жар его руки вызвал в девушке дрожь.

— Свадьба была подготовлена просто великолепно, Кэтрин. Сомневаюсь, что свадьба короля окажется пышнее нашей.

— Благодарю, милорд.

— И это даже учитывая то, — глаза Донована лукаво блеснули, — что расходы были тоже королевскими.

Он с удовольствием заметил, что уголки рта Кэтрин дернулись, несмотря на все ее усилия остаться серьезной.

— Для тебя, разумеется, это не новость; не знаю, правда, знала ли ты о том, что я в курсе твоих расходов. Деньги для меня ничего не значат, Кэтрин, и если ты намеревалась вставить мне в бок маленькую шпильку, то просчиталась. Мне известно, куда и как потрачен каждый фунт.

Кэтрин была польщена, раздражена и озадачена сразу. Донован давал понять, что не стоит ничего делать тайком, ведь теперь она его жена и играм уже не место.

— Я рада, что угодила вам, милорд, — ответила она.

Кэтрин двумя руками сжимала свою чашу перед собой, словно ища в ней преграду.

— Ты редко мне улыбаешься и стараешься не называть меня по имени. Тебе это неприятно?

— Нет, милорд, — сказала Кэтрин тихо.

— Мне будет стоять еще несколько десятков фунтов услышать, как ты называешь меня по имени? — шутливо спросил Донован, и его хрипловатый низкий голос пробудил в ней волну чувств. — Ну, как меня зовут?

— Донован, — ответила она полушепотом.

— Неужели это так трудно?

Он легко коснулся ее волос, пропустив шелковистую прядь через пальцы. Словно бы изучая овал ее лица, он провел рукой по щеке жены, по линии ее подбородка, скользнул рукой по гибкой, тонкой шее, по обнаженному плечу. Если бы он пришел как захватчик или насильник, если бы потребовал с нее то, что она обязана дать ему по праву, Кэтрин встретила бы его домогательства во всеоружии. Но Донован сломил ее оборону предупредительностью и чувственностью. Станный, внезапный жар охватил тело Кэтрин и наполнил ее желанием броситься в объятие его сильных рук.

Если бы хоть одно слово любви с его стороны, хоть одно признание, что речь идет о большем, чем о простом расчете, — о, она бы ответила ему нежностью и теплом! Но он ничего не скажет, потому что суть их брака основана на холодном расчете. Ей захотелось закричать, попросить... Нет! Никогда! В ответ она услышит лишь циничные слова о своей наивности, от которых станет еще хуже.

Донован вздохнул, не увидев на ее лице выражения чувственности, которое рассчитывал пробудить. Он

отодвинулся от жены, и Кэтрин заметила на его поясе кинжал в богато украшенных ножнах.

— Это что, новый обычай?

— Просто забыл снять. Я привык, что опасность подстерегает всюду. Но сегодня вечером, — сказал он тихо, — в оружии нет надобности.

Донован снял кинжал и вместе с ножнами положил на стол.

Кэтрин не сводила с мужа глаз, и он увидел, как на шее у нее пульсирует жила. Взяв девушку за руку, Донован ласково привлек ее к себе, поднес ладонь Кэтрин к губам и нежно поцеловал. Ее сердце словно пронзило прикосновение его губ; она не могла больше отвергать его, но мучительная душевная боль ее не оставляла.

Донован обнял Кэтрин за талию и прижал девушку к себе. Его страсть разгоралась на глазах, но, к ужасу Кэтрин, точно такой же огонь возжигался в ней самой, и погасить его не удавалось.

Донован поцеловал уголки ее губ, и Кэтрин словно пронзило молнией; он же продолжал ласкать губами нежный шелк ее кожи, постепенно пробуждая в молодой жене чувства и ощущения, о существовании которых она даже не подозревала. Мягкий, невнятный стон вырвался у нее, а поцелуй становился жарче, чувственнее, настойчивее. Губы Кэтрин разомкнулись, и она задрожала, когда кончик его языка проник в ее рот, словно распознавая ее на вкус.

Кэтрин чувствовала, как соскальзывает, погружается в жаркий омут всепоглощающего желания. Руки ее сплелись вокруг талии Донована, и она прижалась к его горячему телу; он нащупал бант на сорочке жены и

осторожно развязал его; ткань соскользнула с плеч Кэтрин. Ее кожа цвета слоновой кости мерцала в свете камина, а округлые груди словно набухли. Он обхватил одну из них и ощутил, как дрожит девушка. Донован обвел большим пальцем ее напрягшийся сосок. Затем он развязал последний бант на ее брачном одеянии. Кэтрин не пыталась помешать ему, но и не собиралась помогать... пока. Последняя лента была распущена, и шелк сорочки с шорохом лег у ее ног.

Донован почувствовал, как бешено пульсирует в его теле каждая жилка; он был прав — ему удалось разбудить страсть в жене. Сев на кровать, он положил руки ей на талию и привлек к себе. Закрыв глаза, Кэтрин чувствовала, как губы его ласкают ее тело. Она судорожно вздохнула, когда его язык описал круг вокруг ее соска, опробовав на вкус его розовый венчик.

Чувственное желание охватило Кэтрин, но Донован не спешил овладеть ею, с трудом сдерживая страсть. Он хотел, чтобы его и ее мгновения высшего наслаждения совпали, хотя и не понимал, почему сдерживает себя. Ведь Кэтрин стала его женой, и он мог обладать ею, когда хочет и как хочет, не заботясь о том, чтобы она испытывала такое же наслаждение, как и он.

Донован слышал ее учащенное дыхание, смотрел в ее полузакрытые глаза; затем взял Кэтрин на руки и положил на подушки. Быстро сбросив с себя изрядно потрепанную во время пьяной возни одежду, он лег рядом с ней.

Лишившаяся воли девушка повторяла про себя, что действиями ее мужа руководит лишь плотская страсть и ничего больше, а эту страсть он может питать к любой

женщине, хотя бы к своей бывшей любовнице — Дженни.

Губы Донована ласкали ее шелковые, благоухающие волосы, веки, прикрывающие глаза, нежные щеки, вновь и вновь возвращаясь к мягким, полуоткрытым, ожидающим губам девушки. Он пил ее редкостную красоту, словно добравшийся до прохладного источника умирающий от жажды путник. Загрубевшие пальцы Донована с неожиданной нежностью касались тела девушки — ее груди, живота, бедер.

Мягко и с редкостным терпением он словно дразнил ее мягкими прикосновениями своих губ. Кэтрин тихо стонала, пламя страсти охватило ее, заставив дрожать каждый нерв. Донован, услышав ее страстные вскрики, почувствовал, как его пронзает наслаждение. Только тогда, достигнув вершины страсти, он отдался всепоглощающему порыву плоти; пленив губами ее рот и принудив к молчанию, он приглушил издаваемые ею помимо воли звуки.

Затем он наполнил ее со всей мощностью своего тела.

Кэтрин металась в неудержимой страсти, и Донован потерял ощущение реальности; они оба рухнули в пропасть слепящей бездны, потеряли себя друг в друге, слабея, дрожа, содрогаясь один в другом, прижимаясь друг к другу как к чему-то единственно прочному в центре бешеного урагана. Наконец волна страсти пошла на убыль, и они в изнеможении откинулись на подушки.

Для Кэтрин возвращение к реальности оказалось горьким: первое, о чем она подумала, было то, что слова Донована оказались правдой. Он сумел пробудить в ней желание и пленить ее тело. Оно ее предало. Как он сейчас злорадствует! Боже, до чего же ей хотелось

причинить ему ту же боль, что и он ей! Она пыталась обвинять его в грубости и бесчувственности, но он взял ее лаской, она сама возжелала его — страстно и без оглядки.

Кэтрин боялась взглянуть в эти всезнающие серые глаза, боялась увидеть в них насмешку и надменную удовлетворенность. Отвернувшись, она пыталась собраться с мыслями и взять себя в руки.

Донован же не верил себе. Он лежал, полуобняв жену, и чувствовал, что она где-то далеко, что в глубины ее души ему нет доступа. А ведь все получилось, как он того желал: он доказал ей, что она станет жертвой собственной, а не его одной страсти. Никогда прежде он не испытывал большего блаженства, чем в те мгновения, когда изливал себя в нее и чувствовал, как тело ее бьется в сладострастном ответе. Донован чувствовал, что в их отношениях должно быть что-то еще, и он мучительно размышлял о том, что именно. Это просто эхо пережитого ими, успокоил он себя, всего лишь короткое послесловие. Он просто хочет ее вновь, и после исполнения своего желания вполне будет удовлетворен. Кэтрин лежала, отвернувшись от него и закрыв глаза. Выходит, он взял лишь первую линию укреплений, и борьба еще впереди. А ведь она достигла такого же наслаждения, как и он, Донован это знал. Он слышал ее вскрики, чувствовал, как изогнулось и напряглось ее тело в кульминационный момент. Они обладали одинаковым темпераментом и вполне гармонизировали друг с другом в интимной близости, так что молодая жена получила то, что гораздо лучше всяких обманчивых слов и суетных обещаний.

— Кэтрин, — прошептал он.

Но та не ответила ему. Своей большой рукой он поймал ее подбородок и повернул лицом к себе.

— Взгляни на меня, — потребовал он.

Она широко открыла глаза, выражение которых, несмотря на их подозрительный блеск, свидетельствовало, что его жена вовсе не намерена дарить ему радость победы своими слезами.

— Ты все еще продолжаешь лгать себе? — спросил Донован. — Но пора признать мою правоту. Ты чувствовала то же, что и я, и не сможешь этого отрицать.

Кэтрин прикусила губу, и лицо ее залилось краской стыда. Господи! Он знает о том блаженстве, которое доставил ей! И это ужасная правда — какая-то часть ее души ей больше не принадлежала.

— Я чувствовал, как твое сердце билось в лад с моим. Думаешь, я не слышал, как оно колотилось?

— Да, — крикнула она вне себя от горя. — Да, ты осуществил свою угрозу. Да, мое тело уже не принадлежит мне. Не сомневаюсь, что твой опыт общения с девками, задирающими юбку при первом твоём желании, сделал тебя мастером по этой части. Владей моим телом по своему усмотрению, ведь это теперь твое право, но душой я никогда не буду тебе принадлежать!

Донован посмотрел на жену с невольным восхищением. Вот женщина, которая кое-чего стоит. Она отступала дюйм за дюймом, используя единственное свое оружие — гордость. Вот женщина, которая заставляет относиться к себе с уважением. Она его не хочет по-настоящему... пока. Но у него были

основания полагать, что вскоре все изменится. И Донован крепко обнял ее и прижал к себе.

Со стыдом Кэтрин ощутила, как в ней вновь пробудилось неудержимое желание. Язык Донована дразнил и мучил ее, свободной рукой он гладил ее тело, ласкал груди, сжимал их, обводил соски пальцем, пока они не затвердели. Сладострастные стоны, которые она слышала, казалось, не могли исходить от нее... но именно так и было.

Рука Донована скользнула вниз, лаская кончиками пальцев ее плоть, и каждое такое касание вызывало у Кэтрин ослепительную вспышку чувств; он ласкал ее нежное средоточие, чувствуя, как разгорается в ней пламя страсти. Ртом он обжигал ее чуткую кожу, сжимал губами соски, затем двинулся вниз, и его поцелуи и легкие покусывания переместились на ее живот и бедра. Кэтрин чуть не задохнулась, когда он достиг ее пульсирующее, словно раскаленное, средоточие ощущений. Она хотела остановить Донована, но ее руки вместо того, чтобы оттолкнуть его, лишь запутались в густых темных волосах. Кэтрин ощущала свое тяжелое и все ускоряющееся дыхание, слышала неразборчивые слова, которые издавала ее гортань, и все же пыталась сдержаться. Она ощутила, как его плоть вновь наполняет ее, и инстинктивно изогнулась ему навстречу, стремясь к финальному восторгу, который затушил бы пламя ее желания.

— Скажи, Кэтрин, что ты желаешь меня, как я тебя, и чувствуешь то же, что и я. Скажи! — прошептал Донован.

— Донован! Не надо...

— Смирись, — почти простонал он, — скажи, что хочешь меня!

— Сдаюсь, — прошептала она.

— Нет, не так...

— Я хочу тебя! — закричала Кэтрин. — Да, хочу! Будь ты проклят, я тебя хочу!

Движения Донована приобрели такую силу и скорость, что ей показалось, что она умирает. Кэтрин уловила ритм этих движений и, в такт им, сама начала двигаться. И наконец ее пронзили конвульсии, мощные, как землетрясение. Кэтрин показалось, что перед ее глазами вспыхнули миллионы солнц.

Медленно, словно выпивая ее судорожный выдох, Донован поцеловал Кэтрин в губы; его большие руки зарылись в ее раскинутые на подушке волосы. Чуть отстранившись, он лег рядом с женой, продолжая одной рукой обнимать ее. Они были как одно целое в этот момент, и слова не требовались. Так они сохраняли молчание, пока сердца их не вошли в нормальный ритм; Кэтрин хотелось плакать, но слез не было. Да, она его хотела и прекрасно помнила свои слова, свидетельствующие о поражении. Более того, Кэтрин понимала, что, если бы все повторилось, она бы вновь умоляла его овладеть ею. Лицо у нее запылало от этой мысли.

— Что ж, вы выиграли, милорд. — Голос ее дрожал. — Вы поступили со мной как захватчик.

— Нет, Кэтрин, я не захватчик, а муж. Ты моя жена. Ныне и во веки веков.

— Во веки веков, — с горечью прошептала она.

Мысль о жизни, исполненной подневольной страсти, без слова ласки или любви, потрясла ее. Донован хотел

использовать ее как наложницу и как инструмент для рождения наследников.

— Да, во веки веков. — Донован боролся с потребностью сказать ей что-то хорошее, ласковое, утешить ее, потому что боялся дать ей силы на дальнейшую борьбу с собой, однако добавил: — И это будет долгая, плодотворная жизнь. У нас появятся дети, и в будущем наше супружество станет предметом всеобщей зависти.

Однако его слова не только не успокоили жену, но разбередили кровоточащую рану в ее душе.

— Пожалуйста, отпустите меня, милорд... Если вы уже все кончили со мной.

Ее слова вызвали у Донована вспышку гнева.

— Сударыня, вы вполне могли бы стать женой другого, который не стал бы церемониться с вами, а просто взял бы силой!

Кэтрин отвела взгляд от него, и гнев Мак-Адама испарился, когда он увидел слезы, побежавшие из-под ее ресниц. Что-то в глубине сердца заныло; но чего оно хотело, и сам Донован едва ли смог бы определить, и он лишь успокаивающе погладил руку жены.

Что ж, она боролась до конца, ведь он был ее врагом... Но теперь он ее муж. Он был захватчиком, но взял ее не как жертву насилия, а как жену, которую лелеят и холят. Он не признавал любви, но разбудил в ней чувства, с которыми ей оказалось не по силам совладать. В тот день, когда Мак-Адам заявил, что ей придется стать его женой, она поклялась, что найдет щель в его непроницаемых доспехах, найдет то место в его сердце, где пряталась не признаваемая им любовь. Но теперь леди Кэтрин испугалась, что, пробудив в лорде

Доноване, ее муже, эту любовь, она и сама будет опалена ею...

Кэтрин пошевелилась и очнулась ото сна. Одна свеча все еще горела, но уже коптила, мигала и почти не давала света. Кэтрин стало холодно, и она поняла, что Донована нет в постели.

Повернув голову, она окинула глазами комнату и увидела его стоящим у арочного окна, вглядывающимся в темное небо; очевидно, он был погружен в свои мысли. Отблески пламени свечи играли на его бронзовом теле: Донован не удосужился одеться, полагая, что жена спит. Даже в позе отдыха он поражал мощью и красотой своего тела. Что же его томит, подумала Кэтрин.

Донован же думал о том, что действовал правильно: он был мягок с женой, и его радовало, что ему хватило тонкости и выдержки, за которые он был вознагражден пробудившейся в ней страстью. Как же вышло, спрашивал он себя, что ей удалось околдовать его тело и душу? Неужели в ней есть некая сила, волшебство, и он подпадает под ее чары? Однако печальный жизненный опыт подсказывал ему, что на свете существует измена. Он не должен проявить слабости и позволить Кэтрин догадаться, каковы его истинные чувства к ней. Подняв забрало, он может получить страшный удар в лицо. Донован определил для себя и Кэтрин дальнюю жизненную перспективу, и вскоре женщина поймет, что так лучше для них обоих.

Эндрю не находил себе места от беспокойства. В день свадьбы он слышал звуки грандиозного празднества в замке, а потом настало время безмолвия и пустоты; ничто не говорило о том, что Энн скоро вернется.

По-прежнему не имея возможности свободно выйти за порог дома, он, тем не менее, исхитрился отправить и получить несколько важных посланий. Были подготовлены для подписи и посланы ему необходимые бумаги, оставалось только получить их.

Вздыхнув, Эндрю поставил кубок на стол, поднялся и начал большими шагами мерить комнату — занятие, которому он предавался все последние ночи. Зачем Энн задерживают в замке? Неужели она встретила другого?

Устав ходить, Эндрю опустился в кресло.

Как ему жить без этой хрупкой девушки? Блеск английского двора более не прельщал его.

— Энн, — произнес он в пустоту.

Крейтон словно видел ее стоящей у огня и обращающей к нему свои фиалковые глаза, от взгляда которых мгновенно перехватывает дыхание. Но теперь... Теперь он должен всецело посвятить себя достижению цели, поставленной перед ним. Это было смертельно опасным делом: король и Донован принадлежали к числу людей, с которыми не шутят. Эндрю знал о подозрениях последнего относительно себя, но он чувствовал и другое: в основе неприязни к нему Донована лежали какие-то личные мотивы, и Эндрю многое бы дал, чтобы узнать их.

Погруженный в свои мысли, он не сразу услышал, что в дверь кто-то стучит. Открыв ее, Эндрю увидел перед собой юношу в одежде королевской прислуги.

— Я ищу Эндрю Крейтона.

— Это я.

— У меня для вас послание.

Он протянул сложенный вчетверо лист.

— От кого оно?

— От леди Энн Мак-Леод. Это услуга лично для нее, и я бы не хотел, чтобы королю...

— Не бойся, все будет в порядке, — успокоил его Эндрю.

Выхватив из рук парнишки письмо, он дал ему монету и выпроводил, затем дрожащими от волнения руками сорвал сургуч печати. Понимая, что о личном Энн вынуждена, была, писать намеками, он внимательно вчитывался в написанные знакомым и милым почерком слова:

«Эндрю!

Я невольно оторвалась от своих обязанностей по дому, но надеюсь, что вы со всем благополучно управились и у вас все в порядке. Мне дали понять, что я смогу вернуться домой на этой неделе. Мне не терпится обсудить с вами вопросы, которые возникли за время моего отсутствия. Свадьба прошла просто великолепно, и Его Величество, кажется, намерен устроить еще одну; по крайней мере, так я могу судить по его частым вопросам о том, кого я вижу своим избранником. Но сейчас я больше всего на свете хочу снова оказаться дома. К моему возвращению приготовьте все счета, мы их обсудим и поговорим о планах на будущее.

Энн».

Это краткое послание привело Эндрю в восторг: среди придворной суеты девушка продолжала думать о нем. Но тут же его сердце заледенело от мысли, что король всерьез задумался о поиске пары для Энн. Хватит одного несчастного брака ее сестры! Ведь Энн больше всего на свете хочет оказаться дома!.. Эндрю радостно улыбнулся. Между строк письма он прочел, что одна из причин желания девушки вернуться в родной дом — это его пребывание в нем.

Энн задержалась в замке с единственной целью — быть рядом с Кэтрин. Зная отношение Донована к Мак-Леодам и отношение Кэтрин к нему, она крайне опасалась за то, во что может вылиться их брак. Эти двое новоиспеченных супругов были как лед и пламя, и представить их мирно сосуществующими казалось невозможным. Энн знала, что Донован Мак-Адам нередко бывает жестким и требовательным. Но сломает ли он Кэтрин, чтобы подчинить ее своей воле?

На следующее утро после свадьбы Энн ожидала появления сестры за утренней трапезой. Ей хотелось взглянуть в глаза Кэтрин и удостовериться, что с ней все в порядке. Но ни Кэтрин, ни Донован не появились, и Энн сказали, что новоиспеченный супруг приказал принести завтрак прямо в спальню. Потом ее закружил вихрь дворцовой жизни, а после полудня выяснилось, что она должна совершить поездку верхом в обществе короля, Мэгги и некоторых других придворных. Но уже через пару дней она заметила, что ее последовательно и упорно пытаются держать в обществе лорда Мюррея; Энн не знала, что, увлеченный ею, молодой лорд уже

обратился к королю с просьбой о разрешении брака с ней, и обсуждение этого вопроса в полном разгаре.

Энн очень не хватало Эндрю, несколько раз она даже видела его во сне. Девушка мучилась от тревоги за сестру, стремления сохранить верность своей стране и вместе с тем томления по Эндрю, который мог быть и английским шпионом.

Только через два дня после свадьбы ей предоставилась первая возможность поговорить с Кэтрин. Донована вызвали к королю, и Кэтрин зашла в покои своей сестры.

Энн с облегчением увидела, что Кэтрин выглядит неплохо, разве что стала тише и сосредоточеннее, чем обычно. В действительности Кэтрин была преисполнена тревоги и мучилась множеством вопросов; до нее долетели слухи о скором браке сестры. Они поболтали какое-то время, стараясь не говорить на темы, которые волновали каждую из них, но Энн не выдержала:

— До чего же различны теперь твоя и моя жизнь. Вообще, с тех пор, как Эрика выслали, все пошло прахом.

— Да, — согласилась Кэтрин. — И, кажется, прошлое уже никогда не возвратится. Остается лишь с достоинством встретить испытания, которые выпали на нашу долю.

— Кэтрин, так ты несчастна?

— Мне трудно назвать себя несчастной, Энн. Скорее это просто крах моих представлений о будущем.

— Донован был жесток? Он причинил тебе боль?

— Нет, — ответила Кэтрин. — Он... он не то чтобы совсем бесчувственный, но... — Она подошла к окну, задумчиво поглядела в него, затем повернулась к

сестре. — Энн, тебе нужно как можно скорее вернуться домой. До меня долетают слухи о твоей возможной судьбе. Кто знает, — может быть, если ты удалишься от двора, король забудет о тебе...

— Я не боюсь его, — сказала Энн.

— А я не хочу, чтобы тебя, как и меня, силой принудили к несчастному браку! — закричала Кэтрин. — Король требует полного повиновения и не допустит, чтобы кто-то воспротивился его воле!

Сестры посмотрели друг другу в глаза, и Энн поняла, что Кэтрин прочитала ее мысли. Словно в подтверждение этого Кэтрин тихо спросила:

— Есть новости от Эндрю?

Прежде чем Энн успела ответить, дверь распахнулась и сестры присели в глубоком поклоне перед королем, за которым следовал Донован.

Энн бросила быстрый взгляд на Кэтрин. Глаза сестры были прикованы к мужу, дыхание, казалось, остановилось, щеки порозовели. Она любит Донована, вдруг поняла Энн. Она его любит, не осознавая этого. Может быть, действительно мне следует вернуться домой, подумала девушка. В поединке двоих третий — лишний; они должны сами в себе разобраться и найти почву для примирения.

Яков знаком велел им подняться и милостиво улыбнулся обеим женщинам. Неожиданно проявившееся смирение Кэтрин импонировало ему. Того же смирения в отношении королевской воли он ожидал сейчас и от Энн.

— Мэгги мне передала, что вы собираетесь покинуть нас, леди Энн. Нам будет недоставать вас при дворе.

— Благодарю, ваша милость, я очень признательна Мэгги за ее доброту. Но у меня накопилось так много дел дома!

— Вам недолго нести на своих плечах эти нелегкие обязанности.

— Сир?

Сердце Энн испуганно застучало.

— Ну, я не сомневаюсь, что Донован и Кэтрин вскоре также вернутся домой. После этого и вы сможете, подняться на новую ступень в вашей жизни. Именно об этом я и хотел бы поговорить с вами, если Донован и Кэтрин позволят нам ненадолго остаться наедине.

— Конечно, ваше величество, — сказал Донован, словно не замечая протестующего взгляда Кэтрин: та вовсе не горела желанием оставлять побледневшую Энн с королем, как удава с кроликом. Донован поймал руку жены и буквально вытащил ее из комнаты. В коридоре он повернулся к ней.

— Ты в курсе планов короля, — заявила Кэтрин. — Почему же ты не отговорил его? Почему ничего мне не сказал раньше? Он уже выбрал мужа для Энн, разве не так?

— Это пусть он решает с Энн.

— Точно так же, как ты решал вопрос о свадьбе со мной! — фыркнула Кэтрин.

— Король подберет для нее хорошую партию.

— А что... что, если она любит другого?

Как и ты, пронзила Донована горькая мысль. Эндрю! Ненависть к англичанину вновь проснулась в душе Донована. Но ничего, скоро песенка Эндрю будет спета!

— Мне опять нужно объяснять, что такой химере, как любовь, нечего делать там, где все решает целесообразность? — гневно спросил он.

И вновь Кэтрин передернуло от его нескрываемого цинизма; но беспокойство за судьбу Энн удержало ее от резкого ответа. Нельзя одновременно давать пощечину и просить помощи, а сейчас нужно было срочно помочь сестре.

— Донован... прошу тебя!

Донован мгновенно насторожился. Сказать, что ради нее он готов просить за Энн? Во-первых, он так же бессилён в данном случае, как и она сама. Король делал свою политику, и браки играли в ней не последнюю роль. Никакие протесты его не могли остановить. От Донована король ждал того же понимания и безоговорочной поддержки, что и во время войны. Мак-Адам лучше других знал о тщетности попыток повлиять на Якова, если монарх поставил перед собой какую-то цель. Но в глазах Кэтрин он читал неподдельный страх. Доновану нелегко было выдержать просящий взгляд жены.

— Я встану на колени, если этим можно тронуть тебя, — сказала она. — Неужели ты не можешь ничего сделать? Энн слишком нежная, слишком хрупкая... Грубый, резкий мужчина надломит ее дух.

— Оставь, Кэтрин, тут я совершенно бессилён. Решение принято, и король от него уже не отступит.

Кэтрин побледнела, и Донован увидел на ее глазах слезы. Да, она не на шутку боялась за сестру. На какое-то мгновение ему страстно захотелось попытаться помочь ей, но голос рассудка взял верх. Кэтрин своими слезами просто пытается оказать на него давление. Нет,

эта штука не пройдет. Король заботится о благополучии государства, и не сестрам Мак-Леод становиться у него на пути. Все будет нормально... Он хотел сказать это Кэтрин, но та уже шла прочь к своим покоям. Он последовал за ней, не решаясь ее оставить.

Кэтрин задыхалась от отчаяния. Ей так не хватало кого-то, кто смог бы понять ее горе, ее страх за Энн. Она вспомнила про Эндрю. Он так предан сестре, — может быть, он сможет организовать ее бегство в какое-нибудь безопасное место?

В своих покоях Кэтрин бросилась к письменному столу. В конце концов, она может связаться с Эндрю и попросить его приехать в замок, а здесь они, возможно, вместе сумеют придумать план бегства Энн. Обмакнув перо в чернила, она написала: «Эндрю!»... В этот момент в дверях показался Донован, следовавший за ней. Он увидел, что его жена с лихорадочной поспешностью что-то пишет. Беззвучно подкравшись сзади, он заглянул ей через плечо. Увидев крупно написанное имя ненавистного ему человека, Донован пришел в ярость. То, что его жена обращается к другому мужчине за помощью, вывело его из себя, но то, что этим другим оказался Крейтон, буквально лишило его рассудка. Мучительная ревность подступила к горлу и, выхватив бумагу из-под руки жены, он яростно скомкал ее в ладони. Кэтрин в ужасе вскочила и увидела в глазах Донована ненависть.

Энн в это время в полном молчании взираала на Якова. К своему удивлению, она испытывала полное хладнокровие. Ее испуг сменился необычным самообладанием.

Девушка

понимала

бесперспективность своей любви к Эндрю и ясно видела опасность противостояния Якову. Король намеревался всем навязать свою волю, и любая попытка Эндрю что-нибудь предпринять могла закончиться для него трагически. Она стояла перед Яковым, стройная, с руками, заложенными за спину — так не было видно, как они дрожат.

— Вы о чем-то хотели поговорить со мной, сир?

Король ощутил в ее голосе готовность к сопротивлению; тоже сложив руки за спиной, он подошел к окну.

— Мы подумали, сударыня, что после свадьбы вашей сестры и изгнания вашего брата вы остаетесь совершенно одна.

— Одна, сир? После того как Донован и Кэтрин вернутся в наш дом?

— Кто знает, может быть, я предпочту, чтобы Донован и Кэтрин оставались в замке и далее.

— Тогда я буду вести хозяйство до их возвращения.

Король повернулся к ней лицом.

— Нам отнюдь неблагоприятно такое развитие событий, сударыня, и я ставлю вас в известность об этом.

Энн вздохнула. Как женщина, она не имела выбора и даже не могла назвать имя того, кого предпочла бы вместо человека, выбранного королем. Подняв подбородок, она неустрашимо выдержала раздраженный взгляд Якова.

— Сожалею, если чем-то не угодила вам, ваша милость. Что же вы хотели сообщить мне?

Королю становился неприятным этот разговор, а потому он решил разрубить узел одним ударом и твердо заявил:

— Вам следует выйти замуж, миледи.

— И кого же вы выбрали мне в супруги, сир?

— Лорда Мюррея.

— И когда это должно произойти?

— Не вижу причины откладывать вашу свадьбу.

— Но будет ли мне предоставлено хоть какое-то время, чтобы я могла достойно подготовиться к этому событию? — тихо спросила девушка. — Ведь теперь на мне лежит ответственность за честь и достоинство семьи Мак-Леодов. Даже если я не хочу этого брака, я не могу явиться на собственную свадьбу в своем единственном платье, которое сейчас на мне...

— Так вы не отвергаете мое предложение?

— Нет, сир... У меня нет выбора, не так ли? Я сделаю, как вы прикажете.

— Тогда вам разрешается покинуть замок и оставаться дома, пока вы не сделаете все необходимые приготовления. Но не затягивайте их, леди Энн. Нам бы очень не хотелось посылать к вам своих людей напоминать о данном вами обещании. Мы были бы крайне расстроены и рассержены.

— Один месяц, сир... Один месяц.

Энн затаила дыхание.

— Что ж... Месяц, так месяц, — кивнул король и вышел.

Несколько минут Энн стояла неподвижно. Затем она закрыла лицо ладонями и зарыдала.

Донован скомкал лист бумаги и швырнул его в камин.

— Тебе незачем беспокоиться о своем домоправителе, советую тебе поменьше о нем думать!

— Я только хотела сообщить ему, чтобы он... Чтобы он подготовился к нашему возвращению!..

— Твои заботы совершенно напрасны. По возвращении домой... Короче говоря, я уже решил, как поступить с этим англичанином!

— Решил поступить? — Кэтрин поднялась и шагнула к нему. — Что ты задумал?

Донован пожал плечами. Он сказал больше, чем намеревался. Сама память об Эндрю должна быть искоренена: его место в подвалах замка, где ему зададут нужные вопросы и получат нужные ответы.

— Еще раз повторяю, Кэтрин: Эндрю Крейтон отныне предмет не твоей заботы.

— А что же тогда предмет моей заботы?! — воскликнула она. — Ты используешь людей и списываешь их за ненужностью, Донован Мак-Адам! Моя сестра для тебя ничто, пустое место. Ты хотел бы выдать ее за человека, которого она совершенно не знает, про любовь я уже не говорю — ты и меня тоже...

Кэтрин осеклась, но оба поняли, что она хотела сказать.

— ...Выдал замуж за человека, которого ты не любишь! — закончил он. — Кэтрин, ты неисправима! Твоя сестра смирится, как это сделала ты.

Донован подошел к двери, положил ладонь на ручку, затем повернулся к ней:

— А твой бесценный Эндрю больше уже ни для кого не будет проблемой.

Он открыл дверь и вышел.

Кэтрин рухнула в кресло, обессиленная. Она ничем не смогла помочь Энн... Более того, она услышала в словах, мужа неприкрытую угрозу в адрес Эндрю.

Донован в ярости пересек внутренний двор замка и лишь на полпути сообразил, где он. Эндрю Крейтон, Эндрю Крейтон! Она писала письмо Эндрю Крейтону! Зачем? И откуда только взялась эта заноза в его сердце?

Если бы дело исчерпывалось его подозрениями о роде деятельности секретаря Мак-Леодов! Нет, им овладевала все большая уверенность, что между Кэтрин и Эндрю что-то существует. Донован решил доказать, что Эндрю шпион, и таким образом устранить его. О мотивах своих намерений он предпочитал не задумываться: это означало бы признаться самому себе, что Кэтрин неожиданно заняла в его жизни место большее, чем он отводил ей поначалу.

Три дня, три бессонных ночи, а Энн все еще не вернулась! Эндрю до света покинул постель; истома и мечты не давали ему уснуть. За завтраком он принял решение: под тем или иным предлогом попасть в замок. О поводе он подумает по дороге, но так или иначе ему надо убедиться, что с Энн все в порядке. Эндрю никогда не думал о том, что ему так будет не хватать кого-то. Он прошел в конюшню и уже седлал лошадь, когда к нему подбежала молоденькая служанка.

— Эндрю! Эндрю!

— Что стряслось?

Рука его машинально потянулась к мечу.

— Леди Энн вернулась домой!

Войдя в дом, Крейтон устремился к прихожей. В дверном проеме он замер: девушка стояла посреди

комнаты, еще более красивая, чем ему думалось. Несколько мгновений Крейтон стоял, онемев; величайших усилий стоило ему взять себя в руки, и голосом, хриплым от волнения, он произнес:

— Энн... Так хорошо, что вы снова дома!

— Мне вас так не доставало, Эндрю. Я рада видеть, что вы живы и здоровы! Вы получили мое письмо?

— Да, сударыня.

— Вот и хорошо. Вы разделите со мной ужин? Заодно принесите счета; нам многое придется просмотреть и обсудить.

— Да, сударыня, — повторил он. Что-то изменилось в девушке, но что? — Энн...

— У меня все в порядке, Эндрю... Мне нужно к себе в комнату, переодеться.

Девушка повернулась, и Эндрю не спускал с нее глаз, пока она поднималась по лестнице. Случилось что-то очень плохое, и дурные предчувствия охватили его.

В комнате наверху Энн уселась у окна, задумавшись о Кэтрин. Вчера она поняла, что, несмотря на все, Кэтрин влюблена в Донована. Энн знала: рано или поздно их брак будет освящен любовью, — ведь между ними никто и ничто не стоит, разве что их собственная гордыня. А вот ее и Эндрю разделял весь мир, воля короля, и с этим бесполезно было бороться. Кроме того, Энн знала о неприязни Донована к их домоправителю: Крейтон шел по тонкой веревке над пропастью, и она боялась, что в любой момент эта веревка может порваться... Девушка приказала приготовить купание и посвятила ему утренние часы и часть дня. Потом она собрала полосы в пучок, скрепив его тремя большими заколками.

Эндрю тем временем беспокойно метался; он находился в подавленном расположении духа, и все в доме невольно ощутили это: он кричал на молоденького конюха за небольшую промашку, резко отчитал служанку, доведя ее до слез, слонялся по комнатам. К началу ужина он с трудом сдерживал себя. Стол был накрыт с такой предусмотрительностью, что Эндрю поразился, войдя в комнату; однако самой Энн пока не было. Наконец послышались ее шаги по лестнице, и девушка вошла. У Эндрю перехватило дух: она была такой прекрасной!

— Вы выглядите так элегантно, Эндрю, — рассмеялась она. — Я давно догадывалась, что вы — персоне гораздо более значительная, чем пытаетесь казаться. Давайте же сегодня вечером будем сами собой.

— Сегодня, вечером... — повторил он. — Вы говорите так, словно этот вечер у нас последний!..

— Нам нужно очень о многом поговорить, стольким поделиться. Я так долго ждала. Мы должны отбросить прочь сомнения. Этот вечер — наш.

18

При этих словах Эндрю оторопел. Как бы он ни желал ее, Крейтону было совершенно ясно, что ей не суждено принадлежать ему: ведь если Энн в первую брачную ночь окажется не девушкой, муж вправе убить ее или с позором изгнать. И не было закона, который мог бы защитить ее, ибо со дня венчания она становилась его собственностью. В глазах девушки он читал, что Энн все это понимает, но готова к расплате за недолгое счастье. Но Эндрю не был готов ею пожертвовать.

Они уселись за стол и неспешно, с удовольствием, отужинали. Впервые за все время знакомства они могли говорить, не опасаясь посторонних. Эндрю отметил в девушке редкое остроумие и тонкость мысли, и он все больше чувствовал неотразимость ее обаяния, все сильнее ощущал бессилие своей воли перед ним. Энн смотрела на него, читая по его лицу все его мысли и сомнения. Эта хрупкая, нежная девушка оказалась человеком, не покоряющимся превратностям жизни, смело идущим навстречу своей судьбе, готовым заплатить любую цену за свой выбор.

— Эндрю, тебе нельзя оставаться здесь. Донован Мак-Адам слишком опасен, чтобы и дальше играть с ним в кошки-мышки. У него длинные руки, а в подвалах замка работают мастера по части развязывать языки.

— И все же я не могу уехать... — сказал Крейтон.

Разумом он понимал, что ему следует немедленно бежать, получить на руки необходимые документы и возвратиться героем в Англию; но он не мог. Не мог, не убедившись, что с Энн все в порядке, что в его отсутствие с ней ничего не стрясется.

— Почему не можешь?

— Потому что моя миссия еще не закончена, — солгал он, — а раз так, я должен ждать.

Энн резко встала из-за стола, словно сдерживая внезапный приступ гнева.

— Эндрю, ты должен уйти. Пожалуйста, ради меня.

Крейтон расслышал в ее требовательном голосе дрожь от подступающих слез. Девушка по-настоящему боялась за него. Тоже встав, он подошел к ней и стал сзади. Ему так хотелось обнять и утешить Энн. Она

повернулась, подняла на него глаза. И вновь Эндрю почувствовал, как тает его воля к сопротивлению чувству.

— А если Донован арестует тебя прежде, чем ты все здесь закончишь? Тебя будут пытаться, и ты скажешь все, что он хочет узнать, или даже все, что он хочет от тебя услышать; Эндрю, он же убьет тебя!

— Нет, этот человек не настолько глуп; его интересует то, что представляет важность для государства и короля, и когда я расскажу ему о том, что успел узнать, он как человек дальновидный не станет лишать меня жизни.

— Нет, я тебе не верю. Ты остаешься из-за меня. Неужели ты не видишь, что мы совершенно бессильны? Ничто на свете уже не сможет предотвратить мой брак. Через месяц меня обвенчают с лордом Мюрреем! Эндрю, нам придется расстаться, но я не могу расстаться с тобой просто так.

Он обнял Энн за плечи и привлек к себе!

— Ты думаешь, Энн, что я убегу, как трусливый заяц, оставив тебя расхлебывать кашу, которую сам же заварил? Да никогда, клянусь Господом! Я скорее сгнию в донжоне, чем позволю кому бы то ни было тронуть тебя хотя бы пальцем!

По щекам Энн потекли слезы, губы ее задрожали.

— Но я-то, я этого не переживу. Если ты умрешь, умрет и моя душа. Чтобы примириться с будущим, я должна знать, что ты в безопасности!

Энн чувствовала себя маленькой и хрупкой в объятиях Эндрю. Соль ее слез была у него на языке, а ее нежные губы приоткрылись навстречу его поцелую; больше он уже не мог сдерживать себя. По телу его

пробежал трепет, прежде ему незнакомый. Кровь кипела в жилах, сердце бешено стучало. Он прижал Энн к груди, наполнив ее блаженным теплом; руками девушка обняла голову Эндрю, и ее пальцы запутались в его густых волосах. Она словно парила в воздухе, прижимаясь к нему каждой клеточкой своего тела.

— Ах, Энн, самое тяжелое на свете — это оставить тебя, но еще хуже — знать при этом, что ты...

— Пожалуйста, выслушай меня. Ты должен понять, что есть вещи, над которыми мы не властны.

— Что именно, Энн?

— Я... Я знаю, что должна выйти замуж за другого, что наши жизни никогда не сойдутся. Даже если тебе удастся осуществить свои планы, ты уже не успеешь прийти мне на помощь.

— Но я могу успеть убить этого ублюдка!

— Я не хочу, чтобы ты пролил ради меня кровь. И даже если ты убьешь его? Ты полагаешь, Яков позволит нам соединиться? Да и Мюррей не злодей, Эндрю. Он также всего лишь исполняет приказание короля.

— Не надо мне доказывать его невиновность! Разве найдется мужчина, способный жениться на женщине, которая его не желает? Исключая, конечно, этого чертова Мак-Адама!

Энн осторожно высвободилась из его объятий и подошла к горящему камину, протянув над ним руки.

— Да, он принудил Кэтрин к браку, но, пожалуй, не стоит так уж сокрушаться.

— Что ты хочешь сказать?

— Мне кажется, Кэтрин в него влюблена... — Глаза Энн потеплели, и губы дрогнули в улыбке: — Мне ли не распознать чувство, которое владеет и мной? Мне

ли не заметить ее любовь, Эндрю, если я сама переполнена этим чувством?

Крейтон до глубины души был потрясен ее кротким и тихим признанием; он вновь обнял девушку.

— Никогда не думал, что смогу полюбить женщину так, как люблю тебя, Энн. И при этом чувствовать себя столь беспомощным и бессильным.

— Есть люди, так и не испытывшие того чувства, которое владеет нами, и я хочу пронести его с собой через всю жизнь. Я смогу достойно, лицом к лицу, встретить завтрашний день, если эту ночь ты подаришь мне; воспоминание о ней будет мне щитом от грядущих бед и невзгод.

— Энн!..

— Если мне суждено достаться другому человеку, пойти с ним под венец, дай мне хотя бы это! Я не хочу, чтобы он оказался первым моим мужчиной. Подари мне сегодняшнюю ночь, Эндрю, чтобы мне было что вспоминать в черные дни моей жизни... Когда судьба разведет нас.

— Господи! — простонал он. — Энн, ты понимаешь, на что ты обрекаешь себя?

— Все равно, ничего страшнее, чем потерять тебя, на свете нет.

— Если я смогу бежать, найду способ выбраться на волю, то может быть, сумею обернуться меньше чем за месяц...

— Что от этого изменится? Король по-прежнему будет настаивать на моей свадьбе.

— Я включу этот вопрос в условия сделки. Яков не узнает имен изменников, если не предоставит тебе свободу.

— Но Яков взбеленится, как и ваш король.

— Пусть. Но никому не удалось заставить Якова отказаться от Мэгги, которую он любит. Может быть, он почувствует сходство нашего положения.

— Ты думаешь?..

Впервые за все время в глазах Энн засветилась надежда.

— Я люблю тебя, и мне ничего не страшно. Пусть король вспомнит, что он мужчина, способный любить. Я добьюсь своего.

— Если только сумеешь бежать от Донована Мак-Адама. Если сумеешь довести до конца свое дело. Если успеешь заключить сделку вовремя... Боже, Эндрю, почему весь свет против нас?!

— Будем воевать с целым светом, Энн, если это понадобится.

— Тогда мы оба должны верить нашей любви, чтобы иметь силы для испытаний. Обними меня, — прошептала девушка, — в залог того, что наши слова не пустой звук. Подари нам эту ночь.

Ее губы были так близки, а лучащиеся любовью глаза так влекли, что Эндрю обо всем забыл. Эта ночь была их, чувство опасности растаяло, как снег на майском солнце... Эндрю решил взять на себя ответственность за будущее девушки. Энн не будет принадлежать никому другому, пусть ему придется заплатить за это жизнью. Наклонив голову, он прикоснулся губами к нежным губам Энн. Поцелуй был легким, даже робким, но Эндрю чувствовал, как ее тело расслабляется в его объятиях...

— Я... Я не знаю, что надо делать дальше, — выдохнула она.

— Тсс! Ничего делать не надо. Поцелуй меня, Энн.

Закрыв глаза, она подняла к нему лицо, и Эндрю крепко поцеловал ее, помедлив, пока она не вернула ему поцелуй; его руки освободили волосы Энн от заколок, и они переливающейся темной массой рассыпались по ее плечам. Ее охватил на мгновение страх неизвестности, но их губы вновь слились в поцелуе, и страх растаял, уступив место иному, непонятному девушке чувству.

Во всем мире для нее оставалась только одна надежная опора — это Эндрю, и Энн прижалась к нему; почувствовав, как он поднимает ее на своих сильных руках, девушка уронила голову на его плечо, затем ощутила мягкость постели. Эндрю лег рядом, полуобняв ее, и пальцами свободной руки стал расстегивать застёжки и крючки ее платья. Энн задрожала, но не пыталась его остановить. Тела коснулся холодный воздух, но на помощь пришло спасительное тепло его рук. Энн изумило, что эти жесткие мозолистые пальцы могут ласкать ее с такой нежностью. Эндрю чувствовал ее страх и двигался неспешно, чтобы не испугать Энн, постепенно пробуждая чувства в девушке.

Затем его рот коснулся ее груди, губы обхватили сосок. От легких движений и покусываний она издала стон, приглушенный неразборчивый возглас. Эндрю целовал ее волосы, глаза, пульсирующую жилку на шее; Энн порывисто изогнулась, когда он прижимался ртом к ее груди, и задрожала, испытывая неведомую ей до того страсть.

Затем его пальцы оказались между ее бедрами, гладя их изнутри, и вскрик замер у нее в горле; Энн задохнулась, но Эндрю говорил ей что-то ласковое,

отгоняя ее страхи. Пальцы его творили чудо, волна желания накатила на нее, и он почувствовал, что девушка перестала осознавать, где она и что с ней происходит. Оставался он один, никого больше. Тело ее содрогалось, стремясь к большему, чему Энн не знала названия. Она обняла Эндрю, порывисто и страстно прижимая его к себе, на какой-то момент вернувшись к реальности, когда он, нежно поцеловав ее, встал, чтобы сбросить с себя одежду. Он старался не шокировать ее, поскольку Энн, неискушенная и невинная, могла испугаться. Но даже ее неопытность радовала и трогала его. Эндрю был счастлив стать ее учителем и хотел только одного: остаться единственным мужчиной в ее жизни.

Но девушка оказалась смелее, чем он ожидал: когда его одежда упала на пол, Энн привстала на коленях и дотронулась до него обеими руками. Она жаждала ощутить, исследовать, познать его, как только что он познавал ее. Эндрю задохнулся, но остался недвижим.

Ее пальцы очертили ширину его плеч и груди, останавливаясь, чтобы приласкать каждый шрам. Их много было на его теле, и девушка хотела знать все. Его мускулы вздрагивали и играли от ее прикосновений, когда же руки Энн соскользнули на его плоский живот и бедра, Эндрю вздрогнул и напрягся. Сознание того, что она способна так его возбуждать, на нее саму действовало возбуждающе.

Он шагнул к ней, осторожно опрокидывая Энн на подушки, и жар его тела охватил ее всю, с кончиков пальцев до губ, а руки все ласкали, ласкали и ласкали Энн. Губами он прикасался к ее телу, целуя и покусывая, спускаясь все ниже. Было мучительно

трудно сдерживать себя, но Эндрю не мог спешить, и снова ласкал ее руками и губами, пока не почувствовал: девушка готова стать его.

— Ничего не бойся, Энн, — прошептал он. — Доверься мне, уступи мне.

Он повторял эти слова как заклинание, пока ее напряженность не прошла. Он проложил поцелуями дорожку через ее живот и бедра, дойдя до влажного, жарко пульсирующего средоточия ее тела, языком пробуя его вкус и лаская самое интимное место Энн. Эндрю слышал, как она словно в бреду повторяет его имя, чувствовал дрожь ее тела. Ему было страшно причинить девушке боль: Энн казалась такой хрупкой, а Эндрю осознавал мощь и тяжесть своего тела, — казалось, он может смять ее как хрупкий цветок. Но он успел пробудить спавшую в девушке чувственность, и когда Эндрю приподнялся над ее телом, Энн изогнулась в страстном порыве, снова привлекая его к себе.

Его колени оказались между ее бедер, а руки сплелись с руками Энн поверх ее головы. Медленно начиная проникать в нее, он нашел ртом ее губы, предчувствуя миг боли, которая ее пронзит. Ее стон был приглушен им, и на несколько мгновений Эндрю замер, войдя в нее и став с ней одним целым. Затем, почувствовав ее ответную реакцию, медленно, осторожно возобновил движения.

Облегчение наполнило душу Эндрю, когда он ощутил, что Энн помогает ему, ловя ритм его движений. Она почувствовала, как его толчки становятся все более частыми и неукротимыми, а сердце бьется сильнее и сильнее; Энн старалась не отставать от него. Пика наслаждения они достигли одновременно. Из груди Энн

вырвался крик — его имя, дрожь наслаждения колотила ее, заставляя все теснее прижиматься к Эндрю, потом она бессильно замерла в его объятиях.

Эндрю опустился рядом, не отнимая рук от Энн.

Он прижимал ее к себе, вновь и вновь целовал, шептал какие-то ласковые слова. Потом они безмолвно лежали рядом, думая об одном и том же. Они нашли свое счастье в этой жизни, но неужели лишь для того, чтобы сразу его потерять?

Энн глубоко вздохнула, и Эндрю, приподнявшись на локте, заглянул ей в глаза. Они лучились счастьем и любовью, и тревога за любимую охватила его.

Энн подняла руки и охватила его лицо ладонями, привлекая голову к себе. Поцелуй ее оказался таким чувственным, что Эндрю застонал, сжимая ее в объятиях.

— Я люблю тебя, Эндрю. Меня и вправду никто не сможет отобрать у тебя. Что бы теперь ни случилось, со мной будет эта ночь и ты в ней.

— Не надо так говорить! Я найду выход, Энн. Только не теряй веры. Я люблю тебя слишком сильно, чтобы перенести мысль о том, что ты окажешься в объятиях другого.

— Я никогда не перестану в тебя верить и надеяться. Но нам не дано знать, что Господь предуготовил для нас. Я украла эти несколько часов у жизни, чтобы легче было пройти свой путь по ней.

— Храни веру в милосердие Господа. А я буду хранить веру в свой меч и в силу своей руки. Если я не смогу повлиять на решение короля, то просто приеду за тобой и увезу туда, где нас не достанут руки Якова или Генриха.

— Я последую за тобой куда угодно, лишь бы ты оставался рядом. Но не так-то просто убежать от Якова и Генриха.

— Да, это будет непросто. Тебе придется от столького отказаться!

— На свете есть только одно, от чего я не могу отказаться — это ты, Эндрю. Кроме того, — глаза ее блеснули, — может быть, нам удастся встретиться с моим братом, и он присоединится к нам.

Эндрю знал о том, на какие жертвы обрекала себя Энн, соглашаясь бежать с ним. Порыв любви захлестнул его.

— Один месяц, Энн, один месяц. Я найду способ вырваться отсюда, а дальше... дальше все решится за несколько дней. Визит к Мак-Адаму, затем к королю...

— По-твоему, он изменит свое решение?

— Это уже не играет роли. Мы уедем прежде, чем он успеет что-либо предпринять.

— Но ведь тебе придется от столького отказаться ради меня!

— Я готов отказаться ради тебя даже от самой жизни, — сказал Эндрю еле слышно, снова целуя ее.

— Не надо так говорить! Я не могу этого слышать!

— Тсс, Энн, сердечко, этого же еще не произошло.

Но она жалась к нему так, будто страх грядущего уже оборачивался реальностью. Он хотел ее утешить и не заметил, как страсть, подобно лесному пожару, вновь объяла их обоих...

Эта ночь принадлежала им, и они воспользовались ею до конца.

Занимался рассвет, когда они, утомившись, уснули спокойным и радостным сном. Но не прошло и

получаса, как грохот кулаков в дверь разбудил Эндрю. Вскочив на ноги, он нащупал меч; Энн сидела в кровати сонная и ничего не понимающая.

— Тсс!

Он подождал несколько секунд, и удары в дверь вновь сотрясли весь дом. Эндрю выругался. Могло быть только одно объяснение столь раннему и бесцеремонному визиту: Донован Мак-Адам решил с ним разделаться. Но больше всего Эндрю боялся испугать Энн.

— Я сойду и погляжу, кто это. Ты иди к себе в спальню и не выходи. Живее, Энн!

Она соскочила с постели, схватила одежду, и через минуту ее уже не было в комнате. Эндрю вышел на лестничную площадку, и первое, что он услышал, были голоса служанки и Донована Мак-Адама.

— Леди Энн изволит спать, сэр.

— Пусть себе спит — нам нужен Эндрю Крейтон!

Спустившись на пару ступеней, он разглядел незваных гостей. Их было пятеро, в их числе капитан Скотт: тот стоял, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Сойдя еще на несколько ступенек, Эндрю привлек к себе всеобщее внимание, но сам он смотрел лишь на Донована. И вновь он уловил в нем нечто, происхождения чего не мог понять: это была личная ненависть.

— Англичанин! — Ненависть слышалась в каждом слове Донована. — Ты арестован!

Итак, опасения Энн подтвердились, а он упустил время. Эндрю начал сходить вниз. Скотт встал на его пути, поигрывая кнутом и злорадно ухмыляясь. Теперь Крейтону уже не нужно было притворяться и терпеть

унижения; настал миг расплаты. Одной рукой он вырвал у Скотта кнут, другой нанес ему стремительный и мощный удар в солнечное сплетение. Капитан рухнул на пол, и Эндрю, отбросив трофей в сторону, с легкой улыбкой повернулся к Доновану.

— Вы думали бежать, Эндрю? — с неожиданной вежливостью и любезностью спросил его тот.

Внезапно наверху послышался звук торопливых шагов, и внимание присутствующих обратилось к Энн, уже одетой, с наскоро заколотыми волосами. Она была бледна, и в глазах ее был ужас.

— Эндрю! Лорд Мак-Адам, что здесь происходит?

— Я предупреждал вас однажды, леди Энн, что испытываю серьезные подозрения в адрес вашего домоправителя. У нас имеются к нему несколько вопросов, не терпящих отлагательств. Уведите его.

Эндрю успел бросить взгляд на Энн, прежде чем покинул дом в сопровождении незваных гостей.

— Что... что вы хотите сделать с ним?

— Не стоит беспокоиться, леди Энн. Король всего-навсего задаст ему пару-другую вопросов.

— Если вы считаете его шпионом, то отношение к нему короля predetermined. А это значит, что Эндрю ждет смерть, — еле слышно проговорила Энн.

— Он не умрет, если даст те сведения, которые нам нужны.

— А если он не знает того, что вы хотите от него услышать?

— Знает.

— И все же, если не знает?

— Это был бы самый плохой вариант для него. В любом случае, английскому шпиону не место при дворе

короля. Почему вы так волнуетесь за него? В конце концов, он всего лишь слуга... Не правда ли?

— Разумеется, слуга, но брат ему доверял, и он здесь много сделал для дома, для меня... для Кэтрин.

Энн не подозревала, что последними двумя словами оказала Эндрю худшую услугу, чем объявив во всеуслышание, что он — английский шпион, потому что Донован лишь укрепился в мысли, что Эндрю значит для Кэтрин многое... слишком многое! Лицо Донована вспыхнуло, зубы сжались. Он вычеркнет Эндрю из его с Кэтрин жизни!

— Лучше всего навсегда забыть о нем, леди Энн. У вас будет еще много слуг. Самое время сейчас — задуматься о благополучии вашего семейства.

Он развернулся и ушел, хлопнув дверью. Ошеломленная, Энн смотрела ему вслед, еще не осознав до конца происшедшее. Нужно срочно что-то предпринять, чтобы спасти Эндрю! Кто еще сможет оказать влияние на Донована Мак-Адама, если не Кэтрин? Если она не сумеет упросить его помиловать Эндрю, то он обречен!

Быстро приведя себя в порядок, Энн бросилась на конюшню. Сонный и ничего не понимающий конюх быстро оседлал лошадь, причем она, в жизни не повысившая на кого-либо голос, прикрикнула на него, когда ей показалось, что он мешкает. Когда солнце появилось из-за горизонта, Энн уже въезжала в замковый двор. Она молила, чтобы Кэтрин была сейчас одна и им удалось бы поговорить наедине.

Эндрю поместили в сырую, темную и мрачную тюремную камеру; впрочем, подумал он угрюмо, едва ли ему здесь придется долго пробыть. Еще один день на свободе — и он был бы далеко, поминай как звали. Но ночь, проведенную с Энн, он не променял бы ни на что... даже на свободу.

Энн. Мысль о ней мучила его, потому что Крейтон, зная ее беспредельную храбрость, понимал, что она может пойти на все ради него. Один месяц, всего лишь один месяц, и Энн будет обвенчана... Во что бы то ни стало надо, было, найти выход, но в голову Эндрю ничего не приходило.

В камере была лишь охапка соломы; расстелив плащ поверх нее, он лег и укутался им. Эндрю, понимая, что голова у него при допросе должна быть свежей, постарался заснуть, и ему это удалось.

Кэтрин сидела у потрескивающего огня. За немногие дни ее замужества весь мир вокруг нее, казалось, переменялся. Она так и не смогла до конца понять, что за человек ее муж.

Она покраснела при воспоминании о ночах, проведенных вместе; Донован, несмотря на ее внутреннее сопротивление, каждый раз находил путь к сердцу и душе Кэтрин, пробуждая в ней страсть вновь и вновь. Но ее мучила одна мысль: Донован и Дженни. Ночь уже кончалась, и было ясно, что ей придется лечь спать в одиночестве. Где он сейчас? Неужели у сказочно красивой и развратной Дженни? Кэтрин прикусила губу и подошла к окну. Она докажет Доновану Мак-Адаму, что нельзя безнаказанно марать честь Мак-Леодов! Утром она уедет в Стерлинг, чтобы навестить кузину, и

оставит мужу записку, из которой будет явствовать, что она никогда к нему не вернется. Пусть он играет в свои любовные игры, она в них не участница. От внезапного стука в дверь Кэтрин вздрогнула.

— Кто там?

— Кэтрин, это я, Энн! Пожалуйста, открой дверь. Мне нужно с тобой поговорить.

Кэтрин дрожащими руками отодвинула засов и распахнула дверь.

— Энн! Что случилось?

— Кэтрин, мне нужна твоя помощь. Ты должна мне помочь!

— Но что стряслось? На тебе лица нет! Сядь у камина, согрейся и приди в себя.

Почувствовав, что сестра вся дрожит, Кэтрин взяла ее под руку и подвела к креслу, сама опустившись перед ней на колени.

Энн набрала воздуха и, собравшись с силами, поведала о происшедшем.

— Ах, Энн, — сказала Кэтрин, поднимаясь с колен. — Не знаю, как помочь тебе, — ведь я уже пыталась это сделать!

— Ты же жена Донована!

— Да... жена. Когда я нужна ему...

— Я боюсь, что Эндрю уже пытаются! Я этого не перенесу...

— Энн, успокойся, — сказала Кэтрин. — Узников несколько дней держат в одиночках, чтобы подавить их волю. А теперь поспи. Утро вечера мудренее.

— Но, Кэтрин!..

— Успокойся! Уж сегодня Донован точно не станет его допрашивать: хотя мы и женаты без году

неделя, он уже потащился к любовнице! Он у леди Грэй...

— Как мне тебя жаль, Кэтрин!

— Напрасно. Эти мужчины, претендующие на нашу верность и изменяющие нам при первой возможности, не стоят того, чтобы из-за них горевать. Иди. Тебе нужно отдохнуть.

Энн, измученная переживаниями, легла в постель сестры и тут же провалилась в полный грез и видений сон. Кэтрин тем временем лихорадочно думала о том, как спасти Эндрю Крейтона.

Донован редко пребывал в таком раздраженном расположении духа. Казалось, самое время отправиться к Кэтрин и злорадно известить ее об аресте Эндрю, но он не был готов взглянуть ей при этом в глаза. Что значил Крейтон для Кэтрин? Любовником ее он не был, это стало ясно в первую брачную ночь; но, без сомнения, его жена равнодушна к своему «домоправителю».

Мак-Адам сделал большой глоток виски и опустился в кресло, чтобы подумать над этим болезненным вопросом. Хмель оказывал свое действие, и картины, одна мучительнее другой, начали возникать в его сознании. Ему и в голову не пришло, что Кэтрин также мучается над вопросом, где он пропадает всю ночь. Донован вновь припал к бутылке, надеясь заглушить душевную боль; вскоре он заснул прямо в кресле.

Король отсутствовал в замке несколько дней. Как всегда, сразу же по возвращении он первым делом отправился к Мэгги. Она в одиночестве сидела в своей

комнате и была погружена в раздумья. При появлении Якова она поднялась и протянула к нему руки:

— Ваше величество!

Король подошел к ней и поцеловал.

— Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не переживала за меня! — Чуть отодвинув Мэгги от себя, он оглядел девушку. — Такое впечатление, что мое отсутствие положительно влияет на тебя... Или ты все же рада, что я вернулся?

Мэгги покраснела, но промолчала, и это обеспокоило Якова.

— Уж не больна ли ты, душа моя? — спросил он, когда Мэгги высвободилась из его рук.

— Нет, милорд, у меня все хорошо.

— Но что-то не так?

— Нет, все так, все как надо. У меня будет ребенок, — сказала она просто.

Не отрывая глаз от лица короля, она с замиранием сердца ждала, как тот встретит эту весть. Яков поднялся и подошел к ней; взяв ее за обе руки, он поцеловал их по очереди. Радость и нежность — эти чувства она прочитала в его глазах.

— Когда должен родиться ребенок?

— В августе.

— Так ты уже давно обо всем знаешь? Почему же ничего мне не говорила?

— Не видела нужды...

— Мне судить, что нужно, а что нет, — сказал гневно Яков.

— Я понимаю, что возникнут проблемы, милорд, а потому охотно покину двор. Об этом никто не знает, так что вы вольны поступить по своему усмотрению.

Яков подошел к креслу и сел. Мэгги понимала, что в душе короля происходит борьба, и, искренне его любя, хотела ему помочь. Взяв с дивана подушку, она подошла к нему и пристроилась у ног Якова; для полного счастья ей достаточно было сидеть рядом с ним, ощущая его близость. В такие моменты она переставала даже думать о своей дальнейшей судьбе, о ребенке. Рядом — ее мужчина, ее король, в котором вся ее жизнь.

Яков встал с кресла и опустился рядом с Мэгги, обняв ее.

— Ты красавица, — прошептал он.

— Я — это твое продолжение, — ответила девушка, прижимая его голову к груди.

Утром Донован с трудом поднялся, разбитый сном в неудобном положении и оглушенный выпитым ночью спиртным. Вскоре он выехал из ворот, не подозревая, что Флеминг с коварной улыбкой следит, как он в одиночестве покидает замок. Погладив бороду, он немедленно поспешил к Дженни Грэй. На его стук растрепанная и заспанная Дженни открыла дверь. Она уже запустила несколько сплетен, представляющих Донована в нужном ей свете.

Дженни и Флемингу не понадобилось много времени, чтобы спеться и увидеть выгоду в дальнейших совместных действиях.

— Флеминг! Какого черта вы заявились в такую рань?

— Я к вам с замечательной новостью, леди.

— Что еще за новость?

— Донован Мак-Адам в одиночку выехал из замка.

— В одиночку? И куда же?

— Я полагаю, скорее всего, к Ботвортскому замку. Он и Патрик Хепберн — давние друзья.

— Но при чем здесь я?

— Вечером у него встреча с королем, так что сегодня же он вернется обратно.

— Понятно... И если он повстречает другого путника или путницу, то может возвратиться не один...

— Если бы при этом новобрачная ждала его возвращения, — усмехнулся Флеминг, — она получила бы все основания усомниться в его верности.

— Да, это было бы очень неплохо. Благодарю вас, милорд.

Дженни умылась, быстро оделась и вскоре уже скакала по той же дороге, по которой уехал Мак-Адам.

После бессонной ночи Кэтрин была как во сне. Энн все еще спала, и она села завтракать одна. От напряженных размышлений голова ее болела. Она поклялась никогда ни о чем не просить Донована, но сейчас Кэтрин была слишком озабочена судьбой сестры. Она решила немедленно найти мужа, чтобы просить его об освобождении Эндрю.

Внизу Кэтрин спросила про Донована, и ей сказали, что тот ускакал в Ботвортский замок, чтобы обсудить государственные дела с Патриком Хепберном.

— Он выехал один? — спросила Кэтрин.

— Да, миледи, — ответил конюх, отводя глаза в сторону, и Кэтрин догадалась, что не все здесь ладно.

Неужели он и вправду до сих пор любит свою рыжую Дженни?

— Скажи-ка, — спросила она конюха, — а леди Грэй выезжала из замка этим утром?

— Да, миледи,— неохотно ответил тот.

Он питал глубокое уважение к Доновану и обожал Кэтрин. Ему было непонятно, как Мак-Адам может играть и любовные игры с какой-то леди Грэй, когда у него такая жена.

— Благодарю тебя, Уилл, — сказала она, стараясь скрыть от слуги горечь измены.

Донован и Патрик Хепберн были ровесниками, и жизнь их во многом складывалась одинаково. Они дружили уже много лет и бок о бок сражались за Якова IV. Патрик, подобно Доновану, просил руку благородной леди — Джейн из рода Гордонов.

Донован в этот свой визит следил за взаимоотношениями супругов и с завистью, и некоторой горечью отметил, как счастливы они друг с другом. Может быть, и Кэтрин со временем поймет тщетность своего противостояния ему и примирится с ролью жены? Он вспомнил заодно, что в последнее время Дженни буквально не давала ему прохода и всячески набивалась в любовницы, хотя он не испытывал к ней ни малейшего влечения. Он уже понял, что желает Кэтрин и только Кэтрин нужна ему. Он овладел искусством разжигать ее страсть, возбуждать ее чувственность, но всякий раз, овладев ею, видел в ее глазах печаль и не знал, как с ней бороться.

Закончив переговоры с Патриком, ближе к вечеру Донован отбыл обратно.

— Оставайся на ночь, утром уедешь, — предложил Патрик.

— Нет, мне нужно быть дома до ужина. Кроме того, хочется немного проветрить голову, много всякой ерунды накопилось.

Патрик и Джейн долго смотрели вслед Доновану.

— Почему-то он несчастлив, — заметил Патрик.

— Да, — согласилась Джейн. — И я догадываюсь, почему.

Патрик поглядел в глаза жене. Какие баталии происходили между ними, пока он не осознал, что любит ее. И теперь она — светоч его жизни. Ему стало жаль Донована, но только сам Мак-Адам мог понять, что его проблемы проистекают от того, что он влюблен и не хочет признаться себе в этом.

— Только бы он не разрушил все, прежде чем дойдет до истины...

Донован ехал, погруженный в раздумье. Казалось, он стоял на пороге того, чтобы понять что-то важное... Его мысли были так далеко, что на повороте он едва не налетел на всем скаку на женщину.

— Дженни! — воскликнул он, едва успев поднять лошадь на дыбы.

Та уже успела подготовиться к его появлению. Она соскочила с лошади, слегка растрепала волосы, надорвала платье и высыпала на него пригоршню дорожной пыли.

Весь вид Дженни являл беспомощность, а в глазах ее, когда она подняла их на Донована, можно было прочесть почти настоящие боль и отчаяние.

— Боже, Донован, какое счастье, что ты здесь. Меня сбросила лошадь, и, боюсь, я повредила себе голень.

— А где же твоя лошадь?

— Там, — показала Дженни на поляну, где животное мирно пощипывало траву. — Я не смогла ее догнать.

Донован пришпорил своего коня и через минуту привел лошадь за узду. Спрыгнув на землю, он помог Дженни забраться в седло, испытывая недоверие к ее словам и раздражение.

— Разве мы спешим? — спросила Дженни голосом, полным обещания.

— Да, причем я уже опаздываю.

— Было время, сударь, — улыбнулась она, — когда вы не следили за часами.

— И время это закончилось, когда ты предпочла другого.

— Но я уже давно не замужем, — ответила Дженни.

— Да, — сказал Донован, — зато я женат.

Он шлепнул ее лошадь по крупу и, когда та поскакала, последовал сзади, чтобы избежать разговора во время пути. Дженни была взбешена его холодностью, но его мысли были далеко от нее.

Время шло, и гнев Кэтрин разгорался. На какое-то время она забыла даже про Эндрю и Энн. Больше всего ее поразило, что любовники занимаются своим романом столь вызывающе, у всех на глазах... Ухватившись за внезапно осенившую ее идею, Кэтрин сделала необходимые приготовления и вышла во двор поджидать приезда мужа.

Уже смеркалось, когда Донован и Дженни прибыли в замок. Донован скакал на некотором расстоянии от

своей бывшей любовницы и чуть не налетел на Кэтрин, ожидающую его прибытия. Сердце у него радостно забилося. Неужели его желание исполнилось и перед ним смиренная и кроткая жена? Но, увидев отчужденное выражение на ее лице, он понял, что ошибся. Только сейчас до него дошло, как Кэтрин может истолковать его возвращение с этой женщиной. Он улыбнулся: немножко ревности не помешает. Но к тому, что его ждало дальше, он никак не был подготовлен.

— Добро пожаловать домой, милорд, — сказала Кэтрин. — А с вами, леди Грэй, стряслось несчастье?.. Жеребец, которого вы выбрали, оказался слишком резвым даже для вас?

Эти слова задели Донована за живое. Он нахмурился.

— Лорд Мак-Адам по своей доброте взялся проводить меня до дома. Боюсь, я действительно проявила неловкость. Но дело, конечно, не в жеребце. Нет такого жеребца, — глаза Дженни блеснули, — которого бы я не приручила.

— Не сомневаюсь, — парировала Кэтрин и повернулась к Доновану, который, с трудом сдерживая гнев, помогал Дженни спешиться.

— Я счастлива узнать, что вы путешествовали в обществе такой очаровательной леди, — сладко сказала Кэтрин.

Донован мгновенно подобрался: он и раньше слышал медовый голос леди Мак-Адам и прекрасно знал, что он сулит.

Дженни и Донован прошли за Кэтрин в здание. Внутри она вдруг повернулась к ним лицом.

— У вас такой... запыленный вид, — улыбнулась она Дженни. — Специально для вас я переменяла наши

апартаменты. Вам, леди Грэй, приготовлена прекрасная комната. Справа от спальни лорда Мак-Адама. Думаю, он с радостью покажет вам дорогу.

Она посмотрела на опрокинутое лицо супруга и торжественно удалилась, ни разу не оглянувшись. Ошеломленный Донован окаменел, не зная, что предпринять в такой ситуации; Дженни же ликовала. Она немедленно прошла в комнату, которую ей указала Кэтрин: она располагалась справа от спальни Донована и имела смежную дверь. Подойдя к ней, Дженни первым делом отодвинула засовы со своей стороны.

Мак-Адам тем временем остановился перед дверью, где разместилась Кэтрин. Он не намерен умолять жену о возвращении; как ее хозяин, он воспользуется своим правом на нее в той комнате, в которую она переехала, — воспользуется, когда придет время. Она хочет играть с ним? Что ж, пусть убедится, что он остается победителем даже тогда, когда игра идет по ее правилам.

Донован вернулся к себе и уселся за письменный стол, занявшись счетами, чтобы скоротать время. Чернильница была полна, гусиных перьев — в избытке; окна занавешены тяжелыми портьерами. Все — новое, специально для этой комнаты купленное Кэтрин. Оглядевшись, Донован понял, что каждая вещь напоминает о жене. Она должна вернуться сюда, ее место здесь... Когда в дверь негромко постучали, Донован радостно улыбнулся: наверное, это Кэтрин опомнилась и вернулась. Он распахнул дверь и с разочарованием увидел на пороге Энн.

— Милорд, вы разрешите мне поговорить с вами?

— Конечно!

Он пропустил ее и закрыл дверь.

— Мне неудобно тревожить вас в позднее время, милорд. Но вас весь день не было...

Донован взял ее под руку и усадил у камина, а сам устроился напротив. Энн казалась такой напряженной и встревоженной, что он решил не тратить время на вступительные любезности.

— Прошу, — сказал он коротко.

В отсветах каминного огня Энн казалась необыкновенно красивой, и Донован подумал, что никогда не видел ее такой.

— Я хочу знать от вас всю правду, — сказала она торопливо. — Что случилось с нашим домоправителем Эндрю Крейтоном?

Донован удивленно приподнял брови:

— Эндрю — английский шпион.

Энн не стала лгать, что не может в это поверить или что не знает об этом.

— Шпион... — эхом повторила она его слова.

— Да, сударыня, рыцарь из Дорсетшира. Сэр Уильям Френсис Эндрю Крейтон. Он был вместе с Генрихом Тюдором в изгнании, причастен к первой попытке Генриха занять престол, был схвачен, но бежал. Бог его знает, как, — очень немногим удавалось ускользнуть от Ричарда III.

Донован нахмурился. Он чего-то не понимал: Энн была поражена, но что-то вроде гордости мелькнуло на ее лице.

— Завидная биография... в своем роде, — сказал Мак-Адам. — На редкость умен и едва не обвел нас вокруг пальца.

Энн взглянула ему в глаза.

— И где же он сейчас?

— Под стражей.

Энн закусил губу. Он жив... и он рядом. Ей захотелось как можно скорее уйти, чтобы не выдать себя. Если кто-то заподозрит, что она любит Эндрю... Энн задрожала при одной мысли об этом.

— Еще раз прошу прощения, что потревожила вас; но мне хотелось все точно знать. Вы должны понять меня, милорд, Крейтон был очень великодушен и верно служил нашим интересам.

Энн поднялась.

Донован тоже встал, чтобы проводить ее к двери.

— Леди Энн!

— Да?

— Вас... вас послала узнать о нем Кэтрин?

Энн удивилась.

— Нет, это интересовало непосредственно меня. — Она протянула руку, и Донован поцеловал ее. — Спокойной ночи, милорд.

Она ушла, а его разрывали мучительные сомнения. Правду ли сказала Энн? Неужели ее подслала Кэтрин? А раз так, значит, она и в самом деле любит Эндрю Крейтона!

Донован залпом выпил бокал виски, затем еще один. Так или иначе, он должен получить ответ на свой вопрос. С этой мыслью он повернулся и вышел из комнаты.

20

Эндрю стоял перед Донованом в его кабинете. От долгого пребывания в темноте его глаза никак не могли привыкнуть к яркому свету, и от этого он щурился.

Однако он внимательно следил за Донованом: тот сидел, откинувшись на спинку кресла, позади него горел камин, но на огонь Эндрю смотреть не мог.

По кивку Донована один из его людей приказал Эндрю снять камзол и рубашку. Тот подчинился, отдавая должное проницательности Донована: шотландец хотел видеть его левое плечо. На лице Донована появилась зловещая улыбка: шрам на левом плече Крейтона был совсем свежим.

— Одевайтесь, — приказал Мак-Адам.

Шотландец был одет с безукоризненным вкусом, на поясе у него висел позолоченный, великолепно украшенный кинжал. Донован был гладко выбрит. Эндрю остро прочувствовал, сколь различно их положение: на нем была одежда слуги, лицо обросло, волосы спутались.

— Сэр Эндрю Крейтон? — с издевкой спросил Донован.

— Да, милорд, — с полупоклоном ответил Эндрю.

— Можете сесть.

— Я постою, — ответил англичанин, испытывая выдержку Мак-Адама: казалось, тот с величайшим трудом сдерживал себя. Эндрю интересовало, что было причиной раздражения Донована. — Прошу вас, милорд, — сказал Эндрю спокойно.

Он небрежно осмотрел свои ногти, затем зевнул, раздражая Мак-Адама еще больше.

Голос Донована звучал остро, как наточенное лезвие:

— Вы до сих пор не повешены, сэр, по одной-единственной причине: я желаю кое-что узнать от вас.

— К сожалению, ничем не могу вам помочь. Но если бы и мог, ничего бы не сказал. Вы человек не того

ранга, с кем бы я мог иметь дело даже под угрозой смерти.

— Завтра я передам вас в руки Якова. Надеюсь, вы понимаете, чем вам это грозит?

Донован поднялся, с трудом сдерживая гнев.

Услышав это, Эндрю понял, что он — политический узник, а, стало быть, последнее слово в его судьбе должно принадлежать Якову Стюарту, враждебно настроенному к Англии.

— Не могу сказать, что доволен вашим гостеприимством, — ответил он.

— Король окажется еще менее гостеприимным, смею вас заверить.

— Это намек на пытки?

— Да, — отозвался Донован. — Люди более сильные начинали говорить после этого.

— Роль истязателя вам очень к лицу, сэр, — неторопливо ответил Эндрю, осознавая, впрочем, что говорит неправду.

Но своего он добился: Донован уже достиг высшей точки раздражения.

Слишком долго Эндрю отказывал себе в наслаждении выплеснуть свой гнев. Кровь в нем закипела, ему уже не хотелось думать и изворачиваться, ему хотелось действовать.

— Слушай, шотландец. Если бы я тебя встретил на поле боя, ты бы у меня давно отправился к праотцам.

— А давно ли ты ползал у меня в ногах? — не остался в долгу Донован, делая шаг вперед.

Если бы не охватившее их неудержимое желание излить злобу, они бы смогли оценить, что стоят один другого. Но кулаки сжались, кровь ударила в голову.

Доновану не терпелось вычеркнуть Крейтона из своей и Кэтрин жизни, однако в глубине его души зародилось восхищение перед умом, силой и решительностью противника. Мак-Адам левой рукой нанес удар по плечу Эндрю; тот извернулся, так что удар пришелся вскользь, и немедленно ответил правой. Удар пришелся в грудь Донована, и человек менее крепкий оказался бы на полу. Секунду спустя оба уже утирали кровь; Эндрю слизывал ее с губ, не намереваясь отступить. Ни он, ни Донован не пытались уклониться от ударов друг друга, предпочитая боль трусости отступления. Эндрю мстил за Энн, за свои унижения, за неприятности последних недель и дней, Донован — за Кэтрин. Через несколько секунд Крейтому удалось сбить Мак-Адама с ног; он стоял, тяжело дыша, чувствуя, как сочится кровь из разбитой губы. Донован рухнул на тяжелое кресло, которое с грохотом опрокинулось на пол вместе с ним. Он медленно поднялся, не спуская глаз с Эндрю и сжимая кулаки. В этот момент англичанин опомнился; он решил поддаться противнику: пропустил первый же удар Донована и рухнул на пол, оставшись лежать недвижимым.

Правый глаз Донована заплыл; коснувшись руки, он обнаружил, что ладонь вся в крови. Вытерев руку о камзол, он подошел к двери и открыл ее.

Два стражника за дверью слышали шум, но, зная нрав начальника, не осмелились войти. Не обращая внимания на их вытянувшиеся лица, Донован приказал:

— Принесите воды, — и вернулся в комнату.

Принесли воду, и Донован смыл кровь, ожидая, когда Эндрю придет в себя.

Подождав так минут пять, он потерял терпение и скомандовал:

— Еще воды.

Второй кувшин был вылит на Эндрю. Англичанин зашевелился, словно пытаясь подняться, и со стоном приложил руку к виску. Крейтон желал одного: чтобы его актерство произвело убедительное впечатление на проницательного шотландца.

Донован махнул рукой стражникам:

— Отведите его в камеру.

Он подошел к упавшему креслу, поставил его на ножки и утомленно сел.

Стражники поспешили выполнить указание. Но оказалось, что англичанин не в состоянии ходить после нокаута. Одному пришлось поддерживать его за пояс и перекинуть руку Эндрю через плечо, другой открыл дверь. Они считали его беспомощным, и это была последняя возможность попытаться бежать, но момент был упущен, и через несколько минут его швырнули обратно в камеру, отпустив ему в спину несколько крепких словечек.

Донован долго сидел в кресле, погруженный в невеселые мысли. Он нисколько не сомневался, что король в конце концов прикажет казнить англичанина, но не чувствовал от этого удовлетворения: ему хотелось задушить Эндрю Крейтона собственными руками, но сперва услышать его признание в том, что он уже и так знал от Кэтрин. Донован тщательно умылся, морщась от резкой боли, когда вода касалась ран, затем переоделся.

Из комода он извлек маленькую коробочку, после чего вышел и решительно зашагал в сторону новой

спальни Кэтрин. Но едва он взялся за ручку двери, как та открылась изнутри и перед ним возникла Кэтрин, собравшаяся куда-то выйти. Оба ошеломленно глядели друг на друга, не в силах выговорить ни слова. Первой нашлась Кэтрин.

— Милорд, — сказала она, — вам нет нужды скитаться по коридорам: предмет ваших поисков находится в двух шагах от вашей комнаты. Или мне привести вам ее прямо в постель?

Донован взял жену за локоть и протолкнул обратно, хлопнув за собой дверь. Кэтрин держала в руках что-то полотняное, вызвавшее смутный интерес Донована; только когда жена отложила предмет в сторону, он осознал, что это мужская рубашка, и едва не задохнулся при мысли, кому она могла предназначаться. Кэтрин смотрела на борьбу чувств в его глазах и ничего не понимала.

— Милорд! Вы, кажется, пережили сражение за то недолгое время, пока мы не виделись. Вы... не очень серьезно пострадали?

Донован побагровел. Он бы скорее проклял себя, чем рассказал жене о своей стычке с Эндрю.

— Куда ты собиралась? Хотела вернуться туда, где тебе и полагалось быть?

— Боюсь, втроем там будет тесновато, милорд.

— Тогда куда же ты шла? — настаивал он.

Кэтрин вызывающе подняла подбородок, не желая доставлять ему удовольствие сообщением, что она хотела проверить, один он или с Дженни. Ее упрямство лишь еще больше укрепило Донована в подозрении, что рубашка предназначалась Эндрю Крейтону и что именно к нему Кэтрин и шла.

— Вам нужно поскорее вернуться к любовнице, пока постель еще не совсем остыла.

— Я никому не позволю решать, с кем мне делить постель. Сейчас я предпочитаю разделить ее с собственной женой, — заявил Донован и, отпустив руку жены, начал стягивать с себя камзол.

— Но почему?..

— Что «почему»?

Он непонимающе приподнял брови.

— Почему бы вам не пойти туда, где вас ждут?

— Заруби себе на носу, Кэтрин: никто не вправе диктовать мне что либо... А тем паче, — с усмешкой добавил он, — не моей жене выступать в роли моей же сводни. Это просто неприлично, мадам. Да, кстати, я принес тебе маленький подарок. Я купил его некогда в Париже.

Он протянул ей коробочку, руки их на какое-то время соприкоснулись, и это взволновало обоих. Кэтрин была сбита с толку. Поистине, ее муж был самым непредсказуемым человеком, которого она когда-либо знала. Именно тогда, когда Кэтрин считала, что видит его насквозь, он одним словом нарушал все ее построения.

При взгляде на сверкающее ожерелье из изумрудов она невольно вскрикнула от восхищения.

— Я принес его, чтобы тебе было в чем показаться на свадьбе твоей сестры.

— О-о!

— Как понимать твое «о-о!»? Как-то безрадостно оно прозвучало.

Кэтрин уклончиво пожала плечами.

— Не так давно, — ты, наверное, об этом даже не помнишь, — я сказала в часовне в Сcone, что никогда в жизни не попрошу тебя об одолжении.

— Помню, конечно.

— Сейчас я умоляю тебя сразу о двух одолжениях. Присядь.

Донован отрицательно покачал головой:

— У меня ощущение, что я должен выслушать это стоя.

Кэтрин набрала побольше воздуха, пытаюсь сохранить спокойствие.

— Ну, же, мадам?

— Я прошу тебя предотвратить свадьбу Энн.

И вновь Донован утомленно покачал головой:

— Ты не могла бы попросить о чем-нибудь другом? Драгоценности, титул, помощь твоим родственникам? Свадьбу же теперь уже невозможно отменить.

— Но почему?

— Почему? Господи Святый, если бы ты попросила меня об этом пару недель назад! Ну, а вторая твоя просьба?

Кэтрин молчала, но Мак-Адам догадался сам:

— Эндрю Крейтон? — грозно спросил он.

— Я знаю, кто он на самом деле.

— Да уж не сомневаюсь.

— Что ты с ним сделал? Что?! Ты!..

Она оборвала фразу. Спрашивать, где Эндрю, смысла не было, она и так об этом знала, и хотя англичанин находился совсем рядом, помочь ему Кэтрин ничем не могла.

— Он умрет?

— Очень может быть, — ответил Донован, с замиранием сердца следя за тем, какое действие произведут его слова.

Он почувствовал, как участилось дыхание у Кэтрин, увидел боль в ее глазах, не догадываясь, что это боль за сестру, а не за себя.

— Можешь взять свой подарок обратно. Я никогда им не воспользуюсь.

— Воспользуешься! Я хочу видеть ожерелье на тебе. Для того чтобы удовлетворить мое тщеславие, чтобы все видели, что ты — моя собственность.

— Не воспользуюсь, — прошептала Кэтрин.

— Тогда твоему Эндрю конец.

Кэтрин взяла коробочку со стола.

— Он же ничего не сделал, — прошептала она. — Не убивайте его, милорд, будьте милостивы.

Кэтрин взглянула на мужа и прочитала на его лице ожесточение, безжалостность и страсть. Донован был намерен изгнать Эндрю из сердца и памяти жены. Вычеркнуть его имя раз и навсегда из жизни, из этого мира. Его, и любого другого, кто станет между ним и женой.

Сделав два шага вперед, он подхватил Кэтрин на руки, и ей показалось, что комната закружилась; она в порыве страсти прижалась к Доновану, который в несколько шагов оказался около постели. Кэтрин уже знала всю тщетность попыток противостоять ему. Он был властелином ее чувств, и женщина чувствовала свое бессилие. Кроме того, в самой глубине ее сознания теплилась мысль, что если он с ней, то, значит, не находился в постели с Дженни Грэй.

Казалось, он целовал ее впервые в жизни. Зеленоглазая чародейка, она всякий раз умудрялась пробудить и его гнев, и его страсть, доводя до беспамятства! Соблазнительница, она дразнила, бесила, но в следующую минуту заставляла его забыть обо всем на свете.

«Я никогда не смогу приручить ее», — мелькнуло у него в голове. Всякий раз она ускользает из-под его власти, и теперь Мак-Адам вновь оказался в плену ее жарких, полуоткрытых губ... Кэтрин, в свою очередь, ощущала, что нуждается в нем, нуждается безумно; супруги все сильнее зависели друг от друга. Она чувствовала прикосновения его рук: они ласкали ее тело, затем Донован освободил волосы Кэтрин от заколок, распустив их по плечам. Не отнимая губ ото рта жены, он расстегивал ее платье; Кэтрин вскрикнула, когда пальцы мужа коснулись ее груди. Теперь он целовал ее груди, языком щекоча упругие, розовые соски, лишая Кэтрин последних остатков воли. Донован уловил этот миг полной и безоговорочной капитуляции. Откуда-то, словно издалека, она расслышала его тихий смех, затем Донован прижался к ней всем телом. Рукой он ласкал ее бедра, мягко, медленно, дразняще раздвинул ноги Кэтрин, и пальцы его нашли жаркое, влажное, чувствительнейшее средоточие ее чувств. Губы его проложили огненную тропу по ее телу к этому пылающему, содрогающемуся уголку и нашли его; он сжал ее ягодицы, приподнимая их к своему неутомимому ищущему языку. Кэтрин застонала, пытаясь избежать этой сладостной муки, но Донован удерживал ее, дразня, покусывая, пронзая ее, доводя до крайней степени чувственного восторга.

И снова его рот метнулся к ее губам, и Кэтрин задохнулась, простонав что-то. Руки ее судорожно охватили его широкие плечи, а Донован мучил ее, извлекая из нее всю, до последней капли, страсть. Наконец он пронзил ее плоть, услышав сладостный вскрик. Он двигался все быстрее, а Кэтрин оплела его ногами и прижалась к нему, содрогаясь всем телом. Вознесенная к высотам, она словно падала затем вниз, вновь взлетая и достигая пределов страсти... Никогда еще в жизни она не испытывала таких перепадов ощущений, такого захватывающего дух восторга.

И вновь реальность, остудившая ее распаленное тело и сознание, пронзила Кэтрин болью. Опять Донован доказал, что он полный хозяин и повелитель ее тела; но на этот раз в его порыве она ощутила что-то новое и необычное, почти грубое; казалось, он хотел причинить ей боль, за что-то унижить ее. Он явно был раздражен, разгневан и мстил ей. Но какое он имеет на это право, на глазах всего замка развлекаясь со своей любовницей?! Впервые Кэтрин не удержалась от слез. Отвернувшись от мужа, она уткнулась головой в подушку, чтобы заглушить рыдания.

Донован взглянул на нее. В блеске свечей кожа жены мерцала, как слоновая кость, ее плач вызвал в нем жалость, но Донован преодолел порыв приласкать, успокоить Кэтрин... Он надеялся, унизив ее грубым обладанием, притушить свою боль от того, что его жена предпочла его другому, но вместо этого ощутил в себе холодную пустоту. Своевольная и независимая, она отдавала ему свое тело, но ее внутренний мир по-прежнему оставался закрытым для него.

Донован встал с постели и начал одеваться; затем, обойдя кровать, присел на нее. Кэтрин слышала, как матрас скрипнул и прогнулся от его веса, но по-прежнему лежала, уткнувшись лицом в подушку. Вытирая глаза, она с ненавистью думала о своей слабости.

Донован вспомнил ее порывистые ласки, произвольные движения гибкого тела, когда она, позабыв обо всем, отдавалась ненасытной, неутолимой страсти с таким самозабвением, что, казалось, ничего кроме желания для нее в мире не существует...

— Посмотри на меня, Кэтрин, — сказал Донован.

Он почувствовал, как напряглось ее тело, но она не подчинилась.

— Черт возьми, взгляни на меня!

Она быстро перевернулась на спину и обратила на него свой сверкающий вызовом взгляд.

— Завтра ты распорядишься перенести все свои вещи обратно в нашу спальню. Ты моя жена, и тебе полагается быть с мужем.

— А если я не подчинюсь?

— Тогда я сам отдам такое распоряжение и силой заставлю тебя идти туда, где тебе надлежит быть. Мне не хотелось бы при людях уязвлять твое самолюбие, но, можешь не сомневаться, в случае надобности я сделаю то, что сказал. Так как, Кэтрин? Будем упорствовать в своей гордыне или поступим как разумные люди?

«Ну почему, почему я позволяю ему так обращаться со мной?! Да потому, что я его люблю, — бессильно подумала Кэтрин. — Потому, что я никогда не перестану его любить, пусть даже он не любит меня».

— Зачем я тебе нужна? Разве мало тебе того, что ты проводишь время со своей любовницей на глазах у всех?!

— Между мной и Дженни ничего нет; ты затеяла все эти дурацкие перестановки, а не я.

— Было бы лучше, если бы я забеременела. Тогда, может быть, ты оставишь меня в покое и будешь развлекаться с другими леди.

Донован взял ее за подбородок рукой; глаза его вдруг потеплели. Нагнувшись, он быстро и крепко поцеловал жену, так что она не успела увернуться и лишь издала придушенный вскрик, шокированная таким обращением. Затем Донован встал и направился к двери.

— Завтра, Кэтрин!.. И запомни: мои слова не пустая угроза!

Он распахнул дверь и вышел. Кэтрин в ярости глядела ему вслед, чувствуя, как в ней закипает беспомощный гнев; схватив со стола книжку, она запустила ее вслед мужу.

Стоявший за дверью, Донован улыбнулся и пошел по коридору. Пусть злится сколько хочет, все равно выбора у нее нет. Как он сказал, так и будет...

21

Кэтрин поднялась на следующее утро чуть свет и первым делом приказала немедленно перенести вещи обратно в их с Донованом апартаменты. Все эти переезды вызвали праздный интерес среди обитателей замка и породили волну сплетен. Несколько дней только и говорили что о нешуточной размолвке между двумя неуживчивыми супругами.

Кэтрин поведала Энн, что и она неспособна разрушить ту гранитную стену отчуждения, которая возникала всякий раз, когда она заговаривала с мужем об Эндрю.

— Я совершенно его не понимаю. И дело тут вовсе не в том, что пленник — английский шпион. Такое впечатление, что он ненавидит Эндрю как своего личного врага.

— Но почему?

— Не знаю.

— Но должна же я что-то сделать! — в отчаянии воскликнула Энн. Кэтрин с сочувствием взглянула на нее. — Не могу я дать ему умереть! Не могу!

— Остается последнее: непосредственно обратиться к королю.

— Ты думаешь, он милосерднее Донована?

— Не знаю, — тихо сказала Кэтрин.

Прошло почти две недели, а Эндрю ни разу не вызвали на допрос, не говоря уже о том, чтобы вынести ему приговор. Энн больше не могла ждать. Бесшумно, как привидение, она проскользнула вниз по винтовой лестнице и осторожно постучала в большую зарешеченную дверь; когда ее открыли изнутри, в свете факела она увидела вопросительное лицо стражника. Энн вынула из кармана золотую монету.

— Умоляю вас, мне нужно войти. Всего на пару минут.

Стражник вкрадчивым движением руки схватил монету и распахнул дверь шире; он сразу понял, кто и к кому пожаловал в застенки.

— Там, внизу, — прошептал он.

Посмотрев, нет ли кого на лестнице, он пропустил Энн и захлопнул дверь, заперев ее на засов, затем торопливо заспешил вниз по ступенькам. Энн, подобрав юбки, сбегала вниз. В камере, расположенной сразу по входу в коридор, лежал на охапке соломы Эндрю. Услышав звук шагов, он приподнял голову и вскочил, встав у двери, а руками ухватившись за толстые прутья решетки.

— Эндрю! — вырвалось из уст Энн.

Она встала по другую сторону решетки, лицом к лицу с Крейтоном. Оторвав взгляд от девушки, тот взглянул на стражника:

— Ни звука об этом! Ни теперь, ни когда-либо в жизни!

— Конечно. — Стражник отпрянул назад. — Вы могли бы мне и не говорить этого. Я никогда бы не поставил под удар леди Энн!

Эндрю вновь повернулся к Энн.

— Не стоило тебе приходить сюда! Тебе надо остерегаться, иначе у тебя будут огромные неприятности!

Энн коснулась его руки:

— Неужели не стоило, Эндрю?

— Пара слов, и уходи. Ради Бога, Энн, ты же подвергаешь себя смертельной опасности.

— Нет, нет, — возразила она. — Я должна была тебя увидеть, Эндрю, должна, слышишь?

Обе ее руки сомкнулись вокруг его запястья, а секундой позже легли в огромные ладони. Крейтону было стыдно за свой внешний вид: небритый, обросший грязью, в этой мрачной камере, предназначенной для политических узников. Но он продолжал оставаться

сэром Эндрю Крейтоном, а потому держался с чувством собственного достоинства.

— Любимая, — сказал он тихо, — ты должна успокоиться. Не надо волноваться обо мне.

Эндрю ободряюще улыбнулся.

Казалось, не было дней разлуки, и они вновь могли наедине говорить друг с другом о своей любви. Но ее последующие слова были для него совершенно неожиданными:

— Я пришла, чтобы помочь тебе бежать.

— Господи сохрани! — прошептал он. — Это невозможно. Энн, любовь моя, достаточно того, что я могу, пусть на короткий миг, вновь увидеть тебя.

Он крепко стиснул ее пальцы.

Энн повернулась к стоящему в отдалении стражнику. Ее фиалковые глаза умоляли:

— Можно мне немного побыть в самой камере... Пожалуйста! Не может быть, чтобы вы были таким черствым и не поняли меня!..

— Конечно, конечно, миледи, — улыбнулся тот.

Разве мог кто-то на свете отказать Энн? А тем более он, знавший хрупкую и добрую девушку многие годы. Эндрю, наблюдавший за лицом стражника, не мог не улыбнуться. Миловидность и доброта порой могут оказаться сильнейшим оружием!

Стражник, избочась в полупоклоне, ибо он питал должное уважение к силе и характеру пленного английского лорда — отпер замок. Энн проскользнула внутрь, после чего дверь была закрыта и заперта. Послышались удаляющиеся шаги стражника, означавшие, что они снова оказались наедине — может быть, в последний раз в жизни.

— Эндрю, — сказала Энн, — ты должен быть на свободе.

— А ты через две недели должна будешь выйти замуж.

— Да, и твое бегство ничем не может мне помочь...

Наступило молчание. Руки Крейтона судорожно сжались, и он прошептал:

— Я его убью!

— Нет, — выдохнула девушка. — Я не допущу, чтобы из-за меня погиб невинный. Но ты должен всегда помнить: я тебя люблю.

Эндрю прошелся по камере, затем обернулся к девушке и спросил:

— Ты сказала, что пришла помочь мне бежать. Что ты имела в виду?

Энн сунула руку в складки платья и вытащила тонкий позолоченный кинжал. Эндрю ошеломленно уставился на него, затем от души рассмеялся, хотя его положение не располагало к веселью: о, эта красивая, пугливая, робкая и вместе с тем бесконечно храбрая Энн Мак-Леод! Он подошел к ней, взял кинжал и спрятал его за пазухой. Затем снова стиснул ее руки.

— Знай: как только я вырвусь на свободу, твоему жениху конец!

Энн грустно улыбнулась:

— Неужели сэр Эндрю Крейтон способен на убийство? Ни за что не поверю. Сделай ты так, как грозишь, и мы больше не сможем спокойно жить на свете. Эндрю, я не люблю его. Я люблю тебя. Я здесь, и мы вместе, даже если речь идет всего о нескольких минутах и это последняя наша встреча.

В глазах у нее сверкнули слезы.

Забыв о том, что он небрит, грязен, в соломе, Эндрю простер к девушке руки. Энн всхлипнула и послушно шагнула в его объятия.

— Я вырвусь на свободу, обещаю тебе. Клянусь!

Энн не могла ничего сказать. Он дарил ей надежду, но если они сбегут, то станут отверженными сразу в двух странах. Но сейчас никто не смог бы убедить Эндрю. Она прижалась к нему и проговорила сквозь слезы:

— Ты должен забыть обо мне, Эндрю.

— Что? Ты бы еще попросила меня не дышать. Господи, как ты можешь любить меня и говорить такое!

— Я ничего не могу сделать для тебя! — в отчаянии вскрикнула она и уткнулась лицом ему в грудь. — Я пыталась, пыталась Кэтрин, и все напрасно!

— Прости меня! — прошептал Эндрю, обуреваемый гневом и душевной болью

— Я люблю тебя. Знай: никто и никогда не прикоснется ко мне.

— И все же я вырвусь отсюда, — повторил Крейтон, — запомни это. Сегодня, завтра или через несколько дней я окажусь на свободе и буду с тобой. — Он оборвал речь, услышав шаги возвращающегося стражника. — Все, наше время кончилось. Но запомни: каждый прошедший день приближает мгновение, когда мы будем вместе. Прощай, моя хорошая.

Он крепко поцеловал Энн, затем подвел ее к решетчатой двери.

Энн не забыла улыбнуться стражнику и поблагодарить его, когда они вышли из подвала. Она вновь оказалась на наружной лестнице. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой девушка удалялась от него, а впереди были дни, месяцы... может быть, даже годы,

прежде чем она сумеет снова его увидеть! Если ей суждено принадлежать другому мужчине, она день и ночь будет молиться за Эндрю...

Следующий день и начало второго Крейтон провел в размышлениях, как бы ему заманить стражника в камеру и выбраться из замка, который представлялся ему бесконечным лабиринтом, где на каждом шагу стережет опасность.

Как ни странно, на выручку Эндрю пришла ревность Донована, который решил вновь встретиться со своим мнимым соперником лицом к лицу и узнать, в конце концов, всю правду о его отношениях с Кэтрин.

Когда за Эндрю пришли два стражника, он прикинулся ослабевшим и безвольным после длительного заключения.

На дворе были сумерки, и обитатели замка готовились отойти ко сну. Протащив Крейтона по лестнице, стражники поволокли его по коридору длиной шагов в тридцать. Эндрю еле-еле переставлял ноги. Они приблизились к повороту, за которым располагалась кухня и начинался другой, узкий и извилистый коридор.

Все произошло так внезапно, что потом стражники не смогли ничего толком рассказать. Эндрю одной рукой оперся на плечо одного из них, а другой неожиданно размахнулся и ударил тому в висок — да так, что он без сознания рухнул на каменный пол. Он еще падал, когда Эндрю, развернувшись, нанес прямой удар в челюсть другому провожатому. Этот стражник не посмел пикнуть: вид у Эндрю, выхватившего из-за пазухи кинжал, был настолько устрашающим, что он замешкался и, пропустив удар рукояткой в висок, тоже медленно соскользнул на пол.

В коридоре не было видно ни души. Эндрю быстро зашагал вперед. Где-то в отдалении слышались шум и голоса, но, никого не встретив, он благополучно добрался до южной башни, где располагались комнаты Кэтрин.

Со двора донесся скрип закрываемых ворот, из чего можно было заключить, что сейчас около семи вечера; англичанин оказался в каменной мышеловке. Поднявшись вверх по укрытым коврами ступеням, он остановился перед одной из дверей и приложил к ней ухо. Тихо. Отворив ее, Эндрю вошел внутрь; в комнате никого не было. Он в несколько шагов пересек ее и оказался у окна, расположенного довольно высоко над землей. Крейтон подтянулся, чтобы отодвинуть задвижку, но рука его застыла в воздухе: снаружи окно было зарешечено. Выругавшись, он метнулся к двери и вновь оказался в коридоре. Крейтон взбежал по ступенькам и оказался... в комнате Кэтрин. Едва закрыв дверь, он услышал на лестнице ее медленно приближающийся голос. Сердце Эндрю заколотилось при мысли, что она может быть не одна. Он прижался к стене и, как только Кэтрин вошла, захлопнул за ней дверь и запер ее на задвижку; теперь они оказались наедине, молча глядя друг на друга.

— Эндрю!.. Все в порядке?.. Но как вам это удалось?

— Все как нельзя лучше, но у меня совершенно нет времени. Я просто хотел передать одну весточку и поэтому здесь. Я... — если, разумеется, сумею вырваться из замка, — буду находиться в Хермитидже. Если я понадоблюсь Энн, сообщите мне.

Кэтрин, молча, кивнула головой.

— Мне нужно идти, — прошептал он, берясь за засов.

— Не надо его отодвигать!

Эндрю озадаченно оглянулся.

— Каждая секунда здесь означает для меня не меньшую угрозу, чем для вас. Мне нужно немедленно уйти. — Кэтрин вздрогнула, представив, что Донован находит Эндрю в их спальне. В мгновение ока Кэтрин оказалась между Крейтоном и дверью. — Есть другой путь, гораздо лучше этого. — Дрожа, как в ознобе, она снова задвинула засов. Вид у Эндрю был чуть раздраженный. — Эндрю, есть потайной ход в эту башню. Энн и я часто пользовались им в детстве, когда играли в прятки.

Кэтрин пересекла комнату и остановилась перед панельной стеной, повернула на ней резную розетку, надавила из всех сил... и четырехфутовый проем в стене приоткрылся, оставляя большую щель.

— Вы просто чародейка, — покачал головой Эндрю, приседая и вглядываясь в темноту.

— Сразу направо начинается лестница, — сказала Кэтрин. — Поспешите.

Она передала ему бронзовый подсвечник с горящими свечами, и, продвинув его вперед, Эндрю и вправду разглядел узкие ступеньки, уходящие вниз. Кэтрин продолжила:

— Этот переход идет под рекой и заканчивается неподалеку вон от того монастыря. Через час я буду ждать вас там с лошастью.

— Хорошо, иду. Я ваш должник, леди Кэтрин. Ради меня вы не побоялись себя подвергнуть опасности.

Кэтрин улыбнулась.

— Неужели бы я осталась в стороне, когда человек, которого любит моя сестра, в смертельной опасности? Вы выйдете в часовне, — ее тоже видно из окна. Там сейчас никого не должно быть. Я подъеду к рощице, что справа от нее.

Эндрю нагнулся и поцеловал ее в щеку.

— Не забудьте, — сказал он тихо, — я буду ждать в Хермитидже. Если только понадобится...

— Да, да, идите же, — торопила его Кэтрин.

— Еще одно слово. Как бы я ни относился к Доновану Мак-Адаму... В общем, он счастливый человек, потому что у него есть вы...

Шагнув в темноту, Эндрю услышал за спиной скрип петель: Кэтрин закрывала потайную дверь. В лицо ему пахнуло гнилой сыростью: под рекой воздух был еще более спертый и сырым, и свечи едва мерцали, готовые вот-вот погаснуть. Но теперь он летел вперед на крыльях надежды. У него еще две недели, целые две недели до свадьбы Энн, и он должен выполнить свою миссию и вернуться за любимой в этот срок.

Чуть спустя Кэтрин появилась около конюшенного двора.

— Подай мне мою лошадь!

Голос у нее звучал безапелляционно. Конюх тупо поглядел на нее.

— Ворота уже закрыты, ваша светлость.

— И без тебя знаю, болван! Я надумала проехаться верхом! Живо подай мне лошадь.

Конюх исчез и через десять минут появился снова, ведя за собой черного жеребца.

— Да его сегодня даже не выводили, — притворно возмутилась Кэтрин, заметив, что конь нетерпеливо бьет копытом.

— Его выгуливали этим утром, — защищаясь, заявил конюх.

— О, тогда отлично. Как вы думаете, отчего иногда благородной леди хочется вечером прокатиться на коне?

Конюх промолчал. Высокий жеребец бил землю копытом в предвкушении поездки; через минуту Кэтрин сидела в седле и с грохотом неслась по каменным плитам двора. Конюх недоуменно смотрел ей вслед: леди Мак-Леод скакала, как дьявол, и только у ворот потянула поводья.

— Откройте, — крикнула она повелительно.

Стражники повиновались без раздумий. Обитые железом створки с лязгом приоткрылись, и, как только щель оказалась достаточно широкой для лошади, Кэтрин пришпорила коня и в развевающемся на ветру плаще проскакала по мосту через ров. С моста Кэтрин свернула на дорогу, ведущую к сосновой рощице подле часовни.

За одной из сосен ее уже ждал Эндрю, который все еще не мог поверить в реальность своего освобождения. Кэтрин подъехала к нему и остановилась. Ей пришла в голову мысль, что, может быть, ни ей, ни сестре не суждено увидеть его вновь. Только в этот момент Кэтрин почувствовала, как она привыкла и привязалась к нему.

— Я не хочу вас задерживать, Эндрю, это небезопасно. Поезжайте, и как можно быстрее. Счастливого пути.

Эндрю с привычной ловкостью вскочил в седло.

— Скажите в замке, что вас сбросила лошадь; я отпущу ее, как только смогу, она сумеет найти обратную дорогу. До свидания, Кэтрин. Да хранит вас Бог! Помните о нашей договоренности.

— Помню! Прощайте, Эндрю!

Крейтон прищипорил жеребца, и копыта прекрасного животного застучали по земле, взметая в воздух комки грязи. Кэтрин постояла, наблюдая, как он, помахав ей напоследок рукой, исчезает вдаль. Затем она расцарапала себе колени и испачкала землей платье: только после этого у нее возникла уверенность, что ее версию происшедшего примут на веру. В пыли и крови, с растрепанными волосами, она, хромая, побрела к замку, где уже была на виду у дозорных.

Достигнув ворот замка, Кэтрин постучала в них рукояткой хлыста. Изнутри раздавался лай собак, ржание лошадей и человеческие голоса. Ворота отворились — но не ради нее: из замка для поимки Эндрю выезжал целый отряд. Первое, что увидели преследователи, — Кэтрин Мак-Леод, испачканная и в кое-где разорванном платье; глазами она встретилась с Донованом.

Она стояла прямая, как тростинка, только плащ бился на ветру. Донован повернулся, чтобы отдать какой-то приказ, и направился к жене.

Кэтрин подняла руку, чтобы поправить прядь выбившихся волос, падавшую ей на глаза, и посмотрела на Мак-Адама с выражением глаз, которое он так хорошо знал: с издевкой и насмешкой.

— Это за мной?

Она показала на всадников и собак.

- Нет. Но почему ты за пределами замка, пешком?
- Лошадь сбросила.
- Лошадь! Да ты!..

Он оборвал фразу на полуслове и прищурил серые глаза.

— Набегается и вернется, — с улыбкой заявила Кэтрин и, поежившись, завернулась в плащ. Она уже глядела не мужу в глаза, а на его вооружение и мощную фигуру. Сердце у нее заколотилось при мысли, что эти люди будут гнаться за Эндрю. В отчаянии, оттягивая время, она присела перед одной из собак, поглаживая ее. Всадники ждали... Донован тоже стоял перед ними, не давая возможности выехать, — Я хотела покататься на лошади, — спокойно объяснила ему Кэтрин. — День был нервный и тоскливый, захотелось развеяться.

Он взял ее за руку, и Кэтрин не оставалось ничего иного, как пойти за ним. Заведя ее в свой кабинет, Донован закрыл дверь и вновь внимательно взглянул на нее. Кэтрин неторопливо села: ноги плохо ее держали. В комнате установилось молчание, только треск горящих поленьев нарушал тишину.

— Ты поскакала на этом чертовом черном жеребце, — сказал наконец Донован. — Представь, что ты ждала бы ребенка. Что могло произойти в этом случае?

Кэтрин, как бы удивляясь его словам, положила руку на живот.

— Но я не жду ребенка, а если бы даже и ждала, ничего страшного не случилось бы. Езда здесь ни при чем. — И неожиданно она взорвалась: — Иди к своей чертовой шлюхе! Плоди с ней ублюдков, но помни: ни один из них не будет носить твоего имени!

Он шагнул к ней, и Кэтрин подняла голову, встречая его взгляд. Остановившись, Донован отошел к камину и сел в кресло. Кэтрин встала.

— Ступай к своей Дженни. Она тебя утешит.

— Убирайся, — рявкнул Донован. — Выйди, кому говорят. Оставь меня.

Теперь Донован знал о жене все. Ему не требовалось даже спрашивать, помогала ли она Эндрю. Ясно, что помогала. Он хотел бы задушить ее своими собственными руками, хотел прикончить Эндрю Крейтона... и хотел ее, хотел больше, чем когда-либо раньше. В нем шла борьба любви и ненависти. Кэтрин смотрела на мужа, на его еще не зажившие ссадины на подбородке, синяк под глазом, разбитые в кровь костяшки пальцев.

— Милорд? — прошептала она.

— Я тебя уже предупреждал. — Он поднял глаза, но не шевельнулся. Кэтрин отступила на шаг. Медленно, очень медленно Мак-Адам поднялся и двинулся по направлению к ней, и Кэтрин, вся дрожа, ждала развязки. Донован приблизился к жене вплотную и грубо схватил ее за плечи: — Однажды может произойти так, Кэтрин, что ты окончательно оттолкнешь меня от себя, и тогда получишь то, чего так упорно добиваешься.

— Бедный, устал от своей шлюхи!

Донован молча смотрел на жену.

— А я твоей никогда не буду. Никогда!

— Уйди прочь!

Он резко оттолкнул ее. Трещина между супругами росла, превращаясь в пропасть. Какая-то пара слов, признание очевидности могли бы избавить их от этих

танталовых мук... Но произнести эти слова каждому из них мешала гордыня.

У себя в комнате Кэтрин закрыла дверь и, обессиленная, прислонилась к ней. Боже, что за пытка ее брак! Он заставлял ее тело таять от блаженства, хотя при этом не говорил ни слова любви. Прямоком от нее он способен идти к этой рыжеволосой ведьме и быть с ней... Заниматься с ней любовью... Мысли эти заставили ее застонать и броситься на постель с зареванным и злым лицом.

Донован еще какое-то время сидел в кресле, пока до него не дошло, что воины ждут его. Тогда он велел передать, что погоня отменяется. Какой был смысл в ней, если под Эндрю быстроногий черный жеребец Кэтрин? Итак, Эндрю ушел... Но уйдет ли он из мыслей и чувств Кэтрин? Или он по-прежнему будет разделять его и Кэтрин в их супружеской постели?

Жена безосновательно обвиняла его в том, что он держит Дженни в качестве любовницы. Может быть, и впрямь в ее объятиях он обретет покой? Может быть, сойдясь с Дженни, он сумеет избавиться от чар, которыми околдовала его Кэтрин? Поднявшись на ноги, Донован вышел из кабинета и с выражением мрачной решимости на лице двинулся в сторону комнаты Дженни, пытаясь убедить себя в том, что желает только ее... Но в действительности он не мог выбросить из головы мысли о жене, о ее горячем теле, ее страстности, ее жарком дыхании и порывистых объятиях. Чего же, Господи, она еще добивается? Ведь они достигли всего, о чем только могут мечтать супруги! Что ж, он изгонит ее из своего сознания, из сердца, покончит с этим наваждением раз и навсегда. Донован остановился перед

дверью бывшей любовницы. Все так просто: войти и... Дженни красива, хочет его и жаждет упрочить свое положение при дворе, в чем он вполне может ей помочь...

Мак-Адам взялся за дверную ручку, он тут же отдернул пальцы; обругав себя за слабование, он прошел к двери своей комнаты и распахнул ее, ожидая найти там Кэтрин. Но комната была пуста. Донован огляделся. Присутствие Кэтрин ощущалось в каждой вещи, в каждой мелочи. Казалось, она где-то здесь, рядом... Но Донован не мог забыть ее слов: «Ты овладел моим телом, но душой я никогда не буду тебе принадлежать». Навязчивая мысль снова начала мучить его. Это было как белая горячка — мысль об Эндрю и Кэтрин. Ведь его жена помогла убежать своему любовнику... вернее — возлюбленному!

Донован подошел к двери комнаты, смежной с комнатой Дженни, и медленно задвинул засов. Затем взял со стола флягу с виски; может быть, хмель положит конец той неразберихе, что царила в его голове. Он сел у догорающего огня в камине и взгромоздил ноги на скамью перед собой, намереваясь хорошенько напиться. Хоть на какое-то время он вытеснит мысли о Кэтрин из своего сознания.

Через некоторое время Кэтрин вернулась в спальню. Первый взгляд ее был на дверь, ведущую к Дженни. К ее удивлению, она была заперта на засов... Затем Кэтрин заметила спящего в кресле Донована. Увидев перед ним пустую флягу, она все поняла. Улыбнувшись, Кэтрин разделась, легла и быстро уснула безмятежным, мирным сном.

Хермитидж, куда бежал Эндрю, был местом, где он намеревался встретиться с шотландцами-заговорщиками; ему пришлось ждать целую неделю, пока все предатели подписали соглашение и отдали свои экземпляры. Целую неделю! А это значило, что до венчания Энн оставалось совсем немного... Сидя в тихой, полутемной комнате, Крейтон пытался сохранить невозмутимость. От свечи по стенам двигались гигантские тени. Лорд Флеминг сидел, сложив руки и поблескивая бегающими глазами. Эндрю отпил эля, ожидая, что тот ему скажет.

— Все изменилось, — сказал Флеминг. — Яков теперь король, а с ним началась новая эпоха. Он романтик, полон страсти, горяч. Он отменный ездок и страстный чтец. Великие деяния гомеровских героев, споры греческих философов... Он читает «Хроники» Фруассара, «Энеиду» Вергилия, изучает историю, истолковывает Священное Писание. Он увлекается новомодной теорией некоего Колумба, доказывающего, что есть иной, кратчайший путь в Индию. Он осыпает своими милостями печатников Эдинбурга. И тем не менее, — лукаво сказал Флеминг, чуть наклонившись вперед, — он не тот человек, которым можно манипулировать. Зато он смертен... Мы подготовили все, что вы желали, сэр Крейтон.

Эндрю кивнул и взглянул на бумаги, которые лорд Дуглас достал из ларца. Он был последним, чья подпись должна была стоять на документе. Подписав его, тот отбросил перо и присыпал документ песком. Эндрю удовлетворенно улыбнулся:

— Все отлично, милорды. Вы будете щедро вознаграждены, могу вас заверить. Теперь наш договор необходимо доставить в Лондон.

На лице лорда Дугласа появилось выражение неуверенности и страха. Он неожиданно поднялся.

— Мне придется покинуть вас. У меня сегодня ужин в покоях короля.

На пальце его осталось чернильное пятно, и он потер его, словно стремясь стереть с себя клеймо измены. Затем он вышел.

— Он немного боится, сэр, и на то есть причины, — сказал Флеминг. — Его вражда со Стюартами носит давний характер. Два Дугласа несколько лет назад, при отце нынешнего короля, были убиты в Эдинбургском замке. Кроме того, дед Якова убил деда Дугласа, которого он пригласил к себе в покои. Борьба между Дугласами и короной за влияние в пограничье — давняя история, но в настоящее время естественно, перевес на стороне короля. Итак, Хермитидж ваш; пусть он будет еще одной жемчужиной в английской короне.

Флеминг упивался своим красноречием, и Крейтон почувствовал, как в нем начинает расти отвращение к этому человеку.

— Но большинство шотландцев, — медленно сказал он, — предпочтут умереть, но не склониться перед англичанами.

— Верно, — согласился Флеминг, — но нас не должно волновать, что там думает большинство шотландцев.

Все прошло так гладко, что Эндрю даже почувствовал разочарование. Взять молодого короля или его юного брата в заложники и от его имени управлять

государством — дальше этого не шли замыслы беспринципных царедворцев. Прикрываясь ребенком, они могли бы держать в своих руках всю страну. Флеминг уже прикончил одного монарха.

— В конце концов, с Яковом тоже может что-то случиться, — продолжал Флеминг, — он такой отчаянный! И до меня доходят слухи о том, что варево варится, зреют новые мятежи. Короля могут убить, а не его, так кого-нибудь из его друзей — Патрика Хепберна или Донована Мак-Адама... — Ему не требовалось пояснять, что эти люди стоят у него на пути, — это и без того было ясно.

Эндрю приподнялся.

— Мне также нужно ехать.

— Итак, мы друзья?

— Надеюсь, — ответил он. — Мы поможем друг другу, и да сбудется Божье предначертание.

Эндрю ходил по опустевшей комнате: итак, у него на руках все, что ему нужно. Оставалось найти путь к Доновану, вступить с ним в переговоры, да так, чтобы тот не успел его прикончить, прежде чем он изложит ему суть дела. Предстоит дальняя поездка: необходимо отвезти документы в Англию и добиться того, чтобы судьба Энн была включена в условия сделки!..

Крейтон достаточно отдохнул за эту неделю и смог на быстроногом скакуне ночью достичь пограничья. Пока все идет как нельзя лучше, подумал он. Эндрю не знал, что назревают события, которые сильно повлияют на его судьбу.

Мэгги и ее сестры Юфимия и Сибилла завтракали в обществе Кэтрин и Энн. Подали высокие, тяжелые

золотые кубки, в которых плескалось вино. Мэгги подняла свой кубок и сказала:

— Давайте выпьем за здоровье короля!

Женщины поднесли кубки к губам и выпили; правда, Энн и Кэтрин только пригубили. Вдруг Мэгги вскрикнула, вскочила и опрокинула кубок, так что вино разлилось по белой скатерти. Затем, перегнувшись через стол, она выхватила кубки из рук Энн и Кэтрин. Один из слуг вскрикнул: кубок Юфимии был пуст, а сама она медленно валилась на пол, содрогаясь в конвульсиях.

Энн и Кэтрин, забыв о себе, метнулись к Мэгги.

— Позовите короля! — крикнула Кэтрин.

Руки у нее дрожали. В вино, перед тем как подать, опустили зуб акулы, а стало быть, как все свято верили, оно не могло быть отравлено.

— Врача! — закричала Энн; голос ее срывался от ужаса.

Мэгги все еще стояла, опираясь на стол, и не падала лишь потому, что Кэтрин удерживала ее обеими руками.

Внезапно портьеры раздвинулись, и стремительно вошел Яков, пнув ногой стул, оказавшийся на его пути, не замечая лежавшей на полу Юфимии, короткого вскрика Сибиллы, топота ног в коридоре; он подхватил Мэгги на руки и вынес ее из зала, где на полу уже бездыханными лежали ее сестры...

— Милая моя, милая моя! — повторял король.

Он опустился на стул, держа Мэгги на коленях; она прижималась к нему, чувствуя, как ее ноги сводит судорогой. Мэгги уже не могла говорить. Появился дворцовый лекарь.

— Милорд, ей следует немедленно очистить желудок!

Кэтрин, пересиливая острую резь в животе, побежала за чашей; король тем временем опустил голову Мэгги, разжал ей зубы и сунул два пальца в рот, понуждая к рвоте. Теперь оставалось только положиться на милость Божию. Рот Мэгги вытерли полотенцем, смоченным в розовой воде.

— Я перенесу тебя на кровать, — сказал Яков; голос у него дрожал от волнения.

— Нет, не надо, — прошептала Мэгги.

Она хотела оставаться подле Якова, ибо чувствовала, что ее ждет. В соседнем зале уже укрывали белыми скатертями тела Юфимии и Сибиллы. Служанки и фрейлины плакали, Яков слышал их рыдания, и сердце его рвалось на части.

Кэтрин и Энн всего лишь пригубили вино, но и они чувствовали такую боль, словно наглotalись битого стекла. Сестры, охваченные ужасом, ждали, что с ними будет дальше.

Глаза Мэгги сомкнулись, лицо прояснилось и навек застыло. Яков уложил тело любимой на кровать и накрыл белой простыней. Поцеловав ее в щеку, он опустился на колени и положил голову на подушку рядом с ее; его широкие плечи затряслись, и сестры слышали, как король рыдает.

Остаток дня Яков провел рядом с телом Мэгги, отказываясь от пищи и питья; никто не решался подойти к нему...

Энн два дня недомогала; организм ее боролся с ядом. Вечером, когда ей рассказали о горе, в котором пребывает Яков, она поднялась с постели и на дрожащих, подгибающихся ногах по темному коридору

прошла в комнату, где над телом Мэгги неусыпно бодрствовал Яков.

Слезы подступили к глазам Энн при виде горя, в котором пребывал этот сильный и властный человек. Казалось, он не заметил девушку даже после того, как она опустилась на колени рядом с ним. Веки у него покраснели и распухли, лицо покрылось щетиной; казалось, что он на грани помешательства.

— Милорд! — тихо обратилась Энн.

— Выйдите отсюда! Оставьте меня одного...

— Не могу, сир. Я пришла, чтобы подготовить Мэгги в последний путь.

— Нет!

— Сир, Мэгги опечалилась бы, увидев вас сейчас... Неужели вы не любили ее, и поэтому лишаете права быть погребенной, чтобы душа ее могла обрести покой?

Укор проник в сердце Якова, и он перевел свой лихорадочный взгляд на Энн. Рука его выскользнула из руки Мэгги, и король поднялся.

— Что вы знаете о моей любви к ней! — прорычал он. — Что вообще осталось хорошего в моей жизни после того, как рука изверга похитила ее у меня?!

— Да, сир, но как быть с Мэгги? Неужели вы предоставите ее тело тлению на земле? Разве она заслужила это? Мэгги ушла от нас, но она остается в вашем сердце, милорд. Отдайте ей последнюю почесть!

Голос Энн звучал тихо и проникновенно.

— Не могу, — задыхаясь, сказал он. — Не могу. Как мне жить, если рядом не будет ее — ее улыбки, ее тепла, ее любви?! Не могу...

— Поймите, сир, немногим суждено испытать такую любовь, что соединила вас и Мэгги, пусть даже

на столь короткое время. Сохраните ее! И позвольте нам предать останки Мэгги земле!

Последние слова Энн прорвались сквозь рыдания, и Яков понял, что Энн страдает вместе с ним, что есть человек, способный понять и разделить то горе, которое грозило раздавить его. Протянув девушке руку, он медленно осел на пол; Энн опустилась на колени рядом с королем.

— Я виноват в том, что она лишилась жизни, — прошептал Яков. — Они хотели убить меня, но промахнулись, вот и все. Ведь обычно Мэгги завтракала наедине со мной!

Потом он долго молчал и, продолжая держать Энн за руку, незаметно погрузился в спасительный сон. Задолго до рассвета Яков проснулся и поднял голову, чувствуя некоторое облегчение.

— Вы сидели так всю ночь? — спросил он Энн.

— Вы нуждались во мне, сир, — просто ответила девушка.

— Я так ее любил...

— Да, милорд. Я знаю.

Яков повернулся к ней и понял, что Энн говорит правду.

— И что же мне тогда остается?

— Быть королем!

Он глубоко вздохнул.

— Да... вероятно, вы правы. У вас такое же чуткое и доброе сердце, как и у нее, леди Энн...

— Я просто желаю мира вашей душе, милорд. Вы разрешите позвать девушек, чтобы мы смогли собрать Мэгги в ее последний путь?

Яков долго молчал, затем медленно поцеловал холодные губы Мэгги и встал.

— Хорошо... Спасибо за все, леди Энн... Вы можете обращаться ко мне в любое время.

Яков повернулся и побрел из комнаты. Энн молча смотрела ему вслед, и сердце у нее сжалось: Яков мог стать добрым и великодушным королем, но полюбить вновь — никогда.

Пятью днями позже Яков Стюарт, поднявшись из кресла, подошел к окну. Солнце уже садилось, и в нескольких милях отсюда, в Дамблейнском аббатстве, служили мессу по Мэгги Драммонд.

Ее могила была средней: справа и слева обрели свое последнее пристанище ее сестры. В ушах короля все еще звучало пение над могилой любимой. Страна притихла, потому что Яков отдал приказ: никаких празднеств, никаких пиров — ни по случаю крестин, ни по случаю свадеб — в ближайшие три месяца.

Энн благодарила судьбу за дарованную отсрочку, хотя и мучилась из-за того, что невольно пользуется следствиями трагедии. Ей хотелось дать знать обо всем Эндрю — ведь он уверен, что она вот-вот будет обвенчана.

Джеффри Спэрроу, не отрываясь, смотрел на ходившего по комнате Эндрю, так изменившегося за это время. Тот был вне себя, и причиной гнева стал его собственный король. Получив в руки улику против изменников, Генрих Тюдор и его советники мудрили и колдовали над условиями будущего договора с Яковом. Дни становились все короче, и Эндрю не находил себе места: через два дня Энн будет обвенчана!

— Эндрю, сядь. Что толку метаться, все равно дело от этого не ускорится.

— Черт возьми, дружище, неужели ты не понимаешь? Времени не остается, времени! Для Энн время отсчитывает последние часы. Она лишилась последней надежды. Если бы только можно, было, хоть как-то повлиять на Якова или Мак-Адама, остановить свадьбу. В конце концов...

Он осекся от стука в дверь.

— Войдите, — крикнул Джеффри.

Вошедший человек по очереди поклонился Джеффри и Эндрю.

— Только что прибыл гонец из Шотландии, сэр Джеффри. Он говорит, что имеет срочное сообщение для вас.

Эндрю и Джеффри обменялись взглядами.

— Немедленно зови, — приказал Джеффри.

Гонец оказался юношей, едва державшимся на ногах от изнеможения.

— Новости? — спросил Джеффри Спэрроу.

— Да, сэр. Важные известия из Шотландии.

— Ну?!

— Яков в трауре, три месяца он никого не принимает. Государственная жизнь в стране на ближайшее время замрет.

— В трауре? — резко переспросил Эндрю. Холодок предчувствия пробежал у него по спине. — По кому траур?

— По леди Мэгги Драммонд, сэр.

— Мэгги? — выдохнул Эндрю. — От чего?

— Отравлена, сэр. Как я мог понять, ей и ее подругам, и сестрам подали за завтраком отравленное вино.

— Имена! — крикнул Эндрю.

Сердце у него застучало так, будто хотело вырваться из груди.

— Сестры — леди Мэгги, леди Юфимия и леди Сибилла...

— И?..

— Леди Кэтрин и леди Энн Мак-Леод.

— Боже всемилостивый! — пробормотал Эндрю, падая в кресло. Лицо у него побелело, руки сжались. — Они умерли?

— Не знаю, сэр.

Эндрю вскочил на ноги, схватил гонца за воротник и встряхнул.

— Какого черта ты не знаешь?

— Эндрю, отпусти его! — предостерегающе крикнул Джеффри.

Эндрю отпустил испуганного гонца, который тут же отпрянул в сторону, подальше от этого безумца.

— Продолжай, — сказал Джеффри.

— Когда я уезжал, леди Юфимия, леди Сибилла и леди Мэгги скончались. Что касается леди Кэтрин и леди Энн, то и они были плохи. Я не знаю, умерли ли они... Скорее всего, да. Яд был просто убийственным, сэр.

Эндрю почувствовал, что силы его оставили. Он мог бороться за Энн с людьми, но со смертью бороться бесполезно...

Джеффри жестом отпустил гонца и повернулся к другу. Никогда он не видел его в таком отчаянии: тот

сидел, уронив голову на руки, чувствуя себя так, будто весь мир рухнул.

— Эндрю!

— Мне нужно ехать, — сказал Крейтон, вставая.
— Я скачу обратно. Я должен знать.

— Не понимаю. Если леди Энн мертва, что толку от твоей поездки? Без доказательств заговора в руках ты будешь схвачен и без долгих слов казнен.

— Я должен знать, что с Энн! Не уговаривай меня остаться. Меня уже ничто не остановит, потому что Энн для меня все, — ожесточенно сказал Эндрю, — ведь я так люблю ее!

— Могу я что-то для тебя сделать?

В голосе Джеффри звучало сочувствие.

Эндрю, испытывая благодарность к другу, покачал головой:

— Нет. Я скачу в Хермитидж; там я узнаю обо всем. Пришли туда человека со всеми необходимыми бумагами, когда они будут подготовлены. Я сделаю все, чтобы осуществить ваши замыслы, но сперва я должен узнать, жива ли Энн.

— Счастливого пути, Эндрю. Я буду молиться за здоровье твоей леди.

— Я тоже. Но если она... если она не выздоровела, не жди моего скорого возвращения. Я не знаю, чьих это рук дело, но сделаю все, чтобы он или они больше не жили на свете.

— Но мы же пытаемся добиться мира. Если же ты что-нибудь натворишь...

Эндрю гневно взглянул на Джеффри.

— Если Энн умерла, меня не будет интересовать, что за человек ее убийца; в любом случае он умрет, и да будет проклята вся ваша политика!

— Я понимаю твои чувства, но...

— Не надо, Джеффри. Ты не можешь знать, что я чувствую. Нет в Англии человека, более преданного королю, чем я. Ты свидетель, что я никогда ничего не просил и делал все ему во благо. Но не кажется ли тебе, что ты и наш государь требуете от меня слишком многого?

— Ты что, готов пожертвовать ради нее жизнью?

— Да, я, ни на секунду не задумываясь, обменял бы свою жизнь на ее, если бы это было возможно. — Эндрю шагнул к двери. — Я буду в Хермитидже. Присылайте бумаги, и я немедленно встречусь с Яковом Стюартом, Патриком Хепберном или даже с этим чертовым Донованом Мак-Адамом, чтобы осуществить ваши планы. Но не жди моего возвращения раньше, чем виновника всего происшедшего постигнет заслуженная им участь.

Эндрю ушел, и Джеффри долго глядел на закрывшуюся дверь. Он, дипломат, виртуоз политических хитросплетений, человек, заправлявший делами в королевстве, молился за здоровье и благополучие девушки, пленившей сердце его друга.

Эндрю мчался как вихрь; его лошадь была в пене и, хотя он еле держался в седле, все скакал и скакал. Кошмарные видения, одно страшнее другого, стояли перед его глазами. Была глубокая ночь, когда он добрался до Хермитиджа. Оставив лошадь в конюшне, он пересек внутренний двор тамошнего замка. Он

ожидал найти в нем многих из числа заговорщиков, но, к его величайшему удивлению, там были одни слуги.

Где же Флеминг и Дуглас? Он опросил слуг и узнал, что лорды отбыли на следующее утро после его отъезда. Теперь у Эндрю не оставалось сомнений, что именно они причастны к трагедии, потрясшей Эдинбург.

Но он должен был получить ответ на целый ряд вопросов, а для этого продумать, как заманить своих лжесоюзников в мышеловку. В случае своего возвращения в королевский замок он не успеет сказать и слова, как окажется в тюрьме, и на этот раз его пребывание там окажется куда более коротким... О происшествии при дворе слуги не могли сказать ничего сверх того, что Эндрю уже знал. Да, произошла ужасная трагедия, подтвердили они. Да, Яков потерял свою Мэгги... Что с леди Кэтрин и леди Энн?.. Да Бог их знает!

Он приказал принести вина, коротая время в ожидании приезда Флеминга и Дугласа, но каждая минута ожидания давалась ему с величайшим трудом. Едва он выпил, как пронзительно ясное воспоминание об Энн заполнило его сознание. С первой встречи он понял, что встретил красавицу, о которой не смел и мечтать. Эндрю воскресил в памяти волшебную ночь, когда девушка пришла к нему, доверилась ему, любила его сильнее и бескорыстнее, чем могло бы присниться в самом прекрасном сне...

Эндрю горько посмеялся над своими самоуверенными и бесполезными обещаниями: «Я вырвусь на свободу, я вернусь за тобой!» Почему, черт возьми, он не взял ее с собой? Только в Англии он смог бы укрыть Энн в своем

доме и спокойно возвратиться в Шотландию для того, чтобы закончить свою миссию.

Со двора донесся стук копыт и голоса. Кто-то прибыл. Во дворе и в коридорах поднялась суматоха, и спустя какое-то время в комнату вошли Дуглас и Флеминг.

— О-о! Сэр Эндрю! — сказал Флеминг. — Вы... э-э... уже все уладили в Англии?

— Да, дело сделано. Король более чем доволен и известит о своем решении в самые короткие сроки. Я с минуты на минуту жду посыльного. После этого... После этого можно начинать.

Эндрю тщательно выбирал каждое слово, избегая в эти тяжелые для него минуты лгать и притворяться. Сейчас ему во что бы то ни стало нужно, было, узнать то, что его интересовало больше всего.

— Если не ошибаюсь, за время моего отсутствия при дворе Якова произошло неожиданное происшествие?

— Неожиданное? — криво улыбнулся Флеминг. — Да, разумеется, всякая смерть неожиданное событие.

— Но вас оно, кажется, не удивляет, — попытался улыбнуться Эндрю, с трудом удерживаясь от того, чтобы всадить Флемингу в грудь кинжал. — Одна смерть не удивляет. Но тут сразу пять, лорд Флеминг.

— Пять?

— По крайней мере, я так слышал, — бросил Эндрю в отчаянной надежде.

Дуглас и Флеминг обменялись взглядами. Эндрю готов был на месте убить обоих.

— Мой дорогой Эндрю! Вам следует пойти с нами. Мы хотим вам кое-что показать.

— Что именно?

— Сейчас все увидите. Вы будете заинтригованы, обещаю вам.

Эндрю Крейтон поднялся и прошел за ними. Он был до крайности озадачен и раздражен, не получив немедленного разъяснения. Когда они вышли во двор, Эндрю остолбенел, не веря собственным глазам...

Флеминг хихикнул:

— Кажется, мой дорогой английский друг, у нас сегодня гости.

23

Если Эндрю был вне себя от ужаса, что Энн отравлена, то в не меньшей степени был поражен Донован, когда ему принесли весть об отравлении жены.

В первый момент он не понял, о чем ему говорят, и на бесконечное, тягостное мгновение решил, что Кэтрин умерла. Он бросился к ней, чувствуя, как переполняет его ярость. Непреодолимое желание убить виновного жгло его душу. Когда он добежал до комнаты, где женщины завтракали, Мэгги уже была на руках у короля, а вокруг Кэтрин и Энн беспомощно суетились служанки. Растолкав их, Донован подбежал к Кэтрин, бессильно прислонившейся к дверному косяку, и увидел ее белое лицо и мелкие капельки пота на лбу. Обхватив себя руками и стиснув зубы, она раскачивалась от нестерпимой муки, пронзившей ее тело.

Энн, такая же бледная, сидела на стуле и дрожала, охваченная ужасом. Лекарь сказал, что они выпили слишком мало для того, чтобы умереть на месте; но, может быть, они умрут не сразу, а медленно?

— Кэтрин! — выдохнул Донован.

Жена с трудом подняла к нему глаза, в которых впервые в ее жизни отразился неподдельный страх. Донован сразу же распознал его и был потрясен. Он не даст ей умереть! Не позволит! Не может позволить! Подхватив жену на руки, он пронес ее по коридорам в свою комнату и положил на кровать, заботливо опустив голову на подушки. Сознание лихорадочно работало. Чем помочь Кэтрин, как избавить ее от страданий, написанных на ее лице?

Донован велел приготовить теплый раствор соды, чтобы вызвать у нее рвоту: ему никто не сказал, что при помощи лекаря она уже очистила желудок. Схватив шерстяное одеяло, он укутал им бьющуюся в ознобе жену, а сам лег рядом, пытаясь согреть ее теплом своего тела. Прислуге он приказал удалиться: допустить, чтобы кто-то посторонний стал свидетелем смерти Кэтрин, он не мог.

Женщина тихо застонала, и в тишине комнаты этот звук прогремел для Донована как раскат грома.

— Кэтрин... Кэтрин, любимая, ты меня слышишь?

— Да, — прошептала она, испуганная непривычной дрожью в его голосе.

— Ты выпила весь кубок вина?

— Нет.

— Сколько ты выпила?

Кэтрин судорожно вздохнула от очередного приступа рези в желудке.

Донован еще крепче обнял ее.

— Кэтрин, ты должна мне ответить. Сколько ты выпила?

— От силы... глоток... может быть, два.

В душе Донована вспыхнула надежда. Если так, он должен бороться за ее жизнь.

— Слушай внимательно, Кэтрин, — сказал он настойчиво, твердо и ласково беря жену за руку. — Мы еще сразимся со всей этой дрянью, ты и я, и обязательно возьмем верх. Ты не умрешь. Я этого не допущу. Но ты должна делать все, что я тебе скажу.

Чуть приоткрыв глаза, Кэтрин старалась сосредоточить взгляд на лице мужа и понять смысл того, о чем он говорит.

— Я... я попытаюсь.

Кэтрин была во власти страха и боли, но над ней возвышалась широкоплечая фигура Донована, и она потянулась к нему как к последней надежде. Он обтер с ее тела ядовитую испарину, снова завернул в одеяло, прилагая все усилия для того, чтобы не дать жене провалиться в смертную дрему: несмотря на все стоны и попытки сопротивления, Донован поставил Кэтрин на ноги и, поддерживая под руки, заставил пройти несколько раз по комнате.

Так прошло несколько часов, и Донован почувствовал, что к жене начинает возвращаться жизненная энергия, голос становится громче, слова более осмысленными; только тогда он позволил ей лечь в кровать.

Кэтрин впала в тяжелый и беспокойный сон, а он, бодрствуя, остаток дня и ночь провел у ее постели. Всю ночь Кэтрин спала, и Донован с облегчением видел, как на щеки ее возвращается румянец, а дыхание выравнивается. К утру опасность миновала, и тогда Донован раздел ее и скользнул под одеяло рядом с ней. Обвив жену руками, он неотрывно думал о том, что

стоял на шаг от того, чтобы навсегда потерять ее. Какое значение имело, любила она его или нет, любила или нет Эндрю; все это отступило назад, потому что она была его женой, и он не мог позволить ей уйти из жизни. Чего-чего, а уж пресности и скуки в их совместной с Кэтрин жизни не было, нет и быть не может, с мрачным юмором подумал Донован. Он подумал и о детях, которые у них родятся, и мысль эта необычайно взволновала его: это будут чудесные дети, если им будут даны хотя бы половина ума и храбрости их матери.

Странно, но, по мере того, как тревога за жизнь Кэтрин отступала, у Донована начала кровоточить старая душевная рана: его жена и Эндрю, английский агент, красавец и умница. Донован выругался, обещая себе, что, если им суждено вновь встретиться на узкой тропе, он не отпустит его живым. «Будь ты проклят, шпион. Неужели ты, как призрак, до конца дней будешь стоять между нами? Неужели ты до конца будешь таиться от меня в том уголке ее сердца, куда она меня не пускает? Будь ты проклят!»

Кэтрин снились путанные, беспокойные сны. Туманное утро, звуки музыки и пляски, и она, пробежав сквозь туман, взбирается на своего любимого черного жеребца. Кто-то скачет рядом, но кто, не разглядеть. Единственное, что она слышит, это хрипловатый низкий смех всадника и свое имя, кем-то произносимое шепотом. А потом она уже не скакала. Жеребец стоит на привязи рядом, а она ждет. Чего ждет — непонятно. Всадник тоже спешил. Вокруг него клубится туман, и он стоит неподвижно, затем протягивает руки и

произносит: «Кэтрин»... Ей хочется идти к нему. Каким-то шестым чувством она понимает, что сейчас на все свои вопросы может получить ответы, все проблемы могут быть решены, но земля между ними вдруг разверзается и их разделяет глубокая пропасть... Затем все это исчезает, закружившись, словно узоры в калейдоскопе, и остается одна боль...

Кэтрин заморгала, потом открыла глаза. Утреннее солнце струило лучи сквозь стекла. Сперва она ничего не понимала, и потребовалась минута, чтобы она вспомнила, где она и что с ней произошло. Повернув голову, она взглянула на окно и увидела стоящего у него мужа. Судя по всему, Донован не спал всю ночь. Он был одет, но с такой небрежностью, что было очевидно: натягивая одежду, он думал о чем-то совершенно другом.

Отрывки воспоминаний о вчерашнем дне начали всплывать в ее памяти, но о самом страшном моменте, когда она мучилась от страшной боли и страха смерти, память, щадя ее, отказывалась рассказывать.

Донован наслаждался ясным утром и не замечал, что жена его пришла в себя. Он знал, что выиграл битву за ее жизнь, но теперь предстояло выиграть битву за нее саму.

— Донован!..

Он обернулся, и Кэтрин успела заметить в его глазах проблеск тепла, желания... и чего-то еще. Но через мгновение он уже контролировал выражение своего лица, напустив на себя холодность и отчужденность. Кэтрин вновь ощутила тяжесть на сердце. Если бы муж смог отказаться от своей надменной гордости и

произнести хотя бы одно слово любви! Увы, она знала, что это невозможно, а значит, их борьба должна продолжаться...

Донован подошел к кровати и сел.

— Кэтрин... Как ты себя чувствуешь?

— Очень... очень слабой... И пить невыносимо хочется.

Донован поднялся, подошел к столику, налил воды в кубок и вернулся. Кэтрин улыбнулась, беря чашу двумя руками.

— Да, это получше вина. Не знаю, смогу ли когда-либо снова пить его. — Она сделала жадный глоток. — Донован... Мэгги умерла?

— Да. Яков безутешен. Вы с Энн в рубашке родились, а вот сестры Драммонд — нет.

— Да... Ужасно. А король?..

— Раздавлен горем.

— И что же он собирается предпринять?

— Что предпринять? Увы, концы потеряны, и кто преступник, сейчас уже не определишь. Если бы удалось найти отравителей, думаю, он бы убил их собственными руками.

— И я бы его не обвинила, — порывисто сказала Кэтрин.

— Я тем более, — тихо сказал Донован.

Он подумал, что, если бы Кэтрин умерла, он бы весь свет перевернул, но отыскал виновных.

— Тебе надо подкрепиться! Ты в состоянии позавтракать?

— Попробую. — Он направился к двери. — Донован?.. — Он обернулся к жене. — Я почти ничего не помню... Это ты меня спас?

— Я делал то, что надо было делать. Была такая суматоха... Одного лекаря на всех не хватало, и сперва он занимался только Мэгги. Сестры умерли сразу, а когда умерла и Мэгги, он переключился на Энн.

— Ты даже не позволишь мне поблагодарить тебя?

— Тут говорить не о чем, Кэтрин! Ты моя жена...

— Да... твоя жена.

Голос ее дрожал.

— Кэтрин?

— Что?

— Я этого не забуду, как не забуду ничего и никого. Запомни это...

Он ушел, и Кэтрин закрыла глаза. Слезы из-под смеженных век заструились по щекам, и она их даже не вытирала.

Потребовалось еще два дня, прежде чем Кэтрин смогла с трудом встать с постели. Но и теперь она чувствовала себя неуверенно, испытывая приступы слабости. После того как она сделала под наблюдением мужа несколько шагов, Донован поднял ее на руки и перенес к окну, где она могла наслаждаться свежестью ветерка и солнцем.

Кэтрин чувствовала, как сердце у нее начинает часто стучать от его прикосновений, как вместе с его теплом в нее по капле переливается его сила. Но никто из супругов не мог найти нужных слов, никто не решался первым перекинуть мост через разделявшую их полосу отчуждения.

Прошел еще день, прежде чем Кэтрин поняла, что Донован нянчится с ней, как заботливая мать; после этого каждое его прикосновение пугало ее и выбивало

из седла. Всякий раз, когда они оказывались вместе, она хотела его все больше и больше, но непримиримая гордыня не оставляла ей пути к отступлению.

На следующий день нервы Кэтрин были уже на пределе. Она решила, что ей необходимо какое-то время держаться от мужа в отдалении, чтобы не сказать ему слов, о которых она потом наверняка пожалеет.

Вечером ее навестила Энн. Несмотря на бледность, она чувствовала себя хорошо и с радостью отметила, что сестра тоже совершенно поправилась.

— Кэтрин, как здорово, что у тебя вновь твой прежний цветущий вид!

— Да и ты, кажется, не можешь пожаловаться на самочувствие. Ты даже не представляешь, Энн, как я рада видеть тебя.

Энн уселась подле Кэтрин возле огромного камина.

— Все было так ужасно, Энн... Мы слишком долго не были в нашем отеческом доме, и мне беспокойно. Я понимаю, слуги обо всем позаботятся, и все же... Я хочу вернуться туда на день-два.

— О, Кэтрин, разумеется, мы поедem, если ты хочешь. Я как раз собираюсь возвращаться домой завтра утром. Поездка верхом и свежий воздух пойдут нам только на пользу. Но с тобой действительно все в порядке, Кэтрин?

— Разумеется. Просто мне, как ты правильно сказала, требуется движение и свежий воздух. Энн!..

— Что?

— Я... мне хотелось бы, чтобы никто не знал об этом. У нас и без того целый век не было возможности поговорить по душам!

— Конечно, я буду молчать, если ты просишь. Но... как быть с Донованом?

— Ему не говори в первую очередь. Ему... ему тоже потребуется время, по крайней мере, сейчас. У меня нет готовых ответов. Просто я хочу от всего отдохнуть.

— Хорошо. Завтра мы едем.

— Спасибо, сестра, — тихо сказала Кэтрин и положила свою руку на ладонь Энн. — Энн, а что с тобой и... с Эндрю?

— Эндрю... — повторила Энн, и глаза ее подернулись дымкой. — Эндрю уехал и не вернется. Ничего у нас с ним быть не может и мне, как и тебе, предстоит покориться судьбе...

Вошла молоденькая служанка с подносом и едой для Кэтрин. Поставив поднос на стол, она медленно побрела к двери. Энн и Кэтрин возобновили разговор, не называя никого по имени: они прекрасно понимали, что у стен в замке есть уши и что языки у молоденьких девушек из прислуги, что помело.

Служанка по возможности долго потопталась в комнате, поправляя вещи, вытирая пыль и жадно прислушиваясь к каждому слову тихого, но ясно различимого разговора; не услышав ничего нового для себя, она закрыла дверь и медленно пошла по коридору к себе. Погруженная в мысли, она едва не столкнулась с Донованом.

— Лорд Мак-Адам!

Донован, словно не замечая игривого блеска в глазах девушки, спросил мимоходом:

— Ты принесла леди Мак-Адам ужин?

— Да, сэр.

— Она встала?

— Встала и оделась, сэр. У нее сестра, леди Энн.

— Ага, понятно... Надо думать, леди Энн поспешила поделиться последними новостями и сплетнями. — Он улыбнулся, скрывая нетерпение, и вынул из кошелька монету. — И что же это за сплетни, хотелось бы знать?

— Ничего интересного, сэр, — сказала служанка, решив, что хозяин хочет знать отзывы о себе самом, что естественно, ведь они так недавно женаты! — Так, разговоры об английском шпионе, том, что недавно бежал. Когда я уходила, они говорили о нем.

Донован, остолбенев, стоял и смотрел, как девушка, взяв монету, уходит. Итак, Эндрю остался в сердце Кэтрин. Донован медленно двинулся в сторону спальни, исполненный решимости раз и навсегда вычеркнуть Эндрю Крейтона из своей жизни.

Он буквально вломился в комнату, и вид сестер, отпрянувших друг от друга, лишний раз убедил его в своей правоте. Энн медленно встала и улыбнулась. Она единственная из присутствующих понимала, что вся беда этих двоих в том, что они любят друг друга, но не хотят в этом признаться.

— Лорд Мак-Адам? — сказала она.

— Леди Энн? — ответил он, не отрывая глаз от Кэтрин. — Прошу прощения, что я помешал вашим посиделкам, но мне нужно поговорить с женой наедине.

— О да, разумеется.

Энн почувствовала укол жалости к этому сильному, гордому и могучему человеку, охваченному влечениями и чувствами, которых он сам не понимал. Энн пожала

руку сестре и, покинув комнату, тихо затворила за собой дверь.

— Ты выглядишь значительно лучше, Кэтрин, — улыбнулся Донован, — Этот румянец на твоих щеках — след возбуждения?

— Чем же я могу быть возбуждена, милорд? Я обязана тебе жизнью и ценю этот подарок!

— И у сестры твоей цветущий вид. Наверное, вам нашлось о чем с ней поговорить?

— С каких пор тебя начали волновать женские разговоры? У тебя на плечах столько важных дел, столько своих собственных хлопот!

Кэтрин повернулась к окну.

— Донован! — вдруг сказала она, не поворачивая головы.

— Да?

Он сел в освободившееся кресло и откинулся в нем, разглядывая жену. Луна только что взошла из-за горизонта, и в ее свете он мог видеть очерк фигуры и блеск волос жены. Он сидел тихо, ощущая внутри себя желание заниматься с ней любовью до тех пор, пока не сотрется всякая память об Эндрю Крейтоне... Но еще больше он желал ее не желать.

— Я бы хотела попросить тебя об услуге, — сказала она.

— Вот это сюрприз. Не ждал, что ты когда-нибудь попросишь меня о чем-то.

Кэтрин повернулась к Мак-Адаму, лицо у нее казалось непроницаемым.

— Я хочу вместе с сестрой вернуться домой.

Донован ждал чего угодно, только не этого.

— Ты хочешь сказать, что собираешься покинуть замок?

— Речь идет о какой-нибудь паре дней. До чего же мне надоело всякий раз умолять тебя, нарываясь на холодность и унижения!

— Не надо ни о чем умолять. Просто тебе, кажется, нужно лишний раз напомнить, что ты моя жена, и я не тот муж, который готов отпустить тебя куда-либо... или к кому-либо.

— К кому-либо?.. — Глаза ее расширились, и щеки покраснелись от гнева. — Ты хочешь сказать, что я... что у меня...

— ...Может быть любовник? Я ничего не хочу сказать. Я просто тебя предупреждаю.

— Себя самого предупреждай. Как там твоя красотка Дженни? Еще не забеременела? Когда же она тебе родит? Мне не пора еще готовить ей для крестин подарок?

Как ошпаренный вскочив с кресла, Донован в три шага оказался возле жены. Схватив Кэтрин за плечи, он повернул ее к себе, так что их лица оказались на расстоянии дыхания друг от друга.

— Я предупреждал тебя, что ты однажды заставишь меня обращаться с тобой так, как ты того заслуживаешь!

Увидев зловещий огонь в его глазах и ощутив исходящую от него недобрую силу, Кэтрин пожалела о сказанном.

— Отпусти меня, — взмолилась она полушепотом, глядя в глаза мужу, и увидела, как ярость сменяется другим, более осмысленным, но и более зловещим чувством. Она все же попыталась продолжить: — Ты

ведь уже взял от меня все. Имущество Мак-Леодов твое. Что тебе еще надо?

— Что мне нужно? — крикнул он. — Прекратить отрицать очевидное. Взглянуть в глаза правде.

Скажи хоть слово любви, хотелось ей закричать, скажи слово, что я для тебя значу больше, чем просто возможность позабавиться в постели. Скажи, что тебе хочется, чтобы жена, а не шлюха, согревала твои ночи! Скажи, что я не сундук и не тряпка, которую продают и покупают!.. Но этого он никогда ей не скажет...

— Сам гляди правде в глаза. Ты же меня купил! Так и не рассчитывай на что-то сверх счета!

Кэтрин с трудом удерживала слезы.

Какой-то момент их взгляды вели безмолвную схватку, затем, с подчеркнутой любезностью, Донован заявил:

— Если на то ваша воля, мадам... я получу по счету.

Руки его уже схватили Кэтрин, и рот припечатал ее губы, не давая дышать. Донован обхватил жену за талию, голова ее откинулась, и она ощутила его горячее, мускулистое тело рядом, в тоске подумав, почему так всегда должно быть. Унизительно всякий раз быть принуждаемой к этому и получать как пощечину очередное доказательство собственной слабости, когда первое же его прикосновение пробуждает в ней чувственный жар...

Донован тяжело дышал, слушая, как сердце бьется в груди, словно зверь, запутавшийся в чаще. Он вспомнил, как Кэтрин стонала в такие моменты: упоенно и бессвязно, — Кэтрин, женщина, способная сломать любого! Но тут же в его сознании вновь

пробудилась мысль об Эндрю, и он потерял над собой контроль.

Он вновь прижал ее так, что она едва успела выдохнуть его имя, сжал ее голову ладонями и поцеловал вновь, жадно и страстно, словно стремился из глубин ее извлечь и присвоить всю ее сущность, все ее существо.

Кэтрин пыталась найти слова, чтобы дать ему почувствовать ее боль и страдания при одной мысли о том, что он может быть с Дженни; но его серые глаза вновь лишили ее дара речи. Кэтрин вдруг почувствовала, что все его разговоры о Дженни не более чем слова, что любит он ее, и даже отрицать это смешно.

Тщетно пыталась она бороться с затопившими ее чувствами, оторваться от его губ... Битва вновь была ею проиграна, всякий дух сопротивления сломлен. Он ослабил свою хватку, но ее собственные руки неизвестно как и почему оказались на его плечах и обвились вокруг могучей шеи Донована...

Словно уловив момент капитуляции, он уже ласкал ее и целовал вновь и вновь. Кэтрин в последний раз попыталась собрать остатки воли, но вместо протеста издала слабый стон страсти.

Донован не мог ни о чем думать, кроме как о чуде, происходящем всякий раз, когда он держал жену в объятиях. Тело ее сдавалось... Но вся ли Кэтрин в его власти? Действительно ли эта сводящая с ума, непредсказуемая женщина всецело его в эти моменты?! Ведь когда она была в его объятиях, губы ее приоткрывались навстречу его губам, тело сладострастно изгибалось, стремясь как можно теснее

прижаться к нему! Донован не хотел ничего, только возноситься с ней на волшебные высоты страсти, где уже нет «я» и «ты», где остается лишь одна истина — слепящий свет блаженства... Он прижался к пульсирующей жилке на шее жены, в то же время освобождая ее от одежды, пробиваясь к мягкому теплу ее плоти; Кэтрин дрожала, желание переполняло ее, стремясь выплеснуться на поверхность. Она слабо застонала, прося еще, еще, еще...

Он, проникнув в нее, начал двигаться, сперва медленно, ловя каждый момент, играя с ней, дразня и возбуждая пальцами и губами, пока она не забилась под ним в страстном экстазе. В ее мире теперь не оставалось ничего, кроме него и горячих волн желания, затопляющих ее сознание; плоть Донована, казалось, превратилась в горячий, раскаленный меч, пронзающий саму ее душу, заставляющий все ее существо молить об освобождении от этой муки. Почувствовав, что она больше не в состоянии ждать, он проникал в нее глубже и глубже, вновь и вновь...

Откуда-то она слышала свой голос, свои всхлипы и мольбы; Донован шептал несвязные слова любви и желания ей на ухо, и оба утратили чувство времени.

Холодным и мучительным показалось Кэтрин возвращение к реальности; она испытывала стыд и опустошенность, и разрыдалась в безутешном горе. Она плакала, полагая, что для мужа она не более чем одно из удобств жизни, способ извлекать удовольствие!.. Как всегда, за мигот несказанного блаженства настал час сомнений и неуверенности, час расплаты.

Донован чувствовал, что жена плачет, и не мог утешить ее. Она отвернулась от него, и прошло много

времени, прежде чем смогла уснуть. Но Донован уснуть так и не смог. По мере того, как бессонная ночь тянулась, в нем начало зарождаться осознание ситуации. Да, он проиграл. Он любит ее больше, чем любил Дженни или кого-либо еще. Он не может без нее, и утром ему придется признать эту горчайшую правду. Ведь если Кэтрин любит Эндрю, то ему, Доновану, придется делать выбор: либо ее счастье, либо его право держать ее рядом с собой до конца. Завтра... завтра он придет к окончательному решению...

Перед самым рассветом Донован Мак-Адам уснул.

24

Рассвет уже позолотил утренние облака, когда Кэтрин осторожно выскользнула из кровати. Тщательно одевшись, она немедленно поспешила к Энн, которая уже не спала, что немало удивило Кэтрин. Она не знала, что сестра плохо спала с момента бегства Эндрю, долгие ночные часы молясь то за благополучие любимого, то за здоровье и счастье Кэтрин, то за саму себя, чтобы иметь силы встретить грядущие испытания.

— Кэтрин, я не ждала тебя так рано!

— Ничего, я подожду. Только поторопись, пожалуйста, Энн.

— Хорошо, — кивнула сестра.

Она оделась с максимальной быстротой, поглядывая на Кэтрин, которая в нетерпении расхаживала по комнате, как пойманная тигрица.

Кэтрин необходимо было уехать раньше, чем проснется Донован; ей хотелось побыть в своем старом доме одной хотя бы немного, а затем уже начать жизнь в

отдалении от Донована, разъезжая по всей Шотландии и навещая бесчисленных родственников.

К тому времени, когда Энн собралась, нервы Кэтрин были на пределе. Слуги и конюхи внизу в безмолвном изумлении взирали на двух юных леди, поднявшихся чуть свет и собирающихся отправиться неизвестно куда, да еще без сопровождения.

Какое-то время сестры скакали молча. Энн видела, что Кэтрин в смятении, но не считала себя вправе спрашивать о чем-то, а тем более давать советы. Та всегда играла в семье главную скрипку, держала в руках все нити управления домом, и Энн не сомневалась, что и на этот раз сестра найдет единственно правильный выход из положения.

Энн давно перестала сомневаться в любви Кэтрин к мужу; только упрямство оставалось той преградой, которую леди Мак-Адам оставалось преодолеть на пути к душевному миру и счастью. Разумеется, Энн не могла судить с той же уверенностью о чувствах и настроениях лорда Мак-Адама, но и он, как ей казалось, всего лишь не хотел или не умел выразить в словах то чувство, которое доводило его до крайней степени иступления.

— Кэтрин, ты... ну, в общем, ты собираешься пожить со мной в доме какое-то время?

— Совсем немного.

— Хорошо... — со вздохом облегчения сказала Энн, но облегчения этого хватило ненадолго.

— Потом я собираюсь поехать в Напьер.

— В Напьер? — Энн вздрогнула от удивления. — Но для чего?.. Что ты там собираешься делать?

— Навестить своих кузенов и кузин, — заявила Кэтрин.

— Кузенов... кузин... Что-то никогда ранее они не пробуждали в тебе родственных чувств.

— Я и не собираюсь надолго у них задерживаться.

— Не понимаю.

— А что тут не понять? Я решила на время сделаться путешественницей.

— Не собравшись толком в дорогу, не захватив с собой прислугу, без сопровождающих, без...

— ...Без мужа, — закончила Кэтрин. — Да, именно так. Я прихватила с собой деньги и некоторые драгоценности. Для нас полезно будет пожить врозь. Может быть, я смогу отыскать Эрика. Так или иначе, я хочу принадлежать себе, хотя бы на время.

— Кэтрин, ты уверена, что хочешь именно этого? Я ни разу в жизни не видела, чтобы ты от кого-то или от чего-то убегала.

— В моем положении это единственный выход.

— Не думаю, что Донован спокойно проглотит твою выходку.

— Он получит то, чего давно добивается. Наше богатство уже перешло в его руки. Наши земли, наш дом, наши имена и титулы — все его. С него хватит.

— Кэтрин... Почему ты не уведомила Донована о своем отъезде?

— Чтобы дать ему возможность и дальше держать меня как в тюрьме!

— В тюрьме?! Если возможность поутру разъезжать на лошади без всякого сопровождения ты называешь тюрьмой, то я не знаю... Может быть, тюрьма не вне тебя, а в твоей душе?

— Нет, мой тюремщик — он, — тихо сказала Кэтрин.

— Взгляни попристальнее в свое сердце. Ты сама свой мучитель и тюремщик.

Кэтрин, пораженная, посмотрела на Энн. Сестра за недолгое время стала совсем другим человеком.

— Что ты знаешь о наших отношениях? — бросила она, испугавшись вдруг, что в руках у Энн, не дай Бог, ключ от той двери, в которую она ломится вместо того, чтобы открыть.

— Насильное замужество, когда никто не спрашивает твоего согласия, любовь к кому-то, с кем ты не можешь разделить жизнь. Бояться за него и не знать, где он и что с ним... — В голосе Энн звучал гнев. — Как видишь, кое-что я способна понять хотя бы по своей собственной судьбе, которая, между прочим, гораздо безрадостнее твоей, потому что я, в отличие от тебя, не смогу полюбить своего будущего мужа, как любишь ты, вопреки всем своим словам, Донована Мак-Адама.

На глазах у Кэтрин блеснули слезы, но она лишь стиснула зубы и подняла выше подбородок.

— Но это-то как раз самое страшное, что может быть... — сказала она тихо.

— Как ты можешь...

— Могу, потому что это именно так. Донован считает любовь забавой для дурачков и не желает о ней говорить. Он женился на мне как на племенной кобыле, для того чтобы я плодила наследников. Мы и месяца не прожили, а он уже завел любовницу, Дженни Грэй. Он ее раньше любил и до сих пор ее хочет, и я тут ничего не могу поделать.

— А ты пыталась?

— Не умолять же его?!

— Твоя гордость превращает тебя в величественную дуру, Кэтрин, — раздраженно сказала Энн. — Откуда у тебя уверенность, что он держит любовницу? Я не слышала при дворе ничего по этому поводу, а ведь сплетни никого не щадят. Я думаю, ты сама бросаешь тень на светлый день и видишь черное там, где его нет.

— Я сама наблюдала, как они возвращались с поездки, и надо было видеть, какой потрепанный вид был у Дженни.

— А что он сказал?

— Что он скажет... Мальчишеские объяснения, что он подобрал ее на дороге после того, как она упала с лошади. Но вид у нее был такой довольный, такой... Ну, я и устроила этот фокус с ее вселением в наши покои.

— Боже, Кэтрин... какой бред! А ты не допускаешь, что он сказал тебе правду? А леди Грэй, как женщина умная и пронырливая, моментально воспользовалась твоей глупостью.

— Он... он с того дня не раз виделся с ней. Да и до того была ночь, когда он не объявился дома!

Голос у Кэтрин сорвался от волнения и злости.

Энн чуть улыбнулась:

— Да ты ревнуешь, — сказала она негромко. — Ревнуешь и из упрямства изводишь себя и предмет своей любви.

— Я его не желаю... И не желала.

— А я всегда считала, что мы с тобой всегда говорим начистоту.

Только тут Энн заметила слезу, покотившуюся по щеке Кэтрин.

— Что толку ото всего этого, Энн? Донован обо всем сказал ясно и недвусмысленно. Он меня не любит, не будет любить и считал, и считает любовь девушки ловушкой для слабоумных. Как можно жить с человеком, если ты ему постоянно отдаешь себя всю, а в ответ ничего не получаешь!

— Кэтрин, не позволяй гордыне ломать твою жизнь. Поговори с ним!

— Это не гордыня, а понимание порядка вещей. Я буду лучше к нему относиться, если наши пути разойдутся. Он будет иметь все, что желает, найдет счастье со своей любовницей...

— ...Пока ты будешь изводить себя в одиночку. Забавно. Я думала, ты смелее. Жаль, выходит, я ошибалась.

— Нечестный прием, Энн.

— Я впервые вижу, как женщина готова уступить любовнице мужа, которого любит, чтобы уйти неизвестно куда и ругать свою судьбу и своего бесчувственного супруга.

— Да, я люблю его, но я должна научиться жить без него, ибо он не отвечает на мое чувство. Энн, пожалуйста, пойми меня!

Никогда Энн не доводилось видеть Кэтрин такой расстроенной и уязвимой, и она почувствовала жалость к сестре.

— Ну, конечно, я понимаю, — сказала она тихо, раздумывая над мыслью, не стоит ли ей самой встретиться с Донованом и поговорить по душам о его отношениях с Кэтрин.

До дома оставалось рукой подать, но они, упоенные чувством свободы и возможностью без свидетелей

поговорить, свернули в сторону, на опушке маленькой рощицы привязали лошадей и опустились на благоухающий зеленый луг. Им не пришло в голову, что их незаметно преследуют всадники, следившие за сестрами, как только те покинули замок...

Молодые женщины смеялись над какой-то своей детской проделкой, когда их прервал приторно-веселый голос:

— Как это мило — поймать двух птичек в одни силки.

Кэтрин и Энн вскочили на ноги.

— Лорд Флеминг? Лорд Дуглас? Вы, однако, тоже стали любителями утренних прогулок? — Кэтрин старалась говорить небрежно, но что-то в глазах двух мужчин, в их посадке подсказало ей, что они объявились здесь не с добрыми намерениями. — Энн, нам лучше уехать.

— А я думаю иначе, леди Кэтрин, — ласково заявил Флеминг. — Если же ехать, то не туда, куда вы собрались!

Сестры увидели, что двое воинов встали между ними и их лошадьми, которых уже держали под уздцы другие два вооруженных слуги лорда Дугласа. Выхода не оставалось. На лице Флеминга появилась ухмылка: он направился к Кэтрин, а Дуглас — к Энн.

Впервые беспокойство кольнуло Донована, когда, проснувшись, он не обнаружил Кэтрин рядом; солнце было уже высоко в небе. Заспался же, подумал он. Он заподозрил, что Кэтрин встала неслышно из постели, чтобы больше в нее не возвращаться, но у него были свои мысли на этот счет. Ему предстояло нелегкое дело:

нарушив клятву, признаться ей в чувствах, которые он к ней испытывает, и попросить ее остаться с ним. Донован собирался сказать жене, что любит ее, и этому порыву он не мог воспротивиться. Что-то подсказало ему, что нужно спешить, если он хочет успеть до того, как Кэтрин от него ускользнет.

Одевшись, не позавтракав, он прошел к конюшням. Пообедаю с Кэтрин дома, решил он, там спокойно обо всем поговорим.

— Леди Кэтрин выезжала из замка сегодня утром?
— спросил он конюха.

— Да, вместе с леди Энн. Удивительно ранняя прогулка, милорд, еще и солнце не встало, а они уже верхом.

— Ага, значит, все-таки собрались домой, — пробормотал он, вскакивая в седло.

До дома Мак-Леодов было не близко, и у Донована оставалось достаточно времени, чтобы обдумать слова, которые он скажет Кэтрин при встрече, слова, которые дошли бы до ее сердца и разрушили стену непонимания между ними.

Он подумал: они так мало времени прожили вместе, а Кэтрин уже перевернула его жизнь вверх дном. Он попытался представить, как будет жить, если она уйдет из его жизни навсегда, и не смог. Сейчас он понимал, что сделает все, что в его силах, и даже больше, но вернет Кэтрин обратно.

Лошадь бодро скакала, на глазах уменьшая расстояние до дома Мак-Леодов. Неприятной неожиданностью для Донована явились наглухо закрытые ворота дома. Странно, если учесть, что в него уже прибыли хозяйки.

Когда дверь после долгого стука открылась, он быстро прошел внутрь, на ходу стягивая латные рукавицы.

— Скажи леди Кэтрин, что я хочу поговорить с ней, — бросил Мак-Адам ошарашенному слуге. Когда тот не двинулся, Донован с недобрый прищуром глянул на него. — В чем дело.

— Леди Кэтрин, сэр, вы так сказали?

— Ты что, оглох? Да, леди Кэтрин. И живей. Скажи, что я по важному делу.

— Леди Кэтрин нет здесь, сэр. Ее не было здесь с тех самых пор, как она уехала готовиться к свадьбе.

Донован решил вдруг, что Кэтрин, дабы ей не досаждали визитеры, дала приказ всем говорить, что ее нет дома. Но он был не из тех, с кем можно играть в прятки.

— Что бы там ни велела тебе хозяйка, я приказываю именем короля повиноваться мне.

Донован не сомневался, что ссылка на короля пришибет упрямого слугу. Но тот продолжал стоять с тем же обескураженным и тупым видом.

— Видите ли, сэр, — нервничая, начал заново объяснять слуга, — леди Кэтрин не возвращалась из замка вот уже несколько недель. Ее нет здесь.

Донован не мог принять действительное положение вещей: разумеется, она здесь, просто отдала строгий приказ давать всем от ворот поворот. Едва ли имело смысл ругать слугу: леди Кэтрин не та хозяйка, которую можно послушаться. Решительно отодвинув его, Донован поднялся по лестнице. Но в доме не нашлось никого, кроме возбужденных и встревоженных слуг: ни Кэтрин, ни Энн здесь нет и не было.

Поразмыслив, Донован решил, что сестры могли по дороге остановиться где-то, и он проскакал мимо них.

Покинув дом и озабоченных слуг, он медленно, тщательно высматривая каждую рожицу, каждую опушку, поскакал к замку, и по мере движения озабоченность превращалась в страх: с сестрами явно что-то стряслось по пути.

Замок превратился в разворошенный муравейник, во все стороны были отправлены поисковые отряды, но проходил час за часом, а результата не было. Вихрь самых тяжелых мыслей кружился в голове Донована. Их не могли убить или покалечить — в этом случае были бы найдены хотя бы их тела или следы преступления. Но если они похищены? Перед его глазами предстала картина: Кэтрин, раненная, нуждается в помощи, а он даже не знает, где она!

Но потом другая, еще худшая мысль закралась в его сознание: Эндрю Крейтон! Что, если она бежала к нему? В первое мгновение он был просто парализован. Внутри бушевала злоба. Почему он не прикончил проклятого англичанина, когда тот был у него в руках? Злоба вскоре сменилась самобичеванием. Если бы он обращался с Кэтрин иначе, если бы он сказал ей прошлой ночью обо всем, что испытывает к ней, может быть, она и не покинула бы его. Теперь он ставил себе в упрек каждое резкое слово в ее адрес, каждый момент, когда он ломал ее волю, так что скоро душа Донована превратилась в кровоточащую рану.

К вечеру он был готов, если понадобится, искать ее где угодно, даже в Англии, при дворе Тюдора. Вид у него был настолько мрачный, что все предпочитали держаться от него поодаль. Слуги ходили на цыпочках,

а друзья, прибывшие на помощь, сидели в большом зале, пили вино и ждали Донована, чтобы выехать на поиски. Одно движение его брови — и сотня лучших в Шотландии мечей оказалась бы в его распоряжении.

Ночь опустила сумрак на землю, а Донован все сидел у громадного камина, размышлял, боролся с подозрениями в адрес жены. Чуть поодаль сидели и ждали его ближайшие друзья Иан Нокс и Брайан Арджилл. Они озабоченно поглядывали на Донована, поскольку прекрасно знали, что тот не из тех, кто рассиживает и ждет милостей от судьбы. Но время шло, а Донован никак не мог вырваться из круга невеселых мыслей. Он отказался есть — пища сейчас казалась чем-то совершенно несущественным. Зажгли факелы, но от этого у него на сердце не стало светлее.

Донован вспоминал все последние посещения двора и пытался вспомнить, не имел ли кто наглости проявить какие-то поползновения к его жене. Но нет, таких не было, слишком хорошо знали в Шотландии лорда Мак-Адама, Невзирая на все политические и семейные передряги, друзья из окружения Донована любили Кэтрин. С ними она общалась просто и непринужденно, была улыбчива, заботилась, чтобы им было хорошо, и никогда не забывала сказать доброе слово или подать руку друга. Они видели в Кэтрин то, что не видел ослепленный гордостью и ревностью муж, а потому желали ее счастливого возвращения не меньше, чем сам Донован, и тихо роптали, ожидая, когда же он перейдет к решительным действиям.

И вот, в конце концов, он, кажется, принял какое-то решение и встал, но прежде, чем Донован успел

произнести хотя бы слово, вошел слуга и направился к хозяину.

— Милорд, — обратился он, но дальнейших его слов никто, кроме Донована, не расслышал.

Побледневший Мак-Адам выхватил из его рук лист бумаги. Постояв, он с тяжело бьющимся сердцем развернул записку и прочел:

«Та, кого вы ищете, останется в крепости в целости и сохранности так долго, как долго вы будете соблюдать наши условия. Скачите в Хермитидж один, без спутников, в противном случае женщины умрут. Приезжайте без оружия».

Итак, Кэтрин и ее сестра похищены. Но почему обе? Что это, случайное совпадение или Энн тоже часть какого-то еще неизвестного ему замысла?

Первым ощущением Донована было облегчение. Итак, Кэтрин не уехала от него, она похищена. Но скоро оно сменилось новым страхом. Кто похититель? Мак-Адам знал, что у него более чем достаточно смертельных врагов, и едва ли стоило сомневаться, что жизнь его жены зависит от его готовности подчиниться условиям. Ему предстояло ехать в мышеловку, и коварство замысла в том и заключалось, что, зная об этом, он ничего не может сделать, потому что помощь всех его друзей могла обернуться смертью сестер Мак-Леод. Скомкав листок, Донован сунул его за пазуху. Он быстро направился было из комнаты, но два друга тут же двинулись за ним.

— Я еду один, — бросил Донован.

Друзья обменялись взглядами, словно поняв друг друга без всяких слов.

— Эта записка касалась леди Кэтрин? — спросил Иан Нокс.

— Да.

— Это прямая дорога в капкан — ехать одному, — заметил Брайан Арджилл.

— Вполне возможно. Но они обещают убить ее, если я не приеду, а ехать одному — обязательное условие. Мне нужно в любом случае узнать, кто эти ублюдки и что у них на уме.

— А то ты не знаешь, что у них на уме. Твоя жизнь, конечно. Король запретил бы тебе поступать так опрометчиво.

— Не надо ничего говорить королю.

— Черт возьми, приятель, но мы тоже не можем так просто послать тебя в ловушку.

Донован мрачно улыбнулся и положил руку на плечо Иану.

— А если бы ты оказался в моей шкуре и украли не Кэтрин, а твою Маргарет? Ты бы тоже стоял и доказывал, что все это неразумно? Мне нужно ехать. У меня хватает врагов, но, без сомнения, все они знают, что в случае моей смерти Яков их из-под земли достанет. Тут речь идет о чем-то большем, чем моя или Кэтрин жизнь. Кому-то нужно выйти на короля, — не мытьем, так катаньем. Возможно, я им нужен живой, а не мертвый.

Только потеряв Кэтрин, Мак-Адам подумал об истинной причине ее слез. Он взял ее в жены, в собственность с таким легкомыслием, будто у него не было никаких чувств к ней, никаких эмоций; он брал у нее, ничего не давая взамен. А ведь всего пара слов — и все могло повернуться по-другому. Вместо этого он

оттолкнул Кэтрин от себя, и если с ней что-то стрясется, он будет мучиться всю жизнь.

— Я должен искупить свою вину...

— Да, милорд, вернуть Кэтрин и искупить вину, — эхом откликнулся Иан.

Донован пристально посмотрел на друга. Так, значит, все знают о том, что творилось в его личной жизни?

— И вы хранили молчание и продолжали терпеть меня, друзья мои, невзирая на мою тупость и упрямство?

— Да, насчет тупости и упрямства здорово сказано, — ухмыльнулся Иан. — Нужно быть болваном, чтобы не увидеть: леди Грэй едва ли достойна обмывать ноги твоей жене. Извини, приятель, но вселить свою любовницу, пусть даже бывшую, в соседнюю со спальней комнату — редкая глупость! У твоей Кэтрин просто ангельское терпение.

Доновану нечего было сказать. Ну, да, конечно, он использовал Дженни, использовал совершенно сознательно, как оружие для укрощения Кэтрин. Он сам толкнул жену в объятия Эндрю. Ему ли бранить Кэтрин за то, что она потянулась к другому?

— Я должен ехать... и ехать один. Я слишком много наломал дров, и теперь мне пора платить по счету. В конце концов, я могу предложить свою жизнь в обмен на их две.

— Лучше было бы и нас прихватить с собой.

— Нет, Иан. Увидев кого-то еще, они ее убьют... Нет, я еду один!

Иан вздохнул. Никто не мог переубедить Донована, и друзья молча кивнули, понимая, что его решение не

подлежит обсуждению. Когда Донован вышел, Иан и Брайан обменялись понимающими взглядами.

— Иан, ты, как я понимаю, вовсе не собираешься сидеть и ждать, пока нашего приятеля прикончат?

— Ты удивительно проницателен, Брайан. Нам следует поторопиться. Конечно, Мак-Адам прекрасно владеет мечом, но одна пара рук хорошо... в общем, ты меня понимаешь?

— Итак, мы едем следом?

— Совершенно верно. Когда станет ясно, куда Донован направляется, один из нас немедленно переправит весточку Якову. Ну а уж тот найдет способ ему помочь.

Брайан кивнул. Друзья прошли в конюшни, подождали, пока Донован выедет из замка, и незаметно двинулись за ним.

Мак-Адам прищипоривал коня, невесело думая, что, возможно, это последняя поездка в его жизни. Но выхода не было: ему надо было увидеть Кэтрин, сказать, что он ее любит, и, может быть, получить от нее прощение за все плохое, что привнес в их совместную жизнь. Слова Иана ошеломили его; конечно, он знал отношение Кэтрин к Дженни, но, сам ревнуя жену к Эндрю, полагал, что немного ревности с ее стороны не помешает, и так жестоко ее ранил! Он и сейчас не был уверен, что Эндрю не является частью той комбинации, в которую оказались вовлечены он и его жена.

Донована больше всего озадачивала цель похищения Кэтрин: существовало множество возможностей убить его одного, не впутывая в политику жену и ее сестру. Нет, Кэтрин и Энн всего лишь играли роль приманки, их похитители желали вступить в контакт с ним —

разумеется, не для того, чтобы убить верного соратника короля. Может быть, Эндрю Крейтон пытается таким способом рассчитаться за прошлые унижения и поставить его на колени? В эти мгновения он и в самом деле готов был упасть на колени перед кем угодно и молить о сохранении жизни Кэтрин и ее сестры.

Еще вопрос: неужели Кэтрин способна предать свою страну? Донован всегда считал, что неспособна. Но если она так любит своего англичанина, то, выходит... неужели предаст?

И снова в памяти всплыли слова записки: «скачите в Хермитидж один, без спутников». Там, в замке, он станет идеальной мишенью для арбалетчиков и не сможет защитить себя. Оставалась одна надежда: его вызвали не для того, чтобы тут же убить, а для чего-то большего.

Иан и Брайан скакали лесом, подступающим к дороге, стараясь оставаться незамеченным. При всей любви к другу им не улыбалось стать причиной его гнева. Друзья знали Донована, как свои пять пальцев, и кто-то другой, знающий его не хуже их, сыграл на его безрассудной храбрости и чувстве вины.

— Иан, как ты думаешь, что все это значит?

— Представления не имею. Как я понимаю, Донован подозревает, что к похищению жены приложил руку тот самый английский шпион.

— Но для чего это англичанину? На его месте я ускакал бы к себе домой, и поминай как звали.

— Не знаю... Разве что между Донованом и англичанином какие-то личные счета. Ну, и потом: шотландец и англичанин. Кошка и собака. — Иан

помолчал. — Да мало ли чего еще может быть. Черт! Если бы знать, куда он едет! Но я ничего даже предположить не могу. По этому большаку можно попасть в десяток мест! Да, но через пару миль, — внезапно оживился Иан, — имеется развилка. Если он свернет налево, то скоро окажется...

— ...В Хермитидже! Еще немного, и мы все узнаем.

Через какое-то время, показавшееся нетерпеливым друзьям вечностью, появилась развилка. Они напряженно всматривались в просвет между деревьями и с облегчением вздохнули, когда Донован направил свою лошадь налево. Иан, остановившись, обернулся к Брайану.

— Скачи назад и приведи туда воинов, в основном личную охрану Донована. Нам нужны люди, которым можно полностью довериться.

— Королю ничего не сообщать?

— Нет, он пошлет целую армию, и девушки будут убиты. Хермитидж — место, где нужно работать умением, а не числом.

— Хорошо, — Брайан натянул поводья, но Иан поймал его за руку:

— Будь предельно осторожен. Мы еще не знаем точно, что должно произойти, и одно неосторожное слово или действие может все погубить: слишком многое поставлено на карту.

— Я буду начеку.

— Ладно. Теперь скачи, будто за тобой гонится сам дьявол.

Брайан кивнул и поскакал назад. Иан почувствовал, как с плеч у него начинает спадать камень. Теперь не

было необходимости скакать нога в ногу за Донованом, он знал все стежки-дорожки к замку и по одной из таких заячьих тропок рассчитывал пробраться к нему раньше самого Донована.

Мак-Адам постепенно взял себя в руки. Он совершенно не представлял, что его ждет впереди, но рассчитывал получить ответы на ряд своих вопросов. Если Кэтрин действительно любит Эндрю... Но Донован отмел эту мысль: Кэтрин невиновна, и он может с легким сердцем предложить свою жизнь в обмен на ее. Может быть, он успеет ее обнять и сказать то, в чем все это время не желал признаться самому себе.

Край солнца выглянул из-за горизонта, и от деревьев потянулись по дороге длинные синие тени, когда Донован, остановив лошадь, взглянул на темную, зловещую громаду замка Хермитиджа, возвышавшуюся перед ним.

25

Эндрю еще не приходилось испытывать такого потрясения, как сейчас, когда он увидел Кэтрин и Энн во дворе замка. Первым его движением было броситься к Энн, стиснуть ее в своих руках и целовать, целовать, целовать... Итак, его возлюбленная жива и невредима! Но чувства приходилось держать под неусыпным контролем, и Эндрю сумел сохранить невозмутимое выражение лица. Судя по виду Энн, ее пленение не так просто далось Флемингу и Дугласу, и на глазах девушки сверкали слезы. Про себя Эндрю произнес страшную клятву, и если бы Флеминг и Дуглас слышали ее, им стало бы не по себе.

— Какого лешего вы все это устроили? — раздраженно спросил он. — Ничего глупее придумать нельзя было. Теперь вам на хвост сядет сам Донован Мак-Адам. Он не из тех, кто терпит в свой адрес оскорбления, тем более если речь идет о его жене.

— Ради Донована Мак-Адама вся каша и заварена, — хитро улыбнулся Флеминг. — Они так удачно залетели в наши силки, что я чуть не умер от умиления.

— Не понимаю, — пожал плечами Эндрю, чувствуя на себе изумленные взгляды сестер и догадываясь о страшных подозрениях, которые должны были овладеть ими.

Если Энн, после первого потрясения, пришла к неизбежному заключению, что Эндрю, ее возлюбленный, не способен на коварство и надо просто ждать, как будут развиваться события, то Кэтрин, посвященная сестрой далеко не во все детали биографии Эндрю, смотрела на него сквозь прищуренные глаза с холодным гневом.

— Вы нашли себе хорошую компанию, милорд, — зазвенел ее голос. — Я в вас жестоко ошиблась, иначе бы ввек не стала бы помогать вам бежать из заключения. Доновану следовало вздернуть вас!

Эндрю нечего было противопоставить разящему выпад Кэтрин. С кровоточащей раной в душе он подумал: неужели Энн испытывает к нему те же чувства, что и ее сестра?

— Что вы с ними собираетесь делать? — требовательно спросил Эндрю у лордов.

— Мы все обсудим, но не здесь, — отозвался Флеминг и кликнул стражников: — Уведите женщин в башню и посадите в разные камеры.

Эндрю мгновенно встревожился. И Дуглас, и Флеминг имели репутацию развратников и насильников, и, помещенные поодиночке, сестры оказывались перед ними совершенно беззащитными. Любой ценой Крейтон обязан был защитить девушек, даже если ради этого пришлось бы пожертвовать всем остальным.

Кэтрин и Энн стражники увели в башню, и зрелище это врезалось в его память навеки. Энн вопросительно смотрела на него. О чем она думала? По-прежнему ли доверяет ему? Или уже нет? Может быть, она чувствует себя жестоко обманутой, и Эндрю ей теперь отвратителен?

Крейтон повернулся к лордам.

— Полагаю, что вправе получить разъяснения. В нашем соглашении ничего не говорится о похищении женщин, тем более жены Мак-Адама. Эти шутки с огнем способны перечеркнуть все наши усилия.

— Мак-Адам всегда был у нас бельмом на глазу, — с досадой пояснил Дуглас.

— Сейчас не время для хирургических операций. Боюсь, что вы рискуете вообще остаться без глаза, — нахмурился Эндрю.

— Не горячитесь, Эндрю, — рассмеялся Флеминг. — Мы всего лишь собрались вырвать когти у льва.

— То бишь Якова? И для этого понадобилось похищать женщин, не имеющих никакого отношения к политике?

— Да, и посредством этого избавиться от Донована Мак-Адама.

— Если хоть один волосок упадет с его головы, Яков прикажет вас четвертовать или зажарить на медленном огне.

— После того как король кое-что узнает о своем приближенном, едва ли он будет так за него мстить.

— Долго вы будете морочить мне голову? Что вы, черт возьми, задумали?! — взорвался Эндрю, чувствуя, что с трудом сдерживает отвращение к своим мнимым компаньонам.

— Представьте реакцию короля, — со смешком сказал Дуглас, — когда он узнает, что Донован Мак-Адам — подлый изменник.

— Чушь! Яков никогда в это не поверит.

— Даже если, — мягко спросил Флеминг, — подпись Донована будет стоять под копией нашего э-э... с вами соглашения?

— Так он и придет к вам, чтобы подписать себе смертный приговор! Что-то не очень верится.

— Не придет, я согласен. Если только речь не идет о жизни и чести его жены.

Мозг Эндрю лихорадочно работал.

— Продолжайте, — сказал он, стараясь выиграть время.

— Если Донован захочет сохранить жизнь и честь жены, ему придется подписаться под копией нашего документа.

— После чего, — продолжил Эндрю, — эта копия вместе со столом полетит вам в лицо. А впрочем, даже если он его подпишет, сразу по возвращении он изложит обстоятельства подписания бумаги королю, который доверяет ему куда больше, чем всем вам вместе взятым.

— У него не будет возможности отречься от подписи!

— Убийство?

— Совершенно верно. Мы не настолько глупы, чтобы отпускать Донована живым.

Эндрю с минуту ходил по комнате, затем повернулся лицом к лордам.

— Во-первых, он не подпишет бумаги. Он никогда не свяжет свое имя с изменой. Во-вторых, его связь с женой была отягощена ссорами и раздорами. Что поделаешь, ведь для леди Мак-Леод это был брак по принуждению. Кроме того, и это самое важное, он может явиться сюда с целой армией.

— И снова промах, — с ухмылкой заметил Дуглас.

— Мак-Адам уже получил маленькую записочку, прочитав которую сразу же отправится сюда... один и без оружия.

— Кроме того, — добавил Флеминг, — я был при дворе уже после того, как вам пришлось оттуда ретироваться, и самым внимательным образом следил за семейными отношениями Мак-Адамов; вопреки общему мнению, я пришел к выводу, что супруги очень любят друг друга.

Эндрю вздохнул. Ему требовалось время, чтобы все обдумать, а самое главное — найти способ пробраться к Энн. Он должен был доказать, что ни в чем не виноват перед ней. В бесполезности беседы с Кэтрин Крейтон не сомневался. Ему необходимо было найти способ освободить сестер и в тоже время спасти Донована.

— Что ж, пожалуй, вы правы. И как вы все это предполагаете организовать?

— Мы дадим ему возможность побеспокоиться, а когда он начнет сходить с ума от тревоги за жену, к нему в руки попадет наш документ. Если я все

правильно рассчитал, на рассвете Донован будет стоять у ворот.

— А женщины?

— Их здесь подержат в одиночных камерах — для большего страха. Полагаю, к рассвету следующего дня они скажут все что угодно, лишь бы их пощадили, — небрежно отозвался Флеминг.

Эндрю чуть не улыбнулся наивности лорда: при всей своей хитрости и изворотливости, заговорщики ни на гран не поняли характеров сестер Мак-Леод.

— Обе леди привыкли к удобству, — продолжал Флеминг. — Целые сутки в заключении, без воды и хлеба, под строгим надзором — это сломает их, и они сделают все, что мы от них потребуем.

— А что дальше станет с ними?

— Они обе такие милашки, — сладко сказал Флеминг. — В общем, не беспокойтесь о них. Когда Донована отпоят и похоронят, когда кончится траур по случаю смерти Мэгги и ее сестер, обе выйдут замуж — за лорда Дугласа и меня. Они хорошего происхождения, приближены к королю — чем не жены для нас? Оказавшись в ближайшем окружении короля, мы быстрее и успешнее сумеем осуществить наши с вами, сэр Эндрю, планы.

Эндрю изобразил на лице улыбку, хотя зубы у него были сжаты от ненависти. Ему всегда было тягостно общество этих беспринципных политиканов, но сегодня оно оказалось просто непереносимым. Одной мысли, что Энн и Кэтрин могут пойти под венец с убийцами и изменниками, достаточно было, чтобы он закипел яростью. Но пока оставалось лишь улыбаться и поздравлять их с успехом.

Энн и Кэтрин не получили возможности перекинуться парой слов, приободрить или утешить друг друга. Их увели и заперли в одиночные камеры.

Первые минуты обе они были просто оглушены. Само по себе похищение было шоком, но то, что они увидели в замке, выходило за пределы всякого воображения.

Кэтрин была вне себя; она видела, какое потрясение испытала при виде Эндрю сестра, и готова была убить того за подлость и обман. Но тут же она ощутила свою полную беспомощность — состояние, совершенно ей несвойственное.

Энн же испытывала иные чувства: ею овладело странное спокойствие. Момент сомнения в Эндрю минул так же быстро, как и пришел. Она любила этого человека и до того, как сможет поговорить с ним, воздерживалась делать далеко идущие выводы.

Время для пленниц тянулось невыносимо медленно. Помимо вынужденного одиночества и ожидания худшего, им, уставшим с дороги, не предложили ни воды, ни пищи, а между тем голод и жажда давали знать о себе все сильнее.

Эндрю с трудом переносил происходящее. Будь его воля, он бы немедленно бросился к Энн, но приходилось играть свою роль, не давая изменникам ни малейшего повода для подозрений. Он знал, что пленниц не кормят и не поят, и догадывался об истинных планах, которые строили в их отношении Дуглас и Флеминг. Оставалось ждать удобного момента, а время шло, приближалась полночь.

Дуглас, Флеминг и Крейтон засиделись за поздним ужином, и вино по случаю встречи лилось рекою.

Эндрю пришлось выпить и слегка захмелеть, но он добился того, что к концу пиршества его собутыльники лыка не вязали. Для победы над Донованом Мак-Адамом нужен был острый ум, трезвость и хладнокровие, а завтра утром оба благородных лорда благодаря Эндрю едва ли смогут продемонстрировать эти качества.

Убедившись, что Флеминг и Дуглас не в состоянии самостоятельно подняться со стульев, Эндрю встал, пошатываясь и изображая крайнюю степень опьянения.

— Про-ошу прощения милорды, но голова идет кругом. Пожалуй, я пойду и сосну, а то как бы не пришлось мне встречать рассвет под столом. Утром я в вашем распоряжении.

Дуглас, миловавшийся с молоденькой служанкой, которая имела неосторожность слишком близко подойти к нему с кувшином вина, засмеялся:

— Отыщите себе постель помягче, друг мой.

Эндрю притворно улыбнулся, затем, выписывая вензеля, добрал до двери и уцепился за ручку. Закрыв за собой дверь, он быстрой и решительной походкой направился через двор к камере, где, как он узнал, находилась Энн. Ключ хранился у стражника, наблюдавшего сразу за обеими камерами, которые располагались друг напротив друга. Он сидел на громоздком табурете, спиной прислонившись к каменной стене, и дремал, когда перед ним появился Эндрю, который вновь притворился пьяным, и стражник с облегчением перевел дух; вид хватящегося за стены англичанина вызвал у него подобие иронической улыбки.

— Изволили чуть перебрать, сэр, — с укоризной сказал он.

— Да... совсем чуть-чуть, — со смешком откликнулся Эндрю и икнул. — Но я очень даже вполне... Отопри-ка дверь. Я хочу навестить эту милашку Энн Мак-Леод.

При виде сомнения на лице тюремщика Эндрю вновь рассмеялся:

— Все в порядке, лорд Дуглас все знает и дал добро. Мы договорились, что будем пользоваться ею поочередно; лорд Дуглас человек широкой души и никогда не страдал жадностью. Маленькая проба товара не пойдет во вред. Он еще успеет затащить ее в постель и взять в жены, если она ему понравится. А на сегодняшнюю ночь у него несколько иные планы, так что мой коротенький визит не испортит ему настроения.

Он подмигнул стражнику.

— Не тревожься, если услышишь шум. Сам понимаешь, дело молодое, но за меня можно не беспокоиться, я с ней управлюсь.

К облегчению Эндрю, солдат вынул ключ из кармана и отпер дверь. Эндрю вошел внутрь и услышал сзади звук опускаемой щеколды. Он постоял на месте, привыкая к темноте, и поднял голову.

Энн словно застыла посреди камеры; они встретились взглядами, и в комнате воцарилось тяжелое молчание.

Кэтрин пыталась рассуждать трезво, не давая воли страху и прочим чувствам. Тюремщики отказались поведать о своих планах, но она была достаточно умна, чтобы понимать, что ждет впереди.

Если ее похитили, чтобы связать руки Donovanу, то впереди наверняка ждут новые сюрпризы. Самое неприятное произойдет тогда, когда негодяи поймут, что им не удастся использовать сестер в качестве наживки.

У Кэтрин появилась масса времени, чтобы обдумать свои проблемы, в том числе и супружеские.

Да, она любит мужа. Она может отрицать это перед кем угодно, но не перед собой. Donovan, с горестью подумала она, сумел овладеть той частью ее души, которая до сих пор никому не принадлежала. Но страсть была единственным, что он соизволил ей дать, надежд на будущую жизнь в любви не было и нет, и осознание этого ранило молодую женщину до глубины души.

Что ее тюремщики станут делать, если Donovan откажется с ними торговаться? Что они предпримут, когда станет ясно, что их попытки повлиять на короля провалились? На что они вообще способны, если их вовремя не остановить? То, что они предали короля и страну англичанам, ясно из присутствия Эндрю. Но как далеко они зашли в своей измене? И что они замыслили в отношении Якова? Сердце Кэтрин отчаянно стучало. Неужели они способны на все, вплоть до убийства?

Прекрасно осознавая безвыходность своего положения, Кэтрин, тем не менее, не могла смириться с мыслью о возможности гибели Donovanа. Ей нелегко далась ее любовь, но гораздо болезненнее для Кэтрин было бы ее лишиться. Ей не раз приходилось оставаться одной, но впервые в жизни она ощутила одиночество, и вкус его оказался горек. Однако, как бы то ни было, любовь к Donovanу жила в самом дальнем, скрытом от посторонних глаз уголке ее сердца, ибо признать

чувство, владевшее ею, означало капитуляцию — а это для нее было труднее всего на свете.

Эндрю стоял, не шевелясь и не решаясь что-либо сказать, ибо боялся, что неосторожное слово или действие убедит Энн в том, что он действительно предатель, причастный к ее похищению. Облизнув пересохшие губы, он решился наконец прервать затянувшееся молчание.

— Энн, — прошептал он хрипло и запнулся, не находя слов для продолжения.

Но Энн не надо было ничего объяснять, а тем более оправдываться перед ней, — слишком велики были ее вера и любовь к Эндрю. Не говоря ни слова, она упала в объятия любимого. Горло у него перехватило. Стиснув девушку руками, он раскачивал ее, как ребенка, испытывая невероятное облегчение.

— Ах, Энн... любовь моя! Я думал, что никогда уже не смогу тебя обнять!

Подняв ее подбородок, он целовал любимую в губы еще и еще, он целовал ее лоб, щеки, глаза и вновь припадал ко рту, словно черпая из нее жизнь и силу. Энн в блаженном забытии прижималась к нему, и слезы счастья от возможности вновь быть рядом с любимым текли по ее щекам.

Спрятав ее лицо на груди, Эндрю шептал:

— Ты поняла, поверила, что я не мог тебя предать? Что все сказанное мною раньше — правда?

— Да, Эндрю, я это знаю, потому что знаю твою душу и твое сердце. Я знаю и то, что люблю тебя сейчас так же, как любила раньше.

— Я найду способ вывести вас отсюда, клянусь. Ни один волосок не упадет с ваших голов. Просто нужно время, чтобы что-то придумать, поэтому приготовься, что мне придется вновь оставить тебя. Но помни, что я всегда рядом.

— О, Эндрю, так ты не побудешь со мной хотя бы немного?

— У меня есть минут сорок. Я сумел убедить стражника, что нагрянул к тебе с самыми грязными намерениями, и этим его купил. Прости мне эту мерзость, но иначе мы бы не увиделись.

— Ты сказал ему, что ты...

— Да, — закончил он, — что я выиграл ночь с тобой на спор.

Эндрю вновь поцеловал ее, нежно, наслаждаясь нежным прикосновением ее губ.

— Энн, милая, я люблю тебя и никому на свете не позволю посягнуть на твою жизнь и честь. До сих пор ты мне верила, поверь и еще немного, пока мне придется играть свою игру. Вечером Мак-Адам получил записку, в которой говорилось, что он должен немедленно выехать в Хермитидж, — один, без всякого оружия. Я должен попытаться остановить его.

— Что ты собрался делать?

— Пока не знаю.

— Эндрю... они тебя убьют, если узнают.

— Да, но они не узнают. Прежде чем они начнут о чем-то догадываться, я успею все переиначить.

— Но ты один, а их так много! — В голосе Энн зазвенела тревога. — Как ты один сумеешь спасти троих?

— Если я встречу Донована, нас будет уже двое.

— Но, Эндрю, он же тебя примет за главного и злейшего врага.

— Нет, не думаю. Если его убедить, что речь идет о вашем спасении, он станет гораздо понятливее. Что бы между нами ни стояло, с этим можно свести счета позже. Сперва — ты и Кэтрин, остальное потом.

— Хорошо, Я сделаю все, что бы ты ни сказал.

— Времени мало. Я не могу пойти к Кэтрин. Нам остается надеяться на ее мужество и бесстрашие. А сейчас каждая минута на весь золота, но я рассчитываю возместить эту потерю позже.

Эндрю вновь крепко обнял любимую, ее раскрытые губы встретили жар его поцелуя обещанием, от которого в иное время он потерял бы разум... Но ничего, скоро она опять будет его...

Спустя час резкий стук в дверь изнутри разбудил стражника. Перед уходом Эндрю велел Энн лечь в постель, с тем чтобы его ложь представилась более убедительной. Обман удался: стражник заглянул в камеру и ухмыльнулся: смятая кровать и безмолвно отвернувшаяся к стене женщина не оставляли сомнения в том, что здесь происходило.

Эндрю быстро вышел и закрыл за собой дверь.

— Запри и стереги как следует, — пригрозил он.
— Я здесь не в последний раз и не потерплю, чтобы кто-то другой пользовался ею. Заруби на носу: никто кроме меня не должен заходить внутрь.

— Да, сэр, — с нескрываемым разочарованием сказал стражник: он рассчитывал на правах соучастника тоже поиметь удовольствие от благородной леди или уж по крайней мере получить мзду.

Напротив располагалась камера, в которой была заперта Кэтрин. Как ни хотелось Эндрю успокоить и приободрить ее, визит к старшей сестре был бы роковой ошибкой.

Ночь, казалось, тянулась бесконечно. Поскольку о сне не приходилось и думать, Эндрю решил лишний раз обойти замок. Следовало получше разобраться в его фортификационных сооружениях, чтобы в случае необходимости знать, каким путем безопаснее всего вывести из него женщин. Увы, одного взгляда хватило, чтобы оставить все надежды на бегство.

Крейтон прошелся вдоль стен, прячась внизу и подсчитывая количество вооруженных часовых. Охрана была расставлена на всех ключевых позициях, а вооружение ее заслуживало самой высокой похвалы. Вынырнув на свет, Эндрю попытался вступить в разговор с одним из дозорных, но тот отвечал неохотно и односложно, одновременно перекликаясь с товарищами.

Оставалось только вернуться в зал, где он оставил павших в сражении с бутылкой лордов, когда на дворе Крейтон едва не столкнулся с еще одним воином, на секунду вышедшим из тени. Они только несколько мгновений рассматривали друг друга, и у Эндрю родилось странное ощущение, что этого человека он видел раньше, и не здесь.

Он уже поднимался по ступенькам, когда его осенило. До восхода солнца оставалось совсем немного времени, и вот-вот должен был подъехать Донован Мак-Адам. Вероятно, ему приятно будет узнать, что один из его друзей уже ждет его внутри. Да, ошибки быть не могло:

человек, кравшийся вдоль стены, был не кем иным, как закадычным другом Донована, и звали его Иан Нокс.

Эндрю не сразу заметил, что в комнате заметно посветлело. Он поднялся, подошел к окну и увидел приближающегося всадника. Наступал решающий час, начиналась большая игра, ставкой в которой было несколько жизней.

Кэтрин ни на минуту не сомкнула глаз. Ее бросало то в жар, то в холод. То она беспокоилась за Энн, то мучалась своими чувствами к Доновану, раздумывая о своей судьбе. Женщина вспоминала первую брачную ночь, как Донован пришел к ней, не хозяином, но изысканным и утонченным любовником, вспоминала его низкий, веселый, самозабвенный смех... За длинную ночь Кэтрин пришла к определенному решению: если она вырвется на свободу, то уедет от него, ничего другого ей все равно не остается. Она отыщет брата и разделит с ним тяготы изгнания. Оставаясь с мужем, она с каждой его победой над собой, с каждым отступлением перед его волей — а иначе быть не могло, потому что она его любит, — с каждой ночью любви понемногу начала бы чахнуть и угасла от неразделенного чувства...

Вздыхнув, Кэтрин бросила взгляд на светлеющее небо, поднялась и прошла по камере, погрузившись в невеселые мысли. Вновь подняв голову, она увидела, что совсем уже светло, и подошла к окну. От утреннего солнца по земле бежали длинные тени. Кэтрин поглядела вниз и, задохнувшись от муки, выдохнула:

— Донован!

Неужели это правда? Неужели и в самом деле он, или это сон, грезы надломленного и утомленного сознания? Нет! Луч солнца коснулся всадника, сверкнул в его темно-каштановых волосах, высветил его широкие плечи и умелую посадку. Это действительно был Донован!

Радость мгновенно сменилась холодящим ужасом. Он хладнокровно скачет навстречу смерти, словно в гости к другу! Окно было закрыто и зарешечено, и открыть его Кэтрин никак не могла. Ей так хотелось предостеречь мужа, остановить его, уберечь от опасности! Если бы женщине пришлось для этого заплатить собственной жизнью, она бы ни на секунду не задумалась. Но она была бессильна: Донован не мог ее услышать, и слезы хлынули из глаз Кэтрин.

Помедлив несколько секунд, Мак-Адам прищипорил коня и проскакал в открывшиеся ворота. Несомненно, его прибытия ждали. Определенно там, в замке, от души забавлялись его благородством, воспринимая его как крайнюю степень глупости.

Может, они и правы, подумал Донован, но противиться желанию, пусть в последний раз, увидеть Кэтрин он не мог. Впрочем, им владела еще одна тайная мысль: если Эндрю Крейтон здесь, то остается возможность встретиться с ним лицом к лицу и перед смертью заставить его заплатить за все.

Он медленно въехал во двор замка с таким надменным спокойствием и самообладанием, что Флеминга затрясло от злости. Посадка Донована всегда была предметом всеобщей зависти, и лорд-изменник не был исключением.

В пустом на первый взгляд дворе Донован остановил скакуна, спешился и отошел в сторону от лошади. Снедаемый тревогой, он тем не менее неторопливо снял латные рукавицы с таким видом, будто это было для него самым важным занятием на свете.

— Милости просим в Хермитидж, милорд.

Донован обернулся. Он был поражен, увидев перед собой Флеминга и Дугласа, но по его внешнему виду определить это было невозможно.

— Ваше приглашение было так настойчиво, что я не смог отказать вам, милорды, — с подчеркнутой издевкой произнес он, бросая изменникам вызов.

— Что-то невеселый у вас вид, — ухмыльнулся Флеминг. — Уж не боитесь ли вы?

Флеминг сознательно выводил его из себя, и Донован это понимал. Но он чувствовал, как гнев закипает в нем. Дорого он дал бы в этот момент за меч!

— Где моя жена?! — спросил Донован, стиснув зубы.

— Ах да, жена и свояченица. Они в безопасном месте, до которого вам не добраться.

— Если вы с ней что-нибудь сделали, я... — Донован двинулся на Флеминга.

— Ни шагу ближе, милорд, иначе вашей жене придется расплачиваться за ваш дурной характер.

Донован остановился.

— Где она? Я хочу ее немедленно видеть!

— В свое время, — сказал Флеминг, двигаясь к двери. — Прошу!

Донован понимал, что он на волосок от смерти, но прошел внутрь, оказавшись в кольце людей Флеминга. Ему заломили руки за спину и связали. Донован

взглянул на Флеминга и Дугласа, удовлетворенно глядящих на происходящее.

— Благородные лорды, — усмехнулся Донован, — отчего вы не пожелали сразиться со мной лицом к лицу, как подобает мужчинам?

— К чему? — любезно спросил Флеминг. — Зачем махать мечом, когда мы можем убить вас, не подвергая себя опасностям! Вы даже можете сами избрать для себя смерть.

— Умирают все одинаково.

— В самом деле? — В голосе Флеминга заиграло веселье. — Если перед собственной смертью вы увидите, как медленно и мучительно умирает ваша жена, то, может быть, вы измените свое мнение, лорд Мак-Адам?

Донован прищурил глаза и выдержал долгую паузу, достаточно томительную для того, чтобы Дуглас, и без того нервничавший, совершенно взвинтился. Только после этого Мак-Адам тихо сказал:

— Вы что-то хотели получить от меня перед тем, как убить, не так ли, лорд Флеминг? Что же именно? Может быть, мы сможем договориться о сделке?

— Сделке! — рассмеялся Дуглас.

— Потише! — огрызнулся на того Флеминг. — Нам нужен от вас маленький пустячок. Подпись на одном заранее подготовленном документе.

— И вы думаете, что я его подпишу!

Теперь от души смеялся Донован, и смех его был острым, как лезвие бритвы.

— Не очень-то веселитесь, накладно будет, — небрежно заявил Флеминг.

— Хватит темнить и стращать невесть чем, милорд. Перейдем к делу.

Флеминг побагровел, и его рука невольно потянулась к мечу, но в разговор ворвался новый голос:

— Может быть, мое присутствие развлечет вас, Мак-Адам? — спросил Эндрю.

— Англичанин! — почти шепотом промолвил Донован. — Вот мы и встретились снова. Я знал, что встречу тебя здесь...

— Я служу своему королю с тем же рвением, как вы своему, — сдержанно заметил Эндрю. — Как уже было сказано, нам от вас кое-что нужно, лорд Мак-Адам, и вы проявите большую мудрость, если внимательно прислушаетесь к тому, о чем я вас попрошу. Тогда, может быть, вам все станет ясно.

— Я не сдвинусь с места, пока не увижу Кэтрин. Что вы с ней сделали?!

— Привяжите его к стулу, — теряя терпение, распорядился Флеминг.

Донован с ненавистью смотрел на Крейтона, пока солдаты привязывали его к стулу. Ему и в голову не могло прийти, что англичанин ломает голову над тем, как освободить его и помочь выпутаться из создавшегося положения.

26

Пройдя через комнату, Эндрю остановился подле пленника; и снова в глазах шотландца он прочитал странное выражение глубокой личной неприязни. Конечно, шотландский дворянин должен был ненавидеть его, как врага, но все же...

— Где она?! — хрипло спросил Донован. Эндрю приподнял брови: в положении Донована вести себя столь вызывающе было весьма опрометчиво, но, судя по всему, Донован об этом не задумывался. — Черт возьми, где она?!

— В целости и безопасности, — ответил Эндрю и повернулся к Флемингу. — Думаю, пора поставить Мак-Адама в известность о наших требованиях и дать ему возможность обдумать положение — как свое, так и его жены. Я думаю, ему потребуется немного времени, чтобы прийти к соответствующим выводам.

Флеминг, поколебавшись, кивнул. Они с Дугласом гораздо больше доверяли такому средству, как пытка, но Эндрю был не тем человеком, с которым в данный момент стоило спорить: на нем строилось все шаткое здание их честолюбивых замыслов. Прежде чем выйти из помещения, Эндрю как бы невзначай зашел за стул и на ходу подергал узлы, которыми была завязана веревка.

— Ваша солдатня ни черта не смыслит в узлах, — сказал он раздраженно, — они могли запросто испортить нам все дело. — И он склонился над пленником, колдуя над веревками; к своему изумлению, Донован почувствовал, как узлы слабеют, а мгновением позже ощутил у запястья холодное прикосновение металла. Потрясенный, он сидел на стуле в полном молчании, пытаясь понять, что происходит.

Эндрю, закончив свои манипуляции, заявил:

— Через час-другой мы вернемся, чтобы получить ответ на наше предложение. Вам нужно хорошенько обдумать, в какое положение вы попали и что вам делать, милорд Мак-Адам. К сожалению, выход может

быть лишь один. Если вы помните, однажды вы поставили меня перед точно таким же выбором.

Донован не произнес ни слова, с ненавистью глядя на окружающих. Эндрю Крейтон с отчаянием подумал, что непримиримость шотландца может сорвать все его планы, и, тщательно подбирая слова, продолжил:

— И не тратьте сил на глупости. Поймите, что сейчас неподходящий момент для сведения личных счетов, на чем бы они ни основывались! Попробуйте крепость узлов, милорд; вы не можете не понимать, что освободиться вам не удастся, так что не теряйте времени понапрасну.

Донован чуть шевельнул руками и неожиданно ощутил, что в пару минут сможет освободиться от пут; он ничего не понимал.

Эндрю, подойдя к столу, налил вина и поднес кубок к губам пленника. Тот сделал глоток.

— Милорд, — сказал Эндрю тихо, — я представляю английскую корону. Прямо и в то же время косвенно. Вы меня понимаете?

Доновану уже несколько минут все было ясно, как Божий день: англичанин хочет через него выйти на короля. Надо было собраться с мыслями, прежде чем отвечать.

— Что вы от меня хотите?

Эндрю благодарно кивнул. При всей ненависти и недоверии Мак-Адама к иноземцу, он давал Эндрю шанс объясниться, что и требовалось.

— Слушайте, — тихо сказал Эндрю. — Отбросьте в сторону предвзятость и личные счета. Нам нужен мир и ничего больше. Мы оставляем вас, чтобы вы все

хорошенько обдумали. И помните, что ваша жена рядом.

При последних словах Донован словно окаменел, лицо у него исказилось злобой, и только сейчас Эндрю понял, что все дело в ревности к Кэтрин. Донован был вне себя из-за страха за жену. Эндрю успокаивающе кивнул, и кивок его был истолкован Донованом правильно: Кэтрин в безопасности, залог чему сам Эндрю Крейтон.

— Мы вернемся через час-другой. Впрочем, об этом мы уже говорили, не так ли, милорды? Другой возможности решить все по-хорошему у вас не будет.

Все трое покинули комнату, оставив Донована в одиночестве ломать голову над словами и поведением Эндрю. Через пару минут Мак-Адам смог удобно перехватить ножик, вложенный ему Крейтоном в руку, и начать перерезать узлы. Он работал терпеливо и упорно, молясь про себя, чтобы часа хватило.

Он не понимал толком, чего ждет от него Эндрю.

Одно казалось бесспорным; он не хочет иметь дела с Флемингом и Дугласом. Вероятно, как и Донован, он не доверял людям, многократно перебежавшим из одного лагеря в другой. Но как он мог похитить Кэтрин и после этого рассчитывать на переговоры и доверие? Но это предстояло выяснить потом, когда на нем не будет веревок... А еще лучше, если в руках окажется меч!

Незаметно скрестив пальцы от нечистого, Эндрю прошел за Флемингом и Дугласом в главный зал. За час он рассчитывал отыскать Иана, а затем освободить Энн. Если Иан сможет уговорить Кэтрин, им всем, возможно, удастся ускользнуть. Шансы на бегство, были, конечно,

мизерные, но об этом Эндрю старался не думать. Усевшись за стол, он взял в руки кубок с вином и рассеянно прислушался, о чем говорят Флеминг и Дуглас. Голова у него напряженно работала. Донован умен и проницателен... Но не заглушит ли его благоразумия ревность к Кэтрин?

Прошел почти час, и Эндрю почувствовал, что пора действовать. Он поднялся со стула, потянулся, словно у него затекли мышцы, и сказал рассеянно:

— Схожу за мечом. Прежде чем этот надменный гордец и выскочка уйдет с этого света, я хочу скрестить с ним мечи.

— Проще говоря, вам наскучило жить на этом свете? — хихикнул Флеминг.

— Напрасно вы так, милорд. Мне доставит огромное удовольствие взять над ним верх и поставить этого олуха на место.

Крейтон неторопливо вышел из помещения и, пройдя по длинному коридору, оказался во дворе: он внимательно оглядел всех, кто там был, и без труда разглядел Иана, любезничавшего со служаночкой в дальнем углу двора. Через некоторое время он оставил ее и медленно, как бы от нечего делать, побрел к конюшням. Эндрю зашагал ему вслед, но в конюшнях царил мрак, и только когда его глаза привыкли, он рассмотрел у стены темный силуэт.

— Иан Нокс? — тихо спросил Эндрю.

— Что за игра у вас сегодня, Эндрю Крейтон? Раньше, если слухи не врут, вы играли в английского шпиона?

Эндрю улыбнулся. Иан не собирался терять понапрасну время и сразу высказал свои обвинения.

Впрочем, в какой-то мере это было знаком доверия: Иан никак не мог понять, почему Эндрю до сих пор не выдал его.

— Насчет англичанина все верно, насчет шпиона — не вполне. В двух словах объясню, кто я и зачем здесь, но учтите: времени у нас почти нет.

И за несколько минут Эндрю изложил Иану свой план действий.

— Это не план, — мрачно ухмыльнулся Иан. — Это я даже не знаю что.

— Если вы можете предложить что-нибудь лучше, то давайте, — с раздражением сказал Эндрю. — Нас двое против не хочу даже думать скольких. Кроме того, у нас нет времени.

— Во-первых, нас не двое, а трое.

— Вы имеете в виду Донована, но сперва нам надо его освободить.

— Вы же сказали, что оставили ему нож. Можете быть уверены, что он уже перерезал все веревки.

— Но мы все равно в меньшинстве!

— До поры до времени. Если мы сумеем занять какое-нибудь помещение и продержаться несколько часов, придет помощь, которую должен привести Брайан,

Впервые за все это время проблеск надежды озарил сознание Эндрю. Теперь счастливый исход представлялся не таким уж невероятным.

— Тогда прикинем, что мы можем сделать, чтобы по возможности оттянуть время. Я поведу Флеминга и Дугласа на беседу с нашим... пленником. В башне всего один стражник. Выведи его из строя и запись вместе с Кэтрин и Энн в башенной камере — она отлично

приспособлена для обороны и там долго можно продержаться.

— Об этом можете не беспокоиться. Безопасность девушек я гарантирую.

— Глядите в оба. Если они снова будут схвачены, то Донован потеряет рассудок из-за жены, а я, в свою очередь, не ручаюсь за себя, если что-то стрясется... с леди Энн.

Они разошлись в разные стороны и темными закоулками двора прошли каждый в определенное ему место. Иан к ничего не подозревающему стражнику и пленным женщинам, Эндрю — обратно в главный зал. План начал осуществляться и мог привести как к их освобождению, так и к смерти.

Донован в это время уже освободил руки, однако еще не успел развязать веревки, которыми был привязан к стулу; между тем вот-вот должны были появиться Дуглас и Флеминг. В глубине души он рассчитывал на помощь Крейтона, а кроме того, он должен был узнать имена других заговорщиков; разыграв из себя беспомощного пленника, он надеялся узнать как можно больше о заговоре.

Мысль об Эндрю не давала покоя Мак-Адаму. Они враги, Эндрю — шпион, и тем не менее ему помогает. Зачем? Донован чувствовал, что за всеми его действиями стоит какая-то основательная причина, но какая, он понять не мог. Разве не идеальный выход для Эндрю — убить соперника, чтобы никто не стоял между ним и Кэтрин? Его жена совсем рядом, в двух шагах, и, несмотря на это, он, возможно, ее никогда не

увидит. Она рядом... и бесконечно далека. И самая страшная мысль — не Крейтон ли сейчас рядом с ней?

Донован не сомневался, что жизнь его, если он поставит свою подпись, оборвется раньше, чем успеют высохнуть чернила. Даже под пытками он не собирался ничего подписывать, но им владело неудержимое желание взглянуть на документ. Слишком уж много загадок, и Эндрю Крейтон — первая среди них.

Время ползло черепашьям шагом; лишь по перемещению солнечного луча по полу Донован понял, что полдень уже миновал. Оглядев хорошенько нож, он спрятал его за пазуху. Мак-Адам собирался вести свою игру так, чтобы увидеть Кэтрин, и подбирал слова, которые он ей скажет.

Шло время, тени в комнате стали удлиняться; день начинал клониться к вечеру. Нервы у Донована были на пределе, и он уже готов был на решительные действия в одиночку, но дверь распахнулась и в помещение вошли Дуглас, Флеминг и Эндрю...

Иан двигался с предельной осторожностью. Убрать одного стражника для него не представляло проблемы, но сладить с целым караулом, который к тому же успеет поднять тревогу, ему было не по плечу. Однако, успокоенные мыслью, что никто не знает, где спрятаны пленники, а тем более уверенные, что в замке не может быть посторонних, часовые позволили себе расслабиться и подремать на солнышке.

Дойдя до конца длинного коридора, Иан, заглянув за угол, увидел дремлющего на табурете стражника. Проход к башенному помещению не охранялся — никому не приходило в голову, что кто-то из замка

может пройти туда с враждебными намерениями. Завалить дверь изнутри, судя по всему, не представляло труда. Иана мучило, что он не будет рука об руку сражаться с Донованом, но сейчас приходилось верить Эндрю и думать о беспомощных женщинах.

Он бесшумно прокрался к стражнику; на лбу у Иана выступил пот, он затаил дыхание... В последний момент воин почувствовал что-то неладное, встрепенулся, повернул голову... но опоздал. Меч со свистом опустился на искаженное лицо, и секундой позже Иан уже вытирал лезвие о жилет несостоявшегося претендента на тело Энн; затем он вывернул его карманы в поисках ключей.

Первой он выпустил Кэтрин — та мгновенно узнала приятеля мужа.

— Быстрей, леди Кэтрин. Нам нужно торопиться.

— Иан... а сестра?!

— Сейчас и ее выпустим.

— Но куда мы направимся?

— Займем оборону в башне?

— В башне? Мы же здесь будем как в мышеловке. Нет, нужно во что бы то ни стало найти выход.

— Леди Кэтрин, умоляю вас. У нас нет времени на объяснения. Я отвечаю за безопасность вашу и леди Энн.

— Но что с Донованом?! Он здесь, я видела! Они же убьют его!

— Нет, не убьют. Только не спутайте нам карты вашей безрассудной храбростью! Умоляю вас, леди Кэтрин!

Иан осторожно выглянул из камеры и перебежал к двери Энн. Едва он повернул ключ, как Кэтрин вбежала

к сестре. Энн была поражена, но, получив короткие разъяснения и подгоняемая Ианом, побежала с ними по лестнице, ведущей в башенное помещение.

Иан запер изнутри все засовы и забаррикадировал дверь тяжелыми предметами. Теперь оставалось ждать и верить в благополучное осуществление плана.

Донован пристально взглянул на Эндрю: у того на поясе висел меч, еще один он держал в руках.

— У вас было достаточно времени, чтобы все обдумать и принять решение, — сказал Флеминг.

— Я хочу видеть Кэтрин, — ответил Донован. — Или можете убираться ко всем чертям вместе со своими бумагами.

Эндрю всполошился: могло обнаружиться отсутствие пленниц, а если бы за ними отправился сам Флеминг, то он ускользнул бы от готовящейся расправы.

— Ваша жена в безопасности, и нам нужно лишь послать за ней. Но это чуть позже — после того как вы сделаете то, что мы от вас требуем. Кстати, вам будет небезынтересно узнать, что за бумаги мы для вас подготовили. — Эндрю бросил второй меч на стол — в достаточной близости от Донована, чтобы тот мог до него достать. Что это — оружие освобождения или своего рода издевка?

— Откуда мне знать, что с Кэтрин все в порядке! От таких ублюдков, как вы, можно ждать чего угодно.

Эндрю начал злиться на Донована за его упрямство. Быстро подойдя к нему, он ударил его по одной щеке, затем по другой, так что из уголка рта заструилась кровь. Это было, помимо прочего, маленькое сведение

счетов, и Эндрю ощутил некоторое удовлетворение от того, что теперь они квиты.

Наклонившись к Доновану, Эндрю улыбнулся ему:

— Вы очень невнимательны, мой упрямый друг. Я повторяю еще раз: ваша жена в полной безопасности. Прочтите бумаги и... не пытайтесь их порвать или что-то с ними сделать. Хотя есть еще экземпляры, мое терпение начинает таять.

Эндрю сощурил глаза и многозначительно поднял бровь; затем он шагнул к Флемингу, который уже разворачивал свиток. Донован взорвался.

— Рассчитываете, что я подпишу эту бумажонку? Вы полные кретины. Даже если бы я это сделал, король все равно не поверил бы вам.

— Поверит, когда ваше тело будет найдено по другую сторону границы, так что речь идет даже не о вашей жизни, а о судьбе леди Кэтрин.

Голос Флеминга звучал сладко и дружелюбно.

— Это меняет дело, — заявил Донован. — Но мне надо быть уверенным, что вы отпустите ее, если я подпишу бумагу.

— Нет, — засмеялся Эндрю. — Таких идиотских заверений мы не даем. Но у вас есть шанс — крохотный, но шанс.

— Шанс?

— Вызов на поединок, если вам угодно, — тихо сказал Эндрю.

Он выхватил свой меч из ножен и его концом дотронулся до другого меча, лежавшего на столе. Крейтону начинала раздражать неспособность Донована уловить ход его мысли.

— Наш с вами поединок, — улыбнулся в предвкушении Донован.

— Наш с вами, — тихо подтвердил Эндрю.

— Но я никогда не позволю приплести мое имя к числу изменников, — заметил Донован.

— Отчего же нет? Многие уже это сделали. Самые знатные лорды в опорных замках и крепостях Шотландии. Чем вы хуже?

Донована словно молнией ударило. Итак, заговор давно созрел, и Эндрю Крейтон в курсе его деталей. Но кто его участники? Интерес начал брать верх над злобой.

— Пора признать, милорд, что выбора у вас нет, — подключился потерявший терпение и переставший что-либо понимать лорд Дуглас. — Подпишите бумагу, и вам предоставится шанс умереть с оружием в руках вместо того, чтобы быть повешенным или посаженным на кол. А нет, — что ж, ваша жена умрет мучительной смертью. О вас я уже не говорю.

Только тут Донован заметил, что Эндрю незаметно отошел к двери, преграждая лордам выход из комнаты. Донован переместил нож из рукава в ладонь и перерезал остатки веревки.

— Что ж, в чем я с вами согласен, так это в том, что все названные бумаги должны попасть в руки Якову, — задумчиво сказал Донован, давая понять англичанину, что он принимает условия его сделки.

— Раз вы согласны, — сказал Эндрю, выхватывая меч из ножен, — самое время, я думаю, распотрошить этих крыс.

Прошло несколько секунд, прежде чем до Дугласа и Флеминга дошло, что слова эти никак не вписываются в

тему разговора. Они обернулись к Эндрю, недоуменно разинув рты, и в этот момент Донован сбросил с себя путы и схватил меч.

Лицо Флеминга перекошилось от ярости, Дуглас был до смерти перепуган.

— Английский пес! — взревел Флеминг, — Так ты, оказывается, двойной изменник!

— А кого вы хотели бы иметь партнером, если сами предаете уже второго за последний год короля? Не вы ли собирались похитить малолетнего брата Якова и сдать пограничные крепости Англии? Так получайте по заслугам за вашу подлость и ваше корыстолюбие, прежде чем вы успеете отравить короля, как до этого отравили Мэгги и ее сестер, а еще раньше подло убили короля-отца.

Все, что следовало знать Доновану, он теперь знал. На миг шотландец окаменел, а затем глаза его вспыхнули зловещим огнем:

— Так вы были этими подлыми отравителями!

— Вы все равно отсюда не выберетесь, — закричал Флеминг. — Вас двое против пятидесяти.

— Спасибо, а то я не знал, — осклабился Донован, — Но пока вы наши пленники.

— Вы забываете, что женщины в наших руках, — цепляясь за последнюю надежду, заявил Флеминг. — Уберите мечи, или они умрут. Едва вы покинете это помещение, как поднимется тревога, и пленниц, согласно моему приказу, немедленно убьют.

— Милорд, — оборвал его Эндрю, — Яков наверняка повесит вас, но, если мы отсюда выберемся, вас ждет не в пример более мучительная смерть, ибо вы похитили женщину, которую я люблю, и если с ее

головы упадет хотя бы волосок, вы пожалеете о том, что родились на свет!

«Кэтрин! — вспыхнула в голове Донована мысль. — Крейтон готов на все это ради Кэтрин!»

— Мы могли бы заключить сделку, — потя от страха, предложил Флеминг.

— Сделки не будет, — оборвал его Донован. — Вам и вашим сообщникам не место на земле Шотландии. Сделку я заключил с англичанином, но как только с вами будет покончено, мы скрестим мечи и с ним.

Эндрю снова был удивлен непонятной враждебностью шотландца; однако отступить перед Мак-Адамом, а тем более просить прощения невесть за что он не собирался. Вытащив из-за пазухи подлинный документ с подписями всех изменников, Эндрю швырнул его через стол Доновану.

— Держите, здесь все, что вам необходимо знать, — сказал он — А теперь, милорды, пришло время последней исповеди. Вам есть в чем покаяться, не правда ли?

— Вы идиоты, — багровея, заявил лорд. — Вам осталось жить считанные минуты!

— Ошибаетесь, время работает против вас, господа, — с изысканной вежливостью парировал Эндрю. — Женщины уже не ваши пленницы, а потом... Милорд Мак-Адам, вы, кажется, приехали не один? — Донован ошеломленно поглядел на Эндрю. — Вам повезло с друзьями, милорд. Иан Нокс проследовал за вами до замка, а Брайан Арджилл уже ведет подмогу, и она должна вот-вот прибыть. За то время, пока я пил вино с лордами, а затем беседовал с вами, сударь, Иан

выпустил Кэтрин и Энн из их комнат и вместе с ними забаррикадировался в башне. Все, что нам осталось, — подождать считанные минуты, как вы соизволили выразиться, лорд Флеминг.

Тот побледнел, и изменники, осознавшие, что выхода у них не остается, схватились за мечи. Только это и надо было их соперникам, жаждавшим крови и мести. Схватка была короткой и яростной; через несколько минут Дуглас, известный своей трусостью, стоял на коленях и вымаливал пощаду — ненадолго, до приезда Якова, но Флеминг, отличный фехтовальщик, сражался до последнего.

Снаружи слышался шум, крики, топот лошадей, звуки трубы. Прибыли войска, преданные королю. Эндрю и Флеминг замерли на несколько секунд, тяжело дыша и глядя друг другу в глаза. Мгновение спустя изменник лежал на полу, и кровь его стекала в подвал через щели между каменными плитами.

Для Иана ожидание становилось нестерпимым; не меньше его нервничали Кэтрин и Энн. Но рыцарю поручено было охранять женщин, и он готов был стоять до конца. Энн сохраняла внешнее спокойствие, но Кэтрин металась по комнате, ловя каждый звук и поглядывая в окно.

Через какое-то время до них долетел неясный шум в замке, но что он означает, оставалось только гадать. Может быть, это прибыла помощь, а может быть, сейчас во дворе убивали Донована и Эндрю. Прошло еще несколько томительных минут, и оглушительный стук в дверь заставил всех вздрогнуть.

— Иан! Открывай, дружище. Это я, Брайан.

Иан начал разбирать завалы, и наконец сестры выскользнули на волю. Оказавшись на крыльце, они замерли на высоких ступеньках: в центре двора стояли друг напротив друга Эндрю и Донован.

— Мы еще не рассчитались по одному счету, — зловеще сказал Донован.

— Вы изволите выражаться загадками, милорд. Что мы не поделили между собой? Я выдал вам всех изменников, вы обещали ходатайствовать за меня перед королем. Что же еще мы не уладили?

— Есть еще один вопрос...

— Эндрю! — закричала Энн и, забыв обо всем на свете, бросилась к любимому и упала в его объятия; Донован ошарашенно глядел на них, абсолютно не понимая, что происходит.

Эндрю, повернув голову, взглянул на Мак-Адама, затем на Кэтрин и сказал с усмешкой:

— Милорд, вы абсолютный кретин. Неужели вы не понимаете, что владеете сокровищем, которое можете навсегда потерять. А вы стоите и смотрите на нас с Энн!

Он охватил рукой Энн за талию и повел за собой, а Донован растерянно взирал на женщину, которую он так любил...

Эпилог

Когда Кэтрин еле слышным голосом попросила Якова выделить ей лошадь и сопровождающих, король, прибывший во главе отряда, поначалу ничего не понял. Он взглянул на растерянного Донована, затем снова на Кэтрин.

— Миледи, ваш муж здесь, и он наверняка жаждет отвезти вас домой, — сказал король озадаченно.

— Милорд, — настойчиво сказала Кэтрин, — я еще раз прошу вашу милость выделить мне сопровождающих... А также умоляю вас о разрешении последовать за своим братом в ссылку.

— Миледи, я не ослышался?

— Нет, сир. Я не в силах более переносить ни позор своего замужества без любви и тепла, ни любовниц, с которыми вынуждена делить своего мужа.

— Вам следует сперва поговорить с ним, леди Кэтрин. Вернемся в Эдинбург, там все обсудим, если вы не передумаете. А вот, кстати, и ваш муж.

Кэтрин обернулась и увидела Донована, решительно направившегося к ней. Она не могла, не хотела возвращаться к своему прежнему положению. Со слабым криком Кэтрин метнулась к свободной лошади, стоявшей неподалеку, вскочила в седло и через несколько минут уже скакала через ворота замка. Донован, отшвырнув меч, подбежал к одному из всадников и, стащив с седла, мгновенно занял его место. Через несколько секунд и он пропал из виду.

Эндрю, стоявший рядом в обнимку с Энн, улыбнулся недоумевавшему королю.

— Держу пари, милорд, — сказал Эндрю весело, — что главное событие дня свершится уже без нашего участия...

Кэтрин, пришпорив коня, мчалась сама не зная куда; по лицу ее текли слезы. Неподалеку от дороги располагался женский монастырь. Можно было попросить на время убежища, чтобы побыть одной и

хорошенько все еще раз обдумать, но Донован, только что с ужасом осознавший всю абсурдность своих подозрений и ревности, скакал за ней с не меньшим отчаянием.

Едва ли бы ему повезло догнать жену, не попадись Кэтрин плохая лошадь. При спуске с холма Мак-Адам поравнялся с ней, ухватил за талию и перебросил на своего коня. Остановившись, он помог ей спешиться, ожидая ожесточенного сопротивления, но не встретил его. Кэтрин, молча, стояла перед ним, тихая и безвольная, и Донован ощутил, как стена отчуждения между ними становится все более непроницаемой.

— Кэтрин... мне тебе многое нужно сказать. Мне давно это надо было сказать. Я знаю, что не достоин того, чтобы ты меня выслушала, но все же...

— Охотно предоставляю вам свободу, милорд. Я не буду жить бок о бок с вашей любовницей. Дайте же и мне свободу, чтобы я могла последовать за своим братом.

— Не могу, не могу, Кэтрин. И если уж речь зашла о любовнице, то я тут совершенно чист перед тобой. Просто, — он помялся, — просто мне хотелось подразнить тебя в отместку...

— ...За то, что я не хотела брака без любви?

— Нет, за Эндрю Крейтона, — признался Донован, опустив глаза.

На лице Кэтрин отразилась крайняя степень недоумения.

— Ты думал, что я... что Эндрю — мой любовник? Ты ничего не знал про него и Энн? Ты ревновал, так, милорд?

Она отвернулась, чтобы муж не заметил ее радостной и восторженной улыбки.

— Да, ревновал. Ревновал, черт возьми! Любил тебя, и ни за что не хотел этого признавать. Я когда-то обжегся на молоке и с тех пор только и делал, что дул на воду. Но больше не могу этого скрывать: я тебя люблю. Я наделал кучу глупостей, я чуть не потерял тебя. Но сейчас я хочу, чтобы ты вернулась со мной домой, потому что я без тебя не могу... Давай начнем все сначала. Я больше всего на свете боюсь тебя потерять и буду воевать за тебя, покуда жив.

Кэтрин повернулась к нему лицом: ему никогда не доводилось видеть в ее лучистых глазах столько тепла и любви...

— Бьюсь об заклад, у тебя голова забита глупостями и оскорблениями, которые я успела наговорить. Сможешь ли ты их забыть?..

— Да, я уже забыл их, — сказал Донован, судорожно вздохнув. — За те часы, пока тебя искали, я осознал, что жить без тебя не смогу. Это были бесконечно длинные и ужасные часы, Кэтрин, и я проклял свое упрямство и гордыню, из-за которых ты могла погибнуть. Я готовил слова, которые хотел сказать тебе при встрече, но все они вылетели у меня из головы; однако знай: я люблю тебя, Кэтрин, и хочу, чтобы ты вернулась домой!

Доновану показалось, что сердце его готово выскочить из груди. Что, если она откажется и покинет его навсегда? Конечно, вернуть ее силой не составило бы труда... но каков был бы результат? Любовь, превратившаяся в прах? Нет, Кэтрин должна полюбить его, она должна сама, по своей воле, в результате своего

выбора остаться с ним. Он не может больше принуждать ее к чему бы то ни было.

— Кэтрин?.. — все что он смог выговорить сейчас.

— До чего же бестолковое признание, негодяй ты этакий.

Кэтрин улыбнулась, хотя на глазах ее еще сверкали слезы. Со стоном блаженства Донован стиснул ее в объятиях и поцеловал, страстно и жадно, впервые за все время чувствуя, как ему отвечают тем же.

Не дождавшись Кэтрин и Донована, Эндрю и Энн присоединились к трапезе короля.

Яков с живым интересом выслушал рассказ о похождениях сэра Эндрю Крейтона. Любовь, существовавшая между Энн и Эндрю, была настолько очевидна, что тут же, не сходя с места, он даровал прощение английскому агенту и благословил его на брак с леди Мак-Леод.

— Только не приписывайте эту милость своим достоинствам, — погрозил он пальцем Эндрю. — Я мог бы, не раздумывая, повесить вас как шпиона, но питаю слишком глубокое уважение к вашей избраннице, чтобы отказать ей в ее единственной просьбе.

— Благодарю вас, ваша милость.

Энн и король на мгновение обменялись взглядами. Оба они вспомнили про Мэгги.

— Мне сообщили, — внезапно сказал король, — что к вам пришла весточка от брата.

— Да, милорд, — радостно улыбнулась Энн. — Я узнала, что, пока мы находились здесь, пришло письмо от Эрика.

— С ним все в порядке?

— Да, милорд. Он удачно устроился на чужбине. Конечно, нет ничего на свете прекраснее холмов Шотландии, но Эрик утешает себя мыслью, что настанет день, когда он увидит их вновь.

Яков спрятал улыбку, и в глазах у него засверкало веселье.

— Вас заинтересовали наши предложения, милорд? — спросил Эндрю. — Англия стремится к прочному миру!

— Да, — после короткой паузы ответил Яков. — Да, это очень важно. После того, как мне стали известны имена изменников и врагов — моих и Шотландии, я очень заинтересовался вашими предложениями. Как только изменники будут повешены, мы с вами вернемся к этому вопросу.

Эндрю с уважением почувствовал, что расположение Якова — не мимолетная любезность, и он будет надежным и могучим союзником Англии.

Гул пронесся по залу: в дверях появились Кэтрин и Донован: смущенные, покрасневшие, счастливые. Ужин перешел в празднество, вино лилось рекой, и только Кэтрин и Донован сидели в сторонке: у них был свой праздник.

Проснувшаяся любовь казалась Доновану чудом. Он понял вдруг, что никогда по-настоящему не владел Кэтрин... Но теперь все будет иначе. Выскользнув с пира, они пробрались в свою комнату и забрались в кровать. Так они лежали, прижавшись друг к другу; первой заговорила Кэтрин:

— Хочу выразить свое сожаление, милорд...

Донован повернулся к ней, еще крепче прижимая к себе.

— О чем же ты сожалеешь?

— О своих словах насчет наших... вернее, твоих детей.

— Неужели ты думаешь, что я хоть на минуту мог воспринять их всерьез? Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы поверить, что ты можешь изменить супружескому долгу!

— И ты не верил, даже подозревая, что я и Эндрю...

— В самые черные минуты я не переставал любить тебя, хотя и не признавался в этом даже себе!

— А ты знаешь, я в тебя влюбилась с первой же встречи!..

— Боже, какими самоупоенными и слепыми гордцами мы были! Какое счастье, Кэтрин, что я вовремя прозрел, — до того, как произошло непоправимое и ты не бросила меня. Кстати, — Донован улыбнулся жене лукавой улыбкой, — может быть, еще не поздно поправить дело насчет моих... пардон, наших детей.

— Вы глядите в самую точку, милорд!

Кэтрин повернула к мужу голову, так что их губы слились.

— Я люблю тебя, — прошептал он, отрываясь на мгновение, и снова их губы встретились, скрепляя их обоюдную и полную капитуляцию друг перед другом.

КОНЕЦ